

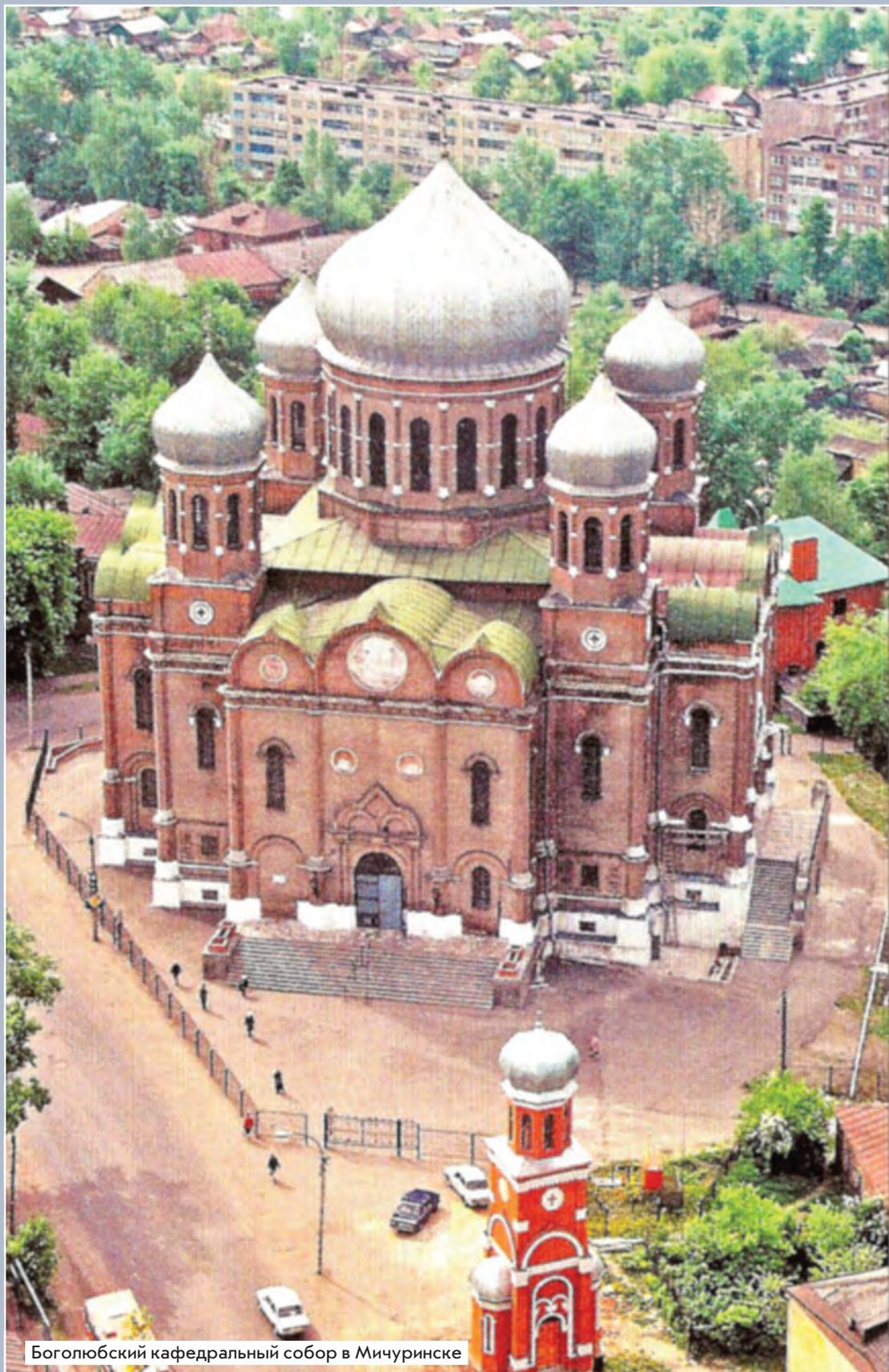
8 ■ 2025

ПОДЪЁМ

**«БЕЗ ТАКИХ ГОРОДОВ НЕ ПРЕДСТАВИТЬ РОССИЮ» –
специальный проект журнала «Подъём»:
ГОРОД МИЧУРИНСК ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

- Проза и стихотворения мичуринских авторов
- Культура, искусство, краеведение
- «Этот город родной и любимый» – фотоочерк о Мичуринске

Боголюбский кафедральный собор в Мичуринске

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

8. 2025

*Посвящается 390-летию основания города Мичуринска (Козлова),
170-летию со дня рождения И.В. Мичурина*

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Максим ХАРНИКОВ, глава города Мичуринска. Мичуринск — навсегда на карте генеральной 4
СЛОВО	Евгений ЕВТУШЕНКО. В Мичуринске 10
ОТЧИЙ КРАЙ	Константин ГОРЛОВ, председатель Мичуринского городского Совета депутатов. Того тепла хватает до сих пор. Слово о городе детства 13
ПРОЗА	Борис ПАНОВ. Солдат и девочка. Рассказы. (Послесловие Валерия АРШАНСКОГО)..... 22 Валерий АРШАНСКИЙ. Мой брат — конференсе. Рассказы 37 Василий КРАВЧЕНКО. Обычный день профессора Бурдаева. Рассказ 79 Анатолий СМАГИН. Рассказы-крохи из нашей эпохи 92
ПОЭЗИЯ	Виктор КОСТРИКИН. Пятое время года. Стихи 16 Татьяна БЕРДИЧЕВСКАЯ. «Я ношу в себе солнце...» Стихи 34 Петр ГЕРАСИМОВ. Удивительная Русь. Стихи 74 Валентина ДОРОЖКИНА. Горький июнь. Стихи 87 Так бывало не раз на земле. Общая тетрадь. Стихи мичуринских поэтов 98 Что же здесь нашу душу согрело! Общая тетрадь. Стихи мичуринских поэтов 111 Старые корабли. Общая тетрадь. Стихи участников литературно-музыкального клуба «Островок» 161
НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ	Константин ФЕДИН. Набег. Отрывок из романа «Необыкновенное лето» 101
К 170-ЛЕТИЮ И.В. МИЧУРИНА	Людмила ВОЛОКИТИНА, заведующая Домом-музеем И.В. Мичурина. Подвижник исключительных достоинств. (Город хранит память о великом садоводе) 114 Встреча гениев в «зеленой лаборатории». (Как Николай Вавилов приезжал в Козлов к Ивану Мичурину) 118 Владимир ШМЕРЛИНГ. Творец в растительном царстве. <i>Незабытые страницы:</i> отрывок из книги очерков об И.В. Мичурине «Югосевер» 122

ПАМЯТЬ	Надежда РАЛДУГИНА. Герои священной войны. (За Великую Победу они отдали свои жизни, и люди помнят об этом) 166
СВО	Галина СВИРИДОВА. «Научиться жить ради других...» (Отец Дмитрий (Быков) служит в зоне специальной военной операции) 174 Елена ПОТАПОВА. Там, на «ленточке», и здесь. (Этот подвиг творится всем миром) 181
ИСТОКИ	Владимир ГУНДАРОВ. Мой первый курс. Из дневника студента. (Необычный путь из Мичуринского пединститута в высшее военное училище) 185
СУДЬБЫ	Марина ШЕРЕМЕТА. Дорогие мои, хорошие... Очерки о красоте человеческой 196
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Наталья ШАШКОВА, директор музея-усадьбы А.М. Герасимова. Жизнь как ряд прекрасных мгновений. (Первый президент Академии художеств СССР в своем родном доме) 215 Екатерина КУЛИКОВА, научный сотрудник Литературно-музыкального музея. Уникальное пространство провинциальной культуры. (Музей как хранилище духовно-нравственных ценностей) 219
ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ	Денис ЕРЕМИН. Читая строки дней минувших. (Мичуринск — литературный город России) 224
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ	Михаил БЕЛЫХ. Бананы для Черноземья . Мичуринские яблони будут цвести в Казахстане (Научный прорыв ученых-аграриев) 231 Валерий СЕМЕНОВ. Национальная премия учебникам года. (Академик, главный научный сотрудник Мичуринского государственного аграрного университета Анатолий Завражнов создал уникальные учебные пособия) 235
ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН	Валерий АРШАНСКИЙ. Дорога к «Дому у дороги». (А.Т. Твардовский на сцене Мичуринского драматического театра) 237

На 1 странице обложки:

Ильинская церковь — в самом сердце Мичуринска

Выпуск подготовлен при содействии администрации г. Мичуринска с целью поддержки творчества местных авторов

Подписной индекс: Каталог Почта России: П3239.

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

Максим Харников,
глава города Мичуринска

МИЧУРИНСК — НАВСЕГДА НА КАРТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ

Датой основания сторожевого пункта Козлов, стоявшего на высоком холме близ реки Лесной Воронеж, считается 11 (24 по новому стилю) октября 1635 года. Заложенный на Белгородской укрепленной черте по указу первого царя из рода Романовых — Михаила, — он служил крепостью «Для береженья от татарских войн меж Воронежских и Цнинских верхов». Почти три века, прошедших с тех пор, имя, которым был наречен город, — Козлов, — отраженное картинкой в гербе, не менялось. По поводу названия местные историки, музейщики, экскурсоводы строят догадки и поныне: то ли в прежнем названии местности отражено обилие рогатых животных, щедро водившихся тогда в здешних урочищах, то ли так город был назван в честь некоего аборигена Семена Козлова — рыбака, земледельца, охотника, труженика на заметных земельных наделах. Но вот что совершенно точно и подтверждено историческими хрониками: основателями крепости Козлов на Урляповом городище были царские посланники — воеводы Иван Васильевич Биркин и Михайло Иванович Спешнев. Установленный уже в наши дни — в 2024 году — в парке-набережной «Мичуринское подгорье» величественный монумент памяти первопроходцев и первооткрывателей — убедительное доказательство вечной благодарности потомков своим славным пращурам. С признательностью и памятью о них и тех, кто, вместе со всеми, внес значительный вклад в жизнь и становление нынешней столицы научно-садоводства, мы встречаем теперь 390-летие нашего любимого города!

Каким он был на заре своего существования? В первой половине XVIII века Козлов, утратив черты военного поселения, превращается в мирный торговый городок с перевалочными базами, базарами, складскими постройками для доставки грузов на Азов, а затем — в еще более далекие ростовские, приволжские степи и крупные города Царицын, Саратов, Астрахань. Одновременно богобоязненный Козлов (звонили 15 церквей) становится широко известным хлебным рынком, центром торговли крупным рогатым скотом — кстати, отец нашего знаменитого земляка, первого Президента академии художеств СССР Александра Михайловича Гераси-

мова, был как раз прасол (торговец скотом). Рождаются множество мелких, но очень нужных людям, бойко развивающихся предприятий: кирпичные заводы, поскольку есть местное сырье — отличная глина; мукомольные мельницы — добротного зерна поступает из окрестных и дальних сел на переработку в избытке; салотопни. Проводятся многолюдные базары с приглашением гостей из разных городов, ярмарки, церковные и бытовые праздники.

Давайте перелистаем теперь давние странички увлекательного прошлого, предоставив возможность всем, кто интересуется глубокой стариной, обратиться к трудам наших авторитетных краеведов и исследователей — Ивана Никулина, Андрея Бахарева, Василия Попкова, Виктора Кострикина, Михаила Белых, Олега Сазонова и их коллег, — и приблизимся к XX веку. Откроется уникальный факт: впервые в России при жизни человека, в данном случае — основоположника научного садоводства Ивана Владимировича Мичурина, произошло переименование города. Указом ЦИК СССР в мае 1932 года (за три года до кончины великого садовода-естествоиспытателя) Козлов был переименован в город Мичуринск.

Благодаря Мичурину, памятник которому украшает центральную площадь, наш город имеет и российскую, и мировую известность. И мы в текущем октябре достойно отметим 170-летний юбилей И.В. Мичурина! К слову, меня гости города часто спрашивают, а как сам Мичурин воспринял тогда государственное постановление в его честь? Человек исключительно скромный, избегавший лести и похвал, Иван Владимирович, по свидетельствам современников, искренне сокрушался: «Мне от этой суеты не по себе делается». И убегал «от суеты» в прилегающий к его скромному дому (ныне Дому-музею И.В. Мичурина) Питомник, где он был «своим» в царстве растений, многие из которых прекрасно сохранились до наших дней.

Мирно и спокойно продолжал бы жить и трудиться наш город, но грянула Великая Отечественная война. За период 1941–1945 годов на фронтах сражалась почти 41 тысяча жителей Мичуринска. Были среди них защитники Брестской крепости, летчики, моряки, партизаны... 36 Героев Советского Союза и четыре полных кавалера ордена Славы дала мичуринская земля. В городе было развернуто 12 госпиталей и медсанбатов, где, пройдя лечение, многие солдаты и офицеры возвращались в строй. И поныне на некоторых зданиях Мичуринска прикреплены мемориальные таблички, извещающие о размещении здесь в суровую военную пору прифронтовых госпиталей. Подробно о наших славных воинах-земляках рассказывает книга Алексея Ивановича Кобзева «Великая Отечественная война в воспоминаниях мичуринцев». Она есть во всех библиотеках нашего города, ее знают школьные учителя и черпают из ее страниц нужные сведения для уроков.

Немного перефразируя слова известного тамбовского поэта Ивана Кучина, скажу так: «Цветущий, строящийся, гостеприимный, распахнутый в грядущие года, Мичуринск на карте генеральной кружком означен навсегда!» Наш город, награжденный в 1985 году орденом «Знак Почета», является вторым в Тамбовской области по величине, экономическому и культурному развитию. Успешно действует крупный железнодорожный узел — ворота на Москву. Численность населения — почти 90 тысяч

человек. Мичуринск — единственный в России наукоград аграрного направления. Такой высокий статус он получил в 2003 году — в первую очередь, благодаря почетным гражданам Мичуринска академиком РАСХН Владимиру Александровичу Гудковскому, Анатолию Ивановичу Завражнову и Николаю Ивановичу Савельеву, создателям и разработчикам концепции здорового питания нации. Эту работу успешно продолжают Федеральный научный центр, возглавляемый доктором сельскохозяйственных наук Михаилом Юрьевичем Акимовым, и дирекция по реализации развития города Мичуринска как наукограда Российской Федерации (директор — Егор Валентинович Самусенко). Крепкий, надежный фундамент подготовки научных кадров заложен созданным 90 лет назад еще И.В. Мичуриным и выросшим от техникума до вуза Мичуринским государственным аграрным университетом — настоящей жемчужиной Мичуринска с богатейшей биографией, в котором трудятся и обучают студентов выдающиеся ученые различного профиля.

На территории нашего города осуществляют свою деятельность 815 предприятий и организаций, в числе которых особо выделяются АО завод «Прогресс» и АО локомотиворемонтный завод «Милорем», насчитывается в Мичуринске свыше 1840 индивидуальных предпринимателей. Мы занимаем второе место в регионе по таким ключевым показателям, как объем отгруженных товаров собственного производства, оборот розничной торговли, среднемесячной заработной платы. Широкий размах получила розничная торговля, объединяющая 855 предприятий, рынки, в городе функционируют 132 предприятия общественного питания, 13 крупных торговых центра и супермаркеты. К услугам гостей Мичуринска — восемь постоянных туристических маршрутов различной тематики, часть из которых — федеральные.

И еще немного статистики. В Мичуринске открыто шесть государственных и одно частное учреждение здравоохранения. Приезду новых врачей мы всегда рады, создаем им все удобства для нормальной жизни и работы. У нас 11 общеобразовательных организаций, 20 дошкольных учреждений, еще 10 — в системе дополнительного образования, четыре детские школы искусств различной направленности, есть свой оздоровительный лагерь «Круглинские рассветы». Взрослых и детей в Мичуринске очаровывает старейший в области парк культуры и отдыха. Не пустуют читальные залы 12 библиотек, создана модельная муниципальная библиотека, реализована концепция библиотеки «ПРО-творчество», наполнены интересными мероприятиями, выставками, экспозициями помещения музеев, Дома молодежи «Космос», Дома культуры «Авангард», кинотеатра «Октябрь». Мы приобрели музыкальные инструменты, оборудование и учебные материалы для трех детских школ искусств, модернизировано музейное пространство Литературно-музыкального музея, а на базе краеведческого музея создан информационно-телекоммуникационный сервис — мультимедиа-гид по постоянной экспозиции музея на платформе «Артефакт».

Отдельных слов благодарности заслуживает построенный еще купцом Козлова прекрасно сохранившийся и умножающий лучшие культурные традиции Мичуринский драматический театр, вступающий в свой 129-й театральный сезон. Этот главный очаг культуры города. Продолжая дело выдающегося актера Академического театра Российской армии, нашего земляка, народного артиста СССР Владимира Михайловича Зельдина, вот уже четверть века театр успешно возглавляет заслуженный работ-

ник культуры РФ Галина Николаевна Попова. На сцене с блеском выступают в спектаклях заслуженные артисты РФ Татьяна Николаева, Виктория Дзидзан, Ирина Дубровская, талантливые актеры труппы.

У нас есть и давние литературные традиции, недаром пять лет назад Мичуринску постановлением Союза писателей РФ было присуждено почетное звание литературного города России! В селе Старая Казинка Мичуринского округа ежегодно проводится праздник памяти одного из первых основателей сельской типографии в России, журналиста, издателя, переводчика Ивана Герасимовича Рахманинова, присуждается премия его имени. В юношеские годы в Козлове жил и учился в Коммерческом училище будущий классик советской русской литературы Константин Федин. Мемориальная доска, установленная на доме № 32 по улице Гагарина, рассказывает об этом. В Мичуринск в августе 1955 года по случаю широко отмечавшегося 100-летнего юбилея И.В. Мичурина приехал в качестве корреспондента журнала «Огонек» молодой тогда поэт Евгений Евтушенко, написавший в поэтическом отчете о командировке прекрасное стихотворение «Я у памятника Мичурину в городке среднерусском стою...» Памяти прозаика, редактора, очеркиста Бориса Константиновича Панова решением Мичуринского городского Совета депутатов учреждена ежегодная литературная премия имени создателя романа-трилогии «Посреди степей», целиком построенного на тамбовском материале. На территории прекрасной новой школы № 5 с участием тогдашнего председателя Союза писателей России Николая Иванова заложена именная писательская аллея. Неустанно работают с молодежью, прививая им все лучшие человеческие навыки, Почетные граждане Тамбовской области, наши уважаемые земляки — генерал армии, бывший заместитель министра обороны РФ, командующий внутренними войсками страны Николай Евгеньевич Рогожкин и известный писатель, заслуженный работник культуры РФ Валерий Семенович Аршанский. С годами не тускнеют имена замечательных художников — Александра Герасимова, Сергея Архипова, Аркадия Платицина, Станислава Никирева, Валерия Хабарова, Виталия Попова, подрастает целая плеяда молодых художников в детской школе, созданной Аркадием Васильевичем Платициным. Далеко за пределами Тамбовского края широко известны по ярким выступлениям детские танцевальные коллективы «Росинка», «Юность», «Орион» и другие, недавно рожденные... Пожелаем всем творческим людям больших успехов!

Если говорить об инвестиционном потенциале Мичуринска-наукограда, то главными преимуществами города являются развитый сектор обрабатывающей промышленности, железнодорожная и автомобильная доступность со стороны столицы и прилегающих областей, развитая социальная инфраструктура. В Мичуринске сформировано 13 инвестиционных площадок разной направленности: под строительство производственных предприятий, социальной инфраструктуры, газозаправочных станций, под широкую жилую застройку. Общая площадь предназначенных для этой цели земель составляет более ста гектаров. За последние два года в рамках реализации национальных проектов выполнена реконструкция исторической части города, его главной магистрали, — улицы Советской и прилегающих улиц Карла Маркса и Революционной — с полным благоустройством территорий. Новую жизнь получил обновленный мемориал памяти героев Гражданской и Великой Отечественной войн, ставший местом и отдыха, и патриотического воспитания юного поколения.

В рамках федеральных проектов «Формирование комфортной городской среды» и «Инфраструктура для жизни» ведется ремонт, озеленение, благоустройство, украшение цветами, палисадниками, клумбами, рабатками порядка 20 дворовых территорий. Это коснулось различных уголков города, и во многих добрых, нужных, полезных делах активно участвует население — школьники, студенты, волонтеры, люди, неравнодушные к местам своего проживания. Таким образом, мы за предыдущие три года благоустроили более 50 дворовых, три общественных территории, семь общественных пространств — зон и уголков отдыха, скверов, аллей.

Да, Мичуринск — старинный город. Тем большего внимания и уважительного отношения — это постоянно подчеркивают глава Тамбовской области Евгений Алексеевич Первышов и наш земляк, председатель Тамбовской областной Думы Евгений Алексеевич Матушкин — требует сохранения раритетов исторического, культурного наследия. Таких официально зарегистрированных объектов у нас сохранилось более 110 — даже целые комплексы улиц уездного города. Мы приняли на государственную охрану 33 объекта культурного наследия муниципальной собственности, 15 из них — жилые дома, а 18 — общественные здания. В рамках программы «Наследие Тамбовщины» аккуратно и бережно произвели ремонт и частичную реконструкцию двух особо нуждающихся в уходе зданий, украшающих центральную часть города. Восстановление былых значимых сооружений — дело очень затратное, но мы будем его продолжать, помня и не забывая наказы потомкам классиков отечественной литературы от Пушкина, Толстого, Достоевского до наших дней. Литературная аллея с бюстами и памятниками великим писателям, заложённая в центре парка-набережной, — наша дань гениям русской культуры!

Конечно, постоянной заботой местной власти является расширение и улучшение системы образования. Планово ведется ремонт и реконструкция нескольких школьных зданий, открываются для детей технопарк и кванториумы, классы по изучению беспилотных авиационных систем. В этой сфере действует 37 учреждений, из них — 11 школ, где обучается около девяти тысяч детей, и 20 дошкольных учреждений, в которых подрастают, ощущая заботу персонала, свыше 3130 воспитанников. Охват составляет 98 процентов, то есть все родители, желающие отдать ребенка в ясли, садики, обеспечены местами. В нашем городе трудятся 1129 педагогов, для школьников в учреждениях дополнительного образования действуют секции на любой вкус: спортивные, технические, естественнонаучные, туристические, социально-гуманитарные, художественные. Их посещают более четырех тысяч детей и подростков.

Как человек с детских лет неравнодушный к физической культуре и спорту (бег, бокс, плавание, лыжи) хотел бы сказать, что три последних года подряд Мичуринск признается одним из лучших городов России в сфере физкультуры и спорта (в номинации «Муниципальное образование с населением от 50 до 100 тысяч человек»). Мы всемерно поддерживаем такие практики, как «Активное долголетие», «Зарядка с чемпионом», «Закаленный Мичуринск-наукоград», «Туризм — норма жизни», «Семейный и спортивный Мичуринск». Численность занимающихся физической культурой и спортом в возрасте от трех до 79 лет превышает 50 тысяч человек. Организована в городе работа более 110 секций, где подрастающее поколение тренируют и воспитывают кандидаты и мастера спорта, авторитетные наставники. Постоянно проводятся всевозможные соревнования, турниры, матчи в детско-юношеской спортивной школе, на стадио-

нах «Темп», «Локомотив», в клубе «Олимп», в бассейнах «Дельфин», «Триумф», «На волне». Спортивная выучка и приобретенное мастерство, по отзывам самих ребят, стало им надежным подспорьем во время прохождения службы в армии. Закалка и спортивная выучка были верными спутниками фронтовых будней для мичуринцев-участников специальной военной операции.

Мичуринск — город и спортивный, и молодежный, поскольку юношей и девушек в возрасте от 14 до 35 лет у нас насчитывается свыше 22400 человек. Ежегодно 27 наиболее успевающим студентам — будущим инженерам, агрономам, финансистам, педагогам, представителям иных профессий — присуждаются муниципальные премии по шесть тысяч рублей каждому. За наибольший вклад в развитие волонтерской (добровольческой) деятельности лучшим вручается Почетный знак и денежное вознаграждение в размере семи тысяч рублей. Активистам волонтерского движения предоставляются льготные проездные билеты на общественном транспорте. Ребята нередко сами предлагают интересные, общественно-полезные волонтерские программы и мероприятия.

Еще хотелось бы сказать о том, что ширятся у нас международные контакты и побратимство. Дружим как с администрацией Пронского района и Новомичуринского городского поселения Рязанской области, откуда был родом Иван Владимирович Мичурин, так и с городом Горки Могилевской области Республики Беларусь. Прекрасно прошли встречи на белорусской земле в Горецком районе в дни празднования 80-летия Великой Победы! Конечно, такие контакты взаимно обогащают, расширяют кругозор, подсказывают многие интересные идеи и направления в работе.

Вот так — интенсивно, бодро, насыщенно — живет наш почтенный по возрасту, но остающийся вечно молодым город над рекой Лесной Воронеж, о замечательных людях и делах которого можно рассказывать очень много. А поэтому хочется думать, что эта встреча с читателями на страницах уважаемого журнала «Подъём», где вы можете познакомиться с нашими талантами, будет далеко не последней!

Евгений Евтушенко

В МИЧУРИНСКЕ

Евгений Евтушенко приезжал в Мичуринск однажды — в августе 1955 года. Город тогда готовился отметить 100 лет со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина, выдающегося русского ученого, селекционера, своими трудами и опытами продвинувшего плодовые культуры в прежде недоступные территории. В память о посещении города-сада поэт написал стихотворение «В Мичуринске», которое было опубликовано в десятом номере журнала «Новый мир» за 1955 год.

*К 100-летию
со дня рождения И.В. Мичурина*

Я встревожился,
что не по возрасту
в окружении всяческих дел
разучился
ходить по воздуху —
притяженья
не одолел.
Все, что под ноги лезет,
мешается —
все низводит меня
к мелочам.
Мне не нравится,
не мечтается,
не читается
по ночам.
Но от летнего солнца прищурясь,
наших лет молодой старожил,
мне на плечи
город Мичуринск
ветви добрые
положил.
«Парень вроде ты
уважительный,
ну да я еще погляжу...

Об одном своем памятном жителе,
хочешь,
я тебе расскажу?
Здесь ходил он
тропинкой вьющейся,
улыбаясь плодам налитым,
ни врагам,
ни годам
не сдающийся,
остающийся
молодым.
То под вишнею,
то под черешнею,
в птичьих солнечных голосах,
колдовал
над природой здешнею,
но с нездешенкою
в глазах...»
Я притих от смущения явного —
я не знаю, в каком я году.
По дороге
катится
яблоко,
и за яблоком
я иду.
Где войска,
где столбы пограничные?!
Всюду солнцем сады полны,
и лежат на земле клубничины
сверхарбузной величины.
Под навесами —
персиков насыпи,
ну а в каждом персике —
пуд!
Магаданские ананасы
мексиканским
приветы шлют.
Улыбаются
пальмы пражские.
Волжский говор
в пекинской листве.
Парижанки-березы спрашивают,
как шумится
каштанам в Москве.
Хоть в Сахару пойдя,
загляни-ка —
все невиданным цветом
цветет.
И на Марсе растет земляника,
на Земле
марсяника растет...

Но под звон
задрожавших окон,
по следам дождей грозовых,
пробуждая меня,
прогрохал
горсоветовский
грузовик.
Только память рванулась за мною,
загудела,
запела во мне
устремленностью
быть над землею,
даже будучи
на земле.
Снова замерли тени причудливо,
и деревья застыли в строю...
Я у памятника Мичурину
в городке среднерусском стою.

Мичуринск. Август 1955 года.

Константин Горлов,
*председатель Мичуринского
городского Совета депутатов*

ТОГО ТЕПЛА ХВАТАЕТ ДО СИХ ПОР

Слово о городе детства

Город моего детства — Мичуринск. Обычный провинциальный город, каким он был в 80-е годы: асфальт с выбоинами, облупленные стены подъезда, зеленый, заросший сиренью двор пятиэтажки на улице Лермонтова, высушенная на солнце трава школьного стадиона. Тогда казалось, что все это и есть весь мир.

Когда я думаю о том времени, в памяти всегда всплывает не какая-то одна яркая сцена, а скорее запахи, звуки, образы, лица. Восемидесятые — время моего детства. Это была другая страна, ее не уже давно существует, но в сердце она живет. Все было проще, скромнее, но как-то нравственно чище и теплее.

Мы жили в типичном советском доме с выкрашенными до середины синей краской стенами и вечно скрипучими почтовыми ящиками в подъезде. Тогда соседи все знали друг друга, общались, ходили в гости. И мы, мальчишки, знали людей из каждой квартиры: кто на каком этаже живет, кто с кем дружит, кто с кем не разговаривает. И, конечно, знали наших ветеранов.

На первом этаже жила пожилая пара — я до сих пор помню их лица, хотя тогда мне было лет десять. Он — высокий, чуть сутулый, с пронзительным взглядом черных глаз. Она — вслед за мужем: тихая, строгая, всегда безупречно одетая. У них была маленькая собачка, дворняжка, что-то между таксой и шпицем, вечно пронзительно тявкающая. Каждый вечер без исключения первой из подъезда выбегала эта собачка, приветствуя лаем всех сидящих на лавочках, а следом выходили на прогулку они. Он в пальто, она — в куртке с оторочкой. Шли медленно, рядом, не разговаривая. Просто вместе.

Потом я узнал, что они воевали в артиллерии. Seriously воевали — не просто «служили», как обычно говорили. Однажды в редком разговоре с соседями услышал: «Подносила снаряды, руки тогда не дрожали, а теперь дрожат...» И в этих простых словах чувствовалось все — усталость, на которую не жаловались, гордость, о которой не кричали, и жизнь, которая шла дальше, несмотря ни на что.

В соседнем здании — дом с «Почтой», как мы говорили, — неподалеку от школы жила еще одна удивительная женщина — учительница математики на пенсии. Я ходил к ней на дополнительные занятия — как к репетитору. Я тогда никак не мог научиться решать задачки «с иксом» в школе, а с ней как будто что-то раскрывалось внутри. Она объясняла так, что формулы становились историями. Денег не брала, лишь иногда позволяла себе принять немудреный подарок, который я приносил от родителей: баночку варенья, плитку шоколада или мыло с запахом сирени.

У нее в комнате был аккуратный застекленный сервант, и на верхней полке среди книг и тонких фарфоровых статуэток стояла старая фотография. Черно-белая, чуть выцветшая. Молодая женщина в военной форме, с прямой осанкой и строгим взглядом. Очень похожа на нее. Я каждый раз хотел спросить, она ли это, но почему-то стеснялся. Казалось, что за этим снимком — что-то очень личное, и трогать это словами нескромно.

В доме за детским садом жила еще одна пара — тоже учительница и ее муж. О нем я мало что знал, не представлял даже, кем он работал, но запомнился он мне отчетливо. В этом доме когда-то, еще до моего рождения, жили мои родители — тогда они и подружился с соседями. Потом переехали, но связь не потеряли — на праздники собирались вместе как старые, добрые друзья.

С виду — самая обычная пара, ничем не выделялись, но в них было что-то особенное, неуловимое, но очень настоящее. Мама дружила с коллегой-учительницей, отец всегда относился к ее мужу с глубоким уважением — это чувствовалось даже без слов.

Она была женщиной с удивительно теплым взглядом — те самые глаза, в которых будто всегда горел теплый свет. Всегда приветливая, с искренней улыбкой, которая располагала к ней с первого же мгновения. Он — невысокий, но очень основательный. При этом в нем было что-то удивительно светлое и живое — не смешное, нет, а именно ободряющее, по-хорошему теплое. И каждый раз, когда он появлялся в комнате, казалось, что становится светлее. Не потому, что он что-то говорил или делал. Просто он был рядом. И этого хватало.

Каждого из этих людей я запомнил по-разному. Но одно их объединяло: достоинство, скромность и военное прошлое. Они не рассказывали о войне. Не носили медали в обычные дни. Не жаловались. Не требовали уважения. Но все это было — в походке, во взгляде, в том, как они сидели за столом.

И вот май. Девятое число. Это утро всегда было особенным.

Я выходил во двор и видел, как пожилая пара с собакой шла уже не просто гулять. Он был в кителе. Она — в праздничном костюме. И на груди — ордена. Не пять, не семь — десятки. И я вдруг понимал: это не просто бабушка с собачкой. Это история. С каждым часом на улице становилось все больше людей. Соседи из домов вокруг, хорошо знакомые и нет, пожилые женщины с цветами, седовласые дедушки с орденами. Все они — несли в себе нечто большое. В основном радовались, обнимались при встрече, но кто-то плакал. И мои всегда такие строгие, такие сдержанные соседи смеялись и плакали вместе со всеми. А я смотрел на них, затаив дыхание.

В школе был концерт. Я — один из участников. Мне поручили читать Симонова. Много репетировал дома, в классе, перед зеркалом. Все знал наизусть. И вот — сцена, актовый зал, первый ряд. И я вижу — она там.

Моя математичка. Вся в орденах. Впервые. Я сбился. Просто замер после строки «Жди меня, и я вернусь...», а дальше забыл. И тогда — ее шепот с первого ряда: «...только очень жди». Подсказывает, как на занятиях. И я продолжил, дочитал под овации зала.

А вечером дома — застолье. Все, как всегда на праздник. Селедка под шубой, салат оливье, пирожки с капустой. И гости — бывшие соседи. Он снимает пиджак, вешает на стул. Пиджак тяжелый. От наград. Я, как зачарованный, смотрю: «За освобождение Праги... Будапешта... Берлина...» Для меня — это звучало как названия далеких планет, а он — был там. Я помню, как взрослые уходили на кухню — принести еще хлеба, еще салата, мужчины — покурить. А я — оставался один в комнате с этим пиджаком. И просто смотрел. Не трогал — просто смотрел. Потому что чувствовал: прикосновение — почти как молитва.

Сейчас я понимаю, что эти люди воспитали нас. Не словами. Не нравочениями. А просто своим присутствием. Своей тишиной. Своим достоинством. Своей памятью.

И в этом — великая нравственная суть моего родного Мичуринска. Он воспитывал не лозунгами, а людьми. Не лекциями, а личным примером. И если сегодня мы можем рассуждать о чести, достоинстве, долге, то, наверное, только потому, что в детстве мы смотрели на этих людей. На тех, кто шел утром 9 мая — с орденами, с тихой улыбкой, с собачкой...

Они были рядом. И этого хватает до сих пор.

Виктор Константинович Кострикин (1935–2008). Родился в селе Заворонежское Мичуринского района. Поэт, прозаик, драматург, журналист. Окончил Выборгское военно-морское училище, служил офицером на Балтийском флоте. После окончания Мичуринского педагогического института преподавал в школах, более 30 лет работал в газете «Мичуринская правда», где прошел путь от корреспондента до замредактора. Автор многих книг прозы, поэзии, краеведения.

Виктор Кострикин

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

ПАМЯТИ МУЗЫКАНТА

Дождь прошел, город в каплях горит.
Отразились в них тысячи солнц.
Наиграй песню мне, гитарист,
Ну а я напою с хрипотцой.
Ни о ком, ни о чем, под настрой,
О дожде и о солнечном дне.
И о том, что пылает костром
Осень в царстве своем — тишине.
А когда превратятся дожди
В снегопад и завоет метель —
Это наигрыш твой, это ты,
Это дух твой на город слетел.
Ну а я подпою о зиме,
О морозе, что щиплет до слез.
На гитаре твоей позумент
Из снежинок сверкающих звезд.
Что уж там говорить о весне!
Воды вешние — струн перебор.
Только мир почему-то грустней,
Как лицо твое в луже рябой.
И я песнь подхватить не готов,
И мелодии рвется канва.
Что-то вроде мычанья без слов,
Ну, какие найдешь тут слова!
Вот и лето свой жар повторит.
Жизнь лукошка с клубникой полней.
Говорят, что другой гитарист
Ублажает гитарой людей.

Может быть. Я не спорю. Я рад.
Мне ли песнями струн пренебречь?
Только больше я петь не горазд —
Ну, ни нотки одной не извлечь!
Жизнь идет то в тоске, то в гульбе,
Непотребное в мире плодя.
И грустит город наш о тебе
Под осенние струны дождя.

* * *

Где на картах, как водится,
Степи с лесом союз,
В синих черточках смотрятся
Наши реки, полощется
В них столетьями Русь.

Отдождились порожие
Облака над землей,
Над рекою Воронежем
И над Доном рекой.

Драматично и празднично
Близок мне и далек,
Потом, кровью незряшными
Весь пропитан, не пряничный
На горе городок.

Нас не станет, и что с того?
Погостили сполна.
Не с одними погостами
Ждет потомков страна.

С духом совести Божией
Пусть живут — не за страх —
Над Лесным над Воронежем
И — на всех берегах.

* * *

По свежему снегу, по старой лыжне
Скользит моя память, невластная мне.
То под гору с ветром, то в гору, хрипя,
То браво свистя, то жалея себя.

Какие прекрасные елок седины!..
Крещенские ночи — мои именины.
Серебряный звон, детства запах смолистый.
И... хвоя за гробом, поминок молитвы.

Петляет лыжня, словно ищет защиты
Душа от того, что в пути пережито.
То вся распахнется пред праздничной встречей
С любовью чистой и верностью чести,
То отвернется в стыде и смущенье
И тихо попросит о чем-то прощенья.

Зимы ворожбою из пряжи меж елей
Соткалось лицо на экране метелей —
Смеющийся парень, единственный в свете,
Оставшийся там, где не старятся дети...

За веток сплетеньем, за снежной пылью —
Друзья... Почему им лыжню уступил я?
Не там ли, где кружатся черные вороны,
Задолго до финиша лента оборвана?

На свет появившись в крещенскую стужу,
Зимой беспокойством я мучаю душу...
По свежему снегу, по старой лыжне
Скользит моя память, невластная мне.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Аркадию Платицину

Городские дворики — дворы...
Вот художник жадно лист марает.
Полные причудливой игры
Линии заборов и сараев.
Кто он: реалист иль модернист?
Ах, какая славная фактура!
Фотоотраженье и каприз —
Все снесет покорная натура.
И на славу будет старый дом
Выглядеть потом в богатой раме,
Если выйдет женщина с бельем
И оно заплещет парусами...
Всякому художнику хвала,
Кто однажды зрителям потрафил,
Городского нищету угла
Скрасил поэтичностью метафор.

ЕЩЁ — НЕ ОСЕНЬ

Пройдем по городу, у этих улиц спросим,
У этих лип, где август занемог.
Начало сентября — еще не осень,
Всего лишь лета облегченный вздох.

Вот детвора, цветастых ранцев мода,
Студенчества почти столичный шик...
А наш сентябрь был огненным, голодным,
И мой портфель был из клеенки спит.
Нет, не впадаю в умиление вовсе,
Всегда негоже задним жить умом.
Что в наших душах мы сегодня носим,
Носил в портфеле нищенском я том.
А были в нем с семейной пайкой хлеба —
Мечта о зове будущих дорог.
Предчувствие, что нет души без неба,
Начало отверженья мертвых догм...
Сентябрь звучит, как колокольчик звонкий,
Сентябрь — он храм, где дружный хор капелл.
Я мысленно крещу мальчишек и девчонок,
Что в школьный век свой делать не умел.
Сентябрь — не осень. У него природа
Иная: ни один не потеснив.
Он — пятое, среди прочих, время года.
Умов и душ он пахарь — юных нив...
Пройдем по городу не как туристы — гости
Из века прошлого — творцами новизны.
Сентябрь — мальчишка, и краснеет в горсти
Надежда-яблоко. Он ждал его с весны.

* * *

Когда меня твои касаются ладони
С мозолями, морщинками на них,
То не завидую себе я молодому
И жаль мне почему-то молодых.
Что знать они о настоящей могут,
О женщине из поздней жизни снов?
Я жестом беззащитности растроган,
Твои ладони целовать готов.
Я говорю себе: вот шифр неясных линий,
Ты каждую влюбленным сердцем тронь,
Прочти, пойми — в конце пути недлинном
Дай опереться на твою ладонь.

ВСЁ БЕГУТ ГОДА...

Был когда-то юн —
Стариком ли быть!
На мосту стою,
На краю судьбы.
Надо мной обвал,
Подо мной обрыв.
Рисовал овал,
Вышел угол крив.

И добро бы — сам,
И со мной — никто.
Спохватясь, кусал
Свой же локоток.
И напрасный труд
Суд мне миновать:
Стынут на ветру,
Кто не виноват...

Подо мной — вода.
В острых камнях дно.
Видно, пропадать
Мне судьбой дано.
Надо мной — луны
Тусклый глаз в щели.
Мне моей вины,
Знать, не замолить.

За волной — волна.
Все бегут года.
То во мне — вина,
То в стране — беда.

* * *

Мир безумен и жесток,
А душа хрупка.
Побережь бы от тревог,
Переждать пока.
Я ее за уголок,
За игру теней,
Чтоб не ранил уголек
Подожженных дней.

Перетерпим, переждем
До иных времен —
До того, как за вождем
В благодать войдем...

Время шло. В затишья час
Слышу крик души:
— Как там на земле у нас?
Просвети, скажи...
Хочешь, от себя отринь
Страсти бытия...
Только тесно мне «внутри»
Внутреннего «Я».

— Что ж, — я ей, — тебе видней,
Мы одна судьба.
...Глянул — нет лица на ней...
Да она... слепа!

МОЛИТВА

Воспоминанья первых лет отцовства:
Тот, для мужей запретный, дом, подъезд...
Как быстро это время пронесется!
Какая даль, а явственнее нет.

Как там менялись жен простые лица,
Как чудно облик их преображен!..
Вот к окнам подойдут — иконописец
Устроил будто б выставку икон.

С младенцем на руках то одесную,
То слева — канонический сюжет...
Благословил когда-то ту весну я,
Когда увидел тот двойной портрет
В роддомовской оконной пыльной раме,
Почудившейся дивно-золотой
От чувств избытка, счастья под «парами»
Отца, вознагражденного судьбой.

Мы в мир пришли, за нами дети, внуки,
Так повелось, вся сущность жизни в том,
И потому к нему тянулись руки,
Когда стоял я перед тем окном.

Отцовский нескончаем тайный трепет
Под окнами, а в них — иконостас.
О Боже святой, Бог бессмертный, крепкий,
Спаси детей, рождаемых от нас.

Пошли знаменье им, дай пастухов, волхов ли,
Пусть упредят их от соблазнов лжи!..
Жизнь не Эдем — дорога — на Голгофу.
Там три креста. И три урока жить.

Борис Константинович Панов (1923–2008). Родился в селе Елань-Колено Воронежской губернии. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Многие годы возглавлял Мичуринскую районную газету «Знамя Октября». Первый на Тамбовщине лауреат премии Союза журналистов СССР. Первый в Мичуринске член Союза писателей России. Публиковался в ведущих центральных и региональных литературно-художественных журналах: «Москва», «Октябрь», «Подъём» и др. Автор многих книг прозы и публицистики. Награжден многими государственными и литературными наградами.

Борис Панов

СОЛДАТ И ДЕВОЧКА

Рассказы

В начале августа сорок первого красноармеец Серафим Песков в одной из ночных отчаянных стычек с немцами отбился от небольшой группы окруженцев и затерялся в дубовом леске. В полдень Песков вышел из него на дорогу и вскоре набрел на опрокинутую изуродованную полуторку. Она лежала обочь дороги под раскидистым старым дубом в поваленной, измятой танковыми траками пшенице.

Из кузова полуторки выпал и разбился о землю старый комод. Из комода вывалились старые ящики, а из ящиков рассыпались посуда, книги, одежда, белье. Головой в книгах лежал мертвый пожилой мужчина.

За полуторкой послышалось что-то похожее на тихий стон. Серафим обошел машину и увидел перед собой лежащую навзничь молодую женщину. Из-под страдальчески сведенных бровей смотрели неживые глаза. Под боком у женщины копошился в тряпье крохотный ребенок. Он обессилено старался избавиться от опутавшего его белья, голодно и слепо тыкал себе в рот иззябший до просини кулачок.

После пережитого ночью разгромного боя, казалось, ничто не может потрясти Пескова. Слишком устал. Но тут в груди его плеснулось что-то нестерпимо обжигающее. У него ослабели и задрожали коле-

ни. Он поспешно трясущими руками поднял ребенка, завернул его в подвернувшиеся под руку вязаную кофту и простыню и быстро пошел было прочь.

Серафим свернул в подсолнечник и присел в нем шагах в пятидесяти у дороги. Разжевав сухарь, Песков выложил на палец коричневую кашичу и принялся сосредоточенно заправлять в теплый рот ребенка.

Ребенок оказался девочкой. Минут через пять она уснула. Серафим смотрел на нее и понимал, что ей снится мать. Девочка ритмично напрягала и расслабляла измазанные сухарной жевкой губы.

Пока Песков занимался ребенком, на дорогу выкатились немецкие танки. Они шли с запада. Потом их гул и лязг сменился усердным пофыркиванием тяжелых грузовиков. Затем опять залязгали танки. Дорога замолкла лишь к ночи.

Идти в подсолнечнике было тяжело, и когда сгустились сумерки, Песков выбрался на дорогу. Он пошел, наступая на свою кургузую, четкую тень. Голова девочки сонно лежала на его плече. Она тепло дышала ему в шею. Потом девочка дважды чихнула, протяжно зевнула, и Песков, никогда раньше не приглядывавшийся к малышам, поразился, что такое маленькое существо вполне по-человечески чихает и вздыхает. Он долго шел после этого с умиленной, усталой улыбкой.

За полночь справа от дороги показалось село. В неживом лунном свете оно глубоко спало. Оттуда не доносилось ни единого звука.

И все-таки к крайней избе Песков из-за осторожности стал подходить с огорода. И не зря. Из-за угла избы на выбеленную луной дорогу выдвинулась резкая, черная тень часового. Немец что-то испуганно крикнул Пескову и распорол сонную одурь деревни резкой и короткой автоматной очередью. Серафим круто повернул назад и побежал в поле. Часовой дал еще очередь. Одна пуля тонко цвенькнула над головой Пескова.

Еще одну ночь и один день Песков с девочкой прятался в пшенице.

Днем по дороге опять пылили танки, грузовики.

Песков шелушил в ладонях колосья, медленно жевал пересохшее зерно. Получалась тягучая клейковина. Ею он кормил девочку. От расстроганности перед этим копошащимся существом у Пескова однажды даже сдавило дыханье.

Когда наступила темнота, он опять выбрался на дорогу. И его, и ребенка мучила жажда. Рот у девочки обметало белой шелушащейся сущью.

Серафим ночью подходил к двум деревням. И в той, и в другой на улицах стояли немецкие грузовики. Ему удалось лишь набрести в конце одного огорода на родник. Он был оплетен ивовыми прутьями, и вода в нем пахла глиной. Песков долго пил сам, потом, согревая воду в ладонях, напоил девочку. Напившись, они проспали остаток ночи в сухо шелестящей кукурузе, а утро застало их уже далеко от той деревни.

В то утро от усталости на Пескова навалилась безучастность ко всему на свете. Когда дорога пошла на подъем и за его спиной еще далеко позади натужно заныл тяжелый грузовик, он даже не обернулся, не заспешил в тянущийся справа подсолнечник, лишь до онемения сжал челюсти.

Скоро грузовик поравнялся с ним. В кузове машины было полно немцев — молодых, оживленных, разговорчивых, с расстегнутыми воротами, с засученными рукавами. Песков, глядя прямо перед собой, видел их лишь краем глаза. Они наперебой что-то весело кричали ему, во все горло хохотали. Песков до того так близко немцев не видел.

Когда машина начала обгонять Серафима, один немец — толстый,

румяный — приятельски подморгнул ему и доброжелательно поманил пальцем к себе. На левом запястье немца почему-то было сразу двое часов. В их стеклах ослепительно вспыхивало раннее солнце.

Машина совсем замедлила ход, и немец снова поманил Пескова к себе. Товарищи толстяка перестали хохотать, заинтересованно наблюдали за ним и странным русским солдатом с младенцем на руках.

Песков, однако, тоже пошел медленнее, не приблизился к машине. Он продолжал улыбаться нелепой, насильственной полуулыбкой, и тогда немец медленно поднял автомат и принялся с дурашливым, нарочитым усердием целиться в Серафима. Сначала дуло автомата заколыхалось было на уровне груди Пескова, потом сползло к поясу, потом — к ногам, и вдруг у самых ног Серафима короткая прицельная очередь высекла летучую сухую пыль.

Песков споткнулся, опешенно остановился, словно с хода уперся в незримую стену. Он на первых порах ничего не понял, но когда вторая очередь подняла возле него еще один полукруг пылицы, упрямо угнул голову, переступил выщербленный пулями полукруг и тяжело, самоотреченно зашагал вперед. Теперь он смотрел только прямо перед собой, словно рядом с ним на дороге не было ни грузовика, ни немцев. Под кожей его щек то вспухали, то опадали желваки. По лбу и шее тек пот. Струйка его скатилась за воротник. Сердце Пескова колотилось у самого горла.

Толстый немец, опустив автомат, тыкал в сторону Серафима пальцем и сквозь хохот что-то говорил. Он смеялся до слез. Ему пришлось даже сгибом локтя вытирать глаза. Вместе с ним хохотал весь кузов. Хохотал даже высунувшийся из кабины рыжий шофер. Этот хохот чужих солдат больно колотился в мозг Пескова, будто там, в его голове, перекатывались булыжники.

Грузовик рванул вперед. Когда его заволокло пылью, Песков сошел с дороги, бессильно опустился на траву и только тогда почувствовал, что у него вот-вот могут брызнуть слезы. Его опередила девочка. Когда Серафим уложил ее на колени, она тонко всхлипнула, и, подстегнутый этим всхлипыванием, Песков внезапно неистово затряс кулаками, закричал:

— Звери! Сво-о-лочи! Звери!

У него кривились и дергались губы, дрожал подбородок.

Километра через два он увидел слева от дороги по-над рожью тополь, верхушку соломенной крыши, чуть поодаль ее — обуглившиеся стропила, и направился в тот хутор в хлебах.

Минут через десять Песков был уже во дворе уцелевшей хаты. Здесь, за плетневой оградой, пахло курами, огурцами, укропом — мирной обжитостью. Серафим прошел прохладные сени, переступил порог. В хате стояли уже другие запахи — овчины, парного молока, теплого ржаного хлеба.

Хозяйка хаты встретила его строгим нетерпеливым взглядом. Ей было лет за шестьдесят. Сзади нее на койке лежала молодая женщина.

— Ты куда, родимец, прешься?! А ну, поворачивай назад! А ну!

— Это почему ж так? — обиделся Серафим.

Хозяйка только возмущенно всплеснула руками:

— Он еще спрашивает! Баба вон у меня лежит, рожать собралась, а ты на нее зенки пялишь!

— Погоди, тетка. Я уйду. Уйду я сейчас. Пусть рожает... Ты ребенка у меня возьми. Девочку. Помрет она у меня. Понимаешь? Несподручно мне с ней.

Хозяйка отступила от Пескова:

— Бог с тобой! Ты чего мелешь? Опомятуйся, малый! Куда я ее при-
ткну, когда свой граммофон вот-вот не ко времени появится?

Песков оглядел хозяйку тягостным, осуждающим взглядом и внезап-
но со слезной дрожью крикнул:

— Эх, тетка! Или ты не человек?! Куда ж ты меня гонишь с ребен-
ком? — и неожиданно, с усталой обреченностью, закончил: — Ладно, не
дрожи губами. Пошел я. Живи себе спокойно.

Он, ссутулившись, уперся уже плечом в дверь, когда его остановил
горячий, мятущийся голос роженицы. Она со стоном потянулась на кой-
ке, прерывисто зашептала:

— погоди, солдат... Сто-ой. О-о-о!.. Нельзя так-то, маманя. Возьми
дите. Куда ему с ним? Как тут отказывать?.. Не разрожусь я при зле та-
ком...

Она кинула голову на подушке справа налево, опустошенная очеред-
ной схваткой, расслабленно, почти беззвучно спросила:

— Чья девочка-то будет? Твоя, что ль?

Песков неловко переступил с ноги на ногу:

— Откуда моя! Подобрал на дороге. Да вы чего... Я у других пристрою.
Я ж ведь не без понятия.

Роженица облизала губы, тихо выговорила:

— Оставляй у нас... И иди. Иди скорей, негоже тебе тут быть. Да и
немцы во всем селе.

Хозяйка приняла у него девочку и, легонько, но нетерпеливо подтал-
кивая ладонью в плечо, выпроводила в сени. Песков виновато попросил
ее здесь:

— Ты уж не обижайся, тетка.

Хозяйка покорно вздохнула:

— Ладно. Чего уж там, все мы люди на земле. Куда денешься? Пере-
живем как-нибудь.

— Вы чьи будете-то? — спросил Серафим.

— Гульшиковы мы. Молодую Дарьей зовут. Я — Агриппина.

— А я Серафим. Песков по фамилии. Деревня-то ваша как называ-
ется?

— Липовка наша деревня.

— Жив останусь — ждите меня. Я девочку эту возьму, — растроган-
но и неожиданно для самого себя пообещал Серафим.

Обогнув огородами деревню, Песков вышел на дорогу. В зоревом воз-
духе до него опять донеслось смутное, очень дальнее погромыхивание.
Серафим, затаив дыхание, прислушался к этому звуку и ощутил едва за-
метное подрагивание земли. Где-то там, на востоке, полыхал, рвал пре-
дугреннюю землю артиллерийский бой.

* * *

От тупиковой стенной железнодорожной станции до Липовки ходят
два автобуса.

Но в апреле, в тихое утро, когда солнце нежит тело, когда от яркой
голубизны неба трепетно и беспричинно-счастливо щурятся глаза, пять
километров не ходьба, и человек пятнадцать липовчан отправились до-
мой пешком.

Позади всех неторопливо шли Серафим Федорович Песков и старый

липовский учитель Иван Никитич Гульщикова. Они познакомились и разговорились еще в вагоне.

— У нас пол-Липовки Гульщиковых, — сказал учитель. — Вы, собственно, кого из них знаете?

— Да как вам сказать. Если по-настоящему, то вроде бы никого. От Тихона Гульщикова в сорок пятом письмо получил. Жена у него Даша. Мать Агриппиной звать. Девочка одна у него есть.

— Две, — поправил учитель. — Сестры-близнецы... Отличнейший человек был Тихон Карпович. Добрейшая душа. Умер. Два года назад... Ран нахвтался — на десятерых хватит.

Песков виновато улыбнулся. Про Тихона он не знал ничего, помнил о нем лишь по короткой решительной записке, которую получил от Гульщикова еще в конце сорок пятого. Было в той записке примерно вот что: «Ты, солдат, про Веру забудь. При твоём холостяцком положении она тебе ни к чему. А мои бабы хватили с ней горя, и теперь она для них за родную дочь. Потому тебе и заезжать к нам нечего. Пусть она не знает своего горя, не догадывается о нем и живет с легкой душой». Песков пожалел тогда, что у Даши такой угрюмый муж. Другим Тихон Гульщикова ему не представлялся. Песков недолюбливал таких людей и больше в Липовку не писал.

Песков заинтересованно глянул на учителя:

— И Вера замуж вышла? Есть у них Вера?

— А как же! У нее уже две девочки и мальчик. Бабка Серафимом его назвала. Это я так неуважительно, то есть бабкой, Агриппину Платоновну называю. Не одобряют тут ее. Не обижайтесь, но, по-моему, несвоевременное это имя — Серафим.

Песков охотно согласился:

— Верно. Так себе имя. Если честно говорить — паршивое, — и неожиданно решительно сказал: — Ну, хорошо, Иван Никитич. В общем, пойду-ка я обратно. До свидания.

Учитель поразился:

— Как так обратно? Куда же вы?

— Обознался я, — сказал Песков. — В другую Липовку мне нужно.

— Нет у нас другой Липовки, — забеспокоился учитель. — Это я точно знаю.

Песков не ответил. Он лишь издали прощально помахал учителю ладонью. У него было хорошо на душе.

НА ПЕРЕЕЗДЕ

Вчера с утра крепко подморозило. Сегодня в ночь вновь установилась обычная для ноября слякотная погода. Всю дорогу лил дождь — мелкий, нудный, холодный. Наш «москвичок», забрызганный жидкой грязью, двадцать с лишним километров надрывно подвывал, добросовестно тужился, ерзал из стороны в сторону и, наконец, нехотя, устало всеми четырьмя колесами сполз в мутную рябую лужу.

Мотор обессиленно чихнул и смолк. И тотчас же сделалось оглушительно тихо. Только ровно шуршала разбивающаяся о крышу машины падающая, мелкая премелкая влага. От шуршанья этого потянуло прикорнуть. Но дождь скоро широко и неожиданно шагнул в темь. В приоткрытую дверцу потянуло сырым ветерком, и в машине стало неудобно и как-то пусто. От теплой дремы не осталось и следа.

— Все. Приехали... — вымотано вздохнул Толя, шофер. Он покорно и обреченно опустил ноги в холодную лужу.

Выяснилось, что машина застряла вблизи глухого полевого железнодорожного переезда. Чуть в стороне от него мы вышли на небольшую, окруженную кустарником поляну, наткнулись на весенней рубки хворост и минут пять до боли в затылках раздували следом же опудриваемые пеплом красные угольки.

Наконец чистый язычок пламени проклюнул темный дымный хвост, и за Толиной спиной метнулась, легла на кусты его длинная и зыбкая тень. У костра стало светло, а вокруг, совсем рядом, серенькая тьма сгустилась в упругую дегтярную настороженную черноту.

В черноте временами что-то как бы ворочалось и вздыхало. С ветвей мокрых голых кустов срывалась глухая капель. Небо провисало чуть ли не до самых голов. И от этого у костра было тесно и душновато.

Толя достал новенький охотничий нож, снял ватник, растянул его на коленях и принялся аккуратно снимать лезвием с рукавов тонкие просохшие кружки грязи.

— Пригодился вчера? — кивнул я на нож.

Толя чуть смущенно улыбнулся.

— Какой там! Я же в первый раз живого зайца видел. Разве попадешь? Брат — тот сразу. В зад ему угодил, так он на одних передних лапах метров десять волочился по земле. И уже совсем распластался, а глаза еще живые! Прямо на тебя глядят. Жуть!.. Я к зайчатине той даже не притронулся.

В это время за моей спиной что-то зачмокало, зашуршало и... замолкло. Все как будто бы осталось на своих местах. Но я лопатками ощутил — на поляну кто-то вышел.

Человек этот с нами не поздоровался. Он молчком обошел костер, настороженно подозрительно осмотрел нас и внезапно — в длинной старой шинели, в сбитой на затылок мокрой ушанке — подобрался весь, запрокинув голову к небу. Там высоко-высоко прошел реактивный самолет.

Я еще не видел, чтобы кто-то с таким напряжением вслушивался в далекий гул. Человек приподнялся даже на носки. Его вытянутая в мою сторону рука жестко предостерегала меня от малейших звуков и движений. В розовых — от костра — белках устремленных вверх глаз прищельца стыла иступленность.

Но смолк гул — человек обмяк, надломился в коленях и сел как-то комом на влажную землю. Он вытер рукавом шинели большой лоб и подмигнул неожиданно мне. Неожиданно и доверительно.

— Ну как? То-то. Тут главное — не проспать. На неспящего он не полетит.

Лицо Толи стало чуть испуганным и недоуменным.

— Кто «он»?

Человек ему не ответил. Он по-прежнему глядел только на меня и опять повторил:

— Главное — не спать.

Но почти следом сзади меня снова захлюпала грязь, затрещали кусты, и к нам вышел опять человек. Только не прежний — другой. Этот поздоровался:

— Здорово бывали. «Москвичок» застрявший ваш? Ясно. А я думал, Михеич огоньком тут балуется. Не видали его? В шинели. Лобастый такой... Для сна есть день... Теперь скоро светать станет.

Он был прав. Я взглянул на запад и увидел узкую и белесую кромочку зари.

А когда обернулся к первому пришельцу, тот стоял уже на ногах. Он набрал полную шапку теплого дыма, напялил ее на голову и, устало переставляя ноги, направился в сторону железной дороги. Полы его шинели мокро хлопали по серым голенищам кирзовых сапог. Ветки акации дважды вздрогнули за его спиной и сомкнулись.

Приземистый и широкогрудый, новый пришелец пружинисто присел у огонька и охотно подтвердил догадку мою:

— Да известно, не все дома у него...

И принялся ворошить костер. В посеревшее небо валом хлынули красные искры, а оно — холодное и сырое — тут же и гасило их.

— Как дождь или там другое ненастье, — пожаловался приземистый, — от баб прямо никакого отбою. Жалеют его. Даже очередь завели, когда и кому из нашего брата подменять его. Ну и мы, то есть мужики, тоже понимаем. Надо выручать. Хоть и тронутый, а ведь человек. Попробуй, проторчи вот здесь с зари до зари зимой или хоть и осенью. А он, не смени его, — сроду до виднушки не покинет места этого. Вот мы и ловчим. Придем вроде бы на сменку, отправим его в село — и туда же сами.

— А зачем он ходит сюда? — спросил Толя.

Приземистый прикурил, сплюнул в сторону.

— Это долгий разговор. Судьба, видно, у него такая. С сорок первого начало его крутить. В авиации служил. На границе. В первый день войны ни один из товарищей его и подняться не успел. Он один поднялся. Да и то сразу его сбили, и еще раза три-четыре сбивали. Но не это подкосило его. Ведь он наш, андреевский. Дали человеку через год с небольшим отпуск. Раны чтобы дома залечить. Проводил он утром жену, учительницу, вместе с сыном в школу — сам на речку. Село от фронта черт-те где. Благодать и тишина. А тут на тебе, самолет немецкий в полдень к переезду вырвался. Одну бомбу — гах, еще гах! И в село последнюю кинул.

Сбежался народ... Там, где школа была, — стены одни, и дымок курится. Все там под рухнувшим потолком остались. Начали отрывать, и на первого, на Сережу Михеичева, наткнулись. Лежит в углу на боку. И ладошечка под щекой. Как спит. Только со снесенным теменем. Совсем кости нету. Серое и сукровица...

Схоронил Михеич своих — и, весь черный, на фронт. Воевал, говорят, отчаянно. Одних орденов десяток. Пенсию, конечно, получает сейчас хорошую. А на что она ему? Как подбили его в последний раз, в сорок пятом уже, как проплавал чуть не сутки в холодной воде, так с тех пор и... Разве это жизнь — с зари до зари так и топчется возле переезда.

Рассказчик внезапно смолк, развернулся ухом в ту сторону, где стоял наш «москвичок», и проворно встал на ноги.

— Вы чего? Иль не слышите? — спросил нас. — Это возле вашего «Москвича» шофера сигналят. Там одна всего колея. Не объедешь. Так что обязательно выбратьсь вам помогут.

Скоро мы перебрались через переезд, а еще минут через пять догнали неподалеку от Андреевки пешехода в длинной шинели. То был Михеич.

Он охотно подошел к дверце кабины, но проехать до села отказался.

Михеич заговорщически поманил меня пальцем за кузов и тут, мучительно трудно двигая придавленными большим лбом бровями, кося воспаленными от бессонницы глазами, громким шепотом попросил:

— Заезжайте сегодня опять, а? — И беспомощно повинулся: — Труд-

но мне уже одному. Устаю. И боюсь теперь. А что коль усну? Тогда все. Весь мир кверху дном!.. А у моего сынишки голова болит. Ушиблена очень. Расколота. Ему шина нужна. Он тут, на кладбище. Рядом с Лизой, матерью. Вы поняли меня?

— Да, — ответил я. — Все понял. — И чувствуя, как становится чужим, деревянным голос мой, соврал: — Я приеду.

Он легко и признательно вздохнул.

— Вот и хорошо. Вдвоем понадежней. Вдвоем уже не проспим.

Мы поехали дальше. С заднего сиденья «Москвича» я долго смотрел на высокую фигуру Михеича. Он стоял, как стоят часовые, и глядел назад, на переезд. Над ним в темном небе низко шли три самолета. Потом еще три... Там, неподалеку от здешнего аэродрома, самолеты вообще летают часто.

За селом Толик включил радио и прогнал уловителем по всем волнам. Дикторы перебивали друг друга. Израиль бесчинствовал в Ливане. США засылали своих наймитов в Никарагуа. Но была у Земли и другая жизнь. Милый девичий голос пел о юности и любви.

Толя щелчком выключил радио, прерывисто глубоко вздохнул.

— Что вздыхаешь? — спросил я.

— Так, — ответил он, лишь бы как-то ответить.

Мне тоже не хотелось говорить.

Навстречу нам бежала оранжевая от забивших колею палых листьев дорога. И над теплой туманной землей висело такое дремотное спокойствие, что казалось, в мире никогда не было ни бурь, ни войн.

РЖАНОЕ ПОЛЕ

Эссе

Теперь нашим главным хлебом стала пшеница. Нигде в мире ее не выращивается столько, сколько на российских, украинских и казахстанских полях. В былые времена калач был редкостью для среднерусской деревни. Сейчас не найдешь такого села — да что там села! — ни одного деревенского двора, в котором бы обходились без пшеничного хлеба.

...Пятьдесят лет назад под бывшим Козловом, недалеко от села Панского, возникла первая в нашей округе крестьянская артель. В ту пору о пшенице тут не заводили и речи. Во-первых, негде было взять семян, во-вторых, слишком был велик риск сеять ее: ведь выдайся суровая зима, и артели бы не миновать голода, потому что в такие зимы пшеницы не вымерзают только на редком поле. Сеяли самые надежные, верные хлеба — рожь и овес. В настоящее время на землях той артели, которые стали полями знаменитого на всю область колхоза имени Коминтерна, не увидишь ни единой полоски ржи. Там, где когда-то была она в летнюю пору тугими волнами, ходит под ветром сплошная «Мироновка». До пятидесяти с лишним центнеров с гектара дает она здесь. Нет, не зря коминтерновцы посылали академику Ремесло благодарственное письмо за эту пшеницу. Академик не заставил их долго ждать ответа, в свою очередь поблагодарил коминтерновцев за то, что они поверили в пшеницу, выведенную коллективом руководимого им научно-исследовательского института, грамотно взялись за разведение ее, и порекомендовал попробовать у себя еще Мироновскую юбилейную.

Я не раз видел коминтерновские пшеницы. Особенно хороши они на

вызревании — сплошное текучее золото в обрамлении густой зелени лесополос. И все-таки всякий раз при этом мне вспоминалась рожь. И немного обидно становилось за то, что щедрая пришелица с юга начисто вытеснила с нивы наш природный среднерусский хлеб. Обидно не только потому, что с рожью ушла какая-то особая красота полей. В конце концов, не в красоте дело. Обидно видеть, как в уборку, отвозя на элеватор пшеницу, коминтерновцы возвращаются из города с буханками ржаного хлеба. Как это могло случиться, что исконно русский человек, возделывающий хлеб, остался без своего природного, незаменимого хлеба — без ржи, очутился у кого-то в нахлебниках?!

Однажды поздней осенью мы проезжали по полям с председателем колхоза «Родина» Александром Михайловичем Топильским, и он ответил на этот вопрос, причем ответил с некоторым смущением:

— Нам других судить трудно. Сами помаленьку переводим. Сеем то, что поурожайнее. А за стол, между прочим, тоже без черного хлеба не садимся. Получается, и мы в нахлебники к кому-то определяемся.

Уже которую осень в некоторых хозяйствах наблюдается уменьшение площадей ржаной нивы, и объясняется это тем, что у ржи более низкая, против пшеницы, урожайность.

Однако утверждение это одними явно преувеличено, другими просто принято на веру.

Я разговаривал на этот счет с заслуженным агрономом РСФСР, ныне персональным пенсионером, а в недавнем прошлом директором учхоза имени Калинина А.Н. Кузюриным.

— Это бессовестный поклеп на рожь — что она якобы малоурожайна, — категорически заявил он. — Просто мы ее сеем по худшим землям, по худшим предшественникам, чем пшеницу, беднее удобряем, а потому и получаем меньше зерна.

В самом учхозе имени Калинина так не поступают. Здесь знают толк во ржи, возделывают ее (хотя и на малых площадях) по всем правилам, и ее среднегодовой погектарный сбор за последние пять лет выше урожая озимой пшеницы. Озимая пшеница дала по 22,5 центнера с гектара, рожь — по 23,7.

Другое возражение против ржи — ее меньшая ценность в сравнении с пшеницей. Но ведь это смотря для чего и для кого. Нелепость такого непродуманного утверждения становится сразу очевидной, когда на твоих глазах люди из богатого «пшеничного» села едут в город за ржаным хлебом или мукой. А так уже случается нередко.

Однако дело не только в привычке. Любая привычка чем-то объясняется. В прежние годы привычку ко ржи не умели растолковать. Сейчас ученые доказали, что ржаной хлеб не только хорош на вкус, но к тому же по своим биологическим свойствам превосходит пшеничный, обладает лечебными свойствами.

Ржаной хлеб нужен не только человеку, но и самому полю. Я опять-таки вспоминаю свои встречи с А.Н. Кузюриным. Если заходит речь о ржи, он непременно будет говорить о ее сороочищающих свойствах. Нет, это не то, что добыто только его личными наблюдениями и практикой. О таких свойствах ржи можно прочитать, кажется, в каждом агрономическом учебнике, и тем не менее, у нас почему-то про них забывают, хотя нам делать как раз никак нельзя. Ведь, к сожалению, в наших местах еще встречаются сорные поля. Пропустить их через рожь — первое дело.

Мне давно хотелось сказать свое слово в защиту ржи. И я, должно

быть, давно сказал бы его, если бы был не журналистом, а агрономом. Тут ведь для подкрепления своих позиций важно многое знать, еще лучше — иметь собственный опыт. У меня такого опыта не было и нет, поэтому, когда я недавно оказался на ВДНХ, меня прежде всего потянуло в павильон «Зерно».

Скажу сразу, как это ни огорчительно, — заручиться таким опытом мне не удалось. В павильоне «Зерно», наверно, есть все, что касается зерна, но нет ни одного ржаного снопа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПАНОВСКИЕ САМОЦВЕТЫ

В свое время поэт Андрей Вознесенский с грустью заметил очевидное: «Новое поколение читателей, увы, не знает Юрия Казакова, критика не упоминает о нем. Он незаметно исчез из литературного обихода, как исчезают из нашей флоры лесные ландыши...» До боли душевной горькое признание, но правдивое. И правдивое, к сожалению, относительно многих прекрасных литераторов из старших поколений.

Минуло 17 лет, как нет рядом с нами большого русского советского писателя — замечательного очеркиста, рассказчика, повествователя, романиста и публициста Бориса Константиновича Панова, — и вот уже стали отходить в туманное прошлое его имя, его произведения. И на литературных встречах, где публика — не только молодые люди, а и представители среднего, старшего поколения, многие смущенно переглядываются при упоминании этой некогда знаменитой писательской фамилии: дескать, что-то такое слышали и о нем, и о трилогии «Посреди степей», а вот почитать... Извините!

Борис Панов родился 9 декабря 1923 года в селе с причудливым названием Елань-Колено, что в Воронежской области. С детства довелось ему хлебнуть немало горюшка: оказался сыном неправедно (что выявилось полвека спустя) репрессированного отца — скромного почтового служащего. Это сегодня можно только поражаться: как простой почтальон мог быть «врагом народа», какую он представлял реальную угрозу советской власти? А тогда с ходу загре-

мел под арест, под допросы с пристрастием, издевательства, ссылку. Однако Бориса после семилетки в Бутурлиновский технологический техникум приняли: дескать, сын не отвечает за отца. Но доучиться не пришлось: «В сорок первом, сорок памятно году прокричали репродукторы беду...» И он шагнул с такими же ребятами-добровольцами в самое пекло, в самую пропасть против гитлеровского нашествия, туда, где рвутся мины, брызжут смертельными осколками снаряды и не стихает гул фрицевских самолетов, бомбящих хлипкую переправу, — вызывая вполне понятный страх, ужас, панику даже среди военных, особенно первогодков, но и проверяя людей на стойкость, прочность, мужество. Оттуда, из самой гущи боев, и вырвались как молитва, как заклинившие первые строки знаменитой трилогии Панова, камертоном положившие начало всему эпическому произведению: «Война, война... Сколько ты плодишь скотского, дикого в людях! И как высоко поднимается в твоих испытаниях человеческий дух!»

Тяжелые жизненные невзгоды преследовали Бориса Константиновича и после войны. Суровая болезнь унесла любимую жену, и ему нужно было как-то справиться с домашним бытом, навалившимися хлопотами, ни в коем случае не упуская не дающую ни часу покоя редакторскую работу, и в то же время воспитывать, ставить на ноги двоих сыновей. Справился! Доказал и свою профессиональную состоятельность, поднимая на заметную высоту одну за

другой три районные газеты в Глазке, Сампуре, Шехмани. А там и лучик счастья улыбнулся, когда встретилась ему на жизненном пути верный друг и соратник — институтский преподаватель Ада Николаевна, с которой нашлось так много общего, слитного, неразделимого до самых последних дней.

В начале 1960-х Борис Константинович — уже не только состоявшийся редактор, но и вполне известный писатель, журналист, чьи очерки охотно печатались в центральных газетах, прошли в столичных журналах «Москва», «Октябрь», воронежском «Подъеме» (с одновременным приглашением на работу в отдел культуры воронежской областной газеты «Коммуна»). Именно в ту пору он возглавил редакцию мичуринской районной газеты «Знамя Октября». И сплотив вокруг себя даровитый творческий коллектив, насытив газету множеством интереснейших, захлеб читаемых материалов, вывел ее на «звездный» уровень, о чем было живо, подробно, увлекательно рассказано в памятной для многих земляков подробной передаче Всесоюзного телевидения!

Равняясь на литературный стиль Панова, его узорчатый самоцветный язык, писательское осмысление всего вокруг происходящего, поднимались в творческом росте будущие писатели земли тамбовской Василий Кравченко, Виктор Кострикин и, простите за нескромность, автор этих строк, в те годы сотрудник находившейся в одном здании со «Знаменем» городской газеты «Мичуринская правда». Борис Константинович как магнитом притягивал к себе людей. По литературному поводу и без него охотно навевались к «Пану Борису» (он знал этот свой дружеский «псевдоним» и не серчал) коллеги из Тамбова — Александр Стрыгин, Иван Кучин, Майя Румянцева, Алексей Шилин, что уж говорить о местных друзьях-товарищах... Приходили, приезжали и просто так, поговорить «за жизнь», и обсудить пановские новинки, одна за другой выходявшие в Центрально-Черноземном книжном издательстве, вначале в мяг-

ком, а затем в классическом твердом переплете: повести и рассказы «Мартовским днем», «Хозяин», «Трудный год Владимира Туровцева», первая часть трилогии «Посреди степей», газетные и журнальные публикации.

Какие же это были прекрасные, удивительные в нравственной красоте и чистоте люди! Интеллектуалы, умницы, таланты, никогда не выставлявшие свои награды и заслуги напоказ и ценившие по таким же достоинствам других людей! С легкой грустью (иных уж нет, а те далече) вспоминаю имена друзей Бориса Константиновича. Это, прежде всего, такие же, как и он, фронтовики: личный секретарь и биограф Мичурина Андрей Николаевич Бахарев; прекрасный художник, создавший в Мичуринске первую детскую художественную школу, Аркадий Васильевич Платицын; знаменитые ученые Валентин Иванович Будаговский и Геннадий Александрович Курсаков; главный режиссер Мичуринского театра драмы Глеб Константинович Томилин; председатель известнейшего в то время колхоза Владимир Алексеевич Волков; врач-фтизиатр Федор Алексеевич Баранов; ректор педагогического института Николай Карлович Миттов; литературоведы, журналисты, краеведы Анатолий Рафаилович Монастырский, Иван Степанович Никулин, Иван Ильич Скоркин, Леопольд Артурович Израелович... Да разве перечислить все славные имена! Одну лишь истину можно подтвердить: скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты.

Борис Константинович всегда оставался добр и расположен к друзьям. Но еще больше он, человек, прошедший очень суровую фронтовую и жизненную школу, которая иным и не снилась, был поборником правды, справедливости, чести и достоинства. И тут для него не существовало ни директив свыше, ни звездных погон, ни чиновничьих званий. Если вопрос, вынесенный на бюро райкома партии (а Панов бессменно входил в состав этой высшей властной структуры тех лет), касался судьбы, карьеры, жизненного пути не понаслыш-

ке известного ему человека, он смело вставал и убеждал проголосовать не по форме, а по совести, по существу. Прислушивались!

Бориса Панова неизменно радовали журналистские, тем более книжные успехи «подроста», как он любовно и уважительно называл окружавшую его творческую молодежь. Он высоко ценил прозу молодого писателя из Знаменки Валерия Кудрина, призывал читать его рассказы, обращая внимание и на стилистику, и на самую архитектонику «показакowski», «по-бунински» хрупких, написанных удивительно прозрачным языком новелл. Под крылом Бориса Константиновича находили себя в прозе, поэзии, краеведении, филологии Василий Попков, Иван Гладких, Петр Герасимов, Григорий Шифрин, учительница-словесник Надежда Ралдугина, на долгие годы оставался близким другом семьи тогда сотрудник ВНИИС, поэт, мастер сатирического жанра Анатолий Смагин.

Борис Константинович Панов прожил 85 лет. Заслуженный работник культуры, первый на Тамбовщине лауреат премии Союза журналистов СССР, первый в Мичуринске член Союза писателей СССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Золотой медали ВДНХ, лауреат премий Гаврилова, Рахманинова, других престижных литературных премий. Крепкого сложения — с апреля и по октябрь он купался в Лесном Воронеже, зимой постоянно бегал

на лыжах, охотно совершал долгие пешие переходы. Борис Константинович почти не болел. И неожиданно умер в одночасье. Хоронили мы его в промозглом ноябре, принося свои соболезнования безутешной Аде Николаевне, сыновьям и внукам Бориса Константиновича. Стараниями журналиста Владимира Измайлова потом будет издан сборник очерков памяти писателя «Кудесник слова». Руководитель областной писательской организации Николай Наседкин, как мы с ним и обещали на тризне, примет самое горячее участие в выпуске посмертного сборника произведений Бориса Панова «На окраине». Мичуринский городской Совет депутатов совместно с городской администрацией учредит ежегодно присуждаемую литературную премию имени Бориса Панова.

Но каждый раз, проходя или проезжая в Мичуринске по улице Интернациональной мимо дома под номером 19, обязательно смотрю на окна четвертого этажа. Умом понимаю, что давно живут там совсем другие люди, но все равно жду, чтобы хоть на миг промелькнул там знакомый силуэт, вновь обозначился приветственный взмах его руки и высветлилась незабываемая улыбка Бориса Константиновича Панова. Учителя. Писателя. Настоящего человека.

*Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей России,
лауреат премии Бориса Панова*

Татьяна Бердичевская родилась в Горьковской области. Окончила филологический факультет Мичуринского педагогического института. Принимает активное участие в литературной жизни Мичуринска. Автор четырех стихотворных сборников. В 2023 году ее творчество было отмечено литературной премией «Светунец» им. Вячеслава Богданова.

Татьяна Бердичевская

«Я НОШУ В СЕБЕ СОЛНЦЕ...»

* * *

О.П.

Твое кольцо уже вросло — на безымянном
Чужой руки. Так нелегки воспоминанья —
Уходят в молодость мою, в твою же — иже...
Как будто на краю стою, и ты все ближе,
И наша осень, тихий дождь, и шепот листьев,
И ты всегда ко мне идешь, и счастье мнится...
И как же были мы чисты! И как любили...
И только я, и только ты, но желтых лилий
Подбросила в наш дивный сад

судьба-судьбина,
А я любила наяву, спала — любила!
И как уходит из-под ног земля — узнала;
Стеклянным солнцем на Восток

тогда вставало,
Хотя в преддверии зимы каким быть солнцу?
Уже не говорила «мы». В мое оконце
Стучалась серая пурга — ее молила:
Вернуть любовь мне б помогла живая сила;
Я писем от тебя ждала, ждала привета,
Но надо мной сгущалась мгла,

свистели ветры...
Звезде молилась я, Богам — они же выше.
Не внял Творец моим словам —

знать, не услышал...
И я пошла по пустырям, кривым дорогам —
Искать, где ясная заря
встречалась с Богом...

ПЕТЕРБУРГУ...

Сестре Сашеньке, — от любви...

Сон мой каменный, здравствуй.
А сердце твое равнодушно...
Ты пролетами арок глядишься в пустые дворы,
Серым небом суконным блюдешь свою паству подушно,
Молчаливую верность ее принимаешь в дары.
Ты, вместивший в себя красоту и скиталицу мира,
Не взыскуешь любви и полон признаний в любви,
Купола над тобою сияют великою митрой,
И пристойность твою охраняют и сфинксы, и львы
Караулом извечным, величием и благородством,
Белый мрамор и бронза твоей ипостаси под стать,
Ибо свят и священен. Стяжалось твое превосходство
Чрез закланье и стойкость, да в помощь — Небесная рать.
Дух Петра неустанен — в молитве, всепомнящий правду,
Немогущий довеку покинуть свою цитадель;
По молитве его Медный всадник глядит на парады
И качает Нева так привычно твою колыбель.
И разводит мосты, и влюбляется в белые ночи,
Коль не спит покаянно под серою толщею льда...
И не сыщешь на свете такого блаженства и мощи,
Будто семь Богородиц обняли за плечи тебя...
И нельзя не понять, отчего так скиталицы плачут,
Отчего неумолчно над митрою Ангел поет.
Это стонут века. Там от тяжести корчиться пращур —
И Великий твой царь собирается сдужить в поход.

* * *

*Заслуженной артистке РФ
Т.Ф. Николаевой*

Привезите с собою хоть чуточку Питера...
Вы из тех, кто умеет с собой привезти
Этот воздух, как плащ одинокого шкипера,
Для которого жить — значит, только грести!
Зимний Питер... Он спит, как и все неземное,
Спят под снегом каналы, как память веков.
Вы в глазах голубых привезите с собою
Зимней питерской сказки и питерских снов!
И его площадей хоть немного величья,
Тот немислимый столп, возведенный горбом
Государства мужицкого, ибо обличье
Принимал исполина под нашим гербом!
Привезите «Чайковского» и «вернисажей».
Дух культуры, скопившийся в лоне его.
Не пришлось побывать мне в стенах Эрмитажа —
Привезите, как чудо, пылинку с него.

Наплещите в меня, напоите, напойте
Этих дней невозможность, и радость, и стать!
Я почти не дышу, будто на эшафоте,
Будто нечего и в оправданье сказать.

* * *

Этой осенью что-то летает в остывшем воздухе,
Что-то тянется с лета — я видела это одна...
Здесь еще в сентябре целым полем желтели подсолнухи,
Каждой семечкой веря в погожесть великого дня.
И смотрели они, как на них наступает грядущее,
Замерев от восторга и, верно, забывши дышать.
И тянулись из Вечности первые шустрые лучики,
Выметая потемки и свет — для добра воскрешать,
Обличить красоту, пробудить легкокрылую птаху,
Чтобы с гимном пернатых летела живая молва.
Вот и солнце вкатило свою золотую рубаху,
Распоясав лучи, распроставши свои рукава
По полям, по долам, по лесам, городкам, деревушкам,
Витамины свои расточая, чтоб жизнь на Земле
Продолжалась. Хранили бы тайну лесные опушки,
Чтобы шире закаты, а юные зорьки — алей,
Чтоб озимым взойти, чтобы вызрел подсолнух и, тяжелой
Головою склоняясь, шептал, бормотал на ветру:
«Я был маленьким солнцем — носил золотую рубашку,
Я ношу в себе солнце — и, значит, уже не умру!»

Валерий Семенович Аршанский родился в 1945 году в Магнитогорске. Окончил факультет журналистики ВГУ. Многие годы работал в сфере печати Мичуринска и Тамбова. Автор 21 книги художественной и документальной прозы. Печатался в ведущих столичных и региональных литературных изданиях. Лауреат ряда литературных и журналистских премий. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тамбовской области. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живет в Мичуринске.

Валерий Аршанский

МОЙ БРАТ — КОНФЕРАНСЬЕ

Рассказы

Когда я смотрю лучшее из того, что подарено за последние десятилетия Риму и миру нашим телевидением — фильм «Покровские ворота», — поневоле вспоминаю точно такой шквал восторга, который охватил в середине прошлого века миллионы зрителей СССР после выхода на экраны «Карнавальной ночи». Наверное, успех обеих комедий был предопределен полным совпадением киношных коллизий с реальной жизнью в середине прошлого века. И каждый человек, причастный к тем веселым и невеселым эпизодам, примерял «сюртук» на себя. В том числе, мой старший брат, Алик. Конферансье. И неважно, что действия и действующих лиц между Москвой и нашим Харьковом разделяли сотни километров. А для главной героини «Карнавальной ночи» — актрисы Людмилы Гурченко (тогда не было понятий «кинозвезда», «гламурная дива») — разве не Харьков был местом рождения и довоенной жизни? Он, «Харків»! А уж потом Москва. О чем Людмила Марковна сама и рассказывала в своих книгах «Мое взрослое детство» и «Аплодисменты».

Алик — тогда лишь юнга эстрады — брал за живое охочую до смеха публику одним своим появлением в портновской

жилетке, канотье, в больших, не по ноге штиблетах — маленький, щупленький, с выпученными глазками и приклеенными щучьими усиками... Недаром просиживал два-три сеанса в летнем кинотеатре, калькируя в памяти все ужимки, проходы и гримасы великого Чарли Чаплина. И понимал: этот замечательный комик заставляет зрителей смеяться над тем, о чем надо плакать. Мой брат дошел до этого своим умом, потому что с детских лет больше насмотрелся именно горького. Особенно в эвакуации.

Насколько я знаю из семейных преданий, когда совсем рядом — за мостом у речки Лопань — грохотнула фронтовая канонада, призванный в армию отец все же успел отправить с последним эшелонам в глубокий тыл, как тогда называлась эвакуация, маму с шестилетним Аликом и школьницей-сестрой Шурой. Отходил последний — без номеров и опознавательных знаков — сборный состав, уже обстрелянный немцами, а потому с поездной бригадой, получившей некоторый боевой опыт. Пусть и черепашьего хода с остановками, когда на каждом километре вносили больных, раненых или подсаживали догоняющих свои части красноармейцев...

— Сынуля, напиши книгу, как мы добирались на Урал. В эвакуацию. Почему никто об этом не пишет? — качая седенькой головой, с мягкой укоризной смотрела на меня зеленоглазая мама. — Боже, боже, сколько всего насмотрелись — и скотского, дикого, но и человеческого, мужественного... Как мы все пережили — двух романов не хватит описать.

— Так расскажи, мам, я запишу, меня ведь тогда и на свете не было. Я что знаю? Одни отрывки из обрывков ваших разговоров. Как на тебя и Шуру напали в уральском лесу дезертиры и отобрали хлебный каравай. Как ты подметала у отца в пекарне горстку муки да пыли вперемежку с мышинными хвостиками и на каком-то страшно прогорклом масле пекла потом лепешки... Как Алик по доброте своей душевной сбросил с балкона проходящим цыганам отцовский офицерский ремень — или портупею? — и получил от папы такую трепку, что на рев сбежался весь дом...

— Ах, нет, сынок, все это было в последний год войны, когда папа уже вернулся с фронта и вначале командовал пленными немцами, что строили дома в Магнитогорске, а потом работал в Кусе заведующим пекарней. А я говорю про эвакуацию...

* * *

Спасались дорогие мои родственники от нашествия гитлеровской саранчи второпях, только успев прихватить документы, часики да бусики и зачем-то Шуру плюшевую куклу, без которой она спать не могла. Лишь на вокзале спохватились, что ни есть, ни пить — ничего с собой не взяли. Чтоб те оккупанты проклятые подавились, когда войдут в наш дом!

— Ты маме только ничего не говори, не напоминай, опять расстроится! — строго смотрела на меня Шура. И продолжала:

— Картина была правда дикая. Как вспомню — мрак сплошной предстает перед глазами. Представь: ночь, беспросветно сеет слепой дождь, грязь на запасном пути непролазная, единственный фонарь тускло светит где-то в облаках, холодно, мы с мамой дрожим в летних платишках, Алик спит, в ее платок укутанный. А очередь то визжит, то гудит, мат стоит сплошной, кто-то какие-то переклички устраивает, подвыпившие тетki химическим карандашом номера пишут на ладонях, дети бедные задержаны. И все как манны небесной ждут появления паровоза. А тут еще

кавказцы-мешочники появились, гортанные, нахальные, женщин за все места хватают, похабности предлагают и ржут, как жеребцы. Кто из них половчее — те высматривают в толпе дамочек побогаче — в обмен за ценные вещи хлеб, шпик, сыр и колбасу предлагают. Представляешь? Кто огрызнется или пошлет их — под колеса грозят закинуть. И люди в страхе: такие мордороты, действительно, любого на рельсы закинут.

Как, откуда, знать не знаю, вдруг наш папа появляется! И не один, а с боевым патрулем, три человека с ним из военкомата, все с оружием. Я таким страшным нашего папу никогда не видела. Форма сидит как влитая, фуражка вот здесь, под подбородком, прихвачена ремешком, кобура, сапоги офицерские... Осмотрелся, как гаркнул на толпу, все вмиг присмирели. Патруль по его приказу мешочников сразу же хоп за одно место и в дежурку — или в каталажку, кто знает? Тут же корзины спекулянтов пошли по рукам...

А мы папочку и поцеловать не успели, он к начальнику станции убежал. Успел лишь маме деньги отдать, все, что у него были. И на четыре года распрощались мы с ним, не знали, вернется ли живым...

Тут уж совсем по-маминому сморщилась, зашмыгала носом и стала всхлипывать начинающая сесть заслуженная учительница русского языка и литературы Скала-Подольской средней школы Тернопольской области. «Заслужена вчителька УССР» Олександра Семеновна, всю жизнь учившая западенских детей языку Пушкина и Толстого и, к счастью, при жизни не узнавшая ни о снайперах на проклятом Майдане, ни об эсэсовском сожжении (в XXI веке!) несчастных мужчин и женщин в Одесском доме профсоюзов, ни о том, что еще натворили эти нелюди — неужели бывшие ее ученики? Те, которые, высунув от старания язык, писали на экзаменах сочинения о «Молодой гвардии», Алексее Маресьеве, Зое Космодемьянской. Кто после уроков готовил в своих классах стенды памяти «выдатного» (выдающегося) украинского письменника Ярослава Галана, без страха и упрека обличавшего гиммлеровских выкормышей — Бандеру, Шухевича, Мельника и вообще всю кровавую бандеровщину. Настоящего антифашиста, принявшего мученическую смерть уже после войны, в 1949-м, от рук бандитов-оуновцев, зарубивших ненавистного им писателя-публициста в его львовской квартире палаческим гуцульским топором...

— Шура, а вот еще мама рассказывала, как вы отстали от поезда?

— Ужас! Мама постоянно оберегала нас с Алькой и сама страшно боялась подхватить вши. Где увидит вокзальный титан, туда бежит с эмалированной корчажкой — прихватить горячей воды, разбавить и нас ополоснуть, хоть как... Подполз эшелон к реке Белой, приткнулся где-то под насыпью. Слух пополз: до глубокой ночи, мол, стоять будем, чтобы в темноте немец состав не разглядел, не разбомбил. Женщины малых детей скорее подмышки и бегом к воде — обмыть, помыть, самим в кустики сбегать... А семафоров никаких нет, а гудки паровоз не дает, потому что состав военный, по своему расписанию стал, скомандовали — отправился. О Боже! Колеса клацнули... Алик... Я... Мама мечется. Уж не знаю, как мы забрались на ту насыпь, как вдогонку бежали... Чи (или) (Шура, волнуясь, часто вот так вставляла в русскую речь украинские словца и междометия) машинист из своей будки нас увидел и сбавил ход, чи кто из военных выскочил, помог нам заползти в последний вагон, но влезли. Заползли. Пол замураный были готовы целовать. По гроб жизни мы тем добрым людям обязаны...

— А ели-то вы что? Кормили вас, эвакуируемых?

— Да, что-то такое изредка давали — селедку, помню, хлеб. На станциях народ местный картошечку выносил, свеколку вареную, брюкву, яблоки. Но в основном маленький наш конферансье, Аля, еду зарабатывал...

— ?

— Да вот так. А ты думаешь, как рождаются таланты? В голоде, холоде и муках, — откинув каштановую прядь со лба и смеясь совсем по-девичьи, возвращалась через полвека в лето 1941-го моя сестра. — Правильно мама тебе говорит, пиши о нас книгу!

* * *

Лично я и сейчас толком не знаю, как правильно назывался тот товарный вагон... Товарняк? Загон? Теплушка? Дымная, душная клетка, пропахшая куревом, мочой, заскоруждыми бинтами и потными солдатскими обмотками, калом и кровью, заставленная впритык санитарными нарами... И посередине прохода, на крохотной импровизированной сцене переминался в стоптанных сандаликах с ноги на ногу маленький, щупленький, зато чисто вымытый и причесанный на пробор мой шестилетний брат в застиранной кофточке-матросочке, в чулочках до колен, со штанцами на ляпочках, распевая во всю силу детских легких:

Эх, махорочка-махорка,
Подружились мы с тобой!
Вдаль дозоры смотрят зорко,
Мы готовы в бой,
Мы готовы в бой...

Вскоре после советско-финляндской войны, деликатно названной Твардовским «незнаменитой», после той псевдобитвы, горько, жгуче, как махорочный дым моршанской «Примы», показавшей слабость и уязвимость нашей армии, была написана эта песня Константином Яковлевым и Михаилом Исааковичем Рудерманом. Финской войной, еле-еле законченной перемирием, гордиться не приходилось. Гордиться можно было другим: у венгров просиял замечательный композитор и музыкант Ференц Лист, у нас — знаменитый композитор и музыкант Константин Листьев! Создатель сотен замечательных оперных арий, оперетт, песен, которые пела вся страна. Лист и Листьев... Как созвучно! И не случайно. Ничего случайного вообще не бывает ни в музыке, ни в жизни, все закономерно, все решено высшей силой... Только нам знать не дано наперед о том, что будет.

В прокуренном санитарно-эвакуационном вагоне бойцам-красноармейцам, особенно старшего возраста, участникам недавней финской кампании, песня о махорочке-махорке пришла как нельзя кстати. Исполняемая не под звуки рояля пионерским хором и не под духовой оркестр знаменитым Вадимом Козиным, а *а капелла* веснушчатым пацаненком, она встречала полное понимание и сочувствие. Да еще так старался этот лупоглазенький малыш, тщательно выпевая каждое слово!

Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края
И закуришь — и с колечком дыма
Улетает грусть твоя...

И в ладошки он прихлопывает, и ножками притопывает, и раскланивается до полу — ну, Леонид Утесов! Как такому артисту не подарить брусочек пиленого сахара или горбушку хлебushка? Как не прижать к себе, не погладить по детским волосенкам, когда такая тоска берет: у кого в Смоленске или в Воронеже, у кого в Полтаве или в Барановичах такой же малец остался. И не один, а с братишками-сестренками. Как они там? Живы ли? Хотя бы через этого их ровесника — Алик тебя зовут, да? — привет незримый в свой город или деревню передать. Авось долетит, услышат...

* * *

Алька снисходительно улыбался каждый раз, слушая прижизненные легенды о себе. Что было, то было. Он тоже кое-что помнил. И всегда говорил, что мама наша — святая, сумевшая без отца, без всякой помощи, без опоры спасти его и Шуру в той жуткой уральской эвакуации. Переселении в глубокий тыл.

Но чаще почему-то вспоминалось моему брату не страшное, а смешное. Пусть это был смех сквозь слезы. Ну, например, как он сумел отомстить за сестру мальчишке-обидчику, прыщавому переростку, втихаря оторвавшему Шуриной кукле и ручки, и ножки. Жаловаться маме на злого дядю мои старшие брат и сестра не стали; не приучены были скулить и ябедничать, папа кляузы не жаловал, учил: око за око, зуб за зуб. И Алик притих, затаился, выжидая удобный момент, чтобы поквитаться с паршивцем. И такой час пробил. Ровно в конечном пункте путешествия поневоле.

Все дети тогда таскали за спиной свои личные горшки для оправления необходимых нужд. А как иначе? Куда ходить-то? Чтобы в туалете курьерского «пятьсотвеселого» стоял фаянсовый унитаз, да вы что! Да вы кто? Буржуи, что ли, недорезанные? Утратить горшок для ребенка было трагедией. С ним — эмалированным или глиняным, плохо покрашенным, — ходили везде и всюду. Поставив «ночную вазу» под ноги, сели за обеденный стол. С милым дружком спали, поместив его к себе как можно ближе. Хоть в изголовье.

Вот за все понесенные в двухнедельном пути обиды — щипки, пинки, щелбаны, дразнилки, плевки, растерзанную куклу, за выплаканые сестрой слезы и не выплаканые братом страдания Алик, когда толпа валом валила на выход, так приложился тяжелой створкой вокзальных дверей к заплочному богатству жестокого обидчика, что у того только глина в его вещмешке хрустнула.

Торжественным меццо звучало в душе моего брата громогласное рыдание штрафника, сурово наказанного по законам военного времени. А как иначе? На войне как на войне — будь, воин, бдителен вдвойне: или ты его, или он тебя. Третьего не дано. Война учила детей и такой науке.

* * *

Одну интересную деталь заметил я в поведении самых близких мне людей: когда в разговор вступала Шура, мама сидела, притихнув, вслушиваясь в каждое слово дочери. И только время от времени с удивлением покачивала головой, словно речь шла не о ней, а о каком-то ее прототипе, не имеющем к оригиналу никакого отношения. Впрочем, я это замечал у многих пожилых людей.

В сознательном уходе стариков от самих себя в сторонку кроется многое: и преклонение перед образованностью любимых чадушек (чего им, родителям, не было дано), и понимание того, что молодые расскажут все понятнее, четче, яснее, чем они, без отклонений и перескоков, и осознание нового времени. Времени, в котором дети чувствуют себя как рыба в воде. А старшему поколению необходимо чаще выплывать на поверхность, глотать кислород, потому что длительное нахождение в поменявшей смысл и конфигурацию, ставшей вдруг непривычной бытовой среде оно не выдерживает, задыхается...

Шура в лицах и манерах рассказывала мне про самый тягостный, самый тяжелый эпизод в той эвакуационной эпопее... А мама, расположившись в сторонке, твердо пообещав не вмешиваться, не переживать, не плакать, сидела на привычном стульчике от нас поодаль, не поднимая глаз, низко, как от удара, склонившись и постоянно раскачиваясь. А потом вообще вжалась головой в колени. Еще бы — такие жалающие угли ворошились в душе...

— Ты не представляешь, в каком мы с Алькой находились радостном состоянии, скорее, даже возбуждении, — поглядывала на маму (как себя ведет?) Шура. — Жуткая дорога осталась позади, мы прибыли, наконец, в обещанный Челябинск. Сейчас приедем на трамвайчике к маминой сестре, нашей тете, там нас вкусно накормят, помогут, дадут чистое белье, ляжем в теплую постельку. Мы быстро освоимся на Урале, я пойду в школу, Алик найдет новых друзей...

Так нам мечталось!

А на самом деле встретила харьковчан мамина сестра, заведующая закрытым распределителем, нет, правильнее сказать, ОРСом, отделом рабочего снабжения... («Это было золотое дно!» — не выдержала, вмешалась в наш разговор мама, тут же осекшаяся под острым взглядом дочери-учительницы.) Встретила вновь прибывших тетя Мотя, подбери свои лохмотья, настороженно. Без объятий и поцелуев. Даже на порог не пустила. Беседу вела перед своими дверями на лестничной площадке — с благотворительной подачкой гостям буханки хлеба.

— Обожди, Шура, стоп! Неужели? Это же с ума сойти! Ведь, насколько я знаю, мама наша в неполные пятнадцать лет начала батрачить в какой-то прачечной, чтобы сестра могла учиться в институте торговли. Семья у них была большая, всех не прокормить...

— Я тебе больше скажу, — перешла на полный шепот Шура. — Мама наша осталась почти неграмотной, потому что всю жизнь вкалывала на их семью то в прачечной, то нянечкой по найму, чтобы одна ее сестричка драгоценная стала на суконной фабрике инженером, другая — вон торгашом, начальником ОРСа. А они ее отблагодарили. По-черному! Наглость — второе счастье.

— Боюсь, Ленка, и ты, и твои киндеры (тетя Ава небрежно кивнула на испуганно жавшихся к маме детей, ее родных племянников), боюсь, все вы там, в товарняке, пока ехали сюда, крепенько завшивели. А у меня в доме прожарки нет. Так вы вот что. Давайте-ка я вас отправлю в эвакупункт на Соборную, там все процедуры пройдете. Вас оформят по всем правилам, ну там распределят. Детям, а к нам и маленьких ленинградцев попривозили, белый хлеб и компот в буфете дают (мы чуть слюной с Алькой не подавились, услышав о таком сладком счастье).

— Хотя, почему, собственно, мне идти? Нема! Ну-ка, бекицер с дивана, давай, давай, пузанчик мой, живо! Подтяни шлейки и проводи

моих... — она запнулась, не зная, как назвать «моих-то», — на Соборную.

Нехотя сползший с дивана подслеповатый муж тети Августины — ценный кадр для оборонного завода в силу недюжинных конструкторских способностей — нехотя подтянул шлейки, повздыхал, позевал, покидая уютную комнатенку, выделенную ему под кабинет. И нехотя потопал впереди неожиданно свалившегося ему на голову харьковского семейства, с которым он и поздоровался-то нехотя, через губу.

Зато, подведя «моих-твоих» к мрачному зданию эвакуопункта на улице Соборной, бежал оттуда прытью, как подстреленный заяц. Не удосужившись и на полчаса подзадержаться, узнать, как и куда распределят родственников жены. А зачем это Неме, в миру Науму Львовичу? Ему своих хлопот хватало.

— Шуронька, но ведь он потом какой-то орден за изобретение свое получил, — слабо пыталась защищать дальнего родича мама. — Его уважали!

— Ага! Получил! Сидя на диване. Ух! Недаром им с Авой господь детей не дал. Бог шельму метит...

Мамины губы непроизвольно дергались в безмолвном протесте: «Шуронька, доченька, ну что ты такое говоришь? Нельзя уж так-то. О Науме Львовиче писали газеты, мало ли, что лежал на диване... Он дома работал, при его-то зрении. А в цеха чертежи передавал. Ордена даром не дают...»

Папа, яростно натирая щеки одеколоном «Шипр» после бритвы опасной бритвой и слушая в очередной раз сагу о Неме, кисло скривился: «Ну что вы заладили? Нема, Нема... Ну, был он специалистом по дизелям. Дальше что? Война закончилась, теперь сеялки-веялки конструирует? Молчит всегда, как баклан, и к тому же не пьет. Это что за человек?»

Короче говоря, даже такой заслуженный орденоседец с Урала, как дядя Нема, не был для отца авторитетом. Значит, и для детей был он полным олухом, и мы частенько смеялись, воспроизводя теткин визг: «Нема, подтяни шлейки!» Сегодня понимаю: ничуть не красят нас такие смешки и такие оценки. Можно было бы о них все и не поминать. Но утаить вообще можно многое. Только зачем тогда писать книги, если все они — изучение опыта поколений, от которого или заливают краску стыда, или полыхает румянец радости. Может, я не прав? Тогда рассудите нас, люди!

* * *

Как и многие, если не сказать — все, фронтовики, отец никогда ничего не рассказывал о войне. Разве что редкими эпизодами — в чайной, например, после ста граммов с прицепом, в кругу таких же его друзей, прошедших огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы. И то — все разговоры: «Помнишь, как под Купянском мы отступали...»; «Помнишь, как после Курска мы наступали...». «Отступали — наступали» — и больше никаких подробностей. Хотя выйдя на пенсию, пытался наш папуля какие-то записи вести. Обычной ученической ручкой. Нашел я в его бумагах пару листиков, исписанных по диагонали, но разборчиво. Видно, крепко саднило у отца в душе, если сразу, по горячим следам, сел он тогда за «мемуары».

«Дети старших классов осмелели, разговорились, задавали такие вопросы, о которых я и не подозревал. Надо же! “Какое самое горькое чув-

ство оставила у вас война?” Что я мог им ответить? Как мы прятали глаза, когда, отступая, покидали со своими сорокапятками Горловку, Бахмут, Макеевку и старики, старухи, что стояли вдоль улиц, плевали нам вслед, кричали: “Что же вы нас фашистам отдаете, защитники!” И горько плакали, и проклинали. Да и мы плакали, посильнее впрягаясь в лямки орудий и помогая лошадям тащить наши пушки.

Или о том, как я пер на себе шесть винтовок, брошенных дезертирами. Одного из беглецов в Спадщанском лесу, когда заняли мы глубокую оборону, патрули поймали, на батальонном построении поставили к стенке, чтобы, значит, никому больше не повадно было драпать с поля боя... А мы молчали весь тот вечер, и потом — как будто ничего не видели и не слышали. А еще один хмырь, трофим (так и написано отцом его имя с маленькой буквы), — спас шкуру, уцелел. Я его видеть не хочу, хотя он жив поныне. Благополучно просидел всю оккупацию в подвале, даже успел своей жене сына заделать. А в сорок пятом, вот ведь прохиндей такой, как-то примкнул к Победе, юбилейную медальку схлопотал. Стал известным кондитером, по радио передали, его за оригинальный торт сам Щербицкий похвалил в перерыве партийного съезда. Ого! — первый секретарь Украинской компартии...»

Я знаю: живя в одном большом дворе, мой отец и тот... кондитер с маленькой буквы никогда при встрече не раскланивались. Проходили мимо, глядя в разные стороны. Хотя им было что вспомнить. И кое-кому кое о чем припомнить. Сыну кондитера, неповоротливому Юрке, я на волейболе разок мячом так в табло вмазал, что его с площадки под руки вели. Да, понятно, сын за отца не отвечает. И все же...

Но я просто не представляю, чтобы мой отец пошел в органы стучать на Трофима — своего соседа поневоле. «Хай живе Радянська Україна!» И пусть до конца своих дней мучается угрызениями совести, если у него она осталась, несостоявшийся однополчанин. Это будет ему похлеще трибунала.

Так, наверное, рассуждал наш отец. Призванный в свои сорок лет повесткой на фронт в июле сорок первого и провоевавший командиром артиллерийского взвода на Первом Украинском фронте до марта сорок пятого. Пока не получил на братской польской земле второе осколочное ранение, заметно укоротившее ему левую ногу. Вот и был он за три месяца до Победы списан подчистую, поскольку обе раны плохо затягивались, не заживали, и он уже после демобилизации какими только снадобьями не лечился, какие мази и натирки не применял... В бане всегда просил меня не шоркать ему сильно рогожной мочалкой по спине — кость под лопаткой оголена, больно. А мама покупала по знакомым смалец, свиной жир, потому что и с легкими у отца стало неблагополучно, загуляло по нашей квартире злое словечко «туберкулез» — наследие Моховских фронтовых болот. И все знающая соседка наша заявила, что вылечить какие-то «каверны» можно, только затягивая их свиным жиром, смальцем. Лучше даже завести своего поросенка, чем переплачивать втридорога чужим людям-знахарям и торговкам на рынке. Кстати, как ни странно, ее советы помогли! Я листал отцовскую медицинскую книжку «до» и «после»... Никаких следов былой хвори не осталось.

А что касается отцовских откровений, то все же произошел один такой случай, когда приоткрылась завеса о подлинной войне, войне «без помпы и оркестра», войне во всей ее отвратительной наготе. Как кровавой бойне.

Мы тогда с Алькой, Сашкой Ярмаком и еще двумя соседскими мальчишками разводили на задах опустошенного сентябрьского огорода большой костер — кострище. Даже два костра. В золе одного, маленького, пекли найденные в борозде картофелины. Вкуснее них — с твердой корочкой, обжигающих, посыпанных крупной серой солью — нет ничего на свете, кроме подобранных с грядок помидоров — крупных, с нежной розовой мякотью, зернистых... Обалденно аппетитной еды с ломтями свежего ржаного мандра (хлеба по-пацански) и, если повезет, кусочками сала...

В большой ненасытный костер, поправляя палками бушующее пламя, мы, обгоняя друг друга, торопились подбрасывать все, что попало. То есть сыроватую ботву, сухие огуречные и тыквенные плети, обломки старого штакетника, вырванные с корнем лопухи, репейник, крапиву, подсолнечные будылья, хворост, мокрую после дождя щепу с гнилого сарая, мох, опилки (у нас они назывались «тырса», и я долго так опилки «тырсой» и называл, недоумевая, неужели их можно называть как-то по-другому?)...

Костер дымил, чадил, взрывался синими, черными, оранжевыми искрами, а мы, взявшись за руки, водили хоровод, горланя тут же сочиненную песню про жирного поросся, которого забьют и вот-вот будут опаливать на костре. Не очень приличный получался наш экспромт, поэтому лучше его опустить; то, что годится для казармы, — не означает, что годится в светском обществе (это я сейчас так умно говорю, сожалея, что не был тогда таким умным).

Очень удачно складывалось то воскресенье с самого утра: нет обязательного подъема в самый сон, нет школы, нет домашних заданий и любимых учителей, а есть на завтрак чай с рафинадом, сырники со сковороды, приготовленные хлопотуньей мамой с утра на керосинке, и крик пацанов под окном: «Валерка, выйдешь?» Есть папа, уже тщательно выбритый, наодеколоненный. Внимательно просматривающий виниловые пластинки с Клавдией Шульженко, Георгом Отсом, Марком Бернесом, прежде чем поставить их на диск радиолы «Латвия». И есть с вечера красиво побеленная мамой и Шурой летняя кухня с выскобленными полами, где сегодня будет праздник свежины. И где уже нетерпеливо ерзает на табуретке, поджидая Семена, его верный фронтовой друг. Одноглазый возчик («Я не извозчик, я водитель кобылы», — как поет Утесов) дядя Коля Ярмак. Артиллерист из отцовского взвода, лишившийся глаза тоже в том их последнем бою под Бреслау. Это Николай Иванович и посоветовал накануне отцу отослать под благовидным предлогом ребятню подальше, чтобы не видели они ристалище с забоем скота.

Братья по судьбе, братья по борьбе, подзарядившись на кухоньке, как перед атакой, наркомовской дозой из одного граненого стакана, запив самогонное зелье тепленьким и свеженьким сырым яичком, пошучивая, подначивая друг друга, отправились в затаенный столетней паутиной полутемный сарай, служивший также складом для хранения угля — антрацитного «орешка» — и поленицы дров. Толкаясь, оскальзываясь, чертыхаясь, падая и привставая, чуть ли не час целый гонялись они за пятипудовым кабанчиком, надрывно орущим перепуганным курам: «На помощь, дурры, убивают!» И бился седоволосый хряк с двумя крепкими мужиками, как гладиатор, до последнего, пока не выдохся, задрав верху ноги, тут же скрученные бельевой веревкой, и прощально хрюкнув. А куда ему, пусть нехилому, было дальше сопротивляться против трофейного оружия — остро заточенного фрицевского кинжала из крупновской стали, махом вонзившегося в нужную точку...

— Добрячего поросся вы с жинкой видгодувалы, — пыхтел Ярмак-папа, подтаскивая с нашей помощью тушу кабана к костру — опаливать на соломенной подстилке щетину. Он все умел, водитель кобылы с овощной базы Николай Иванович Ярмак. Мастеровой человек, одинаково сведущий и по слесарной части, и по столярной, и по стройке, и по забою скота. Эх, если бы не война! Да если бы не убежала, осталась с ним гулена-жена, бросившая ради богатого хахаля из Молдавии (так судачили бабы) и своего мужа, и сына...

Быстро-быстро разделявая внутренности недавнего гладиатора из темного закутка, дядя Коля — единственный глаз азартно горит, как у барышника-цыгана, резиновые чеботы забрызганы от пят до верха голенищ тырсой, липкой глиной, сенной трухой, — зажав в уголке рта потухшую цыгарку, отдавал краткие и внятные указания отцу, мне, Алику, своему сыну Саньке:

— Семен! Це жинци виддай, гарный шматок, нехай кендюх готове...

— Оце, — протягивал нам с братом окровавленную руку с какой-то вонючей требухой, — давайте швидче цыбарку (ведро), выкиньте, хлопчики, на помойку... Нехай це добро собаки идять.

— Сашко, де ты? — ловко кромсая хребет хряка, подзывал он сына. — Кидай, Сашко, оцей кусманчик в нашу торбу, мы його додому визьмемо...

Заключительное «це» или «оце», одинаково означавшее «это», прозвучало насчет увесистой свиной печенки, годившейся для быстрого приготовления в печи на летней кухне. Как раз за то время, пока мы с Сашкой смотаемся на его велике в ближний продуктовый магазин отовариться двумя бутылочками ситро — для себя. Ах, какой мы пили тогда лимонад — настоящий, пускающий радужные пузыри и кремовую пеночку в чашке, плошке, стакане!

И вот когда старые артиллеристы приговорили под парующую свежину первую злодейку с наклейкой и неспешно приступали ко второй, у них и возник пламенный солдатский спор. Без громкой ругани, без крика, но увлекший спорщиков настолько, что уже ни на снующих рядом туда-сюда пацанов, ни на тревожно поглядывающую в их сторону маму внимания они просто не обращали. А нам слушать накаленные речи взрослых — да это же такое удовольствие, как костер палить: ушки на макушке — только этого и надо!

Но вначале отцы помянули, не чокаясь, отошедшего в мир иной некоего комбата Сиротихина, видимо, всеобщего любимца, жившего после войны на родине космонавта Юрия Гагарина в Гжатске. Затем вполголоса бывший взводный и бывший рядовой прошлись по жулику — старшине Трегубову, которому в санбате хотели да не успели морду за воровство начистить — вовремя соскочил он со своим легким ранением...

Потом захмелевший дядя Коля спел то, что пел всегда при каждой дружеской встрече отцов: «В строю стоят советские танкисты: начим, начпрод, начфин и рядовой!..» А следом оба артиллериста, покурив, перешли на более близкую им тему. О праве на владение той самой немецкой финкой, которой утром был повержен четвероногий хрюндель Борька.

Трофейный зазубренный финаш был недоступной мечтой всей ребятни с окрестной Пролетарки! Мечта мечтой, а нашему дому он реально достался, этот тяжелый эсэсовский кинжал с красной рукоятью и черной свастикой на эфесе, чья история появления оставалась, правда, неизвестной. То ли взято было холодное оружие у врага в жарком бою, то ли мирно конфиско-

ван был кинжал в Магнитогорске при шмоне бараков, где проживали пленные немцы-строители. Хотя какое это имело значение в тот полуденный час сентябрьского воскресенья, когда вороненое лезвие было спокойно воткнуто ровно в середину кавуна (арбуза), занявшего все блюдо на цветастой клеенке летней кухни, где проходила трапеза богов войны — артиллеристов.

Что-то кто-то из отцов, скорее всего, наш, нечаянно заговорил про твое-мое и не чипай (не трогай) чужого...

— Шо? Ты шо, Семен, забыв, як тебе той фриц душив? — перевесившись через край стола, вдруг вознегодовал дядя Коля Ярмач, крепкими жилистыми руками изображая страшную картину рукопашной. — И хто тебе тоди спас?

Осоловелые после утренней браги да обеденной водки папины глазки никакой вражды не выражали, напротив, свидетельствовали только о миролюбивых намерениях.

— Опять двадцать пять. Да сядь же ты, наконец, Николай!

— Не, ты той... Ты волю яйца не круты! Кажи, зараз же, забыв чи не забыв?

— Да как такое забудешь, Коля! Правда ведь, душил он меня, как медведь...

— Ну? И шо б з тебе було, як бы не я?

— Коля, друг мой дорогой! Да если бы не ты тогда со своим штыком, хана бы мне пришла! Я ж хрипел уже, концы отдавал... А ты ему прямо в глотку штык засадил, у меня вся морда в его крови была...

— Ну! Так чия оця финка, кажи, моя чи твоя?

— Да твоя, Николай, твоя, бери! Только давай еще по одной нацедим, да? И я тебе одну вещь скажу. Никогда не говорил, Коля, ни-ког-да, а сегодня скажу. Скажу как есть, ты меня понял?

Ярмач утвердительно кивнул головой: понял, мол, понял, что же тут непонятного.

— Кажи! (Говори!)

Отец набулькал водку в граненые всклень, по самый венчик. Пристал. Поднял стакан, трезво взглянув на нервно жующего зеленые перья лука друга.

— Слышь, Николай! Когда ухватил меня тот гад за кадык своими клешнями, я крик услышал. Жены Лены! У меня перед глазами красная пелена качается, а в ушах звон плывет: «Сеня, домой!» И как я успел вывернуться, да зубами его, вот так, вот так вот зверски уцепить за ладонь, впиться, кусануть по-волчьи, он аж взвыл. А тут и ты, Коля, рядом... Спаситель мой! Дай «пять», дай я тебя обниму!

Сыпанули мы с пацанами от стен летней кухни, словно спугнутые воробьи. Нельзя было дальше оставаться, глазеть, как припали друг к другу седыми головами и вздрагивают плечами два старых бойца. Легко отодвинувшие на край стола стаканы с водкой. Пачки папирос. Арбуз. Свежую закуску. Но бессильные отодвинуть от себя подальше нахлынувшие воспоминания. Как их ни гони, как ни старайся забыть...

* * *

А брат мой, Алик, стал в своем студенческом театре конферансье! Это уже в то время, когда правил страной огромной главный кукурузовод Отечества — лысый, как бильярдный шар, Никита Сергеевич. Неуч из совпартшколы, велевший засеять добрую половину всех пахотных земель

России кормовой культурой, впечатлившей его на американских плантациях внушительными початками и полюбившейся чуть не до смерти,

При некотором напыле оттепели особо-то с юмором и сатирой все равно было не разгуляться, слышите, кавээнщики, для которых сегодня запретных тем нет. Даже такие мэтры эстрады как Миров и Новицкий кроме безадресных «блям-блямчиков» ничего нового продвинуть не могли. Что уж говорить о провинциальных аутсайдерах комического цеха... Сатира выше критики язв империализма, о которых и не подозревали жирующие акулы капитала из города «Желтого дьявола», несчастного управдома и сосулк на крыше не поднималась. Вспомните те же «Покровские ворота» и квелые стихота доморощенного поэта, сыгранного Моргуновым... Хотя нет! Были еще как бы убойные адреса: российский сатирический журнал «Крокодил», белорусский «Вожык» («Ежик»), татарский «Чаян» («Скорпион») и украинский «Перець» лупцевали, изошряясь, пьяниц и добродушно посмеивались над тещами.

Алик тоже выходил на сцену «обличать» и пел «злободневное»:

Вот апрель, и наступили дни весенние.
Снова крыша потекла у нас,
И пишу я управдому заявление
Вот уже, наверно, в сотый раз...
Общежитье дать студенту обещаются
Вот уже, наверно, в сотый раз...
Я уже хотел дать газу,
Да примчался управдом,
Стукнул, гад, меня три раза
Старым мусорным ведром...

Вот такие звучали перлы. А потом родился парный конферанс: Алик стал выступать вместе с Сашкой Ярмаком, что подсказала им Шура. Но тематика и для дуэта осталась прежней: «Наша крыша — планетарий, в небе звездочки видать»...

Выручало «соколят» не слово, а внешний комический парадокс. Форма. Это уж как всегда: если нет содержания — на первый план выходит форма. Несоразмерные по росту — один маленький, тощенький, другой — высокий, упитанный, один семенит ножками, другой широко вышагивает, как гренадер, у одного голос преднамеренно писклявый, почти девчочный, у другого — густой бас, иерихонская труба, один — холерик, вечно в движении, другой — флегматик, полусонный при любых обстоятельствах. Эта несуразица и веселила. Классно получалось у Алика и Сани исполнение куплетов Курочкина из нашумевшего тогда фильма «Свадьба с приданым»:

Хвастать, милая, не стану.
Знаю сам, что говорю:
С неба звездочку достану...

Привставая на цыпочки, Сашка тянулся к едва-едва светившей над сценой лампочке:

И на память подарю.

Жеманно поджав губки, «милая» благосклонно принимала от ухаже-ра в подарок «звездочку» — все ту же слабо прикрученную лампочку на 60 ватт... И оба — молодые, красивые, тыча друг в друга пальцами, исполняли финал:

Из-за вас, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем,
До чего же климат здешний...

Как бы принохиваясь, неодобрительно вертел «кирпатым» — задран-ным к небу — носом Алик:

На любовь влиятелен!..

Алика первая жена — смешливая красавица-студентка Евгения — и влюбилась-то в него, слушая те куплеты. И с удовольствием присоединя-лась третьей, когда после концерта, обшарив все карманы, Алик и Саш-ка набирали два рубля ноль две копейки мелочью и отправляли меня, быстроногого, за бутылкой «задуряна», «бухарыча», «крепленыча» — уж как только они не выделявались, переиначивая название дешевого азер-байджанского вина на 18 оборотов «Агдам». Доступного по цене всем сло-ям населения. Вдобавок к «Как Дамычу», Женя отсыпала мне в ладошку свои 14 копеек на плавленый сырок «Дружба» или 16 на такую же плавлен-ую «Орбиту» — и еще шесть копеек на французскую булочку. Юно-ши могли довольствоваться на закуску одной сигаретой на двоих, девуш-ке все же требовалось нечто более существенное...

А отпускал незатейливый товар в отделе «Бакалея и гастрономия» уже знакомый нам... дядя Нема. Да, тот самый Наум Львович, который, перебравшись с морозного Урала (по состоянию здоровья тети Авы) в род-ные теплые места, принял с ней на пару маленький магазинчик «Продо-вольственные товары». Заслуженному орденосцу и опытному товаро-веду (оба с высшим специальным образованием, к тому же члены КПСС с многолетним стажем) местная власть разве могла отказать? Это было бы контрреволюцией!

Особого наплыва покупателей в их неказистом магазинчике, стоящем на углу Институтского переуллка, не наблюдалось, что было плоховато для показателей товарооборота, но очень хорошо для любителя тишины и покоя, всегда глубоко мыслящего Наума Львовича. Сангвиника. Флегма-тика. Меланхолика. Да обзывайте вы, как хотите. А он такой. Его не пе-ределаешь.

Нема вздергивал на лоб персонально изготовленные очки с сильны-ми увеличительными линзами. Плюхался в предусмотрительно постав-ленное за прилавком бежевое кресло с потертыми подлокотниками. И начинал сидеть. Просто сидеть, поигрывая шлейками. Телевизора тогда в широком доступе не было. Репродуктор в магазине был. Но философам, кроме самих себя, никто ведь не нужен и ничто не нужно, это вполне са-модостаточные люди, твердо знающие, чего хотят.

По воскресеньям — в единственный выходной для всех, кроме работ-ников торговли, транспортников и тружеников непрерывного процесса — из конусообразной тарелки с шильдиком на обороте «Ленинградский ра-диозавод имени С.М. Кирова» звучали знакомые позывные концерта по заявкам радиослушателей. И эфир... хотя нет, тогда еще проводное было радиовещание... значит — не эфир, а слаботочные провода радостно дари-ли бархатный голос конферансье — не Алика, не Сашки, а знаменитого на весь СССР Михаила Гаркави:

— Добрый вечер! Здрате! Начинаем наш концерт!

Гаркави умело выдерживал короткую паузу, сопровождаемую запи-сью бурных рукоплесканий от Волги до Енисея. Потом раздражался яко-бы экспромтом — заранее подготовленной юмореской или фельетоном на

бессмертные темы. Вновь тянул мхатовскую паузу. И наконец чарующим баритоном извещал:

— По просьбе коллектива коммунистического труда — шахтеров из Тульского угольного разреза «Первомайский» — передаем любимую песню передовиков социалистического соревнования «Очень часто в жизни так случается». Слова Наума Лабковского. Музыка Соловьева-Седого. Исполняет народный артист РСФСР Марк Бернес.

И народ замирал в ожидании выхода в эфир (пусть уж будет эфир) любимого шансонье. Кумира миллионов по картине «Два бойца», непревзойденного исполнителя хитов на все времена «Шаланды полные кефали», «Темная ночь», «Журавли», «Прасковья»...

Вот тоже: рос себе в захолустном Нежине, что на Черниговщине, мальчик из бедной семьи Менахем — Ман — Неухович Нейман. Кто бы его знал? Но захотел юноша во что бы то ни стало достичь больших высот. Одному Богу известно, как он бился с судьбой и обстоятельствами, но сумел все превозмочь и стать знаменитым больше чем на весь СССР Марком Бернесом. Первоклассным деятелем искусств, лауреатом высшей в то время награды — Сталинской премии, заслуженным, народным...

Отсюда вывод: если ты настоящий мужик, будь как японский самурай, как самолет на боевом курсе, для которого нет преград, когда он выходит на цель. В лепешку расшибись, а вершину одолей! Чаще всего об этом и пел очень придирчивый к каждому слову отдельной песни и в целом выбору репертуара мужественный или, как сегодня сказали бы, брутальный мачо — Марк Бернес. (Которого по доверительному признанию бессмертного Иосифа Кобзона друзья за глаза называли не Марк Наумович, а Марк Себенаумович.)

В жизни очень часто так случается,
По весне, когда растает снег,
На пути на жизненном встречается
С человеком человек...
Он хорошим парнем называется,
Ей такого не сыскать вовек,
Почему смущенно улыбается
Человеку человек?

* * *

Пришли другие времена. Звучат иные имена. Самопровозглашенными королями и примадоннами эстрады поются новые удивительные песни. Например, вот эта: «Цвет настроения синий» (как нос у алкаша?). Или «Снова курю, мама, снова» (радуйся такой дочери, дорогая мама). Но песни, ладно, глупые отомрут, а хорошим, добрым и человечным песням суждена долгая счастливая жизнь. Жаль другого: хорошие профессии умирают. И в их числе — ни в чем, ни перед кем не повинная профессия, обозначаемая легко прижившимся французским словом — конференсье.

Нет в нашем искусстве больше потребности в авторах реприз, режиссерах-постановщиках и, главное, мастерах-исполнителях шуточных и серьезных концертных вставок — таких, как Борис Брунов, Михаил Гаркави, Лев Шимелов (кривлянье подражающих друг другу «петросянчиков» не в счет)... Остались лишь глашатаи — ведущие, способные громко, выразительно, почти не ошибаясь, объявлять имена и фамилии очередного выступающего.

Мне жаль. Словно что-то личное отщипнула от души новая монолитная эпоха, сменившая «век-волкодав». Но с этим уже ничего, видимо, не поделаешь. Как и с преждевременным уходом из жизни многих и многих детей войны. В том числе — моего брата. Мальчишки из поколения недоедавших. Голодавших и холодавших. В чем-то отторгнутых и не признанных. Рано — не по возрасту и силам — впрягшихся в рабочую тележку.

Что же. Простите и... прощайте, мсье-конференсье...

ВАССАЛ

Вассалы — люди, обладающие земельным наделом, признающие себя подданными короля.

Росточком с хиленькую камчатскую березку, щупленький, сутуловатый, верткий, как малолетний воришка, Ленчик никогда не смеется в полный голос. Зачем? Ему, костлявому подростку с остро выпирающими локтями и личиком, обильно крапленным созвездиями веснушек, бывает достаточно, услышав рискованные шутки, лишь стыдливо похлопать полусонными глазками, тихонечко прыснуть в ладошку и, втянув утиную головку в плечики, поникнуть, как та сельская девица, воспитанная старовой-бабушкой, вдруг застуканная на просмотре порно...

Зимой, когда январские морозы трещат на далеком севере, а в его почти что южном городе Липовске на улицах больше грязи, чем снега, Леня все равно опускает клапаны куцей шапчонки, подбитой то ли собачьим, то ли кошачьим мехом (и через тридцать лет после войны еще носили такие), запахивает в два оборота вокруг тощей шейки серенький вязаный шарфик и натягивает мягкие, кроличьего окраса варежки. Таково строгое мамино указание, нарушить которое равносильно измене родине, о чем и помыслить нельзя! Мама по-прежнему считает единственного сыночка, без пяти минут выпускника школы, тем малюсеньким Ленчиком, который кутался в квартире в ее пуховый платок и одеяло, объясняя соседям: «Мне дюдя!» Вот тебе и «дюдя».

— Какие люди да без охраны! Куда путь держим? — нехорошо дышит Леньке в лицо патлатый верзила Иващук, рядом с которым всегда, как верный пес, трется-вьется денщик его — Сява, неглупый малый, даже поэт, по странной прихоти судьбы выбравший себе в друзья именно этого косматого Тарзана. Заговорщицки пошептавшись, противно перемигнувшись, шкодники, пропустив одноклассника вперед, внезапно набрасываются на него сзади, с обеих сторон, толкая Леньку в спину так, что слетает шапка с головы, подгибаются от ударов коленки и падает на землю портфель. А пакостники стонут со смеху, распевая тут же сочиненный Сявой экспромт: «Люлек в поход собрался, наелся кислых щей, в походе обос...ся и умер в тот же день!»

Гопников распирает от осознания превосходства, а тут еще и зритель появился. Точнее, зрительница. Соседка Ленчика по парте — Кристинка. Спортивно сложенная девчоночка, дочь участкового полицейского.

— Эй, вы, уроды! — окидывает она презрительным взглядом пиратский дуэт. — Не перегрелись, двое на одного? Кому в лоб закатать?

— Вали отсюда, заступница! — орет на нее, отступая на всякий случай в сторонку (знает, что Кристина — разрядница по карате), писклявый Сява, опасаясь и правда получить крепкий тычок в лоб.

— М-мать божья пожаловала, — насмешливо кривит толстые губы Иващук. — Иди к Лелику, иди, пожалей бедного котеночка...

По-свински похрюкивая, по-собачьи тьявая, непрестанно толкая друг друга и внятно матерясь, школьники нарочно перебегают дорогу перед самым носом фургона-хлебовозки, вгоняя в ступор ошалевшего от страха пожилого водителя. И уже с противоположного тротуара, изощряясь в выдумках, как только можно, показывают своим одноклассникам самые неприличные, самые отвратительные жесты. А понурый Ленчик и спасительница его Кристина так и остаются близ автобусной остановки «Школа» под равнодушными и любопытствующими взглядами пассажиров, выглядывающих из окон самого демократичного вида транспорта.

— Ну что ты хочешь от долбанутых? — участливо отряхивает пальтишко Ленчика верный его друг еще с младшей группы детского садика — быстроглазая Кристина. — Помнишь, что они прошлой весной сотворили? Нет? Вспомни, как эти гоблины бросили пачку дрожжей в туалете, а когда все добро оттуда поперло, табличку на дверях вывесили: «Переучет». Сява эту табличку из материного магазина притащил. А на педсовете, когда их со школы хотели выгнать, мамаша Сявы редела, как белуга, а папаня Иващук всех своих блатных дружков поднял на уши, чтобы только сыночка не выгнали... Ленька, слушай! Плюнь ты на них! Бог шельму метит, как моя бабуля говорит. Они свое еще получают.

Леня возвращает на место сбитую шапку и сорванное кашне, как называет его шарфик мама, и, пошмыгивая носом, молчит, безучастно озирая окрестности. Спешит, поскальзываясь, к отходящему автобусу нервно потряхивающая головой старенькая богомолка в черной юбке до пят, шепча, наверное, спасительную молитву себе под нос, но не в силах подать голос, выкрикнуть просьбу шоферу подождать еще минутку. Быстро-быстро, обратив взор к небу, пробегает по самому краю тротуара, прижимая под мышкой пустую картонную папочку, бородатый городской сумасшедший Беляш, нацепивший на переносицу солнцезащитные очки с заметной трещинкой на левом стеклышке и прикрывая овальную лысину какой-то измятой панамой — то ли детской шляпкой, то ли туркменской тубетейкой. Его провожает насмешливым взглядом беззубый седой клошар — «Не пролей капли», с утра занявший свой привычный пост на «капитанском мостике» — изрезанной перочинными ножами и испещренной бранными словами скамейке в сквере близ памятника вождю мирового пролетариата, точке сбора всех городских алкашей-романтиков.

Примечательная черта каждого такого «алика» — нервно подрагивающие ручонки, давно забывшие суппорт токарного станка или мастерок каменщика, прокуренные усы, свалывшиеся пегие бородки и если не потная лысина, то давно немые патлы, прикрывающие тоскливый взгляд исподлобья с укором, адресованным трезвой части населения, не разумеющей мятущихся порывов людей «заквашенных». «Дай! — читается в пламенеющих очах адепта аптечного магазина. — Душа горит, блин, адским пламенем, дай же ты хоть полтинник, хоть гривенник на опохмел, век свободы не видать!»

И дают.

Ленчик, конечно, благодарен Кристине за ее душевный порыв. Не каждый пацан так решительно кинется на помощь другу, как она, девчонка. Но наружная согбенность и смиренность Ленчика вовсе не отражают его внутреннее, душевное состояние. Потому что в душе Лени Вертушкова зреют гроздь гнева, мнятся ему самые жестокие, самые суро-

вые и беспощадные картины мести обоим наглецам из подворотни. Наказания, от которых и суд инквизиторов содрогнется. Что за кары? Сброшенный с высокого моста в реку со связанными руками и ногами вечный второгодник Иващук — с кляпом во рту, пучащий поросячьи глазенки. Рабски пресмыкающийся у Ленькиных ног, слезами и соплями вымаливая себе прощение, жалкий расстрига Сява. Сбившаяся в кучу трусливая толпа крысят, других подлых орков. И вершит справедливый суд над ними во дворе школы на глазах учителей, Кристинки, Кота Леопольда (о нем мы еще расскажем) гордый Леня в пурпурной прокурорской мантии. Единственный и неповторимый защитник всех обиженных и угнетенных. Робин Гуд из уездного града Липовска.

* * *

А в тесноватой учительской комнате полнозвучно, убежденно, как это свойственно учителям с большим стажем, пожилая классная руководительница Ленькиного 9 «А», женщина рослая, крупногабаритная, чуток страдающая одышкой, мнение свое высказывает как теорему на уроке — непрерываемо, поневоле заставляя прислушиваться к себе всех, кто рядом.

— Настоящий сатрап его мамаша. Как придавила сына с пеленок своим авторитетом, так и держит эту чугунную плиту, не отпуская ни на йоту...

— Да, Екатерина Даниловна, тысячу раз да! — тут же, подобно птичке-синичке, быстро-быстро клюет острым носиком, поддакивая, бывшая ее ученица, молоденькая химичка, стоящая у распахнутой форточки. — Я вообще в шоке! Да вон пожалуйста — только мы помянули, посмотрите, видите, в скверике, нет-нет, левее, кто прохаживается? Конечно, мадам Вертушкова. У Лени уже усы растут, а мама его как первоклашку из школы встречает. Ну? Каково?

— Да у него не только усы растут, — тут же вскидывает голову и заливается смехом в одиночку белозубый крепыш-физкультурник, ввергая в некоторое замешательство почтенных педагогических дам возрастом постарше (а молодежь понимающе хихикает, лукаво пряча глазки). — Ну а че, уж он такой плохой? По мне, Леха — нормальный чувак. Стометровку бегают на значок ГТО, тринадцать и четыре, на гимнастике вис, ну, подтягивание, выполняет четырнадцать раз. Иващук у них битюг с виду, а рохля, коня не перепрыгнет... Ой, да ну их! Пойдем, Ириночка Владимировна, в теннис погоняем, — изображает мах ракеткой в сторону спортзала качок-голубок, умело охмуряющий кокетливую голубку. И расправляет плотно сбитый учитель культуры физической шире, еще шире, как турман крылья, и без того широкие свои плечи. Между прочим, мастер спорта по спортивной акробатике. В жизни — тот еще акробат!

* * *

— Мама, я тебя прошу! — вырывает руку Леня, глазами указывая Элле Максимовне на Иващука и Сяву, гундосящих из-за покрытых снегом кустов барбариса: «Ой, куда же ты, Люлек, ой, куда ты?..»

— Не поняла! В чем дело, Леонид? — свинцом наполнен голос родительницы, сурово сдвинувшей мохнатые брови шалашиком.

— Да ты посмотри, посмотри! — шепчет раздосадованной маме все-

гда такой ласковый и покладистый ее теленочек. — Посмотри! Хоть кто-то из взрослых кого-нибудь из нашего класса встречает?

— «Хоть кто-то... Хоть кого-то... Хоть что-то...» Что это за скобарское «хоть», что это вообще за люмпенская лексика, Леонид? — брезгливо кривит умело подкрашенные губки Элла Максимовна. — Ты кого стесняешься? Тех вон конюшенных, годных лишь подсматривать, подглядывать да подслушивать? Недаром такому быдлу бояре да дворяне подсвечниками физиономии чистили. Но ты-то?

«Господи, да говори же ты вполголоса, а лучше совсем умолкни! — вцепившись в старомодную мамину муфту, увлекает воспитательницу подальше от сквера Ленька. — Тебе-то что? Прокричала и забыла. А меня завтра эти конюхи опять попутают и что делать? Эх, засветить бы Иващuku в табло отцовским кастетом, звездануть бы ему прямо в хрюндель, чтоб он юшкой умылся! Сява — тот сразу драпанет. Умел бы я только драться...»

* * *

В томительную каникулярную пору, когда девятый класс позади, равно как и не состоявшееся выяснение мужских отношений с той самой «парой гнедых» (Ленька не знает, что мама звонила директорше школы, предупредила ее о последствиях, ЕСЛИ НЕ УЙМЕТЕ ХУЛИГАНОВ... Вы поняли, да?), он остается один-одинешенек. Все приятели растеклись, разбрелись, разъехались кто куда. Кристинка звала его с собой в Ялту: «Вертушок, поехали? У меня там тетка живет, мамина старшая сестра — мировая бабулечка! После войны зрение у нее почти что нулевое, зенитчицей “от” и “до” провоевала, а она запросто кроссворды разгадывает, на гитаре поигрывает, даже стихи сочиняет. Поехали? Хочешь, плацкартой, хочешь — автостопом? А, ну да!.. Ты готов, да мама не пускает... Жаль!»

Иващук и Сява устроились подменными на консервный завод; грузят стеклянные банки в автокары, подметают в очередь территорию, а в обеденный перерыв выпрашивают у женщин в кондитерском цехе теплую еще халву и баночки с протертыми яблоками, детское питание «Неженка». Проявив вдруг невиданное миролюбие, звали они и Леньку в свою компанию: присоединяйся, заработаем за пару месяцев на велосипеды, здесь и трудовые книжки заводят, все по-взрослому. А! Ну да, муттерцуттер... Тогда... «Будь здоров, читай газету, поумнеешь к концу лета», — не задержался с присказкой доморощенный поэт Вячеслав Степанов. Он же Сява, чьи состоятельные родители-цеховики, не зная, куда девать жгущие ляжки тугрики, кочевали почти все лето по морям, по волнам, из одной курортной страны в другую, присылая сыну открытки с пальмами, лазурными берегами, крахмальными пляжами. Отчим Славки не захотел брать с собою пасынка, чтобы не мешал затянувшемуся медовому месяцу. Поручил присмотр за ним брату — недавнему флотскому старшине второй статьи, которому было абсолютно до лампочки, позавтракал Славка или не позавтракал, пообедал или не пообедал, пришел он ночевать в свой «кубрик» или забурился где-то с друзьями...

«Да я в его годы на берегу раньше четырех и не появлялся. Утра, конечно», — яростно расчесывал пятерней густую растительность на груди бравый морской волк дядя Митя. Но тут же смущенно умолкал, поймав на себе настороженный взгляд жены, с интересом ждущей продолжения батальных историй муженька «о походах дальних, о боях с врагами».

Вон, оказывается, ты какой, птенчик? Что же это ты делал, с кем же это ты кадрился до четырех утра? А? А мне что пел? Девственник!

Леньке порой кажется, что только он один обречен париться все каникулы в своем осточертевшем, однообразно сонном городке, который надменная погода обходит дождями и в июне, и в июле, и вот уже в начавшемся августе. Что остается делать юному страдальцу-Вертеру в старом, как мир, закопченном дворе-изоляторе, с детских лет знакомом от стен и до крыш? Маяться. Мерить от нечего делать затейливыми шагами вдоль и поперек древнюю скрипучую веранду, мурлыча себе под нос услышанные по радио веселые песни. А вечерней порой, перевесившись через перила, созерцать, как принимают в глубине двора «Вермут» футбольные болельщики, огорченные очередным проигрышем никудышнего «Электрона». Ух, какие пенки-гренки отвешивают они в адрес дырявого вратаря и полного балбеса-тренера... Им бы... Они бы... Да разве так?.. Ух!

Но наиболее захватывающее действие начинается уже в полной тьме, когда мама, отдыхая, возлежит на диване перед телевизором, увлеченная тем, как интригующе «Тени исчезают в полночь». А он, выбрав удобную позицию в углу веранды, прилаживает массивный морской бинокль с восьмикратным увеличением — папино наследство! — для наблюдения за хорошо освещенной комнатой в таком же старом двухэтажном доме, стоящем наискосок, где с незапамятных времен располагается общежитие музыкально-драматического театра, наполовину заселенное южными торговцами овощами и фруктами.

Когда спадает жара, парочка молодых дарований обязательно репетирует при свете подслеповатой лампочки какую-нибудь мизансцену из будущего спектакля. Что характерно, примеряя на себя образы героя и героини, даже если это, допустим, гоголевские старосветские помещики, актеры пребывают, ну, очень легко одеты. В этот раз они под бравурную музыку в курортных шортиках осваивают не классику Александра Островского, а современность: знаменитую оперетту «Белая акация». Весь Липовск заклеен афишами о грядущей премьере. И в Ленькин двор отчетливо доносится певучий голос пикантной одесситки Лоры, напропалую кокетничающей с бабником, жуиром и ловеласом Яшкой-буксиром, не сводящим кошачьих глаз с миниатюрной Лориной майки-алкоголички. Герои долго-долго обнимались (ну никак не давалась им эта интимная сцена, не получалась правдоподобно, требовались дубли и дубли...). Наконец, слепились! И тут же дернулся и поплыл занавес, выполненный в форме плотной оконной шторы, не оставляющей ни миллиметра просвета. Все. Гуд бай, наш юный зритель! И вы, и вы, и вы, все-все-все соглядатаи импровизированной репетиции, пока! До завтра! Ждем вас на премьер, дорогие друзья!

Протяжно вздохнув, безмолвный статист, представляя, какое феерическое продолжение спектакля развернулось в эти минуты там, в доме напротив, за плотной шторой, уныло шаркает к себе, на кухню, пожевать на сон грядущий что найдется — сырник ли, холодную котлету или, в конце концов, ржаной сухарик. Только яблочко? Зато белый налив. Сойдет.

Утром его поднимет если не дребезжащий будильник, то «Голос Америки», который ловят днем и ночью на коротких волнах радиолы «Латвия» полуглухие пенсионеры за стенкой. На столе тетрадный листочек с беглым маминым почерком наискосок: «Полей цветы, пропылесось квартиру, вынеси помойное ведро, сходи в магазин за хлебом, отдай в почин-

ку мои туфли и свои ботинки»... Можно не спешить. Пусть продолжается обломовское состояние с ленивыми мыслями о Кристинке, ее загорелых плечиках, так мило смеющейся рожнице, белокипенных зубках: где там она, что там она, с кем там она гуляет по набережной Ялты? Как хорошо бы освоить брасс и баттерфляй, изумляя потом мощным спуртом девченок-динамовок, каждое утро тренирующихся на берегу. Еще звал его в секцию бокса хороший мамин знакомый, известный тренер: приходи, Ленька, пока не поздно, хотя Валерий Попенченко вон когда начал... Думается ему и о посещении той самой оперетты с красавицей Лорой и колоритным Яшкой...

Только никуда он не пойдет. Плавать в одиночку стремно, сходил однажды на пляж, а пока плавал — шпана новенькие треники со скамейки сперла, подкинув взамен какое-то рваньё. Бокс? Это режим, перчатки, груша, ринг, канаты, насмешки, плюхи в нос и в лобешник... В театр? Ага, размечтался! Опять с мамой под ручку?

И все заканчивается продолжительным зевком да бездумным чтением в мягкой кровати эпопеи про разведчиков с папиным шутовым автографом на обложке: «Прочти, сынок, и вытри слезы над этой бедной книжкой прозы». Эх, папа. Где ты сейчас? Помнишь хотя бы, что я есть на свете?

* * *

По закону подлости, часто приходится нам в жизни мириться с неизбежным. Вот меньше всего хотел Ленька встретить сегодня всегда слегка поддатого, шумливого, суетливого мамино начальника — похожего на мультипликационного Колобка главного врача ее поликлиники, перед которым все трепещут, все заискивают, а за глаза кличут не иначе, как Кот Леопольд, обыгрывая его вельмишановное польское имя-отчество Леопольд Владиславович, унаследованное, видимо, от обнищавших шляхтичей в пору изгнания их из пределов Москвы, когда началась державная смута.

— О, бамбино! Мамбо итальяно, эй, мамбо! — семена короткими ножками, изображает то ли твист, то ли чарльстон Кот Леопольд, раскидывая короткопалые ручки для объятий и вновь исторгая фонтан якобы французского красноречия: «Кум а лен трэ, кум те ля пасе?»

Ленька с младенчества помнит эту грассирующую игру слов дяди Лео, в былые дни ночевавшего в их доме после поздних посиделок с мамой. «Ты, сынок, ложись, спи, а я Леопольду Владиславовичу на кухне постелю, куда ему в такую темень к себе добираться?..»

И никак нельзя обойти сейчас Кота Леопольда сторонкой, уклониться от винного исчадия, отчетливо доносящегося из широко распахнутого зева без пяти минут заведующего городским отделом здравоохранения. Лео — это все. Это царь и бог, о котором говорят с почтительным придыханием и доверительным шепотом. Макиавелли! Что вы...

У Эллы Максимовны на всемогущего Леопольда Владиславовича свои далеко идущие планы — не как на любовника, куда уж там... Как на верного помощника, соратника, друга и... волшебника! Секрет прост: она спит и видит свое любимое чадушко преуспевающим доктором, а со временем и вовсе знаменитым профессором, доктором, нет, академиком медицинских наук. Лауреатом трех Государственных и одной Нобелевской премии за открытия мирового масштаба в области онкологии, гинекологии и уро-

логии, самых-самых ответственных сферах в организме каждого человека. Ее Ленчик обязательно найдет, обязательно изобретет — у него светлые папины мозги ученого! — способ спасения женщин от фиброаденомы молочной железы с помощью фармакологии, избегая скальпеля и всех ужасных операций, связанных с ампутацией груди... Пациентки благополучно восстановятся от страшных болезней, постараются как можно скорее забыть о доставлявших им столько горя и слез новообразованиях и произведут на свет прекрасных здоровых малышей. Даже не по одному, а по несколько, которых в знак признания и благодарности врачу-спасителю привезут в детских колясках или принесут на руках в резиденцию короля и предъявят в пеленках и памперсах богам медицины на всемирной конференции в шведской столице — городе Стокгольме, на заседании Нобелевского комитета.

И подавляющим большинством голосов победит, конечно, Ленчик. Спасенные им от ампутации молочной железы женщины-россиянки, индианки, австралийки, китайки не постесняются оголить перед высочайшим врачебным синклитом смуглые и алебастрово-белые свои груди, показать мировым специалистам отсутствие даже малейших операционных и послеоперационных шрамов, предъявят вскормленных их материнским молоком новорожденных потомков и...

И написанные академиком Леонидом Кирилловичем Вертушковым книги — «Практическая онкология», «Практическая гинекология», «Практическая урология» — издадут, как труды Авиценны, тяжелыми томами в кожаных переплетах, с фотографией автора на фронтисписе, с золотыми обрезами, на мелованной бумаге с цветными иллюстрациями, отделенными пергаментом или восковой калечкой. Их переведут на все мыслимые и немыслимые языки планеты, выпустят массовыми тиражами в качестве главных учебников и пособий для медицинских вузов и колледжей всех стран и континентов. А потом кандидатуру Леонида Кирилловича Вертушкова — уже главного врача самой главной клиники, которому почтительножимают руки все небожители, весь Кремль, — родной Минздрав представит в порядке исключения на вторую Нобелевскую премию. Как главного борца и победителя всех на свете инфекционных заболеваний, в том числе — малоизученных, но реально угрожающих человечеству.

Но пока, для начала, нужна лишь малость: протекция человека, знающего подход к столпам медицинских вузов, где конкурс каждый год просто зашкаливает. Исполнитель задумки — Кот Леопольд. Возьмем этот барьер, и потом не то что Москва или Стокгольм — да что там Стокгольм! Нью-Йорк, Рим, Париж, Берлин, Копенгаген — весь мир будет у ног ее гениального сына!

Лео такой. Лео сможет. Лео — верный друг в счастье и первый утешитель в несчастье. Это он возвращал ее к свету, когда бывший муж — бородатый однокурсник Кирилл, Кирюха, три года живший на ее иждивении, — с получением диплома помахал супруге ручкой и укатил к себе на родину, в покрытые лавром и самшитом скалистые горы, расположенные между Грузией и Абхазией. Оставил младой семье на память морской бинокль, прочитанные по институтской необходимости книги, а лично для больного сына, над которым нужно было дышать, которого нужно было кормить по часам из пипеточки, чтобы не расстался мальчик с жизнью, — выменянный у друзей-земляков кастет: отмахиваться от хулиганья на танцевальных вечерах в Марьиной Роще.

— Эллочка, солнце, подними как можно выше рученьку, вот так! А

теперь опусти ее резко вниз и скажи громко, вслух скажи: «Да пошел ты, Кирюха, козел вониючий, кобыле в зад! Жалкий ты человечиска. Предатель! Чтоб у тебя на лбу рог вырос!»

Вытри слезы, Элла! Ты классный гастроэнтеролог, перед твоим кабинетом всегда стоит очередь, а сын вырастет — будет тебе надежной опорой. Посмотри вокруг, жизнь бьет ключом. Видишь, уже зацвели каштаны, ах, какие они выбросили свечки! Плюнь на того рыжеусого котяру, никогда он мне не нравился, пусть ему каждый день легко икается. А ты начинай с листа новую книгу!

Так говорил ей, горько плачущему молодому врачу, Леопольд Владиславович. Говорил именно то, что нужно было сказать, что она и хотела бы услышать в минуты горького душевного надлома. Как если бы его устами говорил сам Заратустра!

* * *

Коллекционер анекдотов и пустопорожних шуточек, собиратель ча-стушечного фольклора, любитель озадачивать собеседника примитивными шарадами вроде той, уже прозвучавшей («Кума лен трет, кум теля пасет»), и на самом деле мог многое. Это он только для виду напускал на себя маску чудака — сельского простачка, только что сошедшего с автобуса из деревни Козюльки. В молодые годы Леонардо да Винчи — так его звали однокурсники по мединституту — всерьез увлекся нейрохирургией и ассистировал самому профессору Аджамашьяну на трепанациях черепа. Читал курс лекций на курсах повышения квалификации. Стал заслуженным врачом и удостоился орденов, медалей. Но против дошлых москвичей при всех его громких званиях и регалиях, казалось бы, козырная карта оказалась бита. Пас.

Нет, все бывшие друзья впрямую ни в чем ему не отказывали, напротив, демонстрировали только расположение. Деланно хохотали над примитивными, давно им известными шуточками провинциального коллеги, охотно потребляли выставляемый им в гостиничном номере как армянский, так и дагестанский коньячок, а на десерт и чистой липовской самогоночки не чурались. Пока бражничали — пели студенческие песни, обнимали, вспоминали, хлопали по плечу, настаивали звонить им без всяких там эквивоков и церемоний в любое время: «Телефон мой помнишь? Номер тот же...» Запихивая в карманы пиджаков или в бумажники визитные карточки друга и брата Златопольского — он же, по молодости, Леонардо да Винчи, — обещали свою бескорыстную поддержку, протекцию, помощь. Еще и еще раз крепко пожимали руку на прощанье... И растворялись в тумане голубом, таяли, как предутренние звезды, чтобы никогда больше не появиться на горизонте.

Абитуриентский ажиотаж при поступлении периферийных талантов в престижные вузы столицы достигал тысячи вольт. Повышенный спрос пап и мам на всемогущую мохнатую лапу, каковой артистично подавали себя пронырливые жучки-решатели, в летнюю пору зашкаливал. А значит, сладостным нектаром, пчелиным раем, духмяным луговым сенокосом был этот период для ушлых шулеров с их негласным каноном: обмани ближнего, ибо не дремлющий конкурент опередит тебя и возрадуется.

Смущенный Владислав Леопольдович только и развел руками перед обомлевшей от горькой вести Эллой Максимовной: «Эллочка, хоть убей. Я перед этой ратью оказался бессилён! Сдаюсь».

Фиаско? Крах? Амба? Возвращаться в забытый богом и ЦК профсоюзов Липовск на щите, терпеть насмешливые взгляды досужих кумушек и ловить пересуды не чурающейся сплетен местной интеллигенции? Выслушивать притворные утешения торжествующих в душе неудачников: не всем, мол, быть в этой жизни профессорами, кому-то и у станка нужно вкалывать. Вкалывайте, кто вам мешает? Но, пардон, Ленчику? Да ни за что на свете! В почтовом ящике листовка — Липовск предлагает льготу абитуриентам: поступление без экзаменов в этот, как его, аграрно-промышленный техникум. Вчерашнее профтехучилище. Приют последней надежды для разных лаек и сявок... Ага! Сейчас. Разбежались. Шнурки погладим и побежим. Нет уж!

Коль не вышло с медицинским, мой сын, гуманитарий, будет филологом. Тем более что студентов педагогических вузов в армию не берут, общежитие дают, и все предметы будут ему по силам. Главное, нет той зловредной химии, которую — если признать честно — существенно недодала Ленькиному классу глубоко увлеченная то ли настольным теннисом, то ли крепышом-физкультурником школьная хохотушка-химичка. По правде говоря, при поступлении в медицинский вуз на экзамене по химии Ленечка мог срезаться только так, и никакие Львовичи-Ивановичи бы не помогли. Потому уж лучше открытые настежь двери историко-литературно-филологического, чем таящие опасности меда Первый и Второй... А липовским аборигенам что филология, что философия мало о чем говорят, равно как изысканное французское слово «метранпаж» (особенно если произносить его нараспев, с прононсом) или звонкое румынское слово бранзулетка... Посудачат и забудут. Другие сенсации нагрянут.

* * *

Леонид Вертушков восхитил экзаменаторов и дикцией отменной, и эрудицией. Читал с особенным выражением стихи Маяковского о советском паспорте, кусочек шолоховской прозы о дедке Шукаре, с надрывом — горьковского «Буревестника», ничуть (как, впрочем, и вся приемная комиссия) не задумываясь, каким это образом расположились «между тучами и морем» вся враждующая гоп-компания — гагары, пингвины и черный демон...

— Слушайте, а ведь парень — артист! Кэээк он этого чиновника утивного изобразил, а? Лановой позавидует! — все еще перхая смехом, откашливался декан, едва захлопнулась дверь за липовским юношей.

— А мне понравился его запал в «Буревестнике», — задумчиво крутила рыжий локон заведующая кафедрой. — Такая, знаете ли, чисто горьковская публицистика. Да... Будет этот парень у меня в группе старостой. И в студенческий театр его привлеку... Ну что это у нас везде одни девчонки. Пусть, наконец, стены мужской голос услышат.

* * *

Новобранца Ваську Иващука отправили в мотопехоту, Славку Степанова — на флот. Пехотинец — «зеленый огурец», — отрабатывая строевой шаг, вздымал кирзовыми сапогами пыль на полигоне под славным городом Владимиром. Принявший присягу от стариков оловянными ложками по заднице другой «салага» осваивался в латышском порту города Лиепая (Либава) с непривычным обмундированием, подъемом и отбоем

по распорядку. Конечно, как все рекруты, липовские первогодки тосковали по родному дому, ждали писем, мечтали хотя бы на часок вернуться в свой уютный городок с его кривыми улочками и переулочками, чтобы походить там по центральной «стометровке», пофорсить в военной форме при погонах перед барышнями, полопать мамины оладушки... Грустили парни, тосковали, но уже усвоили то, что сразу им сказали басовитые командиры: оставь надежду до отпуска, солдат и матрос! Глотай на ужин склизкое картофельное пюре и недожаренную такими же, как и ты, первогодками — поварами морскую рыбу минтай. Завидуй штатским, хотя бы тому же военнообязанному, но избежавшему «хэбэ», шинели, кирзовых сапог Леньке, — ни фига себе! — теперь жителю самой Москвы с ее сказочным Кремлем, Красной площадью, станциями метро, известными всему миру театрами и кинотеатрами, парком Горького и синим троллейбусом Булата Шалвовича Окуджавы... Завидовать — завидуй, а лямку тyani, медный котелок! Устав для всех един.

Кто-то в армии служил, а кто-то осваивался в институтских коридорах и аудиториях, с удивлением узнавая, какие известные люди — барды, художники, артисты, ученые, политики — вышли из этих стен. Правда, вот только профильных выпускников, которых призван был готовить педагогический вуз для советской школы — учителей — за все минувшие годы и даже десятилетия что-то не обнаруживалось. То ли скромничали, то ли поменяли профессию.

А как сложится после выпуска судьба у него самого? Ленька об этом старался не думать, плохо представляя себя учителем, стоящим с указкой в руках у доски или сидящим за столом перед классным журналом, призывая к ответу некого нового Иващука или Сяву... Подумать — и сразу становится тошно.

Леня Вертушков, как и предсказывали ему на приемных экзаменах профессора-педагога, «вдарился» в артисты. Институтский режиссер, молодящийся усач, некогда подвизавшийся ассистентом в знаменитом московском театре, взял да и замахнулся на беспроектную «Свадьбу в Малиновке». Он прекрасно помнил, он знал и видел, как репетировал, как ставил ее в «Сатире» недосягаемый по таланту новатор отечественной сцены, за плечами которого целый кладезь шикарных фильмов и спектаклей. Ну так что? Не запатентованы ведь приемы великих, повторять их в формате институтской малой сцены не запретишь.

Режиссер — питомец целинных и залежных земель, родившийся в самый канун освоения их комсомольцами-добровольцами со всего СССР, мечтал о Голливуде, обожал ковбойские наряды, носил дерматиновые куртки и в силу малого роста самолично подбивал каблуки чешских туфель «Батя» каучуковыми подметками из микропоры, что прибавляло желанные три-четыре сантиметра. Щеголяя все именами знаменитых актеров, даже не подозревавших о существовании некого их собрата, он отчаянно набивал себе цену, авторитет и значимость. Хотя и без придания псевдозначимости справлялся он с режиссерским ремеслом очень даже недурно, удастаясь искренних аплодисментов публики и похвальных грамот начальства. Ну а причем здесь Леня?

Задумчиво пощипывая собранный на затылке в жиденькую косицу пучок волос, требовательный режиссер просматривал новичка в разных ипостасях. Начал с эпизодической роли Яшки-артиллериста. Отбой! С выворотностью косолапящих ног и забойным танцем «в ту степь» у рыжеватого первокурсника дело обстояло совершенно неважно: отдал

носки партнерше и сам запутался в простеньких па. Куда ему на ключевую сцену?

Примерили щупленького Ленчика, накинув ему чапаевскую бурку на плечи, в качестве пана атамана Грициана-Таврического, опять атас: голос не громовой и стать не та, ну куда ему с врожденной худобой и ангельскими глазками играть жестокого белогвардейского атамана? Кто из красногвардейцев такого щегла испугается?

Попробовать его отцом дивчины Яринки? Молод, никакой грим и приклеенные усы не спасут. Дедом Нечипором? Так он не артист, задницу по-стариковски, как это легко делают первокурсники ГИТИСА на этюдах, не сумеет отклячить. Стоп!

— Ну-ка, Олечка, быстренько тащи сюда малиновые штаны, гармошку и тельняшку! — снизошло вдруг озарение на режиссера, тут же подхватенное добровольным его ассистентом Олечкой.

— Токай Курбанович, вы гений! — не смогла сдержать она восхищения, любуясь костюмным перевоплощением полчаса назад зажатого новичка в приклеивающего шулерские усики прожженного маркитанта Попандопуло. — Полное попадание! Можно я вас в щечку поцелую?

И в самом деле! Стоило только нахлобучившему рыжий парик и поварской колпак «усатому» ловеласу Ленчику показаться в час премьеры из-за кулис, стоило лишь ему с пришепетывающим одесским говорком пооткровенничать перед публикой, похваляясь, как удачно выменял он вот эти вот малиновые штанишки на пулемет, как, сгибаясь от хохота, глетчером начал сползать со стульев первый профессорско-преподавательский ряд. За ним — второй, студенческий. И пошел Ленчик укладывать ряд за рядом зрителей, исполняя без фонограммы своим «баритонном-козлетоном» уморительные куплеты: «На морском песочке я Марусю встретил в розовых чулочках, талия в корсете». Народ хохотал до полного иступления. До изнеможения. До икоты. До ощутимых позывов — скорее бежать к ближайшему туалету. При каждом появлении «Григория Попандопуло» с его огромным маузером в кобуре зал просто неистовствовал!

И вот недавний серенький воробышек, один из многих в птичьей стае, Ленчик-пончик наутро проснулся знаменитым. Не зная и не предполагая, что прямой виновник его успеха — Токай Курбанович — в то же утро давно не спал, лежал, курил, буравя взглядом потолок, не столько упиваясь ошеломительным успехом комедии, сколько укоряя себя за недомыслие, за то, что он, вахлак, сам не сыграл такую забойную роль — Попандопуло. И теперь слава досталась не ему, а этому... липовскому недотепе с его школярским страхом в глазах сделать что-то не так, до сих пор не отучившемуся шаркать по сцене в своих провинциальных «тухельках» с загнутыми, как у всех выходцев из деревни, носами.

Ну да ладно. Что теперь поделаешь? «Бери все, я себе еще нарисую!» — ухмыляясь, говорил Попандопуло, шулер, барыга и фальшивомонетчик. Есть тонкий смысл в этих словах, если вдуматься...

* * *

Творческой личности похвала нужна, как канифоль скрипке. Кто будет спорить с бессмертным афоризмом Козьмы Пруtkова? Ленечка купался в лучах славы, похвалах и комплиментах, отгоняя трезвую мысль о том, что на его долю выпала всего лишь одна, одна-одинешенька удачная роль само-

деятельного артиста. Слава бежала впереди героя, окуривая его дурманящим кальяном звездности и овеяв опухшим общепризнанности. После победы «Малиновки» на зональном смотре-конкурсе студенческих театров Вертушков стал вообще недостижимой личностью, получив полный карт-бланш на посещение лекций, семинаров, сдачу зачетов и экзаменов. Именная стипендия из благотворительного фонда памяти выдающегося артиста Христофорова обеспечивала теперь Вертушкову, актеру пусть и одной роли, вполне сносное земное существование вместо прежнего прозябания, когда надо судорожно зажимать в кармане последний рубль, высчитывая дни до ближайшей стипендии или маминого денежного перевода. Хватало пусть и на редкие, но звонки в Липовск матушке, а зачем ее чаще тревожить, когда сынок ни в чем не нуждается? И на походы в коктейль-бар, на зависть иным одногруппникам, только мечтающим о столике в модном кафе за креманкой с мороженым и хрустальным бокалом сидра...

А недавно ведающая расположенной чуть ли не на чердаке лабораторией биологического факультета черноокая вдовица, сама в студенческую пору игравшая в институтском театре чеховскую «Чайку», предложила мужающему Попандопуло необременительную подработку ассистентом у нее на кафедре.

— Да у меня по химии со школьных лет три с минусом, — был откровенен Вертушков. — Я вам такую гремучую смесь наготовлю, что весь институт на небо взлетит.

— Мальчик мой, ничего готовить не придется, — улыбалась в ответ полнотелая смуглянка, дерзко заглядывая Леньке в глаза и как бы невзначай поглаживая запястья враз почувшего невыносимую сладость женского тела студента. — Вот в шкафчике аптечные весы, на полочке повыше бюретки, воронки, пипетки. Это? Вата гигроскопическая, в бутылках вода дистиллированная. Везде бирочки, ярлыки, наклейки. Только и дел — выдавать студентам посуду на лабораторных занятиях. Начнете вместе со мной, потом перейдете на самостоятельность. Единственное что попрошу: следите, чтобы никто из ребят не трогал гидроокись натрия и гидроокись калия. Договорились, м-мм?..

Ленька ахнуть не успел, как высокая договаривающаяся сторона бесшумно крутнулась на каблучках к двери, ловко повернула ключ на два оборота и, по-кошачьи сцепив пальчики, горячечным шепотом сразила гостя наповал: «Ага! Попался? Зачем кусался?»

Как было ошалевшему добру-молодцу устоять против колдовских чар красной девицы? Лео безвинно пал. «И был последний день Помпеи для русской кисти первым днем!» Так и лишился Ленька целомудрия при не выясненных до конца обстоятельствах.

А «инструктор по вождению», прошептав поверженному Попандопуло «Я первая, ты за мной!», оперативно маневрируя внутренними ресурсами, исчезла за могутным старинным шкафом с пробирками и микроскопами, прихватив для омовения баклагу с водой дистиллированной. Ленька же продолжал осмысливать реальность происходящего, распростершись на кушетке ниц, как препарированная лягушка. Слушал игривый плеск воды за шкафом, скользил отсутствующим взглядом по стенам и потолку, вкривь и вкось развешанным плакатам, поясняющим какую-то этнологию, связанную с поражением пищевой ротовой полости, глубокими язвами и развитием абсцесса с последующим рубцеванием. Оказывается, будущих химиков и биологов готовили на биофаке еще и как средний медицинский персонал. Так. На всякий случай. Кто застрахован от войны?

* * *

— Ленечка, сынуля, ты приедешь на каникулы? — проклиная отвратительную телефонную связь, постоянно вмешивающийся чей-то пьяный голос, допытывающийся у похохатывающей собеседницы нечто постыдное, пыталась докричаться из Липовска до Москвы Элла Максимовна. — У нас такой урожайный выдался год, ты увидишь, на рынке все ломится... Что? Я не слышу. Поезд? Комсомольский поезд? Но, родненький мой, нельзя ли... Я последнее время так плохо себя чувствую, опять пляшет давление. Да, я понимаю. Твоя мама все понимает. Конечно, потерплю, что же теперь, раз такое дело... Только будь повнимательнее, пожалуйста, никаких сомнительных друзей, тем более — подруг. Ты меня понял, Ленечка?

А наутро, забыв про ночные слезы, не сбывшееся желание встретить, приветить, обнять, накормить Ленчика его любимыми фаршированными перчиками, прогуляться по городу с так быстро вытянувшимся, неузнаваемо выросшим сыном, Элла Максимовна делилась последними новостями с интересом слушающим ее Котом Леопольдом.

— Ты только представь! Леню как секретаря институтского комитета комсомола включили в состав агитационного поезда, его по телевизору недавно показывали — «Ленинский комсомол». Там десять или даже двенадцать вагонов, а возглавляет их десант, Ленечка говорит, близкий родственник самого Валентина Пикуля. Прекрасный организатор, он уже привез в поездную библиотечку все романы писателя, даже эту вот новинку — «Фаворит»! Ленечка говорит, все зачитываются...

— Еще бы! — понимающе хмыкает Леопольд Владиславович. — Пикуль у нас тот еще историк, врет и не краснеет. Ну да ладно, у писателей профессия такая, иначе кто их будет читать? Что же, я рад за Леню. Поздравляю, Эллочка! Главное, парень приобретает самостоятельность, а то...

Он испытующе посмотрел на Эллу Максимовну — говорить, не говорить? Потом решил.

— А то он под твоим крылышком всегда мне казался таким, понимаешь ли, нюнечкой, маменькиным сынком. Да и не мне одному. А ведь нам над детьми всю жизнь зонтик держать не придется, нужно готовить их в самостоятельное плавание. Вон, как англичане: шестнадцать лет бою исполнилось — гуд бай, милый, вот тебе ключи от дома и живи, как хочешь, ты взрослый человек... А у нас до пятидесяти мамка нетелю одно место вытирает... Ты уж, Эллочка, прости мой язык без костей. Пойдем. Планерка!

* * *

Ничто в жизни из познанного, освоенного, благоприобретенного человеком не пропадет, всему найдется свое применение, дайте только срок. Не пропало и для Ленки то скучное, казалось бы, предвыпускное лето, когда он, бедный, маялся в одиночестве, бесцельно шатаясь по старой веранде, отвлекаясь разве что на запойное чтение разномастной литературы днем да пристальное обозрение окрестностей вечерами. Книги ума добавили, как ни банально это звучит. А потому именно Вертушков, уже замеченный и занесенный в блокнотик кем надо и куда надо, был в строжайшей тайне допущен в святая святых — агитационный отдел ЦК ВЛКСМ — для подготовки «Клятвы молодежи» с после-

дующим коллективным принятием ее студенческой и трудящейся молодежи на Красной площади. Опекал Леньку и еще двух юнцов немногословный инструктор из ЦК рангом куда как выше комсомольского — КПСС! Знали ребята об этом дядьке-Черноморе только то, что он вроде бы вхож в покои самого Сулова Михаила Андреевича, серого кардинала всех времен, которого и генсек Брежнев чуток побаивался, хотя уверял, что всего лишь к нему прислушивается. Но считался он, считался с мнением партийного аскета, скромность которого, в отличие от Леонида Ильича, увешанного 117-ю высшими орденами и медалями, владельца целой коллекции авангардных автомобилей, зашкаливала. Не позволял Михаил Андреевич никому из водителей своей служебной машины «мчаться» даже по безлюдному загородному шоссе со скоростью свыше сорока километров в час, педантично, час в час прибывал в Кремль и всегда в осеннюю и весеннюю распутицу ходил в поношенных ботинках с калошами... Но при этом, правда, обитал в роскошном кремлевском кабинете, где стояли вывезенные из побежденной Германии по репарациям огромные дубовые шкафы, некогда принадлежавшие апартаментам рейхсканцлера Геринга.

Наверное, этому Черномору и принадлежало авторство вступления в агитационное произведение, призванное воспламенить сердца молодежи.

Только вслушаться — мороз по коже: «Партия дала нам вечный огонь — ленинизм. С партией ЛЕНИНА наш народ сорвал оковы рабства, с партией ЛЕНИНА он построил новый мир — Союз Советских Социалистических Республик...»

Тонкий стилист Леня Вертушков внутренне ахнул, заметив в печатном тексте три подряд «на» в одной строке, против чего предостерегал начинающих писателей еще Алексей Максимович Горький. А тут: «Лени — на наш народ...» Разве так можно? Но имеет ли право вассал указывать даже на очевидные промахи своему сюзерену? Не лучше ли промолчать, как молчат, посапывая в свои две дырочки, такие же молодые барсучата, как он. А критиковать любой лох с соседней улицы может. Ты вот создать попробуй...

Леня парился над бумагой чуть ли не до утра, но свой вариант предложил...

«Рабочей правдой, не сломленной кандалами и каторгой, — обводил он суровым взором притихших и поникших буревестников, с уважением поглядывавших на него, яростно жестикулирующего свободной рукой, — свободой, восставшей на баррикадах (слышали бы его сейчас рыжий, как апельсин, папа и обладатель курчавой смоляной бороды, непревзойденный оратор команданте Фидель!), кровью, пролитой комиссарами, клянемся, что вечно будет жить в наших сердцах огонь ленинизма, огонь борьбы, огонь революции. КЛЯНЕМСЯ!»

Потрясая исчерканными конспектами, логарифмическими линейками, первыми попавшими в руки учебниками, надрывая глотки, повторяли в числе прочих добровольцев барабаниящие по перепонкам слова комсомольской клятвы будущие долларовые миллионеры, а пока просто московские студенты, добровольно-принудительно собранные на Площадь.

«Мужеством первых палаток, трудовой гордостью, комсомольской честью клянемся отдать свои силы во славу и могущество нашей Отчизны!»

Многие юноши и девушки действительно отдали и силы свои, и здоровье святому делу. Но были в стройных рядах молодежи, осененной

Леонидом Ильичом, маршалами, генералами, очень кстати приехавшими в Союз высокими гостями — Председателем Государственного Совета ГДР Вальтером Ульбрихтом, Председателем Совета Министров Монголии Южмагийном Цеденбалом, — леди и джентльмены иного толка, со временем отдавшие свои недюжинные силы и способности предосудительным делам ЮКОСа, Новатэка, Роснано....

«Молодостью своей клянемся тебе, товарищ партия, быть верными делу коммунистов. Наше поколение никогда не свернет с Ленинского пути. Каждым ударом сердца, каждым прожитым днем, всей жизнью своей клянемся утверждать на земле коммунизм!»

— А какой он, «Ленинский путь»? Что все-таки представляет собой коммунизм? И зачем, если он есть, еще и утверждать коммунизм?

По несчастью, именно такие вопросы посмел задать, полагаясь на более чем дружескую беседу со старшим товарищем — уважаемым комсоргом, — некий пытливый первокурсник родом то ли из Нефтеюганска, то ли из Северодонецка, Ленька уточнять не стал. Факт тот, что попал наивный куренок в когти к идеологическому ястребу...

— Т-ты как посмел покуиться на с-святое? — заикаясь от волнения, петрушил мальчишку на экстраординарно созванном заседании комитета комсомола гневный, как Зевс, Леонид Кириллович. (Ну вылитый барбудос, обличающий с трибуны сторонников империализма!)

— Т-такая грандиозная акция молодежи, т-такой, п-по с-сути, фестиваль молодежи и студентов, столько с-сил п-потрачено на п-подготовку, все комсомольцы в едином порыве скандировали «Долой колонизаторов!», «Нет Америке!», а ты что? В наймиты на Запад подался?

Всегда поддерживающая шефа Ленка Золотухина в этот раз прятала глаза, молчала, всем видом давая понять: ну, хватит, Ленчик, устраивать публичное аутодафе мальчишке. Ничего уж такого преступного он не сказал, а с вопросом может обратиться к тебе любой, на то ты и политрук, чтобы уметь ответить коротко и ясно, а не истерить, как обворованная деревенская баба...

Ленька краем глаза обстановку уловил, просчитал, понял и тут же сменил гнев на милость...

— Помни, юноша, слова нашей Клятвы: **«Мужеством первых, кипучей энергией молодых, кровью, пролитой политкаторжанами...»** Ты будущий педагог — значит, идеологический боец партии и комсомола, значит, никакого не должно быть у тебя даже в мыслях разброда и шатания. Ты понял свои ошибки? Хорошо, что понял. Иди. Считай, отделался товарищеским внушением. И приходи сюда в следующий раз с хорошими идеями, свежими мыслями, дельными предложениями. Мы всегда рады будем тебя видеть!

Доверительно склонившись к плечу «виновника торжества», неверно выбирающегося из-за стола, Ленка что-то успокаивающее, ободряющее шепчет ему на ухо, дружески похлопывая по плечу. Не задерживаясь, не прощаясь, разбегаются по своим делам члены комитета. А выставленный над форточкой рупор, проверяя голос перед Днем молодежи, воспроизводит первое попавшееся из грампластинок, что нашлось в радиорубке у ведущего, — «Интернационал»:

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо...

«Ни в склад, ни в лад, поцелуй кобылу в зад», — с ужасом ловит себя на цитировании нагрянувших вдруг Сявиных стихов секретарь комсомольской организации педагогического института. За что же он тогда первокурсника сейчас вот только при всех отчитывал, коль у самого такие крамольные мысли в башке? Тикать надо, бежать отсюда в светлый мир, а то чокнешься совсем, как этот... Кто там у Чехова из здоровых перебрался к психбольным в палату номер шесть? Но вначале нужно отчалить на Маросейку, вон лежит приглашение на комсомольский бал. Елена, ты где есть, едрит твою Мадрид? Собирайся, душа моя, поехали!

* * *

Михаил Егорович, так было звать-величать дядьку Черномора, и после соавторства над триумфальной клятвой Ленчика из поля зрения выпускать не собирался. Пару раз позвонил, а потом пригласил туда же, на Маросейку, для очной встречи.

И куда только подевались дядькина прежняя угрюмость, неприступность, чопорность. Приглаживая седой бобрлик хорошо сохранившихся волос, то и дело похмыкивая в прокуренные усы, Михаил Егорович позволял себе те еще шуточки, перемежаемые и просторечиями, чем давал понять, ты теперь, Ленчик-пончик, свой парень в доску, тебе можно доверять то, чего нельзя доверять другим, и я очень рад, что в нашем полку прибыло.

— Теперь о деле, мин херц, — вдруг оборвав себя на полуслове, посерьезнел Михаил Егорович. — Скажу сразу: ты у нас стоишь в резерве, и в хорошем резерве. Жизнь бурная, все мы не вечные, вот и этого (он кивком указал на потолок) скоро отправим послом, хватит уж ему в пятьдесят лет комсомолом заправлять... Так что... Но это не сейчас... Потом... Прости, закурю...

Вертушков, враз превратившись из гламурного, вальяжного денди в того самого школьного птенчика, сонно хлопал глазками и согласно поклеивал головкой после каждого слова старшего товарища и друга, не понимая ровным счетом ничего из его словесной эквилибристики. Что хочет от него сюзерен? На что намекает? Какой резерв? Не хочу я никакого резерва...

— Мы посоветовались, — донесся, наконец, как из тумана, неторопливый голос властелина Ленкиной судьбы, — и решили для начала будущей карьеры двинуть тебя на профсоюзы. Позарез нужны в профсоюзах молодые кадры, да и подходы нужны новые, современные, а то старики замшелые бог знает что творят. Доиграемся, как в Польше, я был там недавно, сам видел, все здания в Варшаве, Вроцлаве, Полоцке в листовках «Солидарности», и все стены исписаны вот такими вот метровыми буквами: «Lech!». «ЛЕХ» — Лех Валенса, бунтарь. Нам только такой радости не хватало, мало нам и так всяких Солженицыных, Коротичей, Ростроповичей... Словом, этого поросенка вороватого, председателя профкома вашего мы завтра же отправляем в отставку, пусть свечку в храме поставит, что не на зону, а ты принимай его дела... А напоследок вот что... Ты мне, дружище, составь, пожалуйста, словарь современного молодежного сленга, мне для одного человека надо. Темнить не буду, — все же понизил резидент громкий свой голос до минимального, — человек этот из органов. Ну, занеси на бумажечку все те словечки, что вы в общении между собой друг другу впариваете. Есть? Вот и отлично. Пока, Леонид Кириллович! Патриа а муэрте! — многозначительно улыбнулся напоследок князь тьмы, по-фиделькастровски вскинув сжатый кулак над го-

ловой. Тем самым дав понять послушному ученику, что нет для него ничего тайного, что не стало бы явным. Значит, и о папе знает? Мефистофель чертов! Скупщик юных душ. А профсоюзы — это дело новое, интересное, попробуем. Да и хватит уже сидеть на комсомоле, чувствуешь себя, как стреноженный конь, который все перепробовал. Верно Егорыч говорит: «Профсоюзы — школа коммунизма»? Хм. Поучимся.

* * *

Стараясь привести в порядок изрядно припухшее после ночных страстей-мордастей личико, секретарь Вертушкова — Леночка, — орудуя то кисточкой для подкраски век, то тюбиком с кремом, то помадой, крепко прижимала телефонную трубку к плечу, с досадой отвечая на очень уж дотошные расспросы многословного незнакомца.

— Но я же вам сказала, Леонид Кириллович чрезвычайно занят, он готовится к профсоюзному пленуму... Я понимаю, что вы его земляк, друг детства, но он никого сегодня не принимает. Хорошо. Есть у меня сердце, зачем вы так? Я попробую. Еще раз назовите себя, пожалуйста. Вячеслав Степанов? Можно просто Сява? Как интересно... Хорошо. Я доложу. Оставьте свой номер, я перезвоню.

Пиджак, впопыхах наброшенный вчерашним вечером на плечи Ленке, бежавшей с ним скорее к ее дому под проливным дождем, до сих пор хранит следы сырости, а потому висит, распятый, на спинке кресла. Витает в слабо освещенных неярким светом настольной лампы просторах кабинета легкий запах сваренного им самолично черного кофе. Строго и требовательно — ты зачем сюда явился, по делу ли? — смотрит со стены на каждого в чертог вошедшего глянцевоый портрет примолодившегося нового лидера страны — лицо без единой морщинки — в отличие от прежних двенадцати морщинистых апостолов — членов Политбюро — во главе с тринадцатым, возглавляющим чертову дюжину.

Там, где размещался этот ареопаг застекленных мумий, за обитой двумя слоями ваты и оклеенной дерматином внушительной дверью с табличкой о принадлежности трудится сам хозяин. С годами заметно раздобревший, неторопливый в словах и жестах, по-партийному причесанный, без галстука (так модно!), улыбающийся кротко, кратко и только вышестоящим. В это зябкое сентябрьское утро он уже успел привести себя в порядок после вчерашнего. У него в боковушке — комнате отдыха — все есть: и запасная белокипенная сорочка с импортным галстуком, и китайская электробритва, и пузатый эмалированный чайник вкупе с фарфоровым кофейничком, и неременный коньячный набор с большой коробкой шоколадных конфет. А как иначе? Так положено. Мало ли кто пожалует в его владения, заваленные книгами, плакатами, брошюрами, журналами на профсоюзные темы. Все у него под рукой — от проспектов по рационализации и охране труда до санаторных сказочных мест отдыха трудящихся и учащихся. Партия ведь щедро привлекает профсоюзы на важнейшие участки экономики, культуры, здравоохранения, образования, науки и спорта.

Леонид Кириллович, честно говоря, исключительно для понта, для придания значимости, повелел сегодня верному другу — сладкому Ленисику ночью, но неприступной Елене Николаевне днем — извещать посетителей о подготовке к пленуму. На самом деле, какой там к черту пленум? Потирая веснушчатый лоб, в кулачок подхихикивая, Леня состав-

ляет по заказу Михаила Егоровича зачем-то понадобившийся ему словарь молодежных слов и фраз, тщательно обсасывая каждое, прежде чем занести его на бумагу.

«Имхо» — по-моему. «Зы» — постскриптум. «Юзер» — пользователь. «Хедлайн» — заголовок. «Лаба» — лаборатория. «Курсовик», «курсач» — курсовой проект. «Препод» — преподаватель... Поднатужившись и набрав еще с полтора десятка самых ходовых «перцев», Ленька — хотя заказчик об этом его не просил — завершает отчет о проделанной работе личным заключением. Мало ли? На всякий случай. Почему бы и не показать лишний раз себя дюже умным.

«К сожалению, в гражданском обществе бытует мнение, что русское брюхо все эти “локации” и “контенты” благополучно переварит; вчера сам слышал на центральном рынке, как пожилая колхозница спрашивала встретившегося земляка: “А офис твой теперь где?”... “Офис”. Я считаю, что американцы и англичане, преднамеренно и целенаправленно производящие своего рода импортовывеснение русского языка своими “перлами”, обедняют и унифицируют молодежную среду, настойчиво вбивая в сознание, что наши юноши и девушки — космополиты, граждане всего мира, всего Земного шара, но не своей родной страны. Эти веяния должны быть решительно пресечены, изжиты от Чукотки (вспомнил он прочитанную на веранде книгу писателя Тихона Семушкина “Алитет уходит в горы”) до Калининграда и от Владивостока до Москвы. Есть в языке Пушкина и Тургенева абсолютно точные русские аналоги (Ленька почесал макушку, подыскивая вместо зарубежного слова “аналоги” равное ему русское, а не найдя, с досадой согласился с “ихним”), и мы, начиная со школы, дошкольных детских учреждений, тем более — в педагогических институтах и училищах, должны заниматься укоренением именно своего языка».

Обдумывая, что бы еще такое-этакое звучное и благозвучное вставить в концовочку дважды перечитанного текста, не избавившийся и с годами от крапинок-конопушек Ленчик-пончик сладостно потягивается, невольно вспоминая полное послушание Ленусика его ночным прихотям и алкая предстоящей ночью повторения пройденного... И в этот момент вначале раздается предупреждающий постук в дверь, а следом просовывается поределый зубчик... лукаво улыбающегося... Сявы: «Можно к тебе, гражданин начальник?»

Когда вот так внезапно, вдруг, вырастает перед тобой фигура человека, видеть которого не представляет для тебя никакого удовольствия, более того, в душе ты давно пожелал век бы эту личность не видеть, конечно, теряешься. Не находишься, что и сказать. («А как его пропустили, где моя Ленка, карамба, опять у казачки торчит?..»)

— Привет, привет, заходи, старина. Какими судьбами?

— Да как же! Я всю жизнь газетку «Труд» выписываю, прочитал вот интервью с тобой, порадовался. Вона, думаю, как сокол-то наш липовский взлетел. Ну, думаю, навещу-ка я его в Белокаменной, авось друга детства приветит, не выгонит. А обиды прежние, то ведь были просто детские шутки, простит...

Сява по-прежнему бегло тараторит, сглатывая окончания слов, но теперь еще и постреливает глазками, изучая реакцию царственно принимающего собеседника, не спешащего напоить гостя хотя бы чашечкой горячего чая с лимончиком.

«Шутки, ваши шуточки... — тяжело ворочаются в мозгу Леонида Кирилловича только что прозвучавшие слова гостя, с которым он избегает

встречи взглядом. — От каждой вашей шутки становится пусто в желудке. Не налью я тебе ни коньяка и ни чая, не шарь голодными глазами по столу».

— Так, говорите, дела в столицу привели? — заставил Степанова вначале насторожиться — не ослышался ли? — а затем онеметь от испуга басовитый тон и вправду начальника. Откуда только взялось у школьного гнома это надменно вежливое «ВЫ», это царственное поведение? Не узнать былого конопатого Вертушка, вечно гонимого, вечно угодливого, вечно отирающего углы школы, чтобы не попасть под пинки и щелбаны Иващуга и его, Сявы... («Накатаю Ваське сегодня же письмецо, пусть почитает там со своим семьянином, потешится».)

— Да вот, понимаете ли, — молниеносно перестроился с панибратского настроя на казенный, учрежденческий, как и полагается тому, кто находится в роли просителя, не такой уж глупый малый Сява. — Подготовил я сборник стихов, тут и рецензия есть нашего липовского редактора, хотел бы это, как его, ну, словом, издать книжечку в Москве. Я и с матушкой вашей встречался. Говорил. Она — что: я, мол, за сына не решаю, это ты уж к нему самому ехай, авось это... Помогнет... Старый друг, как говорится, лучше новых двух. Вот я и...

— Стихи? Это хорошо. Хорошо! Нам сейчас особенно нужны стихи, поэзия, такие, знаете ли, патриотичные, духоподъемные стихи, без всяких там гнусных намеков и подтекстов... Надеюсь, они у вас отвечают вызовам времени?

Сява нервно сглотнул набежавшую слюну, вспомнил полупозаимствованное у Рубцова, полуприсочиненное свое творение, закрывающее сборник: «Хлопнул по карману — звенит, / Хлопнул по другому — чистяк, / Как же я люблю “Электрон”, / Больше, чем “Зенит” и “Спартак”!»

И похолодел: непатриотичное!

Благо, снизошедший до перелистывания рукописи профсоюзный босс на другое обратил внимание: где про поля кукурузы, трактора, хлебную ниву...

— В общем, так, — перешел на барский полусшепот Ленчик-пончик. — Есть у меня человек, — глазами, устремленными ввысь, дал он понять Сяве, КТО этот «человек». — Родич Пикуля, да? Я ему эту папочку передам, он в нашем издательстве как раз литературой и рулит. За результат не ручаюсь, но свое слово скажу, да? Так вот! А Иващук где же? — не мог напоследок не удержаться от вопроса Ленька.

— Васька? Где золото роют в горах. Где еще быть домушнику? Вторая ходка. Теперь на четыре года загремел. Все бы ему пьяночки, бабеночки, картишки, бильярд... Вот и допрыгался.

«А где же был ты, дружок липовый?», — хотел спросить Леонид Кириллович, да не спросил — что теперь толку? Сказал иное:

— Я тебя услышал.

Помолчал. Побарабанил пальцами по столешнице. Поиграл красным карандашиком. Покрутил шейкой, поплямал губками. Покачал головой, давая понять: да, вы надо мной всегда смеялись, а вот так и бывает с непокорными, злыми, глупыми мальчишками, как Васька, которые не слушают маму, ведут себя плохо, своевольничают.

— Ну что же? Рад был видеть... Телефон я записал, — он кивнул на листочек настольного календаря, — как известие получу, перетранслирую.

«Как был ты засранец, так им и остался, — вяло пожимая протяну-

тую из-за стола руку, тупо глядел в пол поэт Степанов. — Бреешь ты все, врешь, как сивый мерин. Никуда ты не позовишь, ни к какому родичу Пикюля просить за меня не пойдешь. И листочек этот на календаре перевернешь — забудешь. Забрать, что ли, рукопись? Хотя... Пусть остается. Есть у меня второй экземпляр».

— Желаю здравствовать и всех благ вам, Леонид Кириллыч! (Нет, не простил ты мне пролитые в детстве слезы, злопамятный ты.) Будете в Липовске — свидимся, как у нас говорят.

Свяа еще малость постоял, потоптался у стола, бесцельно поглядывая по сторонам, не то чтобы ожидая чашку чая, но все же в глубине души надеясь, что спросит бывший одноклассник, где он остановился, у кого остановился, когда домой отчалит, что матушке своей передать... И не дождался.

«Стукнул по карману — звенит, / стукнул по другому — пустой, / я под старость лет — не жених, / ты под старость лет — холостой». Вот такие удачные ли, неудачные стихи под Рубцова открывали сборник липовского поэта Степанова с посвящением школьному другу **Л.В.**

Только Леня Вертушков эти стихи, бегло листая рукопись Славки, к сожалению (или к счастью?), проглядел, не прочитал. Да и прочитает ли? А друг детства, прощаясь, почему-то указывать ему на них не стал.

СОЛО ДЛЯ СКРИПКИ

В середине июля сорок первого немцы, прорвавшись через наши наспех сооруженные оборонительные редуты, вошли в Смоленск. Два месяца красноармейцы героически перекрывали фашистам дальнейший путь на Москву. Но... Уже в сентябре пойманный во время облавы Витька — маленький, щупленький, как воробышек вчерашний семиклассник — целую неделю вместе с такими же заплаканными, зареванными малолетними узниками катил в товарняке по неведомым железным дорогам куда-то в проклятую Германию. Осклизлый эрзац-«брот» утром, вечером и в обед, затхлая селедка, в углу — чан с водой и дырка в полу для отправления нужд — весь «комфорт» громыхающего на стыках грузового вагона.

Наконец, вот она, конечная станция. Ночь. Тусклые фонари. Беспросветный дождь. Громадные овчарки, готовые растерзать и так перепуганных мальчишек и девчонок, и такой же лающий язык конвоиров... Казалось, все, конец света — и жизни конец. Но улыбнулась удача: при распределении пленников по баракам и к хозяевам, нуждавшимся в рабочих руках, Витя попал из лагеря в дом к пожилому пианисту, хорошо знавшему музыку Чайковского, Скрябина, Алябьева, а еще — чуть-чуть русский язык, на котором говорил с чудовищным акцентом (какая-то его бабка-дворянка была из русских). Мальчишка понадобился авторитетному местному бюргеру как помощник садовника с «оплатой» за кусок черствого хлеба, картофеля в кожуре и жалкую миску похлебки — остатков рациона породистого хозяйского кобеля. Впрочем, порой перепадало и нечто посущественнее, вплоть до колбасных обрезков, недоеденных дочкой пианиста. «Руссиш кнабе» — достопримечательность для любопытствующих соседей — жить поселили рядом с комнатой собаки, только у овчарки было маленькое оконце в стене, а у Виктора — подвальная каморка без окон. Но и за это спасибо, хотя бы не нары (кинули тощий тюфяк на кушетку), не лагерь с колючей проволокой, не безжалостная палка надсмотрщика...

Садовник Фриц, надменный, как памятник, с приданным ему помощ-

ником не здоровался — дескать, много чести для низшей расы! — не прощался, вообще не общался. Угрюмо буркал себе под нос очередное задание на предстоящий день, и понимай его «хох дойч» как хочешь. Но если мальчик делал что-то не то или не так, долговязый Фриц, обладатель отвратительной заячьей губы, по-охотничьи бесшумно подкравшись со спины, скручивал виновнику ухо в трубочку, заставляя волком выть и от испуга, и от боли, и от невозможности пожаловаться родной маме... Хорошо еще, если появлялась в этот момент Витина ровесница — Хельга, дочь поздно женившегося, как он потом узнал, хозяина поместья. Быстро-быстро выговаривая садисту-садовнику нечто вразумляющее («Das ist unmoglich!» — «Так невозможно!»), она виновато улыбалась русскому. И он глотал слезы обиды, в душе желая жилистому Фрицу скорой и неминуемой гибели.

Хотелось бежать. Но как? И куда? Доносились скупые вести о наших военнопленных, пытавшихся вырваться из неволи. Но ведь это не Смоленщина, а притихшая, настороженная ко всему чужому, шпионская даже по отношению соседа к соседу Дойчланд, где ябедничество, доносительство, стукачество возведено в абсолют еще со времен гуннов, готтов и гугенотов. И если пленные каким-то чудом сумели все-таки вырваться из заточения, преодолеть колючие заграждения и оказаться в десятке-другом километров от адского концлагеря, на почти безлюдном, казалось бы, хуторе, где владельцы мызы с улыбкой Иуды давали несчастным по кружке молока, куску хлеба и приглашали переночевать на чердак или в стог сена, их, спящих, хапала полевая жандармерия, возвращая в «райский уголок». На первый раз провинившемуся грозил штрафной изолятор, побои до крови, издевательская маршировка на плацу под взглядами выстроившихся лагерников (им в назидание!). А в итоге не покорившихся врагу самых отчаянных ребят, рискнувших на второй побег, вообще ждал шахтный колодец.

Но весной сорок пятого и в предместьях Третьего рейха зазвучало от самих перепуганных немцев скорбное признание: «Гитлер капут!» А следом — для них оглушающие, а для узников лагерей радостные, как мартовская капель, «песни» нашей родненькой артиллерийской канонады, прежде всего, огнеметной «катюши». И слезы страдальцев были уже другого свойства — сладкие, облегчающие душу!

На строгие, дотошные, придирчивые вопросы суровых следователей из СМЕРШа Виктор не сказал ни одного дурного слова о хозяине, что и спасло пианисту и его семье не только жизнь, но и дом от реквизиции (а садовник Фриц, точнее, то, что от него осталось, раздавленное русским танком, валялось неподалеку на улице вместе с его искромсанным траками фауст-патроном).

Виктору трижды было суждено пройти большое и малое сито фильтрации — с каверзными вопросами, угрозами «разоблачения», допросами. Все это уже казалось ерундой: в чем он был повинен, что делал не так, что дурного мог сказать о хозяине? Ни разу не ударил, не толкнул, не ущипнул, как змей этот, подошедший Фриц, в гости к музыканту никто из офицеров гарнизона не приезжал... Облачившись в гимнастерку и сапоги рядового мотопехоты, дослуживал Виктор положенный солдатский срок далеко от родного Смоленска и тем более — от затерянного в вересковой роще немецкого городишка земли Нижняя Саксония. О котором если и вспоминал смолянин, то как о нескончаемой пытке. Но хранил в душе сердечную благодарность к добрым людям, тем, кто, по сути, спас ему жизнь, утвердившись во мнении, что мир делится не на плохие и хорошие нации, а только на плохих и хороших людей.

Остались позади три года армейской службы. Как и мечталось, с блеском окончил потом заветный медицинский институт. И создал он с милостивой однокурсницей Катей семью, где родились и росли двое сыновей-погодков.

Но все послевоенные десятилетия Виктор пытался хоть как-то прорваться сквозь железный занавес, хоть как-то связаться, списаться, созвониться со своими прежними спасителями. Бесплезно. Не помогал даже, казалось бы, всемогущий международный Красный Крест. Свет в конце туннеля забрезжил только с перестройкой. И доктор Виктор Степанович Алабужев, уже солидный врач-хирург высшей категории, увенчанный званиями, дипломами, медалями, получил на очередной свой запрос восторженное письмо от Хельги, где восклицательных знаков было, пожалуй, больше, чем букв. А еще лежал в объемистом конверте заверенный лиловым штемпелем, размашистой подписью и личной печатью бургомистра лоснящийся лист — «Einladung». То есть официальное приглашение русскому туристу (иную категорию по их закону не формулируешь!) на декадное гостевание. При этом гарантирующее господину Алабужеву все расходы принимающей стороны: полноценное питание, транспорт, безопасное проживание и оказание, в случае необходимости, экстренной медицинской помощи. Если потребуется, «натюрлихь».

И вот он, поезд Москва — Берлин с промежуточной остановкой во Франкфурте-на-Одере. Вот она, встречающая на «Ауди-100» солидная седоватая дама — располневшая, в больших роговых очках, с цветами в руках — но все та же, узнаваемая по прическе и овалу лица, милая, дорогая Хельга! Их долгие, сумасшедшие объятия на перроне, к вящему удивлению скупых на эмоции дойче лейте, не приученных к такому открытому, прилюдному, принародному выражению чувств. Да плевать!

И нескончаемый, полный откровений вечерний разговор за бутылкой русской водки (несмотря на свои шестьдесят с хвостиком годков каждому, они быстро одолели этот сувенир под щедрые тефтели, признав, что именно московского разлива «Столичная» — по-настоящему благородный напиток в отличие от кислого рейнского шнапса и даже воспетого Ремарком кальвадоса — яблочного пойла в какие-то двадцать оборотов с приложенным в утешение маленьким яблочком на дне бутылки).

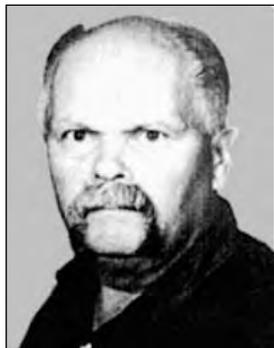
...Ах, Виктор! Какое всепожирающее время мы пережили... Ах, Хельга... Мрак! Папа? Мой фатер? Gestorben... Уже давно, — сложив руки крестом на груди, возвела очи к потолку Хельга. — И муттер... И муж — прекрасный был человек, мастер-мебельщик, — тоже... Онкология. В прошлом году. Как я?.. Но ты же, наверное, помнишь, Виктор, я скрипачка, вот уже сколько лет преподаю класс скрипки в детской музыкальной школе. Мой сын? О, майн зонн, моя гордость, мое божество! Мой Хайнрих — это гений, он банкир, бизнесмен. Преуспевает в Бонне. Вместе с женой Элизабет подарили мне чудесную красавицу-внучку и двоих мальчишек — очаровательные шалуны. Хайнрих, кстати, утром звонил, в субботу обещает быть, прилетит charterом, ему очень интересно с тобой встретиться, мы ведь с покойным папой, его дедушкой, столько ему о тебе рассказывали... Наверняка сын примчится не с пустыми руками, он очень щедрый мальчик! Но расскажи про свою семью, херр доктор! Да? Двое сыновей: адвокат, журналист. Гут! Врачами не стали? Ах, не беда, зато наверняка хорошие парни! А жена? О, Gott! Тоже онкология? Бедняжка. В сорок восемь лет? Wie schade... Как жаль. Ты благополучен со второй женой? Замечательно! Да, я согласна, Виктор. Если бы не фашизм, не эти адские Освенцим, Дахау и

Майданек, где людоеды в топках сжигали несчастных и беспомощных узников, а среди них, конечно, были мировые таланты, сегодня на Марсе яблони бы цвели и от онкологии лечили бы, как от простуды... Будь проклята война! О, Виктор, дорогой мой, ты посмотри, как мы заболтались, ты посмотри на часы? Ну, какое же это детское время — третий час ночи... Поздно! Это я виновата, заговорила гостя, а ты с дороги... Ничего, у нас еще целых девять дней впереди. Наговоримся досыта...

* * *

Редко, но так бывает: когда рассказ пишется на документальной основе, ему находится и фактическое подтверждение. Я нашел немецкую газету «Борбекерские известия» от 7 июля 1994 года, где была напечатана эта волнующая история с фрагментом моего очерка о встрече через 50 лет Виктора с дочерью своих спасителей.

Петр Сергеевич Герасимов (1934–2011). Родился в селе Крюковка Мичуринского района. После учебы в военном училище служил в Группе Советских войск в Германии. Затем окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в издательстве «Советская Россия», редактором литературного отдела в Центральном Доме народного творчества им. Н.К. Крупской, в Мичуринске руководил литобъединением при ДК «Авангард». Автор 12 поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Петр Герасимов

УДИВИТЕЛЬНАЯ РУСЬ

ТИХАЯ ДЕРЕВНЯ

Тихая деревня,
Темень полуночи.
Смотрят сквозь деревья
Звезд немые очи...

В катухе соседнем
Кочет горлопанит,
Яблоком последним
От калиток тянет...

Выхожу из дома,
Головой сияя.
Темнота бездонна,
Глухота лесная...

Вдоль реки, где берег, —
Вербы да осоки...
Пес за мною мерит
В росах травных строки...

Веселит с востока
Зорька озорная.
До чего ж высока!
До чего ж хмельная!

Полусонно пьяный
Лес во мраке стылом.
И с зарей румяный,
И в размах красивый!..

Тихая деревня.
Солнца шар багрящий...
Ухожу в деревья
Да в грибные чащи...

УДИВИТЕЛЬНАЯ РУСЬ

Успокоилась природа.
Травы сникли, лист опал.
Лес грустит без хоровода;
Сыч бубнит, как в барабан...

По ночам в густую темень
Не сидится в доме мне.
По деревне хаток тени
Разбросались при луне...

Я один, как привиденье,
Молча, вкрадчиво брожу.
Все собаки в откровенье
И в доверье — ни жу-жу...

Звезды, ласково мигая,
Миролюбия полны...
Спит река, лозой играя
Над раскачкою волны...

Спит деревня, спит округа —
Лес и брошенная зябь...
Назревает где-то вьюга,
А уж зяблик в холод взяб...

До утра я на прогулке,
До заревых росных бус...
Мир волшебный, чуткий, гулкий —
Удивительная Русь!

ГОСТЬ ДЕТСТВА

Уходя за протоки и пастбища,
Где под солнцем вздыхает июнь,
Я люблю без друзей и товарищей
Побродить, как подоблачный лунь...

Он под крыльями, я под ракитою,
Распахнув свои души, парим...
В чудо-озеро, ряской покрытое,
Березняк опрокинут, как в дым...

На траве — на перине пружинистой! —
Растянусь, распластаюсь, усну...

Стонет чибис, как скряга прижимистый,
Будто я на потомство рискну...

У меня же свои устремления —
Побывать в своем детстве войны,
Где сбривал я траву вдохновения,
Стоговал воровски без вины...

Где ночами на тачке, как лошади,
Мы возили прожаренный корм:
— Ешьте, овцы, коровка, хорошие,
Щедрясь шерстью для нас, молоком!..

Нынче гость я в далекой окладине.
Нет ни мамы, отца, ни сестры...
Но зато до чего же отрадны
Зреют травы, стрекозы шустры!..

Отдыхаю за детство несладкое
И за всех, кто угроблен в войну...
И живу я, борясь с недостатками,
И не прячу пред всеми вину...

А вина моя, всех пережившего,
В том, что жив, пережил и живу...
Но ведь горы житейского лишнего
Навалив, я плоды его жну!..

В ДЕРЕВНЕ БРОШЕННОЙ

Иду деревней брошенной.
Травой, давно не кошенной,
Дорожной колеей...
А жаворонок бешено
Бубенчиком подвешенным
Трезвонит надо мной...

Колодец весь запущенный,
С бадьёю, вниз опущенной,
Стоит на бугорке...
И есть вода, да тухлая,
Коробка сруба тухлая,
Клок неба в глубоке...

А ручка дуба-ворота
Рукой просящей поднята,
Мол, покрути воды...
Очисть родник заиленный,
Полей поселок спиленный,
Чтоб не было беды...

Авось да и поднимутся
Сады, пруды-кормилицы,
Вернется весь народ...
Но не подняться яблоням,
Не жить прудам ограбленным,
А люди — нищий сброд...

И где они скитаются,
И чем они питаются,
Надеются ль на что?!
О, брат, колодец сгорбленный,
Какой же ты заботливый!
Другим быть и грешно...

Мелеет жизнь в природе ли,
Редееет жизнь в народе ли,
Нищает всюду Русь...
А ведь богата вроде бы!
Да и могучей Родины
Сыскать я не берусь...

О, не бросайте хижины
В деревнях, что обижены, —
Не возродить их вновь!
Щедрее и красивее,
Как жить глухой Россиею, —
Не жить, она — любовь!..

ЧТО ГОДА?

Море травы катит волны зеленые,
Русый ячмень, золотистая рожь...
А над простором кипят многозвонные
Птичьи рулады, и плещется дождь...

Жарко целует палящее солнышко,
Прут облака, распластавшись вразброс,
Золото цвета цветущим подсолнышком
Радует сердце, волнуя до слез...

Русь необъятная, степь бесконечная,
Гордость и сила полета ветров.
Песня природы простая, сердечная,
Музыка чувств и поэзия слов.

Вечно бы жить, наслаждаться Россиею
И отживать ей и силы, и страсть.
Вечно бы видеть поля ее синие,
Дымкой покрытые, счастьем лучась.

Море травы катит волны зеленые;
Хлеб убирая, комбайны плывут.
Дали бескрайние, вольные, знойные;
Жизнь бесконечная — верный маршрут!..

Что мне года, мои волосы русые?!
Сердцем привязан и хочется петь
Про хлебобобовые пажити русские,
Про бесконечную вольную степь.

Василий Васильевич Кравченко (1937-2013). Родился в городе Брагино Гомельской области Белоруссии. Окончил Мичуринский педагогический институт. Работал учителем, корреспондентом Тамбовской молодежной газеты «Комсомольское знамя». В начале 1970-х годов дебютировал как писатель в журнале «Молодая гвардия» с повестью «Братья Карандеевы». Автор многих книг прозы и публицистики.

Василий Кравченко

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ПРОФЕССОРА БУРДАЕВА

Рассказ

«Кто рано встает — тому Бог дает», — гласит народная пословица. Но есть и другая: «На Бога надейся, да сам не плошай!»

Профессор Бурдаев придерживался этих мудрых народных изречений всю свою сознательную жизнь. Уже более полувека он встает ровно в шесть утра. Бритье, умывание, легкая пробежка, легкий завтрак — и за работу. Если нет лекций, значит, он дома за письменным столом. Хотелось бы сказать, что в кабинете, плотно прикрыв двери, но увы: домашнего кабинета у профессора никогда не было. В двухкомнатной квартире он жил с женой и двумя детьми, затем сын женился, пришлось потесниться, а когда появился внук, то и вовсе профессор Бурдаев вынужден был писать свои научные работы в университетской библиотеке.

Имя Бурдаева было хорошо известно в научном мире, университет ценил его и потому дал еще одну двухкомнатную квартиру, только бы он отцепился от детей и плодотворно работал. Профессор переехал, но вместе с дочерью, которая тоже вскоре обзавелась семьей, и появился еще один внук, и снова его письменный стол превратился в хоккейное поле. Жизнь пошла по

прежнему кругу... Однако зять, на удивление, попался трудолюбивый, завел свое дело, почти разбогател и купил себе хорошую квартиру в центре. Бурдаевы жили в спальном районе.

Профессор недолго наслаждался покоем: умерла супруга. И только тогда, оставшись один в квартире, сразу ставшей пустой и неуютной, он вдруг спохватился: Бог ты мой, да мне уже почти семьдесят! Где они, годочки молодые? Где вся жизнь? Что он успел сделать? Все прошло в суете, в вечной нехватке денег, времени, в нервозности...

Что они видели с женой, кроме работы? Она пропадала в больнице, где работала детским врачом. Тоже защитила диссертацию. К ней везли детей не только со всей области, но и из соседних регионов. Иногда, при особых случаях, она и ночевала в своем кабинете заведующей отделением. Случалось, что Павел Ильич приходил к ней ночью — просто так, чтобы побыть вдвоем, ведь дома этого не удавалось. Потом кто-то пустил слухок, что к Полине Ивановне ночами заходит любовник. Встречи пришлось прекратить. Ну, раза три за всю совместную жизнь они съездили на курорт. И долгое время потом вспоминали прелести Черного моря.

Смешно сказать: он, профессор, доктор географических наук, защитивший диссертацию о влиянии природных условий на развитие экономики в Западной Европе, ни разу за границей не был. Не пускали. Сначала потому, что его папу, деревенского конюха, арестовали в пресловутом 37-м году за «подрывную работу» против советской власти, дали десять лет, и он сгинул где-то на лесоповале. Уж те времена давно прошли, Бурдаева-старшего реабилитировали, а младшего все не пускали. Затем невыездым стал Павел Ильич за то, что написал хвалебную статью об экономике западных стран, опубликовал ее в советском журнале, а за границей взяли — да и перевели ее, издали у себя... Ну, а потом просто не было денег. То, что они с женой смогли подкопить в конце жизни, съел людоед по имени «дефолт». Этого удара натруженное сердце Полины Ивановны не выдержало. Инфаркт...

В это обычное теплое майское утро профессор, как всегда, проснулся ровно в шесть, притом без помощи будильника, натянул шорты, подаренные зятем на день рождения, и выскочил на улицу. Вблизи подъезда, на скамеечке возле детской песочницы, уже сидела компания мужиков. Один из них, одетый в старую телогрейку, трусы и резиновые сапоги, был соседом Павла Ильича. Мужики вели разговор ни о чем — к примеру, о Монике Левински.

Козычев, сосед профессора, утверждал:

— Ха! Да у нас в деревне ее как облупленную знают. Это же Манька Лисицкая. Это уж потом наши разведчики ей другую фамилию придумали. И послали к Бушу.

— Какому Бушу? Тогда Клинтон был.

— Ну, Клинтон! Ее, значит, к нему подослали, а она шифровки оттуда передавала в наше правительство.

Мужики позубоскалили насчет того, о чем сообщала Моника российскому правительству.

— Побежал твой профессор, — сказал один из балагуров. — И охота ему?

— Так он же малость того... Шизанутый, — отозвался Козычев. — Намедни зовет меня... Помоги, просит, шкаф передвинуть. А я ему отвечаю: не, профессор, у меня радикулит.

Компания негромко рассмеялась. Кто-то сказал:

— Ну и передвинул бы...

— Ха! Да пусть бы он по-человечески попросил. Намекнул бы. Я ему не обязан за «спасибо» шкафы таскать.

— А вот сейчас можно было бы у него одолжить...

— Жлоб! Не даст. Деньги, небось, лопатой гребет, паразит.

— Это ты, Колька, паразит, — сказал один из мужиков, поднимаясь. — Еще молодой мужик, мог бы работать, а ты пенсией прикрылся. С утра побираешься, только и думаешь о бутылке... Некогда мне с вами лясы точить.

— Во, тоже ненормальный, — покрутил пальцем у виска Козычев, когда приятель ушел. — Какая муха его укусила?

— На работу устроился, — сообщил бывший сантехник с доцентской бородкой, которого во дворе все знали только по прозвищу Ниппель. — Вахтером в женское общежитие. Хе-хе...

Когда профессор, совершив моцион, приняв душ и позавтракав, снова вышел на улицу с портфелем в руке, компания уже распивала банку пива, передавая ее по кругу. Никто на профессора не обратил внимания, так как все были сосредоточены на том, чтобы пиво расходовалось равномерно.

До работы Бурдаев добирался с пересадкой. Это было и неудобно, и накладно одновременно. Он давно уже перестал обращать внимание на давку, на мат, на винный перегар. Такова наша российская действительность: полезешь на рожон — морду набьют. Если узнают, что ты профессор, получишь вдвойне.

Бурдаеву предстояло прочитать две лекции, то есть четыре часа говорить безумолку и притом стоять на ногах. А затем — консультации с дипломниками, встреча с аспирантами и, наконец, лекция для директоров школ в институте повышения квалификации учителей. Нормально загруженный день. Никому нет дела до его возраста. Не хватает пенсии, хочешь заработать? Дело твое личное, но только не халтурь...

В перерыве между лекциями к нему подошла секретарь факультета Зоя — экстравагантная женщина неопределенного возраста и пола, как выразился один остряк. Она каждый день меняла наряды и парики, так что природных волос ее никто, наверное, не видел.

— Павел Ильич, нужно было бы поставить оценочку за экзамен... Фомичеву, с третьего курса.

— А я что, не поставил в зачетку?

— Да он не сдавал, Павел Ильич! Ну, Фомичев, сын директора мебельного комбината.

— А разве сыновьям директоров у нас без экзамена ставят оценки? — с легким возмущением спросил Бурдаев.

Зоя склонила голову к плечу и закатила глаза, вместе с тем протягивая профессору зачетку:

— Павел Ильич! — терпеливо взывала она. — Посмотрите вокруг. Что вы видите? Вы видите капитальный евроремонт? Вы знаете, что это такое?

— Евроремонт? Ну, это, наверное, в сокращенном варианте еврейский ремонт? — слабо пошутил профессор.

— Это громадные деньги, Павел Ильич! А мебельный комбинат совершенно бескорыстно сделал нашему вузу такой подарок. Понимаете?

— Ничего не понимаю! — стоял на своем Бурдаев. — Пусть этот Фомичев приходит и сдает экзамен на общих основаниях.

— Да поймите же, Павел Ильич, что сам Валентин Игнатьевич просил поставить! — наконец не выдержала спокойного тона терпеливая Зоя. Теперь она говорила от лица директора института естествознания. (С недавних пор университет перешел на западную систему: вместо факультетов образовали институты в рамках университета.)

— Вот пусть Валентин Игнатьевич сам мне об этом и скажет! — отрезал Бурдаев и отправился читать лекцию.

Он знал и про то, что ремонт действительно делал комбинат, и что многим студентам, имеющим «крутых» родителей, делается поблажка. Но знал и то, что такие, как Зоя, зарабатывают себе на парики, действуя от имени патрона...

Наконец, «достал» его собственный внук, студент пятого курса юридического института, обитающего в этом здании.

Он явился к концу лекции, отловил деда в коридоре и без предисловий попросил:

— Дедуля, дай полсотни баксов.

— Чего дать? — притворился Павел Ильич.

— Ладно, не хохми, дед. Вот так деньги нужны.

— Ну, иди к родителям... Они у тебя богатые.

— Не дашь, что ли? — высокомерно сказал внук.

— Не дам...

Не прощаясь, внук повернулся и ушел, слегка раскачиваясь. Плечи у него широкие, руки крепкие, ноги налитые. Спортом занимается. Регби, что ли...

В молодости Пашка Бурдаев был худющий. На послевоенных деревенских харчах не больно-то кто раздобыл. А когда учиться поступил, приходилось ночами загружать-разгружать вагоны на элеваторе. Кинут тебе мешок зерна или муки на спину, согнешься в три погибели и прешь, шатаясь как пьяный... Вот тебе и регби...

Месяца два назад внук тоже приходил за деньгами. Павел Ильич дал тогда, но вместе с тем предложил ему поработать на кафедре в качестве лаборанта, на полставки. «Ты что, дедуля! — возмутился внук. — За двадцать баксов я буду месяц горбатиться?»

Всем хочется много иметь и мало делать. Не жалко Павлу Ильичу денег, хотя он не так уж и много получает, а жалко своего труда. Вот он напрягается, читает лекции, часами выстаивает за кафедрой на своих высыхающих старческих ногах, а потом, значит, отдай кому-то, пусть даже и собственному внуку, чтобы он небрежно бросил их где-то за стойкой бара...

Покончив с делами в университете, Павел Ильич поехал домой перекусить перед следующим заходом.

Разогрел вчерашние котлеты с гречневой кашей, заварил чайку — вот и весь нехитрый обед. Угнетала не бедность, угнетало одиночество. От такой трапезы становилось сумрачно на душе, появлялись нехорошие мысли: послать все куда подальше... Надоело. Устал. И не столько физически, сколько морально. Легко ли сознавать, что больше сорока лет он морочил головы студентам, доказывая преимущество социалистической системы перед капиталистической, в глаза никогда не видя живого капитализма. Ну, вот пришел капитализм... И что мы получили? Какие преимущества? Социализм-то, оказывается, был для рядового человека действительно гуманнее. Да, «крутым» стало лучше, но их-то раз-два и обчелся, а остальная масса населения бедствует, развращается... Деградирует народ.

Последнее время профессор жил мечтой: поехать на Запад, посмотреть на их жизнь, сравнить... Для того и работал, копил деньжонки...

Размышления Павла Ильича, приступившего ко второй чашке ароматного чая, который он заваривал из нескольких сортов, прервал входной звонок.

Пришли «домком» Галя и с нею две девушки, представившиеся работниками УК, то бишь управляющей компании. Они пояснили, что ходят по квартирам и собирают ненужные, но еще вполне пригодные вещи для престарелых и инвалидов.

— Да, да, у меня кое-что имеется, — торопливо согласился Павел Ильич. — Конечно... Дело нужное. Присядьте, чайку попейте, я соберу.

От чая женщины отказались, а Павел Ильич принялся шарить, переворачивать все в шкафу и чуланчике. Достал бостоновый костюм, в котором женился. Какие раньше ткани делали! Столько лет прошло, а костюм — как новенький. Да и то подумать: надевал-то его Бурдаев только по праздникам. А потом «вырос», мода иная пошла, вот жена и справила другой... Или взять тот же пиджак из «букле». Ух и моднучий был! Павел Ильич надел его впервые на заседание кафедры, которую доверили ему, молодому кандидату наук. Отличный пиджак, поныне вполне пригодный для носки. Притом, замечал профессор, «букле» снова входит в моду... Впрочем, какая мода может быть у стариков...

Отобранные вещи он выбрасывал в прихожую, и вскоре там набрался целый ворох.

— Ого! Да мы не донесем! — воскликнула Галя. — У вас найдется веревка, Павел Ильич?

— И мыло есть! — весело отозвался профессор.

Женщины засмеялись и принялись укладывать щедро отданное добро.

Контора управляющей компании находилась в этом же дворе. Когда женщины шли с поклажей, за ними увязался Козычев и присутствовал в УК при сортировке вещей.

— Во! Пиджачок! — воскликнул он, увидев «букле». — Мне в самый раз.

— Ну да, для тебя мы собирали! Нуждающийся нашелся, престарелый, — совестила его Галя. — Не давайте ему, девчата. Нет, вы только подумайте: собираем престарелым, а кто такой профессор Бурдаев? Ему же 74 года! Точно знаю, мы же в одном подъезде живем. Я помогала ему жену хоронить. Старик, а продолжает работать. И вон какие вещи отдал.

— Здоровье есть, вот и работает, — не отставал Козычев. — А у меня радикулит.

— Водку ты трескаешь вполне как здоровый. За троих... Да ладно, отдайте ему пиджак и пусть убирается, — гадливо сказала бухгалтер УК. — Провонял нам всю контору. Ты что, писаешься ночью, что ли? Прямо мочой прет...

— Интеллигенция вшивая, ..., — беря под мышку вождеденный пиджак, огрызнулся Козычев. С добычей он отправился прямо к микрорынку, расположенному на соседней улице.

Ничего этого, естественно, профессор не знал. Собственно, его и не волновала судьба отданных вещей: отдал и тут же забыл о них, как ни дороги они были ему по воспоминаниям. Мы изнашиваем вещи так же, как годы изнашивают нас...

До лекции в ИПК оставалось еще полтора часа. Павел Ильич присел на диван. Он не любил празднично проводить время. За долгие годы препо-

давательского труда, научных исследований он привык целесообразно использовать каждую минуту. А теперь, оставшись в квартире один, он тяготился свободным временем. Поэтому обрадовался, когда зазвонил телефон, торопливо поднял трубку старого, перетянутого изоляцией аппарата.

— Здравствуйте, дорогой Павел Ильич!

— Здравствуйте, Виктор Афанасьевич, — по голосу узнал хозяин заведующего кафедрой. Да и как не узнать, если тот был его студентом, затем аспирантом и принимал кафедру из рук Павла Ильича. Жизнь внесла коррективы во взаимоотношения учителя и ученика: старший старался не «взбрыкивать», а младший корректно подчеркивал свое уважение.

— Вы не забыли, Павел Ильич, что у нас послезавтра защита?

— Как можно забыть, Виктор Афанасьевич!

— Я, собственно, не сомневаюсь, Павел Ильич. Дело в другом... Меня встревожило ваше заявление недавно на кафедре. Ваша негативная оценка диссертации...

— Почему негативная, Виктор Афанасьевич? Я просто сказал, что диссертация полностью содрана. Я даже помню самого диссертанта. Название, конечно, изменено, но суть дела не меняет.

— Павел Ильич... Я вам охотно верю. У вас прекрасная память... Но поймите меня... Человека допустили к защите. Кто допустил? Кафедра. Мы с вами. А теперь будем топить?

— Когда на кафедре обсуждали вопрос о допуске, я не присутствовал. Был в отъезде. И вообще. Виктор Афанасьевич, будем говорить откровенно... Вы же сами понимаете, что этот ваш Домодедов не может двух слов связать, не то что написать...

— Знаю я, знаю! — почти закричал в трубку молодой шеф. — Извините, Павел Ильич... И там, наверху, тоже знают... Но если сорвется защита, то мне будет «секир башка». Вы этого хотите?

— А совесть?..

— Павел Ильич... Ну, совесть... Я понимаю... Кем хотите считайте меня. От вас я готов услышать все что угодно. Имеете на то право... Но повертелись бы вы в моей шкуре.

— Я тридцать лет заведовал кафедрой!

— То были другие времена. А теперь на банкетах воры в законе сидят рядом с генералами. Это вы понимаете?

— Понимаю, Витя...

— Ну, я вас прошу, Павел Ильич!

— Хорошо, Виктор Афанасьевич, я просто не приду на заседание учебного совета.

— Нельзя не приходиться! У нас не хватит голосов! Павел Ильич, там такой банкет будет... — пробовал шутить завкафедрой.

— Эх, Витя... Пожалел бы ты меня, старика. Ладно, приду и буду нем, как рыба. У этого вашего олигарха все есть: дорогие машины, любовницы, обножки... Зачем понадобилось ему ученое звание?

— Для престижа, Павел Ильич. Спасибо вам, извините, что побеспокоил. До свиданья.

Павел Ильич положил трубку и некоторое время сидел в кресле бездыханный. Так хотелось послать всех... Он пересилил себя, поднялся, собрал в старенький, потрепанный портфель (из настоящей кожи, и когда-то очень элегантный) нужные бумаги и отправился в ИПК.

К автобусной остановке он шел дворами, и везде на скамеечках у подъездов, на детских площадках сидели в безделье нестарые еще мужики и бабы, точили лясы, лузгали семечки, пили пиво. Неужели делать нечего? Почему вся Россия стонет, и плачет, и мается от безделья? Все хотят много получать и мало работать...

...Колюха Козычев очень быстро и очень выгодно продал профессорский пиджак ларечнику на микрорынке. Получил бы и больше, но ларечник ему сказал:

— А вдруг полиция придет? Пиджак заберут, денюжки мои тютю...

— Не придет никто! Я честно получил пиджак в ЖЭКе!

— Говори мне! Кто такими пиджаками разбрасывается? На вот, получай и сматывайся.

Колюха был рад и тому, что ему дали, тут же отоварился и пошел к дружкам во двор. Уже неделю он пил на халяву и теперь мог реабилитировать себя в глазах собутыльников.

Они пристроились в тени гаража, подстелив разорванную картонную коробку. Не на сырой же земле сидеть. Закусывали килькой и кошачьими сухариками под названием «Вискас».

— А вкусная штука! — заключил Колюха после пятого сухарика. — Даже рыбой пахнет!

— Так они и сделаны из рыбы! — охотно отозвался Ниппель, который и принес эту закуску. Он был доволен похвалой. — Кошка — животное умное. Она чего ни попадя жрать не станет.

— А при чем здесь кошка? — спросил один из забулдыг.

— Ну, дык это... Еда кошачья. «Вискас» называется.

Тут забулдыга начал плевать, материться и даже полез в драку с Ниппелем. А вдобавок ко всему заявила со слезами девочка, внучка Ниппеля, и потребовала вернуть кошачью еду. Конфликт с трудом уладили, еду вернули, послали гонца в ларек за пивом.

Когда заканчивали пиво, подошли два молодых дворовых бездельника — безрукий Славик и здоровый мордovorот Гена. Оба уже по два раза отсидели за «хулиганку». Славик и руку по локоть оставил в тюрьме.

Пива им досталось всего бутылка, а выпить парням страшно хотелось. В это время профессор Бурдаев возвращался домой. Уже заметно осоловевший Козычев увидел его издали и сказал парням:

— Вон профессор идет... Буржуй недорезанный. Не знает, куда деньги девать. Сегодня совсем новый пиджак на помойку выбросил. Правду говорю. Потрясите его, и все дела.

— А что, и потрясем, — согласился Славик. — Я его знаю. Каждое утро под окнами у меня бегают. Надоели. Мне мамаша уши все прожужжала: вон старый человек уже на ногах, а ты дрыхнешь.

— Идем! — коротко бросил Гена.

Они настигли профессора возле подъезда, зашли за ним на площадку перед лифтом.

— Слышь, ты, одолжи нам «полтинник», — сказал Славик.

Бурдаев с недоумением посмотрел на приятелей.

— Во-первых... Что это за «ты»? А во-вторых, почему я должен одалживать вам деньги?

— Ну, не одалживай... Дай так! — засмеялся Гена. — Ладно, старый хрен, не рассусоливай. Делиться надо. У тебя есть деньги, у нас нет. Совет есть? —

— Какая совесть, о чем вы говорите? — пробормотал потрясенный профессор.

— Не, он слов нормальных не понимает, — сказал Славик и двинул профессора своей культей прямо в переносицу. Бурдаев ударился головой о стенку и сполз на пол. Гена на всякий случай ударил жертву ногой. Они очистили его карманы и вышли во двор. Еще было не поздно и светло. Бабки все так же сидели у подъездов, дети возились в песочнице. Компания за гаражом весело проводила время.

Профессор долго не мог подняться. Алкоголичка Соня с третьего этажа перешагнула через него со словами:

— Во, нажрался профессор! А говорили, прямо такой-сякой... Все одинаковые.

— Дура ты! — сказал таксист Дима, вернувшийся с работы — Он же в крови! Я помогу вам, Павел Ильич. Вы меня не помните, конечно? Я учился у вас. Идемте. Кто вас?

Но профессор молчал. Он помнил Диму, но сейчас было не до воспоминаний. Слезы обиды душили его. Обидно не за себя даже, а вообще...

Валентина Тихоновна Дорожкина родилась в Мичуринске. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Работала учителем, редактором региональных газет, редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. Автор поэтических сборников «Причастность», «Венок солдату», «Неотправленные письма» и др. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин г. Тамбова, лауреат многих литературных премий. Награждена орденом Дружбы. Руководитель детского литературно-творческого объединения «Тропинка». Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Валентина Дорожкина

ГОРЬКИЙ ИЮНЬ

РУССКИЕ ГЕНИИ

Какая удивительная сила!
Размах у русских гениев какой!
Сыны земли Тамбовской и России,
Вы вечно живы в памяти людской...

И вот опять по набережной Цнинской,
Где красота видна со всех концов,
Идет поэт Евгений Баратынский —
Вернулся он к полям своих отцов.

В садах тамбовских притаилось чудо —
Деревья буйным цветом расцвели.
И чувствует, и чувствует Мичурин
Бессмертное дыхание земли.

Ей каждый в пояс поклониться должен:
Здесь жил, творил, оставил острый взгляд
Герасимов, прославленный художник;
Здесь жил Чичерин — первый дипломат...

Нет, музыка иная за границей,
Там небо и земля совсем не те...
Рахманинов в Тамбовский край стремится,
Чтоб музыку писать о красоте...

О, этот дивный воздух деревенский!
А в городе течет голубка-Цна...
Как воспевал ее Сергеев-Ценский!
Как вдохновляла гениев она!

Здесь Лермонтов давно на пьедестале,
Легли воспоминанья на чело...

Здесь Пушкинские корни прорастали,
Чтоб дерево познания расцвело...

Тамбовский край! В истории державы
Ты оставляешь свой заметный след:
Ведь навсегда прописан здесь Державин —
Великий губернатор и поэт...

ОДНОФАМИЛЕЦ

Опять — знакомое волнение:
Свет в зале медленно погас.
Я кинофильм «Освобождение»
Смотрю уже в который раз.

...Год сорок третий.

На рассвете
Фашист обрушит шквал огня...
Вот в этом самом, в сорок третьем,
Отца не стало у меня.

Да где же там спастись кому-то,
Когда огонь — сплошной стеной?
И я встаю. Встаю, как будто
Командуют с экрана мной.

Последний танк в атаку брошен,
Снарядом ранена броня.
И рядовой танкист Дорожкин
С экрана смотрит на меня.

Я на него гляжу, как в детство, —
В свое, в прошедшее гляжу...
А может, правда, он — отец мой?
Я даже сходство нахожу.

И каждый раз до слез, до дрожи
Ему вымаливаю жизнь...
Но крикнул капитан: «Дорожкин!
Держись, товарищ мой, держись!»

А он, не думая о смерти,
Фашистам поддавал огня.
А он в смертельной круговерти
Спасал Отчизну и меня.

И из фашистского капкана
Полуживым, но вышел взвод...
Тревожный голос капитана
Опять Дорожкина зовет.

И гулко эхо раздается,
И снова зов летит во тьму.

Мама с гордостью мне говорила,
Что тебя не страшила война.
Ты сказал ей, прощаясь:
«Мы — сила!»

И погиб.
Но осталась страна.

Не смело той проклятой метелью
Ни надежду, ни веру твою...
Ты стоял над моей колыбелью.
Я над братской могилой стою.

МАМЕ

Вдовья доля, как ты нелегка!..
Оставались вдовами девчонки.
...Не надела черного платка
После получения похоронки.

Не отгородилась чернотой
От надежды и от ожиданья.
К эшелонам, словно на свиданье,
Бегала. И верила: «Живой!».

А потом среди людского моря
Не твоя ль душа рвалась на части?
Глубоко свое запрятав горе,
Ты со всеми плакала от счастья.

Ветер гнал на запад облака,
Словно бы по вражескому следу...
Не надела черного платка,
Потому что верила в победу.

ГОРЬКИЙ ИЮНЬ

Июнь... И цветы полевые.
И память острее вдвойне...
Я снова смотрю, как впервые,
Кино о великой войне.

Кровавые кадры мелькают...
И пусть это было давно,
Но я, как всегда, забываю,
Что это — всего лишь кино.

Я там и душою, и телом —
Бегу, не боясь ничего.
О, как бы прикрыть я хотела
От пули отца своего!

Кому-то кричу я: «Не надо
Отца моего убивать!..»

Он падает... падает... падает...
А я не могу поддержать.

Я вижу его на экране —
Какой он еще молодой!
Нет, он не убит, только ранен,
Сейчас он поднимется в бой...

И вновь сердце ужас охватит:
Кто выстоит в этом бою?
Ведь в каждом упавшем солдате
Отца своего узнаю.

У ПАМЯТНИКА ЗОЕ

Последнее застыло слово,
Запечатлен суровый миг.
И тянет к памятнику снова,
Поскольку Зои нет в живых.

Цветы к подножию пристрою,
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

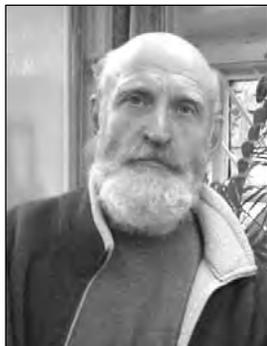
Живу — и радуюсь, и маюсь.
Бывает все: и зной, и лед.
С пристрастием в себе копаюсь,
Да так, что ближний не поймет.

Я не скажу: характер слабый.
Но как спрошу себя опять:
«А ты смогла бы?
Ты смогла бы?» —
И не могу ответа дать.

Зачем живу? Чего я стою?
Смогла бы? Да!
Смогла бы? Нет...
Лгать бесполезно пред собою:
Ни то, ни это — не ответ.

Все существо мое в смятенье —
Сама не знаю, почему.
И только памятник — спасенье,
И снова я иду к нему.

Я снизу вверх взгляну на Зою,
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Анатолий Тимофеевич Смагин родился в 1950 году в селе Ранино Мичуринского района. Окончил Плодоовощной институт (ныне Мичуринский государственный аграрный университет), работал младшим научным сотрудником ВНИИС им. И.В. Мичурина. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, центральных и региональных изданиях. Юморески автора не раз звучали по Всесоюзному радио. Лауреат поэтического конкурса еженедельника «Неделя», ряда литературных премий. Автор сборника стихов «Свобода слова».

Анатолий Смагин

РАССКАЗЫ-КРОХИ ИЗ НАШЕЙ ЭПОХИ

КОНТАКТ

Тут все НЛО взялись наблюдать. Кого ни спроси. Тот — видел вблизи, этот — вдали, а есть, кто и в контакт вступал. Одного меня они прямо как обходят. Обидно даже. Что же, думаю, я-то такой невезучий.

— Они хоть какие, — спрашиваю, — из себя-то?

— А, — говорят, — высокие такие, в контакт особо не вступают и все наперед знают.

— А когда больше вероятность встретить?

— Больше-то?.. Больше вероятность — вечером.

И стал я по вечерам ходить. То, бывало, не оттащишь меня от телевизора. От новостей разных! А тут!.. Голову задеру кверху — и иду. Никаких мыслей, кроме «Вот бы лицезреть, вот бы лицезреть!».

Долго ходил. Не один вечер. И наконец — лицезрел! Правда, они уже на земле были. Приземлились. Захожу за угол — стоят. Четверо. Высоченные! У меня так дух и захватило. «Они, — думаю, — они». Хотя, честно скажу, вначале полной уверенности не было.

Но тут они говорят:

— Ты... мырма двуухая!

У меня сердечко так и заколотилось, как шар в лототроне. «Наконец-то! — думаю. — Голубчики! Вот они!»

«В контакт особо не вступают...» — вспоминаю. И действительно — какой это контакт?! «Мыбра...» Да еще этакая!.. Никакого подхода. «Они».

А четверо меня тем временем — в кружок, и один, чувствую, ко мне в карман лезет. За информацией, наверно.

— Ребятки, — говорю, — вы чего?

— Молчи! — басит голосом под наш, земной. Но получается это у него достаточно плохо. — А то щас дам по торцу — и развалишься!

Тут я совсем в восторг пришел. «Они! — чуть не кричу про себя. — Они!» Потому что действительно — развалюсь. Год назад ногу ломал, в октябре — руку, а сейчас вот желудком маюсь и с печенью что-то... Так что все совпадает! Как и предупреждали: высокие, не контактат, но все наперед видят! «Без сомнения, они!» — взбрыкиваю теленочком. И только хотел к ним в объятия, а они меня, видимо, не так поняли — и вырубили! Хотели, наверно, подробнее изучить строение человеческого тела и заодно его карманов.

В общем, не знаю, брали они меня к себе в тарелку или нет, я, честно говоря, и тарелку-то толком не видел. Круги перед глазами были, искры были... Та же скорая помощь.

А вот тарелки...

На этом, пожалуй, и закончилась моя встреча с пришельцами. Что можно сказать? Что они «летающие» — это я вам всецело подтверждаю! Не успел я, образно говоря, и глазом моргнуть — как их уже нет. То, что «материальные», — тоже. Куда еще материальней?! Ондатровой шапки не досчитался, японских часов и финской зажигалки. Как видно, взяли для углубленного изучения нашей земной жизни. Четвертый месяц вот хожу в полицию и... обратно. Им там тоже очень желается с моими пришельцами встретиться.

Правда, хожу я в полицию только по центральной улице и в основном днем. Потому как ко второму такому «контакту» пока не готов.

ПАЛЬТО

Как только шеф заходит к нам в отдел, он сразу же смотрит на вешалку, чтобы видеть, кто находится на работе, а кого нет.

Мы с Бубликовым к этому уже привыкли, и поэтому имеем по два пальто. Одни висят в отделе и создают видимость нашего присутствия, в других мы толкаемся на выставках, в музеях или смотрим кино.

При такой классической инсценировке в отдел к концу рабочего дня являться не обязательно, а вторые пальто, если шеф заглядывает после работы, навевают на него только благородные мысли: «Вот как увлеклись!» или «Ну, эти по уши в работе». Видеть нас он не мог, и это объяснялось просто: в нашем отделе множество разных кабинетов и комнат.

Все было тихо и спокойно, как вдруг вызывает меня шеф и говорит:

— Ты что же, дружок, вторую неделю на работу не ходишь?

— Это почему же не хожу?! — возмущаюсь я. — А кто же за меня работает?

— Не знаю, — отвечает. — Бубликов, наверно. Его пальто висит, а твоего нет. Ты что же думаешь: я не контролирую?..

Захожу в отдел, смотрю: точно, моего пальто нет. Я, конечно, шум

поднял. Мол, ничего повесить нельзя, все тащат. Бубликов рядом (зарплата сегодня) сочувствует. Размышляем, кто бы взять мог. Подхожу к самой вешалке, вдруг — стоп, что-то мягкое!.. Нагнулся — пальто! Мое пальто. В самом углу. Вешалка оборвалась, вот и лежит. Я даже в лице сменился. Уж если бы действительно что!.. А то ведь здесь же лежало!

А теперь, конечно, и премией обойдут. За прогулы.

УТКА

Услышал я от кого-то, что одного типа с работы сняли. Большой пост занимал. Отъелся, как теперь говорится, большой ложкой. Да и сколько можно!.. За развал, хищения из госсобственности и допущенные недостатки... Ну, это вообще... А конкретно по какой статье-то? Чего в трудовой-то этому орлу записали? Прямо скажу: интересно!

У одного спросил — не знает, у другого — плечами пожал.

Третий строго говорит:

— А зачем тебе? Чего в трудовую записали... Ишь... Ему что, на работу, что ли, устраиваться!

Я говорю:

— Ну а как же, а вдруг.

Он говорит:

— Да ты что! Ему же лет-то сколь! Какая там работа! Он же до кухни еле доходит.

— А чего, — спрашиваю, — на кухню-то таскаться?

Он говорит:

— Как что? Чтобы второе поесть.

Я говорю:

— А почему не первое?

Он еще строже говорит:

— Потому что на первое уже сил нет.

— Ну ты скажешь, — говорю. — А как же он тогда работал? Ого-го какой пост занимал!

Он говорит:

— А так и работал. Поест немного второго, на третье поглядит — и за работу.

— Вон оно что, — говорю. — Так я смотрю: он последнее время прихрамывать на обе ноги стал и заметно облысел.

Он говорит:

— Как облысел?!

Я говорю:

— Ну как? Как лысеют-то? Налысо.

Он задумался.

— Странно, — говорит. — Ты вообще-то про кого спрашиваешь?

Я ему:

— Как про кого? Про этого...

Он мне:

— Ну ты даешь! Откуда ты взял-то? Да этого и не снимал никто. И не думают. Он еще ого-го!..

Я говорю:

— Вон что! Ого!

Он говорит:

— Да! А ты, значит, про него подумал?

Я виновато улыбаюсь:

— А что я про него?

Он говорит:

— Ну как что... Того-этого!

Я утвердительно заявляю:

— Ничего я про него плохо не знал и не знаю! Говорил и опять скажу от чистого сердца: умница, скромняга, редкой души человек! Один он у нас такой!

Он вроде что-то хотел возразить, а потом поглядел на меня попристальной — и говорит очень тихо:

— Да я и сам знаю все это про него. И знал всегда! — Потом еще немного постоял, видимо, подумал и твердо добавил: — И знать буду!

— Это что, — говорю я с вызовом, — а я еще и детям своим закажу, и внукам насчет него!

А сам стою и думаю: «Ну, народ!.. Утка, оказывается...»

О МЫШЛЕНИИ

Юрию Ларшину

Туман лежал над городом плотный до осязаемости. «Как в Лондоне», — подумал Евстахов, советник главы городского округа. Подумал просто и привычно, как будто прожил в столице этого самого туманного Альбиона лет двадцать, хотя не был там даже проездом. Но про туман «как в Лондоне» многие говорят, это уже повелось, и Евстахов подумал именно так.

Он подумал именно так, а навстречу ему в этот момент шла женщина. Евстахов, может быть, не обратил бы на нее внимания, если бы фигура и походка ее не были так изящны.

«Как она божественно грациозна!» — подумал Евстахов и дважды обернулся, чтобы посмотреть ей вслед. Как ходят богини, он, естественно, не знал. Он вообще это дело — хождение богинь — даже и представить не мог. И в силу того, что атеист, и вообще. Но как-то уж вошло в привычку: если что хорошо, говорят «божественно»! Поэтому Евстахов так и подумал: «Божественно!»

Подумал так Евстахов, а тут как раз с крыши ему на голову снег свалился. Правда, с небольшой высоты. С третьего этажа. Примерно ведра четыре снега...

«Вот бездельник этот Клапов! Я же ему позавчера на планерке что говорил?! Спят его коммунальщики в хомуте! — негодуяще подумал Евстахов, выбираясь из сугроба. — Теперь все свои распоряжения лично проверять буду. А Клапову — выговор!»

Так он подумал. Хотя по идее должен был сказать: «Как в Альпах!» Так рождается нестереотипное мышление.

ПО-РОДСТВЕННОМУ

Иду мимо вокзала, слышу, по селектору кричат:

— Носильщик Сидоров, к начальнику вокзала! Носильщик Сидоров!..

О, думаю, интересно. Глянул на часы, время вроде есть. Дай, думаю, найду. Вообще-то я не носильщик, с начальником вокзала не знаком, разве что фамилия моя — Сидоров.

Захожу.

— Здравствуйте! — говорю. — Я, знаете ли, Сидоров, мне интересно...

— Интересного тут мало, — хмурится человек в железнодорожной форме. — Жалоба вот на тебя...

Вот те на, думаю! Зайдешь просто так, из интереса, однофамилец все-таки, может, даже родственник какой по седьмому колену. А тут... Сказать, думаю, или не сказать, что я не носильщик? Что просто так зашел. С одной стороны, думаю, скажи — может не понять, время, скажет, только отнимаете. А с другой — что ж он такое отмочил? Стою, слушаю.

— Тебя пассажир зовет, — продолжает человек в форме, — все горло надорвал. Мало ли что у него место одно. Может, у него в этом рюкзаке плита газовая. А ты мимо него и к тому, у которого, что называется, два десятка пирожков. В отдельных упаковках. План планом, а сердце тоже надо иметь. И порядочность. Эдак у кого место одно на перроне зимовать останется. Не дело, Сидоров. Нехорошо! Что скажешь на это?

А мне и сказать нечего. Я этот поступок тоже осуждаю. Другое дело, когда что-нибудь такое требуют. А тут... Хотя он мне и однофамилец и чувства у меня к нему, прямо скажем, родственные, я ему — не заступник.

— Да, — говорю осуждающе, — это не дело. — Но своя фамилия все-таки свое берет, хочется найти и оправдание: — А кто же, — спрашиваю, — под рюкзаком-то маялся? Мужчина или женщина?

— Полозкова Эм, — прочитал человек в форме. — Женщина, выходит.

— Совсем плохо, — говорю.

— Хорошо еще, что осознаешь...

И тут дверь открывается и входит тип.

— Вызывали? — спрашивает. — Сидоров я, носильщик.

Брюки неглаженные, лицо непобритое, под глазами отечность... У меня от всего этого комплекса кровь в лицо ударила. А у начальника вокзала нижняя челюсть заметно отвисла. И он стал задумчиво смотреть на дверь, наверное, ожидая прихода еще одного Сидорова, третьего. Но третьего не было, а из задумчивости я его быстро вывел. Ухватил Сидорова за лацканы и — трясти.

— Ты, — говорю, — что же это, а?! Один раз зашел, а мне!..

— Вы чего... чего? — опешил тот, — жа...

— Что «жа»?

— Жа... жаловаться буду!

— Я тебе, — говорю, — пожалуюсь! Я тебе так пожалуюсь! Ты знаешь, кто я?

Сидоров молчит, но я вижу, что ему интересно.

— Сидоров, — говорю, — я! Сидоров!!

Он сразу как-то стих, съезжился. И глаза на меня поднять не смеет.

— Я за тебя, — кричу, — неприятности выслушивать не намерен! Однофамилец, называется. Может, даже родственник. По какому-нибудь колену. В следующий раз как зайду, чтобы только одни благодарности! И чтобы вид — во был! — И костюмчик свой одергиваю. — Понял?!

Он стоит, вытянулся, как мокрое белье на веревке.

— П...понял, — тихо отвечает.

— Ну смотри! — говорю.

Дверью хлопнул и вышел. Но своя фамилия все-таки свое берет.

Вернулся. Заходить, правда, не стал, голову просто в дверь сунул и говорю человеку в форме:

— А вы тоже хороши! Только нотации читать, а своих работников даже в лицо не знаете!

Кепи поправил и пошел. Почти счастливый.

БЛОНДИНКА В БРЮЧКАХ

Моя семейная жизнь складывалась как нельзя лучше и журчала песней жаворонка до тех пор, пока мы не купили автомобиль.

...Я как раз делал поворот, когда стройная блондинка в брючках и остроносеньких туфлях замешкалась на проезжей части. Видя, что она не успевает пересечь дорогу, я заметно сбавил скорость, давая ей возможность, не торопясь, достичь тротуара. Наверное, это было заметно и, наверное, это было галантно с моей стороны, потому что девушка, выйдя в безопасное место, все так же плавно, как и шла, повернулась в мою сторону и мило улыбнулась.

— Не поторопится, — желчно выдавила жена, оплавляя взглядом боковое стекло автомобиля. — Пигалица!

— Ну что ты так, — возразил я. — Нормальная девушка. Просто не рассчитала.

— Ну еще бы! — распалилась вдруг жена. — Разумеется. На уровне стандартов! И молодая...

Я бы, наверное, не придал никакого значения этому ворчанию, как, впрочем, и всему дорожному инциденту, если бы жена не заговорила со мной только на третий день после случившегося. Возможно, я не очень бы и пострадал от этого, если бы взаимоотношения в семье сводились только к общению между супругами. К сожалению, это далеко не так...

...И дело дошло даже до того, что на пятнадцатом году семейной жизни мне пришлось жарить себе холостяцкую яичницу. В следующий раз не менее стройная девушка с иссиня-черными волосами, едва не зацепив спортивной сумкой за левое крыло автомобиля, продефилировала прямо перед его капотом. Я мгновенно притормозил и сердито засигналил.

— Не обратить на себя внимания ты, конечно, не можешь! — зло бросила жена.

— Так что же мне их теперь — давить? — опешил я.

Но жена уже не слушала, она говорила о загубленной молодости, о распущенности мужчин вообще и о моей в частности.

Это было последнее, что я слышал от нее по истечении двух последних недель. Еще три недели я выслушивал от нее то же самое, но в другой интерпретации.

Однако на этом, к сожалению, мои дорожные злоключения не закончились, и судьбе, наверное, было угодно довести их до абсурда. Теперь я, когда еду с женой, постоянно наезжаю на девушек. Особенно на хорошеньких. Пока ничего серьезного. Но хлопот хватает. Одних долгов для возмещения испорченной одежды пострадавшим набралось в пределах цены нового автомобиля. Зато, правда, жена разговаривает со мной по-доброму.

Боюсь только, что она скоро опомнится и укоризненно произнесет:

— Конечно, не наезжать на них ты не можешь!

А я и правда не могу. Потому что, мне кажется, в тот миг не я управляю автомобилем.

*Стихи
мичуринских
поэтов*

ТАК БЫВАЛО НЕ РАЗ НА ЗЕМЛЕ

Геннадий Санталов

* * *

Эх, Россия, к тебе — война!
Снова прочат тебя в наложницы...
Полководцев святых имена
В орденах и молитвах множатся!

Дышит серой бесовский рой,
Вновь страдает дитя невинное...
И слезает с полатей на бой,
Потянувшись, вся рать былинная!

Имя павших в веках храня,
С верой в Бога, во славу Родины,
За прощальный полет журавля,
За духмяный листок смородины

Станем ратью и я, и ты.
Возмужавшие одноклассники,
С кем курили, примяв кусты.
И соседи, и драк участники...

И девчонки — когда без них?!
В танце белом кружили головы,
А сегодня в трудах лихих
Наравне ко всему готовые.

Так бывало не раз на земле,
Что вспахали Илья с Добрынюшкой...
Даже баба Яга на метле
Не помеха героям нынешним!

Ну а тем, кто в сундук залез,
Кто льет воду на вражью мельницу,
Ни споет песни грустные лес —
Ни креста на чужой скудельнице¹!

Владимир Дубовицкий

НА ФРОНТЕ

А рядом смерть всегда витала,
Как от нее себя сберечь?
Она с осколком пролетала,
Могла из огнемета сжечь.

Она и миной, и снарядом
Без устали вблизи рвалась.
Она была все время рядом,
Бросая нас и в снег, и в грязь.

Она одна определяла
На фронте наше бытие:
Она поджилки нам сжимала,
И ближе не было ее.

Светлана Белоусова

ДЕДУ-ФРОНТОВИКУ

Я иду к тому, кто воевал,
Кто за Родину сражался,
Кто недоедал и замерзал,
Человеком чести оставался.

Из последних сил кто приближал
Дорогую долгожданную победу...
Совесьть кто в войну не растерял —
Я сегодня встречаюсь с дедом!

Надежда Левчик

СВЕТ

Часто вера теряется
в лабиринтах судьбы —
смелый дух испаряется,
нет уж сил для борьбы...

¹ Скудельница — старинное русское название общей могилы, погоста или кладбища.

Когда тучи сгущаются
в непроглядную жуть,
свет родимой сторонушки
освещает мой путь...

И в душе свет рождается,
чтобы в стужу согреть —
и пусть дух хоть на донышке,
он не даст умереть...

Возгорится вновь пламенем
теплый свет очага —
с ним, как будто со знаменем,
вновь пойду на *врага*.

* * *

Вхожу в изумрудное море пшеницы —
Сливается с небом здесь синь васильков,
Ромашки сияют на солнце зарницей...
Таинственный мир мотыльков и жучков.

В березовой роще найду землянику —
Божественный вкус, неземной аромат!
Родные березки, что ангелов лики...
И птицы так вольно над лесом парят!

Родимый мой край — красота и надежда,
Уставшего сердца надежный приют,
Родник животворный, прохладный и нежный...
Здесь к Спасу молитвы быстрее дойдут.

ЭТОТ ГОРОД РОДНОЙ И ЛЮБИМЫЙ

Мичуринск в фотографиях.

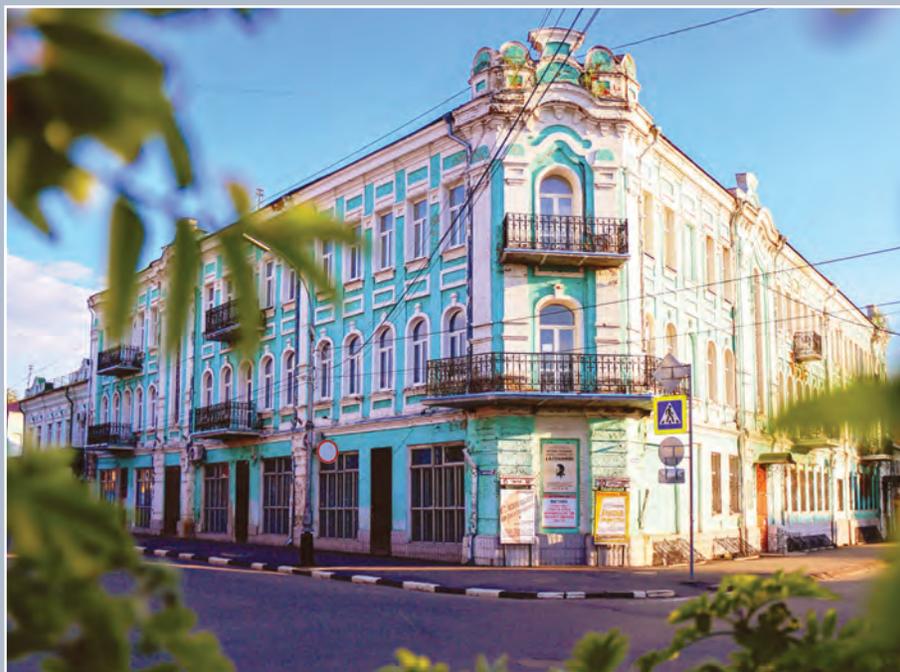
*Из архивов редакций
местных газет*

Здание городской власти

Визитка наукограда

Главный корпус Мичуринского педагогического института

Старинный балкон
с ажурным чугунным литьем

Кружева резных наличников

Мичуринский драматический театр

Памятник И.В. Мичурину

Ландшафтный парк-набережная «Мичуринское подгорье»

Тренер Андрей Козлов с воспитанниками спортклуба «Ударник»

Новая городская школа

Константин Федин

НАБЕГ

Отрывок из романа
«Необыкновенное лето»

В начале прошлого века юный Константин Федин, саратовец по рождению, учился в Козловском Коммерческом училище (ныне здесь располагается Мичуринский государственный аграрный университет) и жил неподалеку на улице, носящей сегодня имя Гагарина. Здесь на доме № 32 укреплен мемориальная доска памяти К.А. Федина — замечательного мастера отечественной прозы. Вот лишь один образцовый пример отношения настоящего писателя к исторической правде, факту, документу! Собирая материал для романа, уже маститый, широко известный и не только в литературном мире прозаик специально приезжал из Москвы в Мичуринск (до 1932 года город именовался Козлов), встречался и подолгу беседовал со старожилками, помнящими Гражданскую войну, жестокие налеты белогвардейцев, уточнял детали, а потом еще изучал архивы, обращался к подшивкам местной прессы. Отсюда и такая почти фактологическая точность, зоркость писателя во всем, даже малоприметном, что наглядно видно и в предлагаемом читателю отрывке из эпического романа крупнейшего советского писателя.

Знаменитый роман Константина Александровича Федина «Необыкновенное лето» впервые был опубликован в 1947 году. События в произведении происходят летом 1919 года и посвящены проблемам, всегда волновавшим классика отечественной литературы: искусство и революция, гуманизм нового мира и поиски героями своего места в этом мире.

Если взглядеться, каким представлялся набег Мамонтова рядовому козловскому обитателю, который сначала по слухам узнал о внезапном захвате Тамбова белыми, а потом воочию увидел захватчиков у себя на улицах, то раскроется необычная картина.

Эти города с момента установления советского строя не знали никакой иной власти. Юг, изобиловавший сменами всевозможных мимолетных правителей, был отсюда далеко, фронт, казалось, обеспечивал прочность зачинавшейся новой жизни. Губерния коренная русская, притом не окраинная, а примыкающая к центральным, она — естественно — и в глазах своего населения составляла часть самой основы государства, его национально спаянного ядра, то есть именно России, установившей Советы и за них борющейся.

Весть о падении Тамбова свалилась как снег на голову. Первый момент в Козлове вообще никто ничего не понимал — ни гражданские власти, ни рабочий люд, ни обыватели. Как мог вдруг очутиться целый корпус белых за двести пятьдесят верст от фронта, отрезав одним махом дороги на Саратов и на Балашов? Был ли дан бой, и где, и когда, и почему он проигран?

День спустя из Тамбова прорвался поток известий, но поток мутный: страшные новости по-прежнему ничего не объясняли, а только поражали.

Штаб Тамбовского укрепленного района оказался первым распространителем слухов о безнадежном положении города. Сам комендант открыто говорил, что на Тамбов наступают двадцать полков противника. Оборона на подступах к городу создано не было, подготовка к уличным боям не велась. Однако и приказа об отступлении не издали. Это внесло в части гарнизона расстройство и посеяло в умах чудовищную неразбериху.

За день до прихода мамонтовцев, ранним утром автомобили и телеги столпились у железнодорожных пакгаузов и на товарных дворах. Грузили все, что нужно и что не нужно, вплоть до ломаных стульев и шкафов учреждений. Вскоре обозы потянулись в два ряда, и населению представало зрелище бегства. В городе вспыхнула паника. Начальник броневого отряда, решив своим разумением, что паника должна быть подавлена, открыл пулеметную стрельбу по домам Советской улицы, а затем самовольно отошел с броневиком из Тамбова на Моршанск.

На станцию ворвались казаки. Курсанты пехотной школы начали с ними перестрелку. Она не могла принести ощутимого результата. Тамбов пал. Гибли отстреливавшиеся до последнего патрона не снятые с постов красноармейцы. Гибли в одиночку сопротивлявшиеся коммунисты.

Не прекращая марша, корпус Мамонтова взял западное направление и пошел на Козлов.

Это — главное, что узнали козловцы в первое время после падения своего центра — своей «губернии». Городские власти Козлова пытались организовать сопротивление. Они заверяли, будто считают, что сил достаточно. Бригада большевиков с артиллерией была выслана на позиции верстах в тридцати от города. Около станции Никифоровка появились разъезды донцов. Бригада завязала перестрелку.

Но в то же время власти колебались, ожидая указаний — «как поступить?» Сообщения их были полны противоречий, действия растеряны. Они эвакуировали в Москву банк, но не решались эвакуировать до сотни вагонов ценных грузов. Они запрашивали — «следует ли эвакуировать отделы Совета, куда и какие?». И в том же запросе утверждали: «Что же касается отделов и их служащих, то, разумеется, они будут работать до последнего момента». Они доносили, что «все коммунисты и местные силы мобилизованы и находятся на позиции». Но тут же автор этого донесения признавался, что никто, собственно, не знал, на каких позициях следовало находиться. «Говорить об устойчивости сейчас не приходится лишь потому, что, к несчастью, наша разведка не может точно установить, где, в каком количестве оперирует противник, с какой приблизительно силой он наступает на Козлов, все это у нас неизвестно... Прошу сообщить о положении Моршанска, так как мы имеем сведения, что противник часть своих сил направил на Моршанск и Ряжск».

Устойчивости не было не только из-за негодной разведки. Тревогу вселял не только противник. Ее причины лежали еще и по эту сторону позиций.

Дело заключалось в том, что на все обращения к отделу штаба Революционного военного совета Республики — как обстоит с обороной Козлова, есть ли надежда, что он не будет сдан — город не получал никакого ответа. Отдел штаба стоял уже на колесах, предварительно эвакуировав свое имущество, и готовый сняться, а штаб Южного фронта выбыл из Козлова сразу после возникновения угрозы городу и находился уже в Серпухове. Жители так же, как власти, все это знали, все видели своими глазами.

Трудно было городу в таких обстоятельствах рассчитывать на устойчивость. Он пал на пятый день после захвата Тамбова.

Немедленно покровительством Мамонтова была учреждена газета.

Играя в «демократа», генерал разрешил ей называться довольно гротескно и для демократа — «Черноземная мысль».

На вторые сутки она оповестила население особым бюллетенем о событии: «...после трехдневного сопротивления казакам, красноармейцы и коммунисты оставили Козлов. В город вошли донские казачьи полки генерала Деникина, с генералом Мамонтовым во главе командного состава. Коммунисты большей частью перебиты, красноармейцы сдались, частью разбежались, а остальные преследуются казаками...»

Для козловцев к этому времени вступление Мамонтова в город представлялось уже давностью. Они могли только вспоминать, как накануне, около трех часов пополудни, из-за реки Воронеж и с Турмасовского поля донесся топот передовых эскадронов; как ровно в три на Ямской улице появился, окруженный свитой, сам белый генерал, не слишком твердо держась в седле после походного завтрака; как молча и недвижно стоял народ перед своими домами; как на перекрестке выскочили вперед мещаночки с цветами, и бородатый казак, приняв букет, вез его в вытянутой руке, точно боясь обжечься; как ввечеру особенно внушительно звонили церкви.

Все это отошло в воспоминание. Потому что когда «Черноземная мысль» расклеивала по заборам свой бюллетень, другие события совершались в Козлове, другие картины возникали на его улицах.

Громили еврейские квартиры, громили склады и магазины. Мелкий люд выставил на окнах иконы — в ограждение от казачьих банд. Над пойманными евреями измывались, потом зарубали их пашками. С убитых стаскивали окровавленную одежду. Трупы волочили во дворы, охраняемые конными, — чтобы народ не глазел, не вел счета замученным.

Выискивали, тащили всякое добро. Выкатывали из подвалов бочки с вином и медом, взламывали их, пили и ели, кормили медом с лопат лошадей. Разъезжая, торговали с седел мануфактурой. Очищали от денег кассы. Уводили с конюшен лошадей.

Станция дрожала от взрывов. Взлетела в воздух вокзальная вышка. Рухнули мосты. Покатились под откос пущенные друг на друга паровозы. Зачадили подожженные поезда. Двинулись по путям специальные команды — сокращать стрелки.

В городском саду играл казачий оркестр. Барышни вышли гулять с мамонтовцами. Появились чиновники в жеваных сюртуках — только что из сундуков. За собором, под откосом, тюкали плотничьи топоры — тюк... тюк: тесались брусья под виселицы.

Мамонтов принимал своих командиров дивизий — генерала Постовского, генерала Толкушкина, генерала Кучерова. Утверждал членов временного городского управления. Подписывал приказы о мобилизации

лошадей, об устройении милиции из горожан, о введении для нее белых нарукавных повязок. Рассматривал золотую церковную утварь, драгоценные оклады с икон, награбленные по церквам, и указывал — что в обоз, что к себе в личный багаж.

На главной улице состоялся смотр частям корпуса. Промчались на рысях эскадрон за эскадронами, протарахтели пушки, продымили броневые автомобили, грузовики с пулеметами, прошел церемониальным маршем пеший отряд казаков.

Мамонтов принимал парад на коне. Он сидел, нахлобучив на глаза фуражку с красным околышем, в синей шинели и огромных черных рукавицах, расшитых золотом по тыльной стороне. Он держал поводья так, чтобы шитье рукавиц всем было видно. Он подчас взглядывал свысока на толпу, резко отворачивался, приподнимался в стременах и черным кулаком недовольно всталкивал кверху усы: толпа не проявляла восхищения.

Таким воочию увидел козловский обитатель набег мамонтовцев на родной город, и только из этого личного видения и знания мог тогда исходить в своем понимании события...

Если рассмотреть набег Мамонтова на основе знаний о событии, накопленных после того, как оно совершилось, то значение набега в ходе гражданской войны проглянет яснее.

Уходя из Козлова, Мамонтов отстоял на площади молебен с колокольным звоном и заявил обступившим его после богослужения облаченным в ризы попам, что сейчас он идет на Москву — «спасать столицу от красной заразы».

Движение, взятое корпусом после захвата Козлова, давало основание допустить, что если Мамонтов и не мог отважиться на бессмысленную попытку рейда на Москву, то намерение поугадать таким рейдом у него, конечно, было. Корпус пошел в район Раненбурга, к дорогам, указывавшим направление на Павелец и Тулу.

Мамонтов пугнул рейдом на Москву вполне сознательно. Он не только хвастал, но и хитрил. Он хорошо знал свои преимущества. Они заключались в коннице, способной к самым внезапным изменениям направлений и — значит — в том, что корпус имел возможность произвольно избирать в жертву наименее защищенные города с малочисленными, слабо вооруженными гарнизонами, предназначенными для местной охраны. Безнаказанно углублять свое движение к центру Мамонтов мешали два фактора: время, с течением которого должна была улучшиться организация обороны против налетчиков, и массовость рабочих сил примосковских промышленных районов, с красным арсеналом пролетариата во главе — Тулой. Мамонтов заранее знал о ближайшей неизбежности поворота назад к югу, на соединение с белым фронтом.

Тем более ему надо было продемонстрировать движение на север, к центру, чтобы затруднить разгадку своей тактики и ослабить сопротивление там, куда он в действительности метил проникнуть.

Свое демонстративное движение к северо-западу он быстро сменил поворотом на юго-запад. После Раненбурга был совершен набег на Лебедянь и на Елец. Затем направление рейда было резко изменено на юго-восточное, и мамонтовцы покатались через Задонск большим трактом на Воронеж.

Сопротивление советских городов на пути рейда донцов не ослаблялось, а возрастало. Самое беспомощное в начале рейда, при захвате Тамбова, оно оказалось настолько внушительным к концу, что мамонтовцы

уже не могли полностью овладеть Воронежем, продержались в городе лишь одни сутки и, потерпев поражение, отступили. Боями у Воронежа закончился последний этап рейда. Мамонтов повел корпус назад, и этим исчерпались бы результаты его рейда, если бы Деникин не выдвинул, специально для содействия донцам, третий конный корпус чернознаменного генерал-лейтенанта Шкуро, который две недели спустя и ворвался в Воронеж, доделывать то, что не удалось Мамонтову.

Почему одни города оказывали сопротивление мамонтовцам, другие были сданы без боя?

Первоначальный успех Мамонтова основан не на одной внезапности налета. Ему способствовала измена.

Командование Южного фронта почти игнорировало существовавшее указание — создать надежные укрепленные районы в стратегически важных пунктах своего тыла. Оборона Тамбова, Ельца была совсем не налажена. Действовала разведка белых. Ей было известно, что, например, в военных частях и учреждениях Тамбова деникинцы встретят необходимых им предателей.

Когда курсанты пехотной школы взялись поутру отстаивать тамбовский вокзал, казаки кричали им с уверенностью: «Все равно вам нечем стрелять! Сдавайтесь!» Они были правы: еще ночью бывшие офицеры сняли с орудий замки и во главе с командиром дивизиона ушли к мамонтовцам. Оперативная часть укрепленного района была вверена командиру Отдельной стрелковой бригады, который немедленно перебежал на сторону белых. Начальник броневого отряда, вместо того чтобы искать встречи с противником, обстреливал город под видом наведения порядка. Сам комендант района пустил панический слух, что на Тамбов идут двадцать полков белых, тогда как в действительности к Тамбову подступали две с половиной тысячи сабель, то есть всего три полка. Однако город был сдан без боя.

Лебедянь узнала о захвате Тамбова лишь на третий день, и так же, как Козлов, — по смутным слухам. Город сделал попытку обороняться. Ему помог Раненбург пешими и конными отрядами. Однако все эти попытки обороны предпринимались местными силами без содействия штаба Южного фронта, покинувшего Козлов, едва возникла для города угроза. Тамбовские организации впоследствии откровенно заявили, что «многие разумные распоряжения укрепленного района наталкивались на невероятное сопротивление со стороны командования Южного фронта».

Измена была прощупана, подготовлена белыми и сослужила им пользу. Они опирались на нее, как на подсобную силу, действовавшую против Советов и в поддержку успеха Мамонтова.

Но с течением времени действие основных преимуществ мамонтовского маневра уменьшалось. Ослаблялся фактор внезапности: близлежащие города уже энергично готовились к возможной встрече с казаками. Увеличивалась бдительность местных властей против вероятных измен.

Кроме того, начинали действовать иные факторы, служившие на пользу советской обороне и во вред мамонтовцам.

Первым из этих факторов было разложение среди частей донского корпуса, наступившее быстро и возраставшее непрерывно. Погромы и грабежи разнуздали мамонтовцев настолько, что казаки перестали внимать приказам Мамонтова уже в Козлове, где за его подписью был издан бесплодный запрет грабить население. Считать этот запрет лишь выражением лицемерия Мамонтова нельзя: он сам грабил, но в то же время видел, что его войско предпочитает рвению в боях старательность в пожи-

ве. Дивизии гнали с собой обозы награбленного добра, занимавшие на дорогах больше места, чем воинский состав. Разложение круто понизило боеспособность всего корпуса.

Другой фактор, препятствовавший развитию успеха мамонтовцев, состоял во враждебности советского населения.

Расчет на сочувствие крестьянства принес Мамонтову разочарование. Крестьяне не поддержали казаков, а истязания и грабежи сильнее восстановили деревню против целей контрреволюции.

Результат изменившейся обстановки сказался при повороте мамонтовского рейда на юг.

Средняя колонна Мамонтова натолкнулась на первое серьезное сопротивление у Задонска. Городу удалось провести мобилизацию, набрать отряды и развернуть их в полк численностью больше полутора тысяч штыков. Штаб Воронежского укрепленного района, проявивший решимость в подготовке к обороне и находчивость в оперативном руководстве, помог созданию Задонского полка. Отдельные роты этого полка показали героическое желание сражаться до последней капли крови. Но защитники города повели тактику полевой войны, требующей резервов и достаточных огневых средств. У задонцев было всего восемь пулеметов и не оставалось никаких запасных сил в своем тылу. Их разжиженные на большом пространстве цепи не могли не оставить поле боя за казаками. Тактики уличной борьбы, которая была бы уместнее, Задонск не применил.

Воронеж своей искусной подготовкой к самозащите достиг того, что встретил мамонтовцев морально и качественно превосходящими силами. Бой под Воронежем длился четверо суток и, несмотря на все усилия белых, принес им только кратковременный захват отдельных частей города, откуда они были выбиты уличными боями, и ускорил отступление корпуса к линии Южного фронта...

Чтобы затушевать свою ответственность за результаты мамонтовского прорыва в тыл Красной Армии, виновники создавшегося положения из числа руководителей штаба Южного фронта и Революционного Военного совета Республики старались представить дело, как «призрачную удачу» белых. Разумеется, ничего призрачного не было в огромном уроне, понесенном населением более десяти городов, подвергшихся набегу, в страданиях женщин, детей, в разрушениях дорог, станций, в разгроме складов, в уничтожении советских хозяйств. Не исчерпались потери народа и Красной Армии множеством погибших в боях с мамонтовцами. И желание уменьшить значение истребительного рейда Мамонтова могло диктоваться единственно нечистой совестью тех, кто сыграл роль пособников Деникина в его борьбе против Советов.

В то же время возвеличивать значение набега могли только сами мамонтовцы, при готовности белых и зарубежных газет создать им ореол.

Рейд Мамонтова белые считали одной из крупнейших стратегических операций. Какую, однако, жатву снял Деникин в результате этой своей стратегии? Мамонтовский набег восстановил против белых народные массы близлежащих к фронту губерний. Он ускорил дальнейшее формирование красной конницы, и ее буденовский корпус (к этому времени уже с успехом действовавший против белой кавалерии юго-западнее Саратова) вскоре вырос в Первую Конную армию. Он, наконец, способствовал обнаружению самых уязвимых звеньев в командовании Южного фронта, а это помогало выработке плана военных действий, решивших исход борьбы с Деникиным.

Таков был действительный политический и военный результат рейда Мамонтова. Набег был показателем самой слабой стороны деникинской стратегии: ее политической необоснованности. Он был проявлением существа деникинской тактики, определенного в июльском письме Ленина как авантюра. Он был именно «отчаянным предприятием, в целях сения паники, в целях разрушения ради разрушения».

Согласившись принять участие в депутации к Мамонтову, Пастухов чувствовал себя неуверенно: шаг был политический, а он сторонился политики, считая ее виновницей человеческих несчастий. Но, во-первых, этот шаг поддерживала Ася, во-вторых, уже некогда было раздумывать. Он только что оделся в лучший костюм и приготовил любимое пальто с белой искоркой, как за ним пришли: генерал назначил депутации пожаловать немедленно.

Ася поцеловала Александра Владимировича и, целуя, мелко перекрестила его в пояс, чтобы он не заметил.

Мамонтов со штабом корпуса стоял в единственной большой гостинице города, на главной улице, — в Гранд-отеле, под охраной конных и пеших донцов. Двое хорунжих встретили депутацию при входе и высказали сомнение, что генерал пожелает видеть столь большое число просителей — группа состояла из восьми человек. Но никто из депутатов, дойдя до порога, спервоначала пугавшей цели, не захотел воспользоваться отступлением, словно жалея, что затраченные на мобилизацию духа усилия пропадут впустую. Особенно переполошилась светлая личность, приходившая уговаривать Пастухова.

— Помилуйте! Извольте прочитать состав. Представители исключительно благонамеренных слоев горожан. Менее этого числа прямо-таки невозможно!

Пастухов перезнакомился со всеми и стал рядом с главой депутации, который понравился ему, — тяжеловесный мужчина с голубыми, словно извиняющимися глазами. Он очень волновался и все почесывал в седой бороде и, спохватившись, разглаживал ее, пока дожидались пропуска во внутренние комнаты штаба.

Наконец депутацию провели наверх к полковнику — личному адъютанту командующего. Он просмотрел список явившихся, спросил — кто возглавляет господ, и потом, поразмыслив, — кто господин Пастухов?

Александр Владимирович выставил одну ногу вперед, слегка наклонил голову. Полковник остановил на нем долгий взор, еще поразмыслил и, звеня длинными звонкими шпорами, подгарцовывая, вышел в соседнюю комнату. Возвратившись, он оставил дверь открытой, сказал — «командующий приглашает» — и пропустил мимо себя всех восьмерых поодиночке.

Мамонтов сидел за столом, наклонив голову над бумагами. Виден был ровный ежик его волос и растопыренные, огромные усы, похожие на лопнувшие еловые шишки.

За спиной его, поодаль стола, высился молодой казак, державший руку на серебряном эфесе шашки. Двое других казаков стали позади депутации, которая, разогнутой подковой, выстроилась в корректном отдалении от стола. С момента как она вошла в здание, ей никто не предложил сесть.

Уже давно все разместились и окаменели, а Мамонтов продолжал читать. Вдруг он поднял голову и жикнул отточенным взглядом из конца в конец подковы, точно проверяя правильность строя.

— С кем имею удовольствие? — спросил он, не вставая.
— Господин генерал! — начал глава делегации, набрав полную грудь воздуха и чуть выходя из фронта, но Мамонтов перебил:
— Вы кем были до революции?
— Статским советником.
— Так вы должны знать, что ко мне обращаются как к превосходительству.

Захватывая в щепоть сначала один, потом другой ус, он жестко прокрутил их вправо и влево (отчего они только больше растопырились) и обратился к полковнику:

— Поименный перечень, чтобы я знал.
— Список представлен, — сказал полковник, отделяясь от двери.
— Позвольте сюда!

Полковник подвинул на столе лист бумаги. Мамонтов нагнул голову и спросил таким тоном, будто в комнате никого, кроме него, не было:

— Кто же эти, однако?
— Самая разнообразная публика, — сказал полковник, — вплоть до красных.

Мамонтов отбросил бумагу.

— Более чем великолепно! Ко мне?! Большевицкая делегация?!
— Вот, в числе прочих, господин Пастухов. Он — красный, — не без удовольствия сказал полковник.

— Который? Который Пастухов? — крикнул Мамонтов, опять прошлифовав весь фронт острым взглядом.

— Пастухов — я. Но господин полковник принимает меня за кого-то еще, — не двигаясь и стараясь говорить убедительно, отозвался Александр Владимирович.

— Тут написано — литератор. Это про вас? — спросил полковник.

— Я — петербургский драматург. Театральный автор.

— Так чего же отказываться? Я своими глазами читал в большевицкой газете, что вы из саратовского подполья, — сказал полковник.

— Это недоразумение, если не клевета, — выговорил Пастухов, чувствуя, как коснеет язык.

— У меня нет времени разбирать недоразумения! — снова крикнул Мамонтов. — На замок! Смеем ко мне являться! Интеллигент... с-сукин сын!

Пастухова кто-то потянул за пальтецо, которое он держал через руку. Он оглянулся. Казак тяжело взял его под локоть. Пастухов отстранился и хотел что-то сказать. Но его уже выводили.

Он еще уловил и будто узнал проникновенный голос светлой личности: «...ваше превосходительство... купечество... чиновничество... духовенство...» — и потом ясно расслышал окрик Мамонтова: «обольшевичились!»

Затем все восприятия его странно изменились: как во сне, они приобрели вязкую слитность, но в этой слитности вспыхивали разрозненные куски слепящего озаренья.

Он увидел скуластого казака, вертевшего в бронзовых пальцах бумажку. Эта бумажка имела роковое отношение к Пастухову, но что было написано в ней, он отчетливо не знал. Казак кого-то спросил: «Эсер, что ль, шляпа-то?» Потом хорунжий с чернявым чубиком, щелкая хлыстом по голенищу, обратился к офицеру в уланской форме: «А через улицу дом, там что было?» — «Женская гимназия». — «Эх, черт, — сказал чернявый, — было время! Гимназисточки!» Почти тотчас Александр Владими-

рович возник сам перед собой в виде второго лица, бывшего тоже Пастуховым, но совершенно отдельного от него. Лицо шло по мостовой между двух верховых казаков, несло через руку пальтецо в белую искорку и осматривало улицу. По этой длинной Московской улице Пастухов не раз прогуливался до поворота к вокзалу и теперь узнавал ее, но она была тоже какой-то второй Московской улицей, по которой вели второго Пастухова. Навстречу рысью близилась казачья сотня с песней, и, едва поравнялась с Пастуховым, один казак, по-джигитски перегнувшись в седле, свистнул. Нечеловеческой силы свист резанул Пастухова до боли, и ему показалось, что его ударили по голове нагайкой, и ощущение было настолько резким, что он схватился за затылок. И вдруг он увидел плоский фасад с безнадежными оконцами по линейке и вспомнил, что на повороте к вокзалу стоял острог с проржавленной вывеской под крышей — «Тюремный замок». Воспоминание возникло потому, что Пастухов изумился вывеске, прочитав впервые неживое слово «замок», однако тот отдельный от него Пастухов, что сейчас подходил к воротам «замка», вспомнил слово не только без удивления, но с уверенным сознанием, что происшедшее должно было закончиться непременно «замком».

Цельное чувство действительности вернулось к Александру Владимировичу, когда его втиснули в камеру. Его именно втиснули, а не ввели, не ввергли, не втокнули, не бросили. Он ощутил себя в массе тел и тотчас закашлялся от удушающего запаха. Нет, это был не запах (сразу решил он), это были наружные условия, в которых человеческое обоняние должно быть совершенно исключено. Действие наружных условий было таково, что у Пастухова переменялся цвет кожи — он заметил это по рукам, поднося их ко рту. Наружные условия действовали на пигментацию — человек землиел от удушья.

В этот миг он отчетливо подумал об Асе, об Алеше, и только тут в полноте понял, что с ним случилось. Он понял, что ни Ася, ни Алеша никогда больше его не увидят, потому что он погиб. Он понял это и, наверное, застонал, так как кто-то рядом с ним издевательски спросил: «Не любишь?» — и нагло засмеялся. Он ничего не сказал в ответ, предвидя более жестокую пробу терпения, его ожидавшую.

Как всюду, где бы ни обретались люди, образуется зависимость отношений, вытекающая из силы одних и слабости других, так в этой тлетворной свалке тел, невозможной для человеческого существования, установился порядок, подмеченный Пастуховым, как только кровь его начала приравниваться к новым условиям дыхания. Людей оказалось не так много, как думал сначала Пастухов, или — вернее — камера могла вместить их меньше, чем то множество, каким представилась ему масса, когда он был в нее втиснут. Позже он сосчитал, что был сорок восьмым человеком в камере с двенадцатью нарами в два этажа. Здесь находились тюремные завсегдатаи, выпущенные в первый день набега мамонтовцами и затем снова посаженные; почтенные старцы и робкие юноши с невинными глазами; рабочие и служилые люди. Одна часть толпой стояла возле двери, другая сидела на полу, третья занимала нары. По истечении некоторого срока лежавшие освобождали нары и становились в толпу, сидевшие на полу лезли на их место, а на пол садилась часть людей из тех, которые стояли. В этом круговращении заключался основной порядок, дополнявшийся тем, что три-четыре человека надзирали за его соблюдением, не подчиняясь ему, и, лежа на нарах, командовали всем населением камеры. Они и были самыми сильными людьми общегития.

Пастухов не скоро получил место для сидения. Знакомый издевательский голос, во время спора — чья очередь сидеть, присипел: «Он с воздуха! Постоит!»

Но сперва Пастухов даже предпочитал стоять. Его потребность наблюдать все, что находилось в поле внешних чувств, не могла ни на минуту остановить горячечной работы мысли. Он непроизвольно запечатлевал мелкие особенности своего вынужденного окружения и одновременно ставил себе один за другим вопросы, как будто не связанные с тем, что видели его глаза, слышали уши, испытывало тело.

Настойчивее других вопросов возвращалось к нему недоумение — зачем же все-таки он погибает? Ведь он же ровно ничего не сделал! Если бы он дал хотя бы повод причислить себя к красным! Мерцалову хотелось заработать себе расположение большевиков, и он сделал из Пастухова красного. Но ведь он сделал его красным в глазах белых! В глазах красных он как был, так и остался белым. А белые посадили его в «замок» как красного. Этого ли хотел Мерцалов? Но черт с ним, с Мерцаловым! Чего хотела судьба Пастухова, запутав его в эти клейкие тенета? Где тут правда? В чем правда? Ведь Пастухов действительно ничего не сделал против правды, как он ее понимал. Почему же правда отвратила от него свой лик?

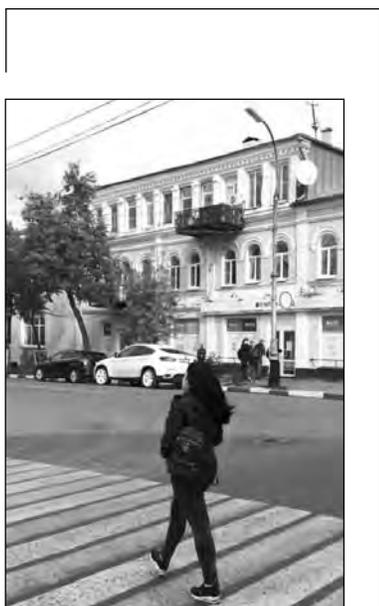
Неужели он неверно понимал правду? Неужели его ошибки были преступлением против правды, и она наказывает его за ошибки? Неужели он не смел ошибаться? Не имел права допускать роскошь ошибок? Боже мой милостивый, неужели здесь, в этой пакости, в этом зловонии, Пастухов должен наново решать еще на школьной скамье решенные вопросы?

«Не любишь?» — слышится ему сипучий голос.

«Попробую, попробую наново», — говорит себе Пастухов, покачиваясь на отекающих ногах.

...Я прихожу в этот мир помимо моей воли, прихожу внезапно для зарождающегося моего самосознания. Меня встречают два закона, независимых от моей воли: закон биологии с его требованием, заложенным в мои клетки, — «Хочу жить!» — и закон социально-исторический с его ультиматумом: «Будешь жить только тогда, если подчинишь свою волю мне, иначе ты уничтожишься как человек». Если бы я вздумал жить отдельно от человечества, я стал бы только животным. Я обречен быть среди себе подобных. Я принял это, потому что это неизбежно. Принял то, что существовало в мире, когда я невольно появился в нем. Принял мир, как произвол над собой.

*Стихи
мичуринских
поэтов*

ЧТО ЖЕ ЗДЕСЬ НАШУ ДУШУ СОГРЕЛО?

Елена Духанина

* * *

На двери на даче — старая подкова.
Век уже, наверно, так она висит.
Поменяла дача всех жильцов на новых,
Тикают минутки, времечко бежит...

Изменились нравы, в быте перемены,
Тех, что были прежде, сиделок нет.
Но еще остался запах той сирени,
Что растет у дома сотню верных лет.

Так же светят звезды летними ночами,
О любви скучает юная душа...
Время мчится дальше, нас не замечая,
И крадется к даче старость не спеша.

А когда проникнет в те с подковой двери,
Потеряют яркость сад мой и сирень.
И жильцы другие здесь ремонт затеют —
Выкинут подкову в яму за плетень.

Общение нам молодость дает,
А памятью мы очищаем души.
Поверьте, прошлым человек живет —
А в старости живет, пока он нужен...

* * *

Все ждут ребят, и ждем конца войны.
Уверен, что победа скоро будет.
На землю ляжет радость тишины,
Не станут в небо всматриваться люди.

Немало лет пройдет, пока поймут,
Что русский за себя всегда ответит.
Сейчас нацистами врага зовут,
Их почему-то не добились наши деды.

Чтоб в мире жить всем племенам славян,
Их внукам довелось опять сразиться.
Молю я Бога, чтобы пацанам
С победой и живыми возвратиться!

Людмила Волокитина,
*заведующая Домом-музеем
И.В. Мичурина*

ПОДВИЖНИК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ДОСТОИНСТВ

(Город хранит память о великом садоводе)

История оставила нам немало имен-символов, имен великих людей, которые формировали наши знания о Вселенной, идеалы и чувства, мировоззрение. Среди них особой строкой стоит имя Ивана Владимировича Мичурина, великого преобразователя природы, ученого-селекционера с мировой известностью. Научное наследие И.В. Мичурина велико и многогранно. Во-первых, это разработка методов селекции, во-вторых, создание новых сортов плодовых растений с использованием своей методики. Но самое главное — это всестороннее развитие отечественного садоводства и создание его научных основ. И эта работа гениального человека не могла остаться незамеченной: постановление Президиума ЦИК СССР от 18 мая 1932 года о переименовании города Козлова в город Мичуринск — уже беспрецедентный и единственный случай в мировой практике, когда еще при жизни ученого его именем называют город, в котором он живет и работает.

Немного истории о жизни этого знаменитого ученого. Родился И.В. Мичурин 28 октября (в разных изданиях сам ученый иногда писал 27 октября) 1855 года близ деревни Долгое Пронского уезда Рязанской губернии. Детские годы Ивана Владимировича прошли в занятиях в саду, на земле, потому что и отец, и дед, и прадед Мичурина занимались разведением садов в Калужской и Рязанской губерниях. К восьми годам Иван мастерски владел многими способами прививки плодовых растений. Но больше всего его интересовали семена, зародыши новой жизни. «Я, как помню себя, — писал Мичурин в автобиографии, — всегда и всецело был поглощен только одним стремлением — к занятиям выращивать те или другие растения, и настолько сильно было такое увлечение, что я почти даже не замечал многих остальных деталей жизни, они как будто все прошли мимо меня и почти не оставили следов в памяти».

Трудным был жизненный путь И.В. Мичурина. В конце 1872 года он приезжает в город Козлов. Свою трудовую деятельность Иван Владимирович начал в возрасте 17 лет в товарной конторе г. Козлова (Мичуринска). За время работы на железной дороге он несколько раз менял квартиры и арендованные земельные участки, собирал средства на приобретение своего участка земли. Помимо работы, бу-

дущий ученый, постоянно занимаясь самообразованием, изучал специальную литературу по садоводству, ставил опыты, печатал свои статьи в научных журналах и других изданиях. Вел обширную переписку с любителями садоводами России, с отечественными и зарубежными учеными. Он неплохо владел французским языком, переводил с немецкого и английского со словарем. Огромная сила воли, непреклонный характер, редчайшее упорство в достижении цели способствовали его успехам в области селекции. И наконец, в 1889 году И.В. Мичурин покупает свой первый земельный участок недалеко от города, в Турмасово. Период работы на этом участке длился почти десять лет, он принес удачу Ивану Владимировичу.

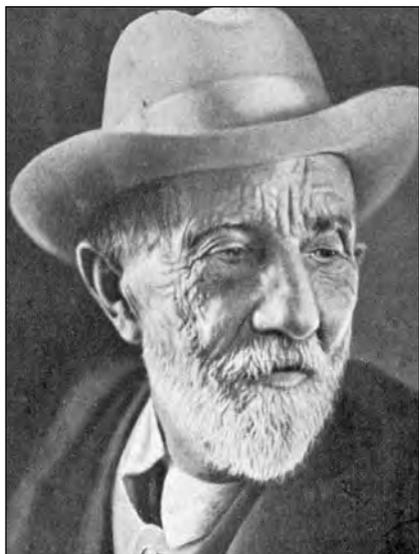
Здесь он подошел вплотную к разработке вопроса об отдаленной гибридизации. Но почва турмасовского участка была непригодна для выращивания гибридов, так как представляла собой тучный чернозем. В 1889 году И.В. Мичурин покупает другой участок, более соответствующий научным целям и задачам, закладывает питомник площадью 12 гектаров. Начало его работы на новом участке знаменуется ростом его известности среди специалистов не только в России, но и за рубежом.

Питомник пополнялся все новыми и новыми сортами плодово-ягодных культур. Иван Владимирович начинает фантастическую для того времени гибридизацию винограда и персика. Разрабатывает методику опытов с дальневосточной ягодой — актинидией.

Свои методы работы ученый не скрывал, а стремился сделать их всеобщим достоянием. К этому времени он является постоянным сотрудником редакции российских журналов «Садоводство и огородничество», издающегося в Харькове, «Вестник садоводства, плододовства и огородничества», являющегося печатным органом императорского общества садоводства и издающегося с 1859 года, «Садовод», «Прогрессивное садоводство и огородничество», редактором которого был П.Н. Штейнберг. В одном из номеров этого журнала, а именно — в № 21 за 1910 год, когда подводились итоги работы редакции за шесть лет, дается краткая характеристика сотрудников редакции, в том числе и И.В. Мичурина. И уже в этой характеристике подчеркивается, что ученого волнуют не только собственное дело, а проблемы развития садоводства в России: «И.В. Мичурин в своей деятельности по разведению плодовых деревьев не замедлил прийти к мнению, что для действительного прогресса плододовства России нам необходимы собственные свои русские сорта, полученные путем гибридизации, и притом сорта в наибольшей степени выносливые и приспособленные к той или другой местности».

И.В. Мичурин продолжает издавать свои каталоги, в них появляются все новые и новые сорта плодово-ягодных культур. Здесь же он помещает много сведений по агротехнике плододовства, борьбе с вредителями и болезнями растений и т.д. Иван Владимирович настойчиво подчеркивает, что его питомник не является обыкновенным торговым заведением, где большое внимание придается рекламе, а это место, где создаются новые сорта, отвечающие многим требованиям человека.

Здесь собран огромный генофонд плодовых и ягодных культур. Это растения из различных районов Земного шара: Средней Азии, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Западной Европы, Индии, Китая, Японии, США, Канады. Здесь ученый подвел итоги своей работы: подбор исходных форм для скрещивания, межсортная и отдаленная гибридизация, воспитание гибридов, ускорение процесса и повышение его эффективности, применение химических мутагенов и биофизических факторов и многое другое. За свою жизнь Иван Владимирович создал 350 новых сортов плодовых и ягодных культур. Ученый ввел в культуру садов такие растения, которые ранее назывались нетрадиционными: актинидию, лимонник, катальпу, магонию, элеутерококк, аралию, кизильник, плоскосемянник, яблоню Зибольда, черемуху Виргинскую и многие другие интересные растения.

Иван Владимирович Мичурин

Не будучи хорошо обеспеченным человеком, Мичурин вынужден был ограничивать масштабы селекционной работы. Неоднократные обращения ученого о помощи в Департамент земледелия результатов не дали. Иван Владимирович писал: «Перемены условий жизни идут с головокружительной быстротой, и если мы пожелаем улучшить свои средства к жизни более энергичным трудом, не пожелаем вечно тащиться в хвосте других наций, мы должны проснуться от своей вековой спячки, должны энергично и дружно взяться за улучшение садоводства».

Правда, в это время высокую оценку работам Ивана Мичурина дали крупнейшие русские специалисты по садоводству М.В. Рыжов, В.В. Пашкевич, Н.И. Кичунов. Многие годы они переписывались, перед тем как познакомиться лично. Н.И. Кичунов так описывает свои первые впечатления от встречи с Мичуриным: «Тут сразу на месте убедился, что вижу пред собой подвижника, совер-

шенно исключительных, не встречаемых в жизни у людей достоинств».

Мичурин был избран почетным членом Калужского, Симбирского и Российского обществ садоводов. В письме, которое получил ученый от вице-президента Российского общества садоводства А.А. Ячевского, читаем: «Многоуважаемый Иван Владимирович! Считаю приятным долгом известить Вас, что в состоящемся Чрезвычайном собрании Общества садоводства Вы были избраны почетным членом этого общества... как скромное свидетельство нашего уважения к Вашей многолетней деятельности. Ваши работы настолько ценны для России, что заслуживают всяческой поддержки. Я это уже не раз говорил многим, но у нас любят восхищаться американцами, а своих не признают или, по крайней мере, не желают замечать».

Да, действительно, за океаном продолжают интересоваться работами И.В. Мичурина. Если в конце XIX столетия американцы закупили и переправили в США некоторые сорта ученого, то теперь заведующий отделом интродукции министерства сельского хозяйства США Дэвид Ферчайлд настойчиво добивается того, чтобы купить у Мичурина всю собранную им со многих стран мира коллекцию родительских форм растений и их гибридов. С этой целью он несколько раз посылал к Мичурину ботаника Вашингтонского сельскохозяйственного института профессора Мейера. В издаваемом Департаментом земледелия США «Бюллетене импортных растений» были опубликованы отчетные сведения Мейера из последних поездок с описанием достижений замечательного русского селекционера из Козлова. Из отчета Мейера было очевидно, что от его внимания не ускользнули тяжелые условия, в которых Мичурину приходилось трудиться. Профессор Мейер ставил И.В. Мичурину выше своего соотечественника, знаменитого американского творца новых растений Л. Бербанка. Мичурин достиг выдающихся результатов, проводя селекционную работу в суровых условиях средней полосы России. Бербанк же занимался выведением новых сортов, живя и работая в условиях благодатного субтропического климата штата Калифорния.

Дважды американский Департамент земледелия — в 1911 г. и в 1915 г. — предлагают И.В. Мичурину с семьей переехать работать в США. Ему предлагают ок-

лад в 8000 долларов и отдельный пароход для перевозки всех растений и грузов. Но как бы ни была сурова к нему Россия, но все же это его Родина. И в ответ на приглашения Мичурин писал: «Причин для отказа у меня много. Но главное вот что: я давно знаю, что акклиматизация растений простой пересадкой из родной страны в чужую результатов не дает. Наверное, это и к людям относится... Я работаю для своего народа, и я надеюсь, что настанет такое время, когда мои работы оценят».

И.В. Мичурин внес неоценимый вклад в развитие отечественного садоводства. С его именем связана организация целого ряда научных и учебных учреждений всесоюзного значения в г. Мичуринске (Козлове). Им также был поднят вопрос о создании в стране региональной сети научно-исследовательских учреждений.

С именем выдающегося ученого связано возникновение и становление садоводства Урала, Сибири, Дальнего Востока. Он поддерживал тесные связи с энтузиастами-садоводами и селекционерами этих суровых регионов, вел с ними переписку и обмен генофондом.

По его инициативе в 30-е годы XX столетия на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке были организованы научные учреждения по садоводству: опытные поля, опорные пункты, станции.

Иван Владимирович всегда указывал на необходимость тесной связи научно-исследовательской работы с практикой. Выдающиеся достижения И.В. Мичурина получили широкое признание в нашей стране и за рубежом. Его заслуги были отмечены орденом Трудового Красного Знамени (1926 г.), орденом Ленина (1931 г.). В 1934 году ученому было присвоено звание «Заслуженного деятеля науки и техники». В 1935 году он был избран почетным членом Академии земледельческих наук Чехословакии и Академии наук СССР и ВАСХНИЛ.

Академик Н.И. Вавилов высоко оценивал деятельность Мичурина. Он писал: «В жизни Ивана Владимировича исключительно много поучительного: поучителен сам подвиг, железная воля, упорство, колоссальный труд. И.В. Мичурин является образцом исключительного трудолюбия, подлинным героем труда, своим примером показавшим, как надо жить и работать».

Однако сам Мичурин очень скромно оценивал результаты своего труда. Он отмечал: «Оглядываясь назад на пройденный путь, подытоживая количество достижений, невольно убеждаешься в их незначительности. Слишком коротка жизнь каждого человека для этого дела. Здесь требуется работа целых поколений».

Когда умер Иван Владимирович Мичурин, Н.И. Вавилов в некрологе назвал жизнь ученого подвигом. Иван Владимирович закончил свой «подвиг» на 80-м году жизни, его нет среди нас, но его любимое дело живо, оно подхвачено и не умрет. Этому есть подтверждение. 13 мая 1941 года выходит постановление Совнаркома СССР об организации мемориала И.В. Мичурина в Мичуринске. В сборе материалов музея большая заслуга принадлежит родным и близким Мичурина. Но особо надо отметить работу по сбору материалов и открытию музея учеников и последователей Ивана Владимировича. Не будем перечислять их огромное количество во всех уголках страны, но имя личного секретаря ученого А.Н. Бахарева нужно отметить особо. А.Н. Бахарев не только собирал материал для музея, но и много писал о Мичурине, пропагандировал основы селекционно-генетической теории ученого.

Было очень беспокойно в мире, и действительно, через месяц с небольшим началась война. Все вещи дома были эвакуированы в Челябинск. Открытие музея отложили на 5 лет. Но и в очень тяжелые и тревожные дни сотрудники Основного питомника не прекращали работать в Зеленом музее. А открытие дома произошло в 1946 году. За время работы музея в нем побывало более миллиона посетителей, в том числе немало иностранцев — граждан Америки, Канады, Европы, Азии,

Африки, Австралии. Среди посетителей Основного питомника можно встретить ученых всех специальностей, студентов, школьников, рабочих, учителей, агрономов и просто любителей-садоводов. Всех их объединяет глубокий интерес к творческому наследию великого ученого, к его жизни и работе, так как Иван Владимирович всегда ставил интерес науки и благополучие сограждан, во благо которых и совершались открытия, превыше интересов личных. Не подчинение природы, а глубокое уважение и любовь к ней были основополагающими в его деятельности.

Сегодня Основной питомник и Дом-музей И.В. Мичурина являются не только историческим памятником, составляющим национальную сокровищницу народа, но и одновременно научно-исследовательским и культурно-просветительским учреждением.

И.В. Мичурин, гениальный ученый-биолог, работал для Отечества, работал для своего народа, для нас, для потомков. Благодаря плодотворной деятельности великого садовода и его последователей в Мичуринске сформировался интегрированный комплекс научных организаций, высших учебных заведений и промышленных предприятий, в которых создана соответствующая материально-техническая база и значительный научный потенциал, что позволило Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2003 году присвоить г. Мичуринску статус наукограда Российской Федерации.

Реализация программных мероприятий по развитию г. Мичуринска как наукограда позволит, наряду с разработкой фундаментальных проблем генетики, селекции, биотехнологии и физиологии, экологически безопасных технологий производства, длительного хранения и транспортировки плодовоовощной продукции, создать новые натуральные продукты питания лечебно-профилактического назначения. Это поможет решить одну из приоритетных задач государства — заботу о здоровье населения и повышении его жизненного уровня.

ВСТРЕЧА ГЕНИЕВ В «ЗЕЛЕННОЙ ЛАБОРАТОРИИ»

(Как Николай Вавилов приезжал в Козлов к Ивану Мичурину)

Во всем мире известен вклад нашего великого земляка, выдающего ученого-естествоиспытателя, одного из основоположников научной селекции И.В. Мичурина, в генетику и селекцию плодовых растений. Он был разносторонним исследователем и выдающимся экспериментатором. Над мичуринским наследием работает и будет работать еще не одно поколение ученых во всем мире: изучать его труды, развивать созданные им новые сорта растений.

А ведь было время, когда об И.В. Мичурине знали только наиболее прогрессивные ученые, видели в его трудах и открытиях большое и нужное отечественному плодоводству дело, всемерно помогали ему. Среди этих ученых — В.Е. Пашкевич, Н.И. Кичунов и другие. Н.И. Кичунов, познакомившийся с первыми статьями И.В. Мичурина в журнале «Вестник садоводства» за 1888 г. и посетивший его летом 1908 г., в своих воспоминаниях писал: *«...русское садоводство в лице И.В. Мичурина располагает не только огромной и выдающейся, но еще и небывалой у нас до сих пор силой, в этом нет никакого сомнения, но, к сожалению, вина Мичурина состоит в том, что он жил, вырос и трудился в России, где собственные родные таланты мало или совсем не признаются»* («Яровизация», 1940, № 3, с. 186).

С глубоким уважением относился к И.В. Мичурину и выдающийся естествоиспытатель, один из корифеев отечественной науки, первый президент ВАСХНИЛ Н.И. Вавилов.

Впервые Н.И. Вавилов посетил И.В. Мичурину в сентябре 1920 года и вот что он написал об этом: «В скромнейшей обстановке, в условиях одиночества и бедности, началась и продолжалась до революции работа Мичурина. Припоминаю свое первое посещение Ивана Владимировича в 1920 году: убогая, полуразвалившаяся избушка, в которой жил и работал выдающийся плодовод нашего времени. В запущенном саду приходилось разыскивать замечательные гибриды. Не было рук, чтобы привести сад в порядок».

В начале 1922 года в Москве состоялось Всероссийское совещание по опытному делу при Наркомземе, на котором Н.И. Вавиловым был поднят вопрос о необходимости публикации работ И.В. Мичурина и об углублении и расширении работы, ведущейся под его руководством. Здесь будет уместно привести текст письма Н.И. Вавилова от 1 сентября 1922 года, которое хранилось в фондах Всесоюзного института растениеводства в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном архиве научно-технической документации:

«И.В. Мичурину.

Козлов. Петроград, 1 сентября 1922 г.

Глубокоуважаемый Иван Владимирович!

Обращаются к Вам от Отдела прикладной ботаники и селекции с нижеследующей просьбой.

Мы составили, насколько смогли, полный перечень статей, напечатанных Вами в 1888 г. в различных журналах.

Наверное, этот список имеет много пропусков. Посылаю Вам две копии с него, одну для исправления и дополнений, вторую — лично на всякий случай. Ввиду большого интереса к Вашим работам, покорнейшая просьба не отказать помочь нам в составлении этого списка. Может быть, Вы печатали что-нибудь за последние годы. В Отделе прикладной ботаники и селекции находится одна из самых больших библиотек в области садоводства и селекции.

Было бы, конечно, очень важным собрать в этой библиотеке все, что пропущено в прилагаемом списке.

Вторая просьба к Вам: составить для “Трудов прикладной ботаники и селекции”, которые издаются уже 14-й год и являются основным органом в области прикладной ботаники и селекции в России, сводную статью о результатах Вашей работы и о методах работы. Было бы крайне желательно получить резюме, листа на два печатных. Это резюме мы издали бы в достойном виде, переведа его целиком на английский язык.

От Вас лично мне приходилось слышать, что последнее издание Наркомзема Вас совершенно не удовлетворяет, так много опечаток.

Было бы крайне необходимо иметь Вами лично составленную сводку данных Ваших многочисленных работ. Никто, как Вы, не может составить авторитетно такую сводку. Статья, которая будет вами прислана, может сопровождаться рисунками. Самые необходимые можно было бы напечатать даже в красках. Конечно, по условиям времени, число клише может быть очень небольшим, не превышая 20 рисунков.

Из Америки мы получили недавно просьбу сообщить о том, как Вы поживаете. В Америке до сих пор продолжают интересоваться Вашей работой, которая хорошо известна через Мейера, неоднократно посещавшего Вас в Козлове.

Вашингтонское Министерство земледелия пыталось посылать Вам несколько раз продовольственные посылки и просит уведомить Вас, получали ли Вы

Н.И. Вавилов и И.В. Мичурин

таковые. Еще раз, убедительная просьба к Вам не отказать в исправлении списка с перечнем Ваших трудов и присылке исправленного списка нам, в Петроград, и еще более убедительная просьба в интересах всех, кто интересуется в России садоводством, уделить несколько дней на составление такого очерка-сводки Вашей более чем 40-летней деятельности, который представит интерес не только в России, но и за границей.

Конечно, отписки Вашего труда будут пересланы вам в том количестве, какое Вы пожелаете. Смею уверить, что Отдел прикладной ботаники примет все меры к тому, чтобы опубликовать Вашу работу в достойном виде.

Последний съезд агрономов, садоводов и деятелей по опытному делу, состоявшийся в Москве в июле с.г., поручил обратиться к Вам с этой просьбой, и им выражено общее пожелание, чтобы это было сделано, возможно, в кратчайший срок.

Большая просьба прислать для нашей библиотеки последний Ваш каталог, если он имеется у Вас. Просим также сообщить точную дату Вашего рождения, которая, к сожалению, нам не известна».

Сборник был издан в 1924 году под редакцией профессора Пашкевича, много лет знавшего И.В. Мичурина. Предисловие к этому сборнику написал Н.И. Вавилов: «*Настоящий сборник, составленный при участии отдела прикладной ботаники и селекции государственного института опытной агрономии и опытного отдела НКЗ в лице И.М. Куприянова, и является первой скромной попыткой подытожить деятельность замечательного русского селекционера-оригинатора, за которой может быть придут возможности и более подробного опубликования трудов И.В. Мичурина*».

Книга была издана небольшим тиражом — всего 3000 экземпляров. Одна из этих книг сейчас хранится в доме-музее И.В. Мичурина.

Как свидетельствуют многие документы, сердечная дружба двух корифеев науки Н.И. Вавилова и И.В. Мичурина продолжалась долгие годы. В 1923 году в Москве была организована I Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Членом оргкомитета был Николай Иванович, и он приложил много усилий, чтобы и И.В. Мичурин принял участие в ней. С большой радостью и любовью готовился ученый к первому показу своих достижений.

Замечательные растения, прекрасные мичуринские плоды и ягоды — все это произвело большое впечатление на участников и посетителей выставки. Экспертная комиссия присудила ученому высшую награду:

«Глубокоуважаемый Иван Владимирович! Эксперты I Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, познакомившись с Вашими экспонатами, шлют Вам сердечный привет, пожелания здоровья и продолжения столь блестящих успехов в деле создания новых сортов.

Москва, 12 сентября 1923 г.»

На первое место в работе И.В. Мичурина Н.И. Вавилов ставит разработку и воплощение в жизнь теории отдаленной гибридизации. И если в наше время метод отдаленной гибридизации признан ведущим в селекции, с использованием его решаются самые сложные вопросы в селекции всех культур, то в те далекие годы он признан не был. Вавилов писал: *«Крупнейшая научная заслуга Ивана Владимировича состоит в том, что он, как никто в нашей стране, выдвинул идею отдаленной гибридизации, смелой переделки видов растений путем скрещивания их с другими видами, и научно, и практически доказал правильность этого пути».*

Заслуга И.В. Мичурина еще состоит и в том, говоря словами Н.И. Вавилова, что он первым понял необходимость всемерного использования диких и культурных форм из трех основных очагов плодородия — Северной Америки, Юго-Западной Азии (включая наше Закавказье и Северный Кавказ) и Восточной Азии. Эта же проблема «обновления земли» стала ведущей в деятельности и самого Вавилова, а также возглавляемого им института.

15 июня 1932 года Н.И. Вавилов навещает И.В. Мичурина. Он приехал к ученому со своим сыном Юрием и вице-президентом ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко. С большим вниманием была осмотрена «зеленая лаборатория» ученого. Вавилов был восхищен огромной коллекцией плодовых и декоративных растений. Пожелав Мичурину здоровья и успехов, гости в тот же день уехали. Вновь встречаются они 20 сентября 1934 года на 60-летнем юбилее научной деятельности И.В. Мичурина. Н.И. Вавилов вел торжественное собрание, которое состоялось в драматическом театре. Иван Владимирович получил массу приветствий и поздравлений от членов Правительства, академиков, рабочих, колхозников-опытников...

Приехали на празднование юбилея делегации со всех уголков нашей страны и из-за рубежа. В день юбилея Президиум ВЦИК присвоил Мичурину звание заслуженного деятеля науки и техники.

Отвечая на многочисленные приветствия, И.В. Мичурин на юбилейном заседании сказал: *«Товарищи, прежде всего, я должен поблагодарить вас за ваши приветствия. Затем я желаю объяснить сущность торжества этого юбилея. Ведь моя 60-летняя работа здесь не играет роли и не заслуживает такого очень пышного празднования. Вся суть в том, что этой пышностью празднования наше Правительство показывает всю важность садового дела...»*

На этом собрании выступил и Н.И. Вавилов. Он подчеркнул: *«Работа Мичурина известна ныне не только всему Советскому Союзу, ее хорошо знают плодороды Америки и Западной Европы. С восхищением нам показывали в 1930 году в Северной Калифорнии превосходный мичуринский сорт сливы, буквально осыпанный плодами, его вывез из Козлова американский интродуктор Франк Мейер».* Закончил он свое выступление здравицей в честь юбиляра.

Долгая дружба двух ученых продолжалась до самой смерти Ивана Владимировича. Николаю Ивановичу принадлежала инициатива представления кандидатуры И.В. Мичурина в действительные члены Академии наук СССР. 1 июня 1935 года он был избран почетным академиком. А 7 июня Иван Владимирович скончался. На другой день в газете «Правда» Н.И. Вавилов выступил со статьей «Подвиг», в которой с исключительной проникновенностью подытожил жизненный путь И.В. Мичурина. Статья заканчивается словами: *«Мичурин ушел. Но его любимое дело подхвачено и не умрет. Подвиг его бессмертен...»*

Владимир Шмерлинг

ТВОРЕЦ В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ

Отрывок из книги очерков об И.В. Мичурине «Югосевер»

Владимир Григорьевич Шмерлинг (1909–1992) родился в г. Козлове Тамбовской губернии. Его отец был провизором, мать работала школьным зубным врачом. Во время налета мамонтовцев на г. Козлов и еврейского погрома 1919 года дом Шмерлингов был разграблен, и вскоре чудом спасшаяся семья уезжает в Москву. Окончив в 1925 году школу, Владимир поступает на Высшие государственные литературные курсы. В 1928 году в журналах «Октябрь», «Красная новь», «Красноармеец» появляются его первые очерки, а в 1931-м выходит посвященная И.В. Мичурину первая книга «Югосевер», предисловие к которой написал легендарный советский писатель А.С. Серафимович. Связь с родным городом В. Шмерлинг не прерывает и позже. В 1934 году выходит еще одна его книга, «Мичурин», и на следующий год молодого журналиста принимают в Союз писателей СССР. В годы первых пятилеток Шмерлинг много ездит по стране, особенно тесная связь устанавливается у него с созданной в Бессарабии бойцами-котовцами сельскохозяйственной коммунной, в результате чего он написал книгу «Котовский», которая выходит в серии «Жизнь замечательных людей», затем была переведена на многие языки и неоднократно переиздавалась позже.

24 июня 1941 года В. Шмерлинг призван в действующую армию и направлен фронтовым корреспондентом в красноармейскую газету «Вперед за Родину» 22-й армии. Прошел всю войну. В Берлине 1945-го в составе группы писателей-фронтовиков собирает материалы, вошедшие в книгу документальных свидетельств участников боев «Штурм Берлина». Впоследствии он написал несколько книг о Великой Отечественной войне, в том числе для детей. Много сил отдает писатель организуемому Бюро пропаганды художественной литературы СП СССР встречам с подрастающим поколением. Ребята очень любили его рассказы о Гражданской и Великой Отечественной войнах, о замечательных людях, с которыми свела жизнь, — Мичурине, Есенине, Гайдаре. Долгие годы Владимир Григорьевич поддерживал постоянные контакты и переписку с энтузиастами-краеведами из Мичуринска.

* * *

...Книга Владимира Шмерлинга сыграет прекрасную роль: Ивана Владимировича Мичурина и его работы должен знать и уметь ценить каждый гражданин великого Союза.

Чем дорог, чем близок Мичурин нашему социалистическому строительству? Тем, что, как правильно указывает Владимир Шмерлинг, он не похож на Бербанка: тот из тысяч, десятков тысяч особей вылавливал нужные ему сорта и виды, не меняя обстановки, среды, климата, в которых они создались. И.В. Мичурин же с изумительным искусством создает новые сорта, новые виды с таким расчетом, чтобы они могли произрастать в суровых условиях нашей страны. Эти новые сорта и виды он несет в самую гущу населения, эти великолепные мичуринские плоды будет выращивать и потреблять крестьянин и пролетарий социалистического Союза, а не доставлять за тридевять земель, как это было до сих пор.

Вокруг И.В. Мичурина зреют и наливаются молодые силы. Как это прекрасно: удивительный старик бросает семена не только в почву, но и в умы!

А. СЕРАФИМОВИЧ

СТАРИК С ПАЛОЧКОЙ

— Аркашка, лодку!

— Аркашка! Аркашка! Аркашка! — кричат вместе со мной на берегу человек, страдающий одышкой, и девочка с косичками.

Наконец медленно «на горизонте» появляется «судно» Аркашки. Гребет он только одним веслом, при чем от весла остался только обломок.

Аркашка причаливает к берегу.

Его «посуда» переживает тревожные минуты. Ни она, ни человек с одышкой не могут найти равновесия. Аркашка же относится к этому весьма равнодушно.

Наконец он выгружает свой транспорт и скрывается в камыши.

— Аркашка! Аркашка! — несется над рекой.

Вхожу в калитку. Иду по дорожке. Смотрю под ноги. Опилки и стружки. Сзади бежит собачонка. Кажется, желтая.

Поднимаю голову. Надо мною скворешник. Скворцов не видно.

Смотрю прямо. Крылечко. Скамейка, — на таких обыкновенно грызут семечки. Гуляют куры.

В бочке с водой и пылью плавает, как масло, кусок рогожи.

Окна в доме занавешены. У одного окна закрыты ставни.

Иду дальше. Надо мною деревья. Дорожка ведет в сад. Собака догоняет меня. Она начинает лаять. Я ускоряю шаг. У сарайчика сидит старичок. Что-то чертит палкой по земле. Не замечает меня.

Я говорю: «Здравствуйте!». И еще раз — «Здравствуйте!» Он продолжает чертить, но потом вдруг резко вскидывает голову. Он далеко не добродушен.

— Тебе чего?

— Я к вам, Иван Владимирович... (да, это он).

— Ко мне? Да отвяжись ты! Чего тебе нужно!.. — и по-прежнему чертит своей палкой по песку, как будто я совсем не существую.

— Иван Владимирович, я к вам приехал из Москвы.

Тогда Иван Владимирович делает движение, точно проглотил гнилой орех, и кричит глухо, но громко.

— Паш! Паш!

«Неужели выгонит?» — думаю я.

«Паш» появляется не скоро.

...Старик молчит, свернулся, как улитка. Я приготовил столько слов, таких умных и таких... и вот...

Наконец Паша вылез из кустарника. Извиняюсь, для меня он не Паша, а Павел Никанорович Яковлев. Но его имя и отчество и все прочие подробности я узнал несколько позже, когда произнес ему то, что должно было быть написано на моей визитной карточке, которой у меня нет.

— Что он ко мне пристал? — спрашивает Иван Владимирович.

— Это они из Москвы приехали, писать о вас будут, мы уж раньше списались, это они...

— А! Болтологией занимается. Дурачья штука! Да что ты поймешь в моем деле? Врать только будешь! Эх, вруны, вруны! — и Иван Владимирович смерил меня взглядом. Я обрадовался. Наконец «заметили».

— Ну, смотри, надоедать будешь — прогоню; так и скажу: пошел к чертям.

— Ничего, Иван Владимирович, не прогоните, — выступил я смелее.

— Что, это ты о чем?

— Говорите громче, — шепнул Яковлев.

— Ну, пойдем, — поспешил Иван Владимирович и вошел в сарайчик.

Он сел, а палочку поставил в сторону. Держал свою голову прямо и глядел вперед, не обращая на нас внимания.

У него морщинистое лицо. Весь он как будто сложен из углов. Густые черные, наполовину седые брови. Глаза смотрят далеко. Должно быть, когда-то они были очень ясными.

Он долго глядел. Шевелил пальцами, точно мял мякиш, и, наконец, заговорил, как бы обращаясь не к нам.

Я слышал его голос, но он не был таким, как прежде. Этот голос — с раскатами, глухой, но иногда тягучий, будто смазанный. Слушал, потом взял карандаш и начал тихонько, так, чтобы он не видал, записывать его слова.

В день пятидесятилетнего юбилея Мичурина по городу были развешаны плакаты:

Первый плакат:

МИЧУРИН ИЗ ТЕХ, КТО НАУЧАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОБЕЖДАТЬ ДО СИХ ПОР НЕПОБЕДИМОЕ.

Второй плакат:

МИЧУРИН ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ БОРЦОВ ЗА РАСШИРЕНИЕ ВЛАСТИ НАД ПРИРОДОЙ, ОН ОТКРЫВАЕТ НОВУЮ ЭРУ В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ.

Третий плакат:

НОВЫЕ МИЧУРИНСКИЕ СОРТА ЯВЛЯЮТСЯ МОГУЧЕЙ ПОДДЕРЖКОЙ КАЖДОМУ КРЕСТЬЯНИНУ.

Четвертый плакат:

МИЧУРИН ПЕРЕНЕС КРЫМ В ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ.

Пятый плакат:

ВЫВЕДЕННЫЕ МИЧУРИНЫМ: ГРЕЦКИЙ ОРЕХ, АЙВА, ВИНОГРАД, АБРИКОС, МИНДАЛЬ, ЧЕРЕШНЯ, ШЕЛКОВИЦА, РЕНКЛОДЫ, ДЮШЕСЫ И ДРУГИЕ ЮЖНЫЕ РАСТЕНИЯ —

АБСОЛЮТНО ВЫНОСЛИВЫ В ОТКРЫТОМ ГРУНТУ СРЕДНЕЙ РОССИИ, БЕЗ ВСЯКОЙ ЗАЩИТЫ НА ЗИМУ.

Было еще много и других плакатов. Последний плакат:

ИЗНЕЖЕННЫЕ БУРЖУИ В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ НАМ НЕ НУЖНЫ.

Это любимые слова Мичурина.

Родился он в 1855 году.

И.В. Мичурин (справа) и В. Шмерлинг

ВОРОТА В ГОДА

Передо мною не плывут берега.

Не мелькают люди, говоры и обычаи.

Передо мной карта одной человеческой жизни.

Это было очень давно, так давно, что не надо вспоминать дату. Мичурину было два-три года. Отец держал его на руках. По небу шла комета.

Отец приподнял Мичурину на вытянутых руках.

Комета была на севере.

— Вон так... — показывает старик Мичурин. — До половины неба. Помню, мне очень хотелось достать рукой до кометы.

...Старинная фотография. Как будто гравюра мастера. Мальчик весь в белом. Одет казачком, — над сапожками нависли шаровары. Вид воителя. Гордо опирается о спинку стула! Это маленький Мичурин. Первыми его игрушками были яблоки и груши. Он играл ими, как кеглями. Отец днями пропадает в саду. Дед гордился своими «особенными грушами». Это было в Калужской губернии. Теперь в Калужском округе осталось только одно название «Мичуринских груш»...

— Память у меня была хорошая. Я никогда уроков не учил. И все оттого, что отец мой, когда мне было четыре года, купил грифельную доску. Прочтет мне из книги, а потом велит писать мелком — своими словами. Меня готовили в лицей. Но потом отец не захотел. Он у нас упрямый отец был. Когда он умер, мы лишились последней земли. Ну и шут с ней. Да... Потом, в 1875 году, приехал я в Козлов. (Женился на мещанке. Тогда это позор был, дурачья штука. Женился, да, ну, наследства-то меня и лишили. С того времени занялся я садоводством).

...Мичурин перевертывает альбом.

Усталое, задумчивое лицо. Гаршинские глаза. Молодая бородка. Железнодорожная тужурка с медными пуговицами. Такие фотографии висят в музеях революции, таких снимков много в архивах жандармского управления.

Но Мичурин не шел в ссылку.

Он щелкал костяшками в Козловской конторе товарной станции Рязано-Уральской железной дороги.

За соседними столами работали другие конторщики. Они работали молча. Уходили и приходили на службу. Среди них был и князь Петр Алексеевич Кропоткин.

Мичурин уходил домой. И только тогда начинал работать без медных пуговиц и костяшек. Работал не за столом, а на грядках.

Их было немного — грядок — в мичуринском саду на Московско-Вокзальной улице, за домом булочника Сушкова.

Мучные лабазы, мучные обозы и сушковские, знаменитые на весь Козлов, калачи. Цветочная пыль боролась с мучною.

Мичурин работал на грядках. Он испытывал «притяжение к земле» больше, чем другие козловцы.

Конторщики приходили в трактир напротив. С вечера играл орган. Орган заглушали пьяные голоса. Биллиардные шары разбивали окна.

Мичурин сидел, окруженный сельскохозяйственными журналами. В углу восседала жена. Жена — мещанка. Жена, из-за которой отказались от Мичурина его дворянские родичи. Так проходили сутки.

...Начальник дороги проезжал через Козлов. Он был милостив и в хорошем настроении. Разговаривал со служащими.

— Ты дворянин и ты — конторщик, — задумался он над Мичуриным.

Мичурин перестал сидеть в конторе.

В его распоряжение были отданы все часы на всей дороге. Он стал хранителем точного времени.

Маятники забили на Московской улице. В пружинах и колесиках Мичурину жилось легче, чем в конторе.

Он стал откладывать деньги. Сдавал подряды другим часовщикам. Так получил себе положение в жизни.

Жена радовалась. Козловцы приходили к окну мастерской и в дни, когда не было гастролей карликов или великанов, любовались первой в Козлове электрической динамо-машиной часовщика Мичурина.

От стрелок: и циферблата он уходил на грядки.

Проводники привозили из Ростова дюшесы и виноград. Сушеные финики продавались в магазинах. Жареные семечки — на каждом углу.

Мичурин читал в журналах статьи профессора Грелля. Грелль доказывал. Грелль убеждал. Призывал акклиматизировать в Средней России лучшие иностранные сорта плодовых растений. Русские садоводы засыпали заказами иностранные фирмы. Мичурин ухаживал на козловской земле за нежными пришельцами с юга Франции.

Другой козловский житель — юрист без практики, инженер без диплома — изобретал новый сорт сапожной ваксы. Эта вакса должна была поставить мировые рекорды и принести изобретателю несметные богатства.

На ваксу не должна была садиться пыль. Она не имела права покушаться на блеск ботинок. Гарантия на год. Вы чистите ботинки или сапоги, или туфельки только один раз в год. Кожа — шевровая и хромовая — блестит как медный таз; лаковая — как купол под солнечными лучами.

Один хотел питаться обязательно козловскими дюшесами; другой изобретал целомудренность чистоты обуви.

Город не обращал на них внимания.

Город щелкал семечки и шлепал по лужам.

В царские дни чадили плошки. Козлов знаменит плошками и пожарами. В цен-

тре города — гостиные ряды и рынок. Все перепачкано мукой. Запах бани. В единственной козловской бане и мылись, и стирали белье.

На буро-желтых полицейских будках красовался герб города: бородатый козел.

Козловские купцы, конские барышники и лабазники, жили сытно — по законам «всероссийского Замоскворечья».

Через Козлов гнали, как по этапу, лошадей и быков. Англичане выстроили знаменитые бойни. По воскресеньям купцы катались по Московской улице, хвастая рысаками. Ночью караулили мучной город сторожа-инвалиды.

По вечерам в городском саду устраивались гулянья, жгли фейерверк; когда же надрывался колокол на каланче, — гуляющие сбегались любоваться продолжением фейерверка. Редкий день не горели как будто нарочно для огня выстроенные дома.

Козел царствовал на гербе города Козлова.

Козел гордо потряхнул бороною, когда через Козлов стали проходить не только быки, но почтовые, товарные и курьерские поезда. Козлов стал рыцарем на распутье трех железнодорожных линий. Он не раздумывал, извлекая прибыль и товары.

Мичурин починил все часы. Поезда приходили без опоздания. Точь-в-точь в назначенную минуту и секунду.

В Мичуринском садике росли и томились французские ренклоды. Им было тесно на клочке земли, среди козловских улиц, политых пылью.

Вдвоем с женой Мичурин переносил, как фарфоровые чаши, свои растения за город, на купленные им гектары луговой земли. Он расстался с маятниками и железной дорогой. Освободил себя для того, чтобы навсегда стать пленником плодов и грядок.

«Иностранцы» плохо росли на козловской почве.

— Любимые экземпляры выкидывал из сада! А досаднее всего: ходишь, ходишь за иным, — первый, второй год растет хорошо, думаешь — окреп, мерзавец, сроднился с местностью; ан, глядь, на третий год при тех же условиях вымерз до корня! Что делать? Скрепя сердце выкапываешь и выкидываешь, а на его место достаешь растение уже из другой местности. Думаешь, оно будет выносливее, но не тут-то было, — опять та же история! Работать приходилось с завязанными глазами, — рассказывает Мичурин.

...Изобретатель изобретал ваксу. Он все еще боролся с пылью. Мичурин выкинул из грядок растения, за которыми ухаживал годами.

Провинциальный чудак! Да, у чудака плакали денежки, часы раздумий и труд. Как будто в доме кто-то умер.

В козловских магазинах по-прежнему в окнах нагло красовались привозные дюшесы.

...Весною город Владимир облит молоком.

Цветет знаменитая ...владимирская.

Поспевает вишня. Сторож стоит на вышке и дергает веревки, как будто звонит в колокола. Но не слышно звона. В его руках веревки и проволока, прикрепленные к изгородям и верхушкам деревьев. Иногда сторож кричит и свистит, засовывая два пальца в рот.

Он охраняет вишни от набегов птиц. Птицы опустошают сады.

Владимирская вишня, антоновка и груша-бессемянка — «славный» треугольник российского плодоводства.

Мичурин объезжал сады. Антоновка и бессемянка. Всюду одно и то же. Владимирская вишня в какой-нибудь Курской губернии. Мелкие ягоды. Заграничные растения жиреют и не свыкаются с климатом. Они принесли с собой в сады болезни и вредителей. Однообразные и нищие сады!

Мичурин помнил: когда-то в доме случился пожар. Народ сбежался «глазеть». Рвали вишни и тут же выплевывали косточки, втоптывали их ногами в землю. Через год, весной косточки вззошли.

«Новые сорта плодовых растений не могут выходить из семян», — так писали в учебниках садоводства и пловозводства.

Мичурин начал выращивать новые сорта из семян. Отрекся от всего, что делал раньше.

Редактор журнала «Русское Садоводство» получил статью Мичурина. Он писал о том, как разводить вишни черенками. Грелль наложил резолюцию: «Мы печатаем только правду».

Через несколько лет неправда Мичурина стала правдой. В Козлове зацвели миндаль и персики. Они не боялись больше морозов. Статьи Мичурина начали появляться в журналах.

Из Америки он получил приглашение от Департамента земледелия.

ОГРОМНОЕ ЖАЛОВАНИЕ. ПЛАНТАЦИИ. УЧЕНИКИ И ЛАБОРАТОРИИ. ПАРОХОД В ПОЛНОЕ СОБСТВЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ. АМЕРИКАНЦЫ ХОТЕЛИ ПЕРЕВЕЗТИ МИЧУРИНА СО ВСЕМИ ЕГО РАСТЕНИЯМИ, ДОМАШНИМ СКАРБОМ, СОБАЧОНКАМИ. МИЧУРИНА ОЧЕНЬ ЦЕНИЛИ АМЕРИКАНЦЫ.

Садовод был доволен. Не потому, что он поедет в Америку. Об этом он и не думал. Но он получил признание. Его работы ценятся.

Здесь же Мичурина... тоже «заметили».

И вот приехал чиновник. Он был очень любезен.

— Покажите, что это прислали вам из Америки.

Мичурин показал. Чиновник свернул приглашение и заявил:

— Не смей ехать.

Мичурин рассердился:

— Вы что повышаете голос, я никогда не судился.

— Хорошо. Дайте цепь землемерную, дайте рулетку.

Чиновник смерил мичуринский сад и быстро уехал.

Вскоре Мичурин получил два ордена: «Анны 3-й степени» и «Зеленый Крест» за успехи в сельском хозяйстве. Он положил ордена в коробочку с ватой. Так они лежат в ней и до сих пор. На этом **КОНЧИЛИСЬ «МИЛОСТИ» ПРАВИТЕЛЬСТВА.**

Город не знал об успехах загородного жителя. Вот если бы получили приз его рысаки или разбогател он на сделке с быками... Но у Мичурина не было рысаков. С женою целыми днями работал он на грядках. В саду были злые и зубастые собаки. Мичурин не вылезал из своей «садовой» берлоги. Редко кто его навещал. Мичурин забыл о городе, городу нечего было забывать Мичурина, — о нем и так там никогда не помнили.

Денег у Мичурина не было. И вот он стал продавать свои яблоки и груши. Они поражали своими размерами. Козловские купцы получили новую диковинку. Город заинтересовался Мичуриным. Действительно, какие яблоки, весят шестьсот граммов! Вот чудак, чего придумал! Мичурин вошел в моду. В городе, где нет достопримечательностей, его начали разглядывать.

«Ах, как надоедают люди, не имеющие никакого практического опыта. Получаешь от кого-либо из них послание. Трудно даже узнать из подписи фамилию автора, только по штемпелю видишь, что эта, составленная в крайне вежливом тоне, исписанная вдоль и поперек открытка прислана от кого-либо из заведующих казенным заведением».

«Читаешь и удивляешься нахальству, а главное — полной безосновательности требований, изложенных в этой открытке. Например, вроде такого содержания: «Прошу немедленно выслать образцы растений новых сортов», или «Вышлите все ваши работы по гибридизации, мне они нужны для справок», или — «Скажите,

пожалуйста, не замечали ли вы что-либо общего между поврежденными раскаленным железом глазами птиц и таковыми же повреждениями почек», — так писал в своих записках Мичурин.

Инспектора и посетители. До ночи Мичурин отвечал на письма. Но вот еще один инспектор познакомился с делом. Инспектор Марфин. Он был молчаливый. Осмотрел все и говорит Мичурину:

— Пишите заявление, чтобы правительство помогло.

Мичурин написал. Инспектор Марфин отвез бумагу в департамент. Там над ним посмеялись и заявления не приняли.

Марфин заявил:

— Если не обратите внимания на Мичурина — я служить больше не буду.

— Это вы можете, — ответили Марфину и уволили его.

Мичурин перелистывает альбом. Показывает еще одну фотографию.

Он сидит у моря. Но тут же гардины и точеный столик. Он одет франтом. Красуются манжеты и цепь от часов. Мичурин похож здесь на запоздалого молодящегося жениха. Вот что сделал с ним фотограф в центральном козловском электрофотопавильоне. Но у этого жениха-франта уже давно умерла жена. Жених-франт был очень одинок и нелюдим. Изредка с кем-нибудь из старожилов он раскладывал пасьянс.

...На станции случилось событие, взволновавшее город. Кто-то стащил станционный колокол. Первый. Второй. Третий. Поезд отошел от дебаркадера без звонков. В городе появились беженцы и раненые.

Мичурин писал:

«И что же, в результате тридцатитрехлетнего труда, после выведения многих, по-видимому, ценных новых сортов растений, — почти ноль внимания со стороны общества и еще менее от правительства, несмотря на неоднократные мои заявления по этому делу. А уже о материальной поддержке и говорить нечего, — этого в России для полезных дел не дождешься никогда. И вот, в конце концов, дело гибнет, питомник запущен, две трети новых сортов частью погибли, затерялись за отсутствием должного ухода, за недостатком свободного места, а частью рассеялись по различным покупателям в России и за границей, откуда к нам вернуться под другими именами. Энергия и здоровье ослабли, и волей-неволей приходится расставаться с любимым делом, и хотя постепенно (потому что многие растения только входят в пору плодоношения), но совершенно ликвидировать дело.

В 1917–18 годы Мичуринский питомник запросто намеревались выкорчевать и засадить капустой или картофелем.

Но Мичурин не растерялся. В то время еще не устраивались диспуты об аполитичности. Вот какими словами садовод встретил революцию: «Лишь было бы искреннее желание работать для общей пользы, вести дело по пути прогресса, а не цепляться за старые формы жизни и толочься на одной месте, нюнить о вчерашнем дне. Мировая жизнь безостановочно идет вперед, и задержать это движение не может никто, а все искусственно поставленные тормоза, да и с инициаторами их, будут неизбежно сметены».

Генерал Мамонтов наступал на Козлов.

Мичурин, как и многие козловские жители, первый раз в жизни слушал гул орудий и пулеметную трескотню.

Мичурин был один на своем «острове».

Позже к нему прибежали из города коммунист и еврей. Мичурин не видал уходящих обозов. Он не прятался в подвал.

...Была урожайная осень, желтая, как лимонные корки. В саду наливались яблоки. Мичурин ходил, как всегда, с палочкой по саду. Листья толпились к его ногам. Город затих и покрылся пыльным туманом. К вечеру в сад ворвался отряд

казаков. Они ворвались к Мичурину как бы из другого столетия. Он хотел натравить собак, но потом вышел и стал у калитки.

Казак толкнул старика. Мичурин прижался к калитке.

На лодке через Лесной Воронеж он увидел жерло пушки. Мамонтов хотел с мичуринского острова бомбардировать Козлов. Сейчас колеса уничтожат все. Казаки увезут полные картузы фруктов.

Мичурин лег у калитки. Его не могли оттащить.

— Жидов у тебя нету? А ну, пусти, посмотрим...

Но вот лодка отчалила. Сжалились над старикашкой, тем более что разведка нашла более удобное место.

Мичурин сидел с собаками у входа в сад всю ночь. Он видел зарево над городом. Слушал шум.

История ворвалась в Козлов.

Громили лавки и склады. Мамонтов устроил фейерверк пожаров, каких еще не видывал город. Взрывались мосты. Громили товарные составы. Растаскивали керосин из цистерн. Какой-то человек с бидоном упал в цистерну. На него не обращали внимания, и он утонул в керосине.

На Московской улице, у булочной Сушкова, валялась в пыли голова старого часовщика-еврея. Рядом виднелись растоптанные лепестки роз. Старик надел фрак, послал к Мичурину за розами и вышел встречать Мамонтова к заставе. Его голову казаки перебрасывали друг другу — с пики на пику.

НО ЭТИ МУКИ (БОЛЬШЕВИСТСКИЕ МУКИ) ПОЧТИ МИНОВАЛИ НАС: БЫВШАЯ РУССКАЯ СТОЛИЦА ПЕТРОГРАД ЗАНЯТА СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ, А НАШИ ОСВОБОДИТЕЛИ, ДОНСКИЕ КАЗАКИ, ИДУТ К СЕРДЦУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ — К МОСКВЕ!

Так врал генерал-лейтенант Мамонтов в выпущенной им газете «черноземная мысль».

Деникинцы также неожиданно исчезли из города, как и появились.

Мичурин не покидал питомника. Жизнь катилась мимо него...

Позже появился Горшков. Он спал в городском саду на скамейке и служил уездным инструктором садоводства. Про Мичурину опять забыли. Где-то за городом ворочается старик, какой-то у него огород чудной уцелел. Горшков вспомнил. Он пришел к Мичурину. Давно старика не навещали «инспектора».

Инспектор ходил в дождливые дни в одной косоворотке. У него странная привычка — любил вбивать гвозди. В его карманах всегда были склады гвоздей. В руках он вертел молоток. Сидит, докладывает и эдак сосредоточено вбивает гвозди.

— Что за дурачья штука — мне табуретку портить! — рассердился Мичурин и подружился с Горшковым.

Горшков не раздумывал. Откуда-то ему удалось добыть изгородь, поставили изгородь. Потом он начал хлопотать за Мичурину. И вот первый раз в жизни Мичурин получил деньги от государства. Он испугался. Что с ними делать, как вести отчетность? Горшков удивлялся — странный садовод! Удивлялся и пошел пешком (поезда не ходили) относить в Тамбов назад деньги. После он сам ездил и хлопотал о получении денег, представлял сметы и расчеты.

Так подошло время Первой Сельскохозяйственной выставки в Москве. Горшков спешно заколачивал ящики. Рот и карманы его были полны гвоздей. Почти тайком от Ивана Владимировича упаковывал он мичуринские фрукты и отправился с ними в Москву.

Мичурин сердился. Это же плохие фрукты! У него бывали куда лучше: «Везет он меня на позор!»

Весь Союз был свидетелем мичуринского «позора». Яблоки, виноград и груши красовались на снимках. Их осматривали эксперты. Горшков давал пояснения.

Так в Москве в 1923 году был открыт Иван Владимирович Мичурин.

С грандиозными планами вернулся в Козлов Горшков. Приближался юбилей Мичурина. О нем знали все, кроме его самого. Юбилейная комиссия скрывала свое «преступление». Наступила торжественная дата. Из центра съезжались делегаты.

Юбилей — «мрачная» страница мичуринской жизни:

— Прислали за мной автомобиль. А я говорю: «Идите к чертям! Что я — пешком не дойду!» Комсомолец вместо меня на автомобиле поехал. А я потихоньку с палочкой. Не хотел идти. Но, говорят, крестьяне приехали. Подхожу к театру. Стоят красноармейцы. Да как — на караул! Я не знаю, что им честь отдавать или фуражку снять надо. А в театре, гляжу, ни одного крестьянина нет. Все в пиджаках сидят. Мне говорят: «У нас крестьяне в зипунах не ходят». Сажу на сцене. Подходит один, говорит. Да, да. Другой — то же самое. А потом лезут целоваться. Черт послал радость с тобой целоваться! Сидел я, сидел. А я ведь с глушинкой, так и «Интернационал» прозевал, в шапке сидел и не встал, и вообще чувствовал себя неловко. Растеряешься тут, когда на тебя глаза пялят. Дурачья штука! Теперь они меня не обманут с юбилеями. А если праздновать, так уж юбилей сорта. «Бере Зимняя Мичурина» — отличная груша, — вот это я понимаю. Слышь, самое главное, — улучшить сорта. Ты мою мысль запомни.

И Мичурин меняет тон, говорит несколько торжественно, как будто на юбилее.

— При вмешательстве человека возможно вынудить каждую форму животного или растения более быстро изменяться, и притом в сторону, желательную человеку. Надо понять, что для человека открывается обширное поле самой полезной для него деятельности: улучшать и создавать новые формы садовых, лекарственных и технических растений. Это, слышь, послужит самым сильным рычагом к поднятию благосостояния человечества. Понял?

Во время юбилея Злобин — старичок-лудильщик — преподнес Мичурину стихи:

Полвека скромно ты трудился,
Природы тайны изучал,
У ней премудрости учился
И флоры породы новые рождал.
Ты за границей не учился,
Не слушал лекции нигде,
Но на клочке земли возился,
И ум помощник был тебе.
Ты на Выставку явился,
Показал свои многолетние труды,
И народ твоему таланту удивлялся,
Любуясь на небывалые ягоды-плоды.

МИЧУРИНСКИЙ САД

Еще спят собачонки и Аркашка. Луга потеют росой. Мичурин выходит из дома.

Он застегивает тужурку. Потом идет в сад. В руках у него садовые ножницы. Как будто не смотрит. Но вот прицеливается без мушки, отодвигает кусты и срезает сухую ветку. Вот остановился. Присел на корточки. Достает карандашик. Отряхивает землю, приставшую к коленям. Я не знаю ни латинского, ни русского названия цветка, у которого стоит Мичурин. Не понимаю, что он разглядывает, точно глаза его микроскопы.

Так, передвигаясь от цветка к кусту, уходит Мичурин в глубь сада, где пропадает дорожка и кусается крапива.

В таких садах качаются в тени на гамаках. В таких садах при необтесанных досчатых столах варят варенье.

Сад старый, как кора дуба, как морщины Мичурина.

Я вспоминаю одного посетителя с фотографическим аппаратом. Он как будто сошел с плаката рекламы дорожных костюмов. Яковлев, потный и босой, в панамке как у мальчишка, водил его по дорожкам. Тот все спрашивал:

— Где же, наконец, сад, где фонтаны, полуяблоки и полугруши? Где теплицы, парники, оранжереи?

Ничего этого нет в мичуринском саду.

Он сер и провинциален, как Козлов.

В дождливые дни сад скучен, как старые облезлые штиблеты, как царпанье по стеклу. Но часто и в эти дождливые дни, когда так пахнет жимолостью, сад оживляется без радуги.

Яковлев подходит к кусту и говорит речь.

Тогда сад перестает быть садом. Он становится географической картой, тропиками и полюсами.

Сад превращается в аэродром для полетов мысли в будущее и утопию.

Директор Государственного опытно-помологического питомника имени И.В. Мичурина, Иван Владимирович Мичурин, раньше всех служащих Советского Союза выходит на работу. За ним в саду появляются садовницы. У садовниц зеленые носы. Они боятся загара. Листья клена бронируют их от солнечных лучей. Садовницы работают щипцами, граблями и лопатами. Но очень часто в их руках бывают бинты, марля и медицинские пинцеты. Им не хватает только белых косынок и скорбного вида. Они не жалеют больных. Больные не стонут. Они тихо качаются на ветру.

Целая аллея марлевых колпачков. Цветки выглядывают из тюлевой вуали. Как будто и они спасаются от солнца, только что перенесшие тяжелую и варварскую операцию. Их кастрировали. Бутоны распускались и хотели благоухать. Но подошла садовница, взглянула в лупу и смахнула желтую пыльцу с тычинок. Марлевые мешочки спасают цветок от самоопыления. Ведь эти цветки будут искусственно опыляться пыльцой других цветков.

Мешочки плотно завязываются на побеге, чтобы не было отверстий для насекомых и ветер не занес посторонней пыльцы.

Собранная с других цветов пыльца осторожно, без дрожания руки, наносится на цветки-кастраты.

Скрещивание произошло. Под марлевыми колпачками завязывается в цветке плод и начинает зреть.

Иногда даже колпачки кивают белыми бумажными наполеоновскими треугольниками. Они защищают от дождевых струй и росы.

...Ветер шумит в листьях. Груша обвешана, как гириями, плодами. Кажется, что вот-вот дерево не выдержит, и зеленые, тяжелые плоды пригнут его к земле. Но дерево не гнется, груши не падают. Земля не покрыта падалицей.

Это — одно из горделивых мичуринских растений. Его не трогают черви и плесневые грибки и двурукие вредители в лице козловских мальчишек.

Груши на дереве твердые! и зеленые. Плоды добреют, когда проходит осень. Груша чернеет на снегу сухостью веток. Груши не на дереве, а в ящиках и корзинах становятся мягкими и янтарно-желтыми.

В 1903 ГОДУ в первый раз зацвело в мичуринском саду молодое деревцо УССУРИЙСКОЙ ГРУШИ. Ее лепестки не боялись весенних утренних заморозков, колючих, как ледяные сосульки.

Мичурин кастрировал Уссурийскую грушу.

Опылил ее пестики пыльцой груши Бере-диль.

Под марлевым колпачком завязывались плоды.

Мичурин посеял их семена.

Сеянцы давали плоды вкусные... как сырая картошка.

Мичурин не отчаивался.

Он ждал.

И вот в каком-то урожайном году груша дала плоды сочнее дюшесов.

Мичурин получил новый сорт: БЕРЕ-МИЧУРИНА ЗИМНЯЯ.

Длинные товарные поезда обгоняют крымские экспрессы. Груши не боятся толчков и царапин. Они быстро зарубцовываются, засахаривая свои раны.

БЕРЕ-ЗИМНЯЯ МИЧУРИНА рождена для вагонов и платформ.

БЕРЕ-ЗИМНЯЯ МИЧУРИНА. Какое длинное и тяжелое название!

Но есть еще более тяжелое слово, оно акклиматизировалось в Козлове.

— Так, значит, эта самая груша будет гибридом. Вот она, гибрида, собачья дочка, а сколько сюда удобрений вложили, небось, сто пудов, да еще столько. Вот он — и гибрид!

Яковлев теребит ногой землю. Носок встречает сухой, как порох, песок.

— Никаких удобрений.

Мичуринские питомцы — это гибриды, их можно называть убудками и метисами, но эти слова к ним не подходят.

Слово «гибрид» пышно расцветает окающими и акающими говорами в мичуринском питомнике.

«Гибрид персика», — как это ароматно пахнет под козловским небом!

Часто в питомнике больше людей, чем купальщиц на пляже в жару. Из каких только мест, из каких сел и полустанков не прибывают они в Козлов! Переселенцы, ходоки, страстные садоводы, а часто просто бездельники, любители цветочных запахов и тени. Яковлев говорит, а у его слушателей текут слюни.

— Вот це плоды!

— Дяденька, а на зубок они как?

— А если цвет какой понравится — рвать можно?

ЛЕКЦИЯ АГРОНОМА ЯКОВЛЕВА в коротком изложении и без примечаний

«Товарищи, не разбегайтесь в сторону. Без того, что я вам расскажу, вы не поймете мичуринской работы. Должно быть, всем вам известно животное мул. Мул — это ведь помесь осла и лошади. От мула не бывает, ну как бы его назвать, хотя бы муленка. Мул не дает потомства. А вот наши растения — гибриды — дают потомство. Сколько угодно можете разводить выведенные Мичуриным сорта. Иван Владимирович доказал, что передаются в потомстве не только наследственные признаки, но и приобретенные. Сейчас я вам это поясню. Вот груша Бере-Зимняя Мичурина. Она сохраняется хорошо в зимней лежке. Как этого достиг Мичурин? Он воспитывает своих питомцев. Влияет на них окружающей средой: питанием, почвой и даже иногда электричеством. И изменения, вызванные в растениях внешней средой, передаются ими в потомство.

Растения слушаются Мичурина. Он с ними все равно как с глиной обращается.

Раньше он брал чужие, иностранные сорта и хотел их вырастить у себя в Козлове. Только деньги и труд ухлопал.

Потом он начал скрещивать иностранные сорта с нашими, местными. Думал, что иностранные дадут гибриду качество, а местные — способность переносить наш климат. Не тут-то было! Местные сорта у нас с испокон века растут, они часто сразу же побеждают при скрещивании все качества чужаков.

Тогда придумал Мичурин другой способ. Скрещиваем мы самые далекие сорта. Далекие, как южный и северный полюсы. Но не с полюсов нам растения нужны. Одно мы берем иностранное — нежное и культурное, обязательно с юга, другое же берем с тайги, дикое и привыкшее к морозам. У нас, в козловском климате, им одинаково непривычно. Но не быстро новый сорт получается. С некоторыми

растениями Иван Владимирович годами мучается. Скрестим вначале. Получается плод. Мы его семена собираем и высеем, растет гибрид молодой. А раз он молодой, — что младенец, — как воспитаешь его, такой гражданин и получится! Если упрямится, мы его сразу в переплат. Привьем его на какое-нибудь дерево — грушу на яблоню, яблоню на грушу, — вместе питаются, друг другу свойства передают.

Что получится, если черепаху с крокодилем свести? Даже ерунды не получится. А мы в растительном царстве не считаемся ни с чем. У нас лимон на груше растет.

Бывают случаи, когда молодому гибриду мы прививаем взрослое растение. Оно придает ему нужное нам свойство. Это еще не все. Бывают случаи — ничего не выходит из скрещивания. Мы не торопимся. Даем сортам пообжиться. Привьем грушу на рябину, а рябину на грушу. А потом уж пыльцой с привитых и переопыляем друг друга.

Дело это сложное. Наука нам мало помогает. Да и не всегда нам верит наука, потому что дело-то наше новое. Тут большие знания нужны, чтобы знать, какие растения друг с другом повенчать надо.

Влияние одной части растения над другою называется методом «ментора». Этот метод является очень ценным для нас орудием власти человека над построением организма растений.

И еще должен я вам сказать, что у нас в саду диковинок вы не найдете. Чудес мы не показываем. Имеем только практические цели: вывести новые хорошие сорта у нас в Средней России, которые раньше только на юге росли. Хотим мы также увеличить урожайность наших сортов. Заботимся, чтобы фрукт к перевозке был приспособлен да не быстро портился.

Раньше у Ивана Владимировича была хорошая луговая земля за городом. Заметил он: на тучной почве многие гибриды слишком буйно растут и, не успев закончить роста, за зиму обмерзают, — тогда он без раздумья продает старый участок и в 1900 году переносит питомник на нынешний участок, на Донской слободе, с тощей песчаной почвой. «Изнеженные буржуи и в растительном царстве нам не нужны», — вот эти слова особенно Иван Владимирович часто произносит. У него гибриды никогда не получают удобрения. Рыхления почвы также не производим. Несмотря на все это, растение чувствует себя отлично. Где крестьянину применить культурный уход за садом, о котором в учебниках пишут? Где ему возиться с разными удобрениями, перевалом почвы, опрыскиванием? Вот тут один товарищ спрашивал меня об удобрении. Так тут объяснить надо. Наши растения растут, как говорят, в спартанских условиях. Мы их роскошью не балуем. Почва-то наша, сами видите, сухота одна. И растения. У нас не для парков и клумб, а для крестьянского хозяйства.

И еще надо знать вам, что многие сорта стареют и постепенно вырождаются. Их следует заменять и пополнять новыми. Мы же в нашей стране пользовались все время случайно выросшими сортами из брошенного семени в различных местах: в лесах, на огородах, в садах. Из таких, повторяю, случайно найденных деревьев с хорошими плодами и составились все старые ассортименты плодовых растений.

Вот тут среди вас из разных губерний люди имеются, так должен еще я вам сказать, что не всюду наши плоды хорошими будут. Ведь не везде климат одинаковый, а потому и наши сорта не везде прививаются. Нужно нашими способами у себя на месте тоже растения скрещивать. Ну, а зато в нашем климате, тамбовском и тульском, сортам мичуринским одно великолепие. Ну что, понятно? Когда сад обойдем, спрашивайте. На все ответ будет. Там на месте у каждого растения все понятно станет. Штука не мудреная. Итак, пойдёмте».

Экскурсанты извивающейся лентой, как ползучий плющ, торопятся по садовым тропинкам за ныряющей в листве «шляпой» Яковлева.

Из сада все возвращаются обычно с каким-нибудь незаметно сорванным цветком. Стараются сохранить его как можно дольше. Жаждут унести с собою побольше запахов «Помологического питомника имени И.В. Мичурина», или проще — старого приветливого сада. Их догоняют прощальные яковлевские слова и лай лохматых желтых собачонок.

Мичурин прячет улыбку.

Он подводит посетителя, будь то заслуженный профессор или крестьянин из района, к обыкновенной грядке. Как будто играет в дураки, — лукаво любитесь козырями, зная, что не ему быть в проигрыше.

Профессор, только что рассуждавший о разных мудреных вещах, небрежно смотрит на грядку. Мичурин вскользя спрашивает:

— Ну, а это что за фрукт будет?

Профессор глядит внимательнее и произносит, точно пересыпает горох, звучные ученые латинские слова. Мичурин смотрит на него издали. Молчит.

— Ну, так это укроп! — решительно прекращает профессор свои раздумья.

— Укроп-то, может быть, и укроп, ну, скажу тебе, батенька, сам ты тогда укроп!

Профессор недоумевает: что это чудит старик?

— Да это груша, груша, и больше ничего! — Мичурин смеется смехом победителя.

На грядке действительно растут груши, и при известном желании их действительно можно принять хотя бы за укроп.

Но мне они кажутся не укропом. Это модель кипарисовой рощи.

Деревца сделаны как будто нарочно, в шутку над природой. Они — как карлики. Но у карликов лица — по литературным традициям — злые и сморщенные, как яблоки, убитые морозом.

Деревья молодых сеянцев-карликов груш точно вырезаны алмазом. Их хвойный чертеж будто нарисован тушью, как на японских, чистых и легких, словно озон, рисунках.

В Японии такие деревья не только на рисунках.

Я не был в Японии, но знаю, — на скалах и в гористых садах растут растения-пигмеи. Они пышны и похожи на букеты. Там деревья миниатюрны, как ножки японок. Низкорослые пихты, камелии и вишни.

Мичурин выписал карликовые вишни из гор Туркестана и Америки. Он скрещивал их с нашими вишнями.

Вишневые деревья — высокие. На Украине они шатрами укрывают белые мазанки. Трудно собирать плоды. Птицы клюют вишни.

В Америке уже лет десять как садоводы разводят деревья-карлики. Мичурин лет двадцать назад электрическим отрицательным током осаживал рост вишен.

Приземистых вишен много в питомнике. Четырехвершковые «Гномы» и усыпанная вишнями, как рубинами, малютка «СЕРВИРОВОЧНАЯ». В цветном горшке растет она у Мичурина, не в саду, а на обеденном столе.

Деревьям-лилипутам нужна небольшая жилплощадь. Они забавны и прибыльны, урожайны и удобны. Садовая лестница может спокойно валяться в сарае или пылать в камине. Человеку легко бороться с вредителями. Когда же приходит урожай, плоды снимаются с дерева чистыми и непомятыми. Они дольше лежат в ящиках во время зимней спячки, они сочнее и свежей обычных.

...Айву воспевают персидские поэты. Весной она усыпана белыми цветами, похожими на чаши. Цветы чуть-чуть отливают розовым. Ясный закат одевает их в пурпур.

У японцев в комнатах плоды айвы, похожие на груши, лежат на подстилках. Ароматом айвы напоены и деловые немецкие колонии на волжских берегах у города Сарепты. У немцев айва в почете, как коврики с ангелами, вскидывающими вверх руки, у кровати.

В почете айва и у Мичурина.

Он скрестил сарептскую айву с дикой кавказской. Гибрид называется — «Айва Северная».

Молодая айва пустила свои тонкие побеги, покрытые легким белым пушком.

Мичурин прививает черенки груш на Северную Айву. Не все груши симпатизируют айве. Но вот молодые сорта постепенно привыкают к низкорослому айвовому деревцу. Айва формирует карликовую грушу. Молодежь кажется скромной и робкой перед грушами, раскинувшими лениво свои ветви. На месте одного старого дерева может расти, и им будет свободно, несколько карликов.

Но зато какими карликами кажутся по урожаю старые груши перед карликами. Триста двадцать килограммов вместо шестидесяти пяти с одной и той же занимаемой площади. На карликах плоды крупнее, и сок их пропитан вкусным, как цукаты, айвовым ароматом. Карлики не боятся морозов. Их можно продвинуть далеко к северу за козловские широты.

Тут же рядом с мужественными грушами висят на 40 деревьях груши мягкие, воздушные, как тюль, как марлевые мешочки. Стоит только ногтем поцарапать кожицу, и груша потечет соком, — очень нервная, капризная, сахарная груша! Она аристократична и породиста в сравнении с какой-нибудь твердокожей бессемянкой. Скромная провинциалочка — курносая бессемянка — мать этой нежной груши.

Яковлев торжественно несет две рюмки. Недостает только подноса с закусками. Мы подставляем рюмки под груши, наносим им раны, и густой сахарный сок с семянками, плавающими в мякоти, наполняет «сосуды».

— За ваше здоровье, товарищ Яковлев!

Закуска все же находится, — где-то рядом, на соседнем дереве.

В зубах робко похрустывает еще не спелое яблоко. Конечно, яблоко. Я впадаю на минуту в детство. Закрыты глаза, как в жмурках. Так велел агроном. Но вот открываю глаза и вижу перед собой самую настоящую грушу.

— Мичурин вегетативно сблизил между собой яблоню и грушу, — объясняет мне плодовый укротитель. — Этот сорт называется «БЕРГАМОТНЫЙ РАНЕТ». Яблоки получили, как вы видите, форму груши. Вначале Иван Владимирович скрестил два сорта яблонь. Семечко посадил, с двухлетнего сеянца этого гибрида взял черенок и привил его на грушу. Яблоня росла на груше несколько лет. Но вот груша начала болеть. Пушистость листьев редела. Сорт становился диким. Тогда Мичурин пригнул грушу к земле, чтобы спасти яблоню от сухой гангрены. Закопал ее до места прививки молодой яблони. И тут яблоня пустила корни к земле. Начала великолепно расти, и когда созрели плоды, они стали походить на груши. Так, случайно, родился этот великолепный, выносливый сорт. Он урожаен, долго сохраняется зимой и вообще оригинален.

...В мичуринском саду есть яблони. Под ними опасаются заснуть садовые караульчики.

— А то проснешься с шишкой, а если в темя — жди век, пока разбудят, — и старый садовник Горбунов безнадежно свистит.

Плоды угрожают. Как будто не дерево, а висячий склад бомб. Эти яблоки-бомбы можно гладить, широко расставив ладонь. Когда-то они качались на медных ладонях мичуринских весов. Точный вес их — шестьсот граммов. Некоторые весят около восьмисот. Про эти яблоки не скажешь в кооперативе: — Свесьте мне фунтик.

...В некотором царстве, в некотором государстве жил был крестьянин Антон. Ходил он, конечно, в лаптях и был у крестьянина Антона сад. А в каком саду не бывает ветра. Носил, уносил ветер пыльцу, и выросла у Антона яблоня, и назвали ее по Антону антоновской, так она антоновкой и осталась.

Антоновка. Трехкопеечные крестики. Лубочные картинки на сундуках. Огромные медные самовары. Блюдечко на вытянутых пальцах. Чай вприкуску. Антоновка — народная, заслуженная и почти единственная «расейская» яблоня.

Ее урожай пудами плавает в кадках и бочках.

Крестьянки выносят на станции ведра с моченой антоновкой. Эту яблоню нарядить бы в разноцветный платочек, с ушами узелков.

Антоновка болеет в паразитные годы антоновым огнем. Он сжигает живые ткани. Гангрену — человеческую болезнь, быструю, как росчерк, тоже называют «антоновым огнем».

Сады болеют облием антоновки. Нужны новые культурные сорта. Древняя же антоновка не делится своими достоинствами с потомством. Шестисотграммовая антоновка щедрее и общительнее. Она родилась на одной тучной антоновской ветке. Эту ветку Мичурин и стал прививать на подвой других яблонь (привой — то, что прививают, подвой — то, на что прививают).

Сибирская холодостойкая яблоня, — сколько привоев было привито на ней! Ее уважал уважаемый профессор Грелль, но не садовод Мичурин.

БЕЛЬФЛЕР–КИТАЙКА

БОРДСФОРД–КИТАЙКА

КАНДИЛЬ–КИТАЙКА

КУЛОН–КИТАЙКА

ПЕПИН–КИТАЙКА

ПОМОН–КИТАЙКА

ЧЕЛЕБИ–КИТАЙКА

ШАМПАНРЕН–КИТАЙКА

ШАФРАН–КИТАЙКА

Не пугайтесь, читатель, это не грамота-«китайка» — это только название сортов. Эти «китайки» не китайки. Речь идет о нашей садовой китайской яблоне, о яблочках небольших, как желуди. От этой скромной яблони пошло «китайское» поколение мичуринских яблонь.

Яблоки созревают рано и опадают до зрелости. Кожица слишком нежна и тонка, не защищает от повреждений.

Китайская яблоня передает гибридам выносливость к морозу, облагораживает вкус и окраску плодов. Бельфлер-китайка — яблоки так же красивы, как звучно название. Они как будто покраснели от стыда, но еще не успели покраснеть целиком — как веснушки на солнце, сияют крапинки на желто-золотистой кожице. Кандиль-китайка побивает крымские яблоки, выставочные синапы. Первый урожай Кандиль-Синапа был не ценней мухоморов. Синап оказался упрямым. Он не хотел скрещиваться с какой-то козловской китайкой. Как легендарный феникс, гибриды перерождались в сторону крымского предка.

Восемнадцать лет терпеливо работал Мичурин над новым сортом. В 1903 году плоды увеличались лишь на четыре грамма, в 1904 году на восемь, в 1906 — на... шестьдесят пять граммов. В 1929 г. ... и говорить нечего.

«Кандиль — китайка, первосортный сорт», — так значится в каталоге.

... «Комсомольцы» растут вперемежку с китайками. «Комсомольцы» очень старые.

Но яблоки не седеют. «Комсомольцы» — красные, как первомайские знамена, как багрово-красная свекла. Революционизировались «комсомольцы» не сразу. Мичурин скрестил красную яблоню Недзвецкого из Закаспийских степей с анто-

новой. Гибриды дали побеги. Один бок ветвей побегов был облит как будто красными чернилами. Яблоня Недзвецкого передала им свое свойство, другая же половина не ушла далеко от антоновки. Затем красная окраска расплзлась, как клякса, по всем ветвям, по всему деревцу

В земле красные корни. Весною «комсомольцы» цветут красными цветами. Сок красный, как кровь, семена — как сгущенные капли крови. Но какая вкусная эта кровь!

Но не так просто есть яблоки в мичуринском саду. Мичурин перецеголял Плюшкина, — был такой герой у писателя Гоголя.

Мичурин не позволяет кидать семена. Он считает их, завертывает в бумажку, с пометкой карандашом, как будто это золотые монетки, которые он собирает в сберкассовские копилки. Для Мичурина семечко яблока ценнее золотой монеты. Из монеты не вырастет выведенный годами мичуринский сорт.

Но есть яблоки, их можно есть смело, без надзора. Мичурин не будет завертывать семена в бумажку. Яблоко лишено семян и семенного гнезда. Это не значит, что яблоко лишено других яблочных свойств.

Как это — яблоко без семян? Такие вещи писали в дореволюционные времена на оборотах семейных календарей. Это мясистое яблоко не по вкусу профанам, даже если они имеют звания и дипломы.

Мичурин в 1912 году скрестил яблоню «КОМСИН» с скрижапелем. Плоды — гибриды принимают наружную форму плодов по соседству растущей яблони другого сорта...

Бельфлеры и Кандили. Плоды-бомбы. Весною цветут яблони, как будто с деревьев не сошел еще первый снег. Белые цветы выстраиваются в пейзаже с красным и розовым. И среди этого великолепия на деревьях растут мичуринские «репы».

Скоро у Мичурина на яблонях будут расти кочаны капусты и зреть арбузы. Возможно. Пока же еще только репы.

...Над мичуринским садом возвышается колбаса аэростата. Она как будто хочет оторваться и поплыть в небо, как разноцветные воздушные шарики, но это не аэростат, а всего-навсего марля. Гигантский марлевый колпачок в метра три от земли. Он скрывает дерево пряморастущей ирги от хищнических набегов птиц.

У ирги — ягодки величиной в дробинку. Мичурину ирга нужна, как подвой для груш и яблонь, для карликового плодоводства.

Птицы-мухоловки, дрозды, воробьи, налетают на иргу, не считаясь с марлей. Они попадают в колбасу, как в капкан (колбаса дрожит в тихую погоду, когда тишина принадлежит саду). Под марлей стрекочут дрозды, бьются между листьев воробьи и качается над садом воздушная колбаса, так крепко ушедшая корнями, цепкими как якоря, в садовые гряды.

«1929 года, марта 26-го, вторник. МАЛИНА ТЕХАС. Малину чудную Техас в мыслях изображаю, дорогим гостем вместо вас, И. В., в саду иметь желаю. Летами вам товарищ я — мне шестьдесят пять лет. Шлю тебе, Иван Владимирович, сердечный свой привет. Гордость всей страны советской ты, наш гений! Наш творец! Хотя старый ты кусточек пришли малины мне, отец. Если будете хоть кустик мне малины посылать, то прошу я две-три почки у куста не отнимать. Рою ямы я просторные, чтоб малине угодить, поднесу компосту к яме, постараюсь посадить. Прошу, хоть веточку пришлите (Техас), рубля за полтора. Весна идет, снег быстро тает, и сажать скоро пора. Так желательно на кустик хоть бы раз один взглянуть, вдоволь им налюбоваться и навек потом заснуть. До свидания, Мичурин! Жду малину, будь здоров. Шлет свои все пожеланья вам крестьянин Петухов Алексей Иванович. Московской губернии и уезда, Коммунистической волости. Деревни Белениновка.»

Мичурин бы мог завести альбом с переводными картинками, как любая провинциалочка. Сколько стихов и куплетов написано о «МАЛИНЕ ТЕХАС».

По кусту прошелся малиновый дождь. Вместо града падали ягоды малины в полтора вершка. («Малина Техас» введена Мичуриным в плодоводство еще до введения метрической системы в государстве.)

Чем же понравилась крестьянину Петухову Алексею Ивановичу мичуринская малина? Это единственная из всех малин — железнодорожная малина. Не боится багажного вагона и километров. Великолепно чувствует она себя и в медном тазу на огне. Ягоды не развариваются. Они не растаются со своей сердцевинкой.

С куста «Техас» садовницы собирают шесть — шесть с половиной кило малины. В каких только комбинациях не бывали мичуринские малины!

У земляники недостаток, что она слишком земляника. Пройдет дождь. Земляника, перепачканная и мокрая, вбита в землю.

Мичурин скрестил землянку с малиной. Листья у гибрида остались как у земляники, но зато получились высокие стоящие побеги.

Мичурин скрещивает малину с ежевикой. Ежевика колючей проволокой разбрасывает по саду шипы своих лоз. Они мешают полке и засоряют почву. К зиме побеги ежевики приходится пригибать к земле, покрывать одеялом соломы. Гибрид малины и ежевики плодоносит раз в год на однолетних побегах. Их не надо пригибать к земле. Они сами теряют, как линяющие животные шерсть, свои надземные части.

...Горькая участь у горькой рябины! Она может расти всюду, и всюду ее изгоняют садовники. Рябина ушла в лес, где стала дикаркой. Крестьянские девушки нанизывают на нитки красные бусинки рябины. Матери пугают детей бабой-ягой и не велят им есть рябину. И не все знают, что когда стукнут морозы, проморозят рябину, — ее ягоды становятся сладкими. Мичурин пожалел рябину. Он не дожидается морозов. В жару можно рвать и объедаться его рябиной. Но у Мичурина она переменяла свой рябинный цвет. Оделась в траур, стала черной, как черника.

Мичурин скрещивает рябину с грушами и яблоками. У рябины листья стали как у груши, а плоды гибридов похожи больше на вишни, они — цвета прелых вишен. Горькая рябина стала сладкой, и из нее можно готовить великолепные ликеры.

...Лондонские туманы стелются по селу, несмотря на то что берега мичуринского острова омывает всего-навсего Лесной Воронеж, а не Темза.

Течет Темза.

Англичане жуют крыжовник, как жевательную резину. Крыжовник так же обязателен при англичанине, как монокль, цилиндр и оскал зубов — в карикатурах на Чемберлена.

Помимо всех рос, на крыжовник падает еще одна импортная роса: американская мучнистая роса. Когда падает эта роса, или, вернее, когда заболевает ею крыжовник, ягоды перестают расти, они сморщиваются, как прелые мхи, на листьях и побегах выступает затем белый паутиновый налет, ягоды обволакиваются пленкой, похожей на войлок.

Гибнет крыжовник. Все меньше и меньше его прозрачных зеленоватых ягод в садах. Все больше и больше грызет его грибок Сферотека.

Где же они, и к чему лондонские туманы?

Чуть влажная марля не пропускает солнечных лучей к крыжовнику. Она создает ему, как больному, покой опущенных штор. Крыжовник живет в искусственном климате: сырость холодных туннельных пространств под мостами, сумерки вечерних туманов над Темзой.

Мичурин взял крыжовник в оборот, старается избавить его от болезни и восстановить сорт. Он выводит сорта, предохраненные от заболевания, — скрещивает зеленые и красноватые крыжовники, а потомство получилось черное. Это черкожий гибрид «НЕГУС».

Мичурин создает своим питомцам условия естественного произрастания. Вишня с сухих нагорных местностей Памира растет на высоких песчаных грядках.

Половодьем вишневого цветения заливаются весной мичуринский сад. У него больше сортов вишен чем, жен у царя Соломона. Вишни, похожие на орешник. Вишни с белыми плодами. Розовые с белым, как налив яблочка, бочком. Вишни устойчивы, нетребовательны на почву, размножаются по селам, растут в любых садах и палисадниках.

Вишни бывают разного социального происхождения. Вот, например, до сих пор благополучно растет у Мичурина... «КНЯЖНА СЕВЕРА».

Разрешите представить! Ее предки — владимирская ранняя розовая и белая крупноплодная крымская черешня. Ее можно свободно выслать на Урал или поближе к тундре. Она любит и не боится самых свирепых заморозков.

Вы подходите к черемухе и начинаете протирать глаза: на черемухе — красные вишни. Но они растут не как вишни, а виноградными гроздьями. Вкус этих плодов вишневый, но как будто разбавленный легкой терпкостью черемухи.

У вишни на одной ножке держится лишь один плод.

У гибрида «ИДЕАЛА» и «ВИРГИНСКОЙ РОЗОВОЙ ЧЕРЕМУХИ» на одной ножке... сорок или пятьдесят плодов. Черемуха передала вишне способность образовывать кисти плодов. Пусть высчитывают статистики, во сколько раз Мичурин увеличил урожайность вишни. Пальцев на руках и ногах для этого не хватит.

Мичурин выводил «ВИНОГРАДНУЮ ВИШНЮ» — так называется новый гибрид — с 1922 года. Но еще и сейчас продолжают опыты и работа. У вишни поставлен большой черный щит из фанеры. Какой невидимый сторож охраняет ее таким средневековым способом? У другого дерева такой же щит, но белый.

Черное и белое. Черное поглощает тепло, как губка; и передает его сеянцу. Белое гонит тепло, отгораживая от него сеянца. Вишня растет на черемухе, черенок черемухи — на вишне.

Мичурин ежедневно на клочках бумаги, как метеоролог, делает свои отметки.

...Возвышаются среди сада зеленые пирамиды. Лозы вьются вокруг высоких, как камыш, ветвей и обещаны длинными продолговатыми сережками — плодами, цвета морской воды. Они сейчас зелены и еще зеленее будут, когда поспеют.

Лакомки, читайте внимательнее! Вы кладете зеленый плод в рот. Он расплывается, холодя язык. Вы вдыхаете воздух. Все кажется ананасным. Ягода прозрачная. В ее соку движутся крохотные, как бактерии, семена. Плодоводы называют этот «фрукт» — «небывалым в культуре ягодным растением». На родине же он зовется проще — кишмиш.

Рано обрадовались, читатели, — этого кишмиша вам не взвесит продавец вместе с урюком! Этот кишмиш имеет и другое название, не попавшее в первые тома Большой советской энциклопедии: актинидия.

Жил-был когда-то король, у него была актинидия. Он властвовал в королевстве Баварии и считался гурманом.

Когда коронованные особы съезжались к столу, слуги являлись с подносами, на них покоились две-три ягоды драгоценного десерта — актинидии.

В манчжурских и китайских лесах ее подают не на подносах. Густыми зарослями вьется актинидия, вскидывая свои голые, но пушистые канаты-побеги и на верхушки деревьев. Туземцы пригоршнями собирают ягоды и мажут на хлеб, как мед.

Светло-коричневая кора актинидии напоминает франтоватые стэки, натертые воском. В Японии из этой коры делают бумагу, а из ветвей изготавливают прочные канаты.

Актинидия может стать такой же обыкновенной, как брусника для какого-нибудь Вологодского округа. Мичурин скрестил разные сорта актинидий. Отобрал

лучшие сеянцы. В Козлове плоды актинидии вкуснее и крупнее, чем под Пекином.

Зимой они остаются безо всякого прикрытия и ухода. Морозы не вредят деликатесу баварского короля. Актинидия под покровительством Мичурина дает новые гибриды. Уже сейчас растет, выращиваемый для скрещивания сибирский лимонник с мелкими ягодами, как у смородины. «Актинидия вытеснит виноград», — не без основания пророчит Мичурин, и часами и днями пропадает у своих виноградников.

Он любит палитрой виноградных цветов. Солнечный луч преломляется в синих, розовато-красных, черных, желтых и белых виноградинах. Как будто виноград проглотил и разложил на цвета радугу, завладев спектром. В уссурийских лесах не сияет радуга. Виноград усьется там по деревьям, не соблазняя никого мелкотой ягод. Мичурин скрестил уссурийский виноград с отборными французскими и американскими сортами.

Когда-то, увлекаясь акклиматизацией, он посадил иностранный виноград у стен, обращенных к полдню, он хотел побороть виноградную прихоть, но плоды не успевали вызреть и гибли от ранних осенних морозов.

«СЕВЕРНЫЙ БЕЛЫЙ» виноград — так Мичурин называет один из гибридов, «Северный белый» часто переселяется из козловского питомника и зимует под Томском, Иркутском, у Енисея.

Мичуринские виноградники подвижны. И один из них вдруг пропал. Ищеек не звали, но искали тщательно. Рос виноград, и вдруг взял да весь «вышел». Беглеца предали забвению.

Небывало холодная для Европы зима 1929 года промораживала насквозь деревья... гибли сады. Мороз-контролер, как справедливый ревизор, всесторонний учитель и наставник садовода, сухими ветрами проверял устойчивость мичуринских гибридов.

Погибли только старые антоновки и скрижапели. Гибриды распускались и пахли почками.

Мичурин осматривал погибшие деревья. И вот неожиданно нашел сбежавший виноград. Он не бежал. Виноград путешествовал по саду. Он дотянулся до шестиметровой антоновки и залез на ее верхушку. Удобно зимовал и великолепно перенес морозы. Какое ему дело до погибшей стародавней антоновки, он — еще молодой гражданин садовой республики! Мичурин назвал виноград за его проделки «Дезертиром» (это прозвище даже попало в официальные каталоги). Только потом ему вернули прежнее имя «арктического» винограда.

Но он — виноград — выше всех предрассудков, плюет на все свысока, не слезая с верхушки погибшей антоновки; как удав обвивает и душит ее, впившись в кору виноградной лозой.

Я стою у абрикосов. Надо мною раскаленное солнце в зените. Торжествует жара. Хочется испариться с земного шара или погрузиться в воду и отдаться на волю речного течения. Плыть и плыть. Не чувствовать горячей тяжести земли.

Но как нарочно Яковлев не дает мне забыться. Какое дело мне до всего! Ну, подумаешь, абрикосы! Желтые, да еще с косточками! Но Яковлев знает средство лучше, чем пятикопеечное мороженое и душ из дырявого ведра.

Он приглашает меня в беседку. Мы лежим на листьях, и Яковлев уводит меня далеко за пределы беседки своими рассказами.

Сразу становится свежее и прохладнее, хотя ветра нет и в помине. Вначале мне трудно было понять, какую связь имеет этот жаркий козловский день с каким-то ботаником Мейером. Пусть он где-нибудь копается в своих коллекциях, сухой, как гербарий. С нас достаточно и одних историй о происхождении видов абрикосов.

Но скоро абрикосы, Мейер и Козлов переплетаются и становятся в моем воображении неразлучными, как близнецы.

Никто не понимал, зачем появляется Мейер в Козлове Он не был ни растением, ни сортом, а самым обычным американцем — с чемоданами, точностью и любопытством. Американец глотал козловскую пыль, кивал, как игрушечный заводной слон, Мичурину, делал бесчисленные пометки в своих бесчисленных книжках, исчезал всегда быстро, нагружая чемоданы травой и плодами. Последний раз он появился в Козлове, сделав остановку по пути в Тибет.

Мейер не боялся жары. Должно быть, у него нередко пересыхало в горле, но он жил ради персиков и абрикосов, ради молчаливых встреч с козловским садовником.

Им хорошо, персикам, в грунтовом сарае! Над ними качается скворечник. Еще лучше им на открытых грядках, в персиковой аллее.

Я покусываю абрикос. Небрежно, как шелуху семечек, бросаю косточку. Яковлев поднимает ее и еще выше поднимает свои рассказы.

Мейер проезжал по Монголии. Он узнал о старинном монастыре на скале. В монастыре среди абрикосовых деревьев покоятся остатки династии китайских императоров. Для того чтобы Мейеру попасть за монастырские стены, ему надо сначала сделаться императором, а потом умереть.

Мейер становится заговорщиком. Он втягивает в преступление полковника, начальника станции Уцзими. Полковник инсценирует набег хунхузов на монастырь. Казаки вступаются за честь останков китайских императоров. Они обрывают абрикосы, вытаскивают их с корнями, нападая на отчаянно защищавшихся таким же способом хунхузов. И после этого абрикосы появились на козловской почве.

Мейер странствовал. Мичурину же было не до Монголии и Тибета. Он мечтал. Ему снились холодоустойчивые персики и абрикосы, — вот они зацветают, вот садовницы собирают плоды. Мичурин мечтал, но работал не как мечтатель,

Сибирские северные абрикосы не обживались в Козлове. Они привыкли к морозам, но не к длинному лету. Персики же не с чем скрещивать. У них только один родственник — миндаль. Миндаль же не цветет в Козлове. Тогда Мичурин обращается к услугам посредника. «ПОСРЕДНИК» — это тоже его миндаль, — гибрид американского с диким миндалем с гор Монголии.

Миндаль растет медленно. Плодоносит через шесть-семь лет. Мичурин подхлестнул «посредник», облив почву раствором марганцевого калия. Однолетки миндаля сразу же пустили цветы и дали завязь от оплодотворения с культурным персиком. Миндаль начал бурно расти, превышая всякие нормы. Миндаль перестал миндальничать. Волжским лесным бобовником запахло в саду. Миндаль распускается весной чуть ли не вместе с подснежниками. Он заливается красными цветами, в них тонут листья и восторженные человеческие глаза.

Я держу в руках пушистую миндалину. Как будто поймал зверька за хвост. Миндаль лохматый, как шкурка котика. Своей желтизной он вызывает на сравнение с вылупившимся цыпленком.

Монгольский миндаль сделал «Посредник» выносливым. Американский — передал ему способность скрещиваться с персиком.

К зиме южные персики необходимо пригибать к земле, прикрывать рогожами, защищать от морозов для того, чтобы довести их до цветения, чтобы после скрещивания с «Посредником» новые козловские персики не боялись холодов. Персики укутаны, как новорожденные, но в своем тепле они, должно быть, млеют, протягивая свои почки к цветущему миндалю.

Через несколько лет, после повторных скрещиваний, персики завоют Козлов, будут, как сейчас лопухи, во всех садах и огородах.

Лопухов много и у Мичурина. Но растут они не в канавах, и не у заборов, а на грядках. Мичурин очень любит лопухи.

В тот день, когда я издевался про себя над лопушиными грядками, мы сидели в лесу и, как старосветские помещики, пили чай с вареньем.

Я не знал, как называются длинные ананасные, похожие на спаржу, отливающие янтарем кусочки, плавающие в густом прозрачном соку на моем блюде.

— Ну как, лопухи вкус имеют? — спросил кто-то лукаво.

Да, я ел ножки лопуха!

— Ревень-то — штука полезная; у меня ревеней больше, чем в аптеке, — говорит Мичурин.

Лопух — это ревень. Но не тот ревень, о котором вспоминают врачи, выписывая на рецепте слабительное. Ревень растет у Мичурина не как лекарство от болезней. Мичурин вспомнил о том, что у нас в забвении огород ревень, о том, что варенье из его черешков — любимое угощение англичан, что у них целые поля засажены ревенем, что они экспортируют его в другие страны.

Вот и все.

Ревень не надо выращивать, он растет без ухода. Совсем как лопух. Но какое вкусное подспорье было бы населению, если бы в каждом огороде вместо лопуха рос ревень. О ревене Мичурин только напоминает, — это единственное растение в его саду, избегшее кастрации и свадьбы.

Даже риса не пощадил Мичурин.

В ящиках с водой растет туркестанский рис. Его будут скрещивать со злаками, — рожью, овсом и пшеницей. Рис должен расти на суходольных местах. Китай перестанет быть страной риса, он не знает, какие каверзы против него готовит один из жителей города Козлова.

Над рисовыми ящиками растут американские пеканы и ореховые деревья. У пекан почти весь орех занимает съедобная мякоть. У гибридов грецкого ореха с манчжурскими видами — тонкая скорлупа, — достаточно щелкнуть, и она раскрывается, обнажив сытный плод ореха.

...Дыни у Мичурина созревают вместо ста дней в пятьдесят и меньше. Они круглые, чуть ананасного вкуса. Дыня — гибрид французской «АНАНАСНОЙ» и дикой сибирской — носит гордое имя «КОММУНАРКИ».

...Уже несколько лет ведутся работы над помидором.

До сих пор рассадок помидоров выращивается в парниках. Они цветут только раз в жизни. Мичурин дарует помидору многолетнюю жизнь, скрещивая его с горько-плодным солянумом.

Солянум растет в диких лесах; его красные ягоды малы и невкусны, как застоявшаяся вода. Солянум не приспособлен для садовых операций: тычинки у него плотно сжимают столбик пестика, и при кастрации нежная часть пестика обнаруживается и сжигается солнцем.

Помидоры укутаны рогожей, которая не пропускает солнечных лучей. Если Мичурин выведет многолетний помидор, страна сэкономит миллионы. Раз посаженный помидор рос бы на одном месте несколько лет, принося сильные урожаи.

Было бы неплохо, если бы экономисты, бухгалтеры, статистики со счетами и арифмометрами посетили бы мичуринский питомник.

Мичурин бы дал им закурить своего табаку собственного мичуринского производства, и пусть они, отряхивая пепел и затягиваясь дымом, высчитали, сколько тысяч рублей могло бы сэкономить государство, если бы все курили мичуринский табак.

Мичурин скрестил высокосортный болгарский ранний табак с мелколистным суматрским тропическим табаком. Высеял сеянцы гибридов и отобрал скороспелый экземпляр, вызревающий в короткое лето.

Махорка требует тучной, унавоженной земли: мичуринскому же табаку нужна сухая песчаная почва.

Он в десять раз доходнее махорки, в нем и нет «секретов фабрик» — белены, росного ладана, тинкгур, хмеля и прочей «швары». Листья мичуринского табака пахнут лучше прославленного турецкого табака.

...После жаркого дня сильнее пахнут в саду цветы и сильнее всех льют свой запах розы. Розы — они всегда провоцируют на сентиментальность. Ведь у них «нежные лепестки», их «колышет ветерок».

Все пахнет розами...

...В тихие и влажные летние вечера мичуринский сад наполнен тонким ароматом фиалки. Фиалок нет среди гибридов. Это пахнут лилии, «фиалковые лилии» Мичурина, с лиловыми цветами, стройные, как высокие прямые пружинки.

Не всегда у садовых лилий аромат фиалки и пряного жасмина. Они пахнут гнилой водой стоячего пруда; красивые и роскошные, а с запахом дохлятины. Так и некоторые орхидеи пахнут гнилым мясом или рыбой.

Садовые лилии доставляют только зрительные ощущения, они не имеют запаха. — Нет хороших лилий без аромата, — говорит Мичурин, и он дал им аромат.

Голландия славится не только коровами; это не страна, а цветочный магазин. Вместе с сырами она вывозит во все страны тюльпаны, лилии и гиацинты. Товар должен пахнуть.

НЕВЕДОМЫМИ ПУТЯМИ В ГОЛЛАНДИИ УЗНАЛИ О ПАХНУЩИХ ЛИЛИЯХ. СРАЗУ БЫЛ ПОСЛАНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОЗЛОВСКОМУ САДОВОДУ:

«ПОКУПАЕМ ЛИЛИИ И ВСЕ ВАШИ С НЕЮ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ТЕМ, ЧТОБЫ ВЫ ЭТИХ ЦВЕТОВ БОЛЬШЕ НЕ РАЗМНОЖАЛИ».

Сделка не состоялась.

Лилии, синие, как колокольчики, — что им остается кроме того, чтобы пахнуть и распускать бутоны? Их не предадут в один прекрасный день инквизиции, их не будут пытать на огне пытками казанлыкских роз. Они существуют только для красоты, для букетов и теплиц. Один из гибридов — производителей «фиалковой лилии» — рос у ног Будды в индийском монастыре и считался таким же священным, как Будда. У священной лилии семь лепестков. Число семь приносит счастье человеку. Человек незаметно для служителей храма похитил лилию и прислал ее Мичурину не для счастья, а для гибридизации.

Капитан Раевский никогда не видал садовода Мичурина. Козлов далеко от морского пути. Козлов — не маяк и не бухта. Капитан разрывался между палубой и грядкой. На двадцать восьмом километре от Владивостока развел он небольшой садик.

Письма и посылки в Козлов идут оттуда две недели. Раевский часто пишет Мичурину: они обмениваются семенами и черенками.

Капитан недавно собрался к Мичурину. Он вез с собой корзины с растениями. На каком-то полустанке его сняли с поезда, приняв за спекулянта, — зачем это какому-то капитану везти коренья? Мичурин ждал гостя и посылал местным властям сердитые телеграммы. После этого «сухопутного плавания» капитан писал в Козлов:

«Поездка, с долгожданной мечтой посетить вас была сорвана хулиганами. Два раза жизнь моя была в опасности. Меня приняли за спекулянта. Как обидно, тружусь всю жизнь, никакого пристрастия к богатству не имею. Так это меня расстроило, что пришлось возвратиться домой. Спасибо за телеграммы. Сельсовет тоже получил их.

Иван Владимирович! Как тяжело жить и работать над любимым делом садоводства в нашем крае. Какая зависть у людей, сколько неприятностей я из-за этого переношу! Люди считают, что я развел сад только для себя, а не вообще для края. Они не понимают, что хочется мне доказать полную возможность развития садоводства на Дальнем Востоке...

...В секции садоводства ко мне относятся скептически, не верят в возможность размножения в нашем крае ваших гибридов. Я на это не обращаю внимания, твердо верю в свое любимое дело и в вас, Иван Владимирович.

Пройдут года, и садоводство будет процветать в нашем Дальневосточном крае. Таких пионеров-садовников, как я, есть уже несколько десятков, и мы уверены, что вырастим сады. А двуногих вредителей у нас много, но ничего. Еще поборемся! Привитый виноград дал очень хорошие результаты, груши и яблоки тоже. Шлют привет вам с Дальнего Востока ваши питомцы. С веселым и жизнерадостным видом, распустив лепестки, красавицы гордо посматривают на Уссурийскую тайгу. Черешня Козловская зацвела, этим подчеркну я, что рекордный пробег транспортом в одиннадцать тысяч километров для питомцев Мичурина просто был «маленькой прогулкой».

Еще раз за все с глубоким... и т. д.

Гр. Ив. Раевский».

Среди трав и грядок, как плешь, выделяется бледно-зеленый кружок. Крепкие стебельки, как будто у земли начала расти в этом месте борода. Жердочки окружают кольцом зеленеющее пятно. Никто не обращает на него внимания. Здесь Яковлев не останавливает экскурсантов. Все сооружение замаскировано, как полигон с орудиями. Трава отводит глаза от небольшого, с трудом пробивающегося отростка.

Царь зверей у китайцев — тигр (Лау-ху), царь морских зверей — дракон (Люнь), царь трав — «человек-корень»,

ЖЕНЬ-ШЕНЬ

ШЕНЬ-ШЕНЬ

ЖЕНЬ-СЕНЬ

ЖИН-СЕНГ

ИН-ШЕНЬ

ИН-СЫН

СЕНЬ-ШЕНЬ

ИН-ШИ

Это не китайская заумь, это названия корня жизни. «Бог гор «Сан-Шин не» посылает тигра «Лау ху» караулить «жень-шень». Если кто растопчет траву жень-шеня или стебель его, то с того времени в течение шестидесяти лет трава жень-шеня уже не вырастет. Только после шестидесяти лет опять из корня покажется стебель. За все эти годы жень-шень спит».

Леса древние, как легенды о жень-шене. Тигр сторожит корень жизни. Искатели жень-шеня бродят в тайге. Их ноги покрыты барсучьей шкуркой. У них блуждающий, опущенный в землю взгляд.

Жень-шень уничтожает слабость и «тесноту» в груди. Жень-шень делает дыхание свободным, исцеляет стариков, изнуренных сладострастием. Жень-шень приостанавливает смерть.

Корень — подобен человеку. Верхняя утолщенная часть его — это голова, отростки — это конечности. Китайцы к головкам корня приделывают косу. Если корень похож на человека, то это должен быть непременно китаец.

Ничего нет дороже жень-шеня, корень стоит тысячи рублей. Почти не осталось дикого жень-шеня. Жень-шень — это вершина тибетской медицины, книги Жудши.

Из семян дикого жень-шеня растет корень в мичуринском саду.

Мичурину корень достал капитан Раевский. Он месяцами уговаривал китайца, нашедшего жень-шень, дать несколько семян. Китаец упрямылся. Тогда капитан рассказал ему о козловском садовом. Китайцу показалось это легендой, и он согласился отдать семена.

— Только Козловский далай-лама должен хорошо заплатить, чтоб корень не обиделся, и хорошо размножалось потомство от него, чтобы человек был всегда им доволен.

Корень жень-шень — загадка мировой медицины. Золотом нельзя измерить его ценность. Это знают старики, ушедшие от жизни к жень-шеню. Они ищут его годами в тайге, разгребая листья и ветви. Если же находят первые его всходы, то жень-шень оставляют на месте. Обтыкают его палочками, и никто не посмеет взять этот корень, кроме искателя.

К этим старикам-отшельникам прибавился еще один старик, он не ходит с сумкой и не сидит на корточках.

Он готовится к преступлению. Он испытает силу жень-шеня на других растениях, зажжет «корнем жизни» растительные клетки, он не будет шептать над ними молитвы, кастрируя его цветки.

...В саду, у дорожки, рядом с жень-шенем цветет голубыми цветами тибетская трава. Эту траву носят кочевники в ладанках на груди. Трава спасает от пуль.

Когда созревают семена, цветки тибетской травы похожи на большие одуванчики. Вот-вот сорвутся и растают в пространстве пушистые шары!

Мичурин осматривал сад. Шары от заката становились похожими на восходящие солнца.

Он становился на колени, подвязывал банты отростков, мял в руках листья. Чуть прикоснулся к розоватому шару. Шар потерял свою округлость и рассыпался. Уносимые пушинки теплым душем пролились над рукой изумленного старика.

Мичурин в потертой тужурке, расстегнутой ни все пуговицы, перебирает в руках листья. Мальчишки делают из листьев хлопущки и свистят в стручки акации.

Мичурин смотрит на лист, как гадалка или как подпольный хиромант. Морщины его рук щупают морщины листьев.

Проходят годы, пока дерево даст плоды...

По мельчайшим уликам Мичурин знает, какие это будут плоды. Он не гадает на кофейной гуще. Он не суверен. Но следует приметам.

Появившиеся цветы вянут от одной осенней ночи.

Сколько мелочей запомнил Мичурин в триста шестьдесят пять дней, помноженные на пятьдесят. Каждый день, несколько раз за день щупает глазами, руками, воспоминанием и записями каждую ветку и завязавшиеся почки. Он всегда наедине с ними...

...Мичурин всегда все видит. Но не так, как очеркист. Его мутные глаза сильнее цейсовских биноклей. Он может не узнать своего давнишнего соседа, перепутать имена и отчества профессоров, но он не забывает, как были расположены жилки на пластинке листа, проникает в сердцевину плодов, помнит их веснушки.

Как будто в его, мичуринской, крови ворочаются козявки-сейсмографы, записывающие колебания почвы, отмечающие землетрясения. Они царапают в Мичурине жизнь его сада. Запись извилиста. Она отмечает каждую клетку, каждый нерв. Землетрясение происходит где-то за серой лоснящейся тужуркой.

Все это можно сказать гораздо проще, но простые слова отлетают от этой страницы, как ртуть от пальца. Потому что все это очень не просто.

«Все разговоры теоретиков о якобы ненаучном ведении дела гибридизации у оригинаторов привели бы, если этих разговоров послушаться, к тому, что всякая практическая работа давно бы остановилась.

Ведь из подобных теоретиков, несмотря на имеющиеся у них под руками все средства для практического ведения дела, ни один не вывел ни одного улучшен-

ного сорта плодовых растений. Это только показывает, насколько они являются на самом деле профанами в выведении новых сортов.

Следовательно, здесь не только нельзя применить какой-нибудь учет по закону Менделя, но нет никакой возможности вести строго точную работу по предварительно составленному плану. Если я заблуждаюсь в этом своем заключении здесь, то прошу указать мне твердые основы, с помощью которых я мог бы выйти из лабиринта затруднений. Только не предлагайте ваших обычных недоказанных гипотез. Я и без вас могу поставить их целый ряд, но помощи от них делу нет никакой».

Эти сердитые мичуринские строки впервые появляются в печати. Они не вошли в изданный том его трудов.

— Это у меня незаконнорожденные, — так часто называет свои новые сорта Мичурин.

Они «незаконнорожденные» по учебникам ботаники и журналам садоводческих обществ. Они «незаконнорожденные» по «научным традициям». Еще бы! Новые культурные сорта растут из семян, какие-то гибриды имеют потомство!

По какому кодексу судить эти краснощекие яблочки за все преступления? Им стыдно, оттого они и такие красные.

Мичурин идет вразрез с законами, а иногда и с застывшими в своем неоспоримом величии аксиомами.

В мичуринских гибридах выступают не только ближайшие производители, но и далекие, неизвестные оригинатору, родичи-предки.

Продолжение и окончание диспута о «недоказанных гипотезах» будет где-то «следовать», растекаться и прерываться председательским звонком. Здесь же не аудитория, а только сад — за окраиной города Козлова.

— В саду надо быть остроумным. Нам от сада даны плоды для пищи, — говорит Мичурин, — а не дрова на топку. Слышь, говорю тебе, прежде всего, нужно улучшать сорта. Вот у нас, что ни развернешь «Бедноту», все тракторы да тракторы. Понятно, тракторы — штука необходимая, но мы урожайность свою ими намного не подыдем, если будем улучшать только обработку почвы. Какую почву ни дайте, а что будете делать, если сорта растений ни к черту не годятся? Надо сорта улучшать, а тогда уж к ним применять лучшие способы. Слышь ты, нужно вопрос за хвост поймать, да дуракам с умными в глаза всунуть. Как была рожь при Адаме да пшеница при Еве, так и осталось. А надо ввести в характер растения отсутствующее в нем качество. Стариков омолаживают, а надо природу с растениями омолодить, дефекты строения организмов исправить. Создавать надо новые виды, чтобы нашим потребностям соответствовали. Понимаешь ты меня, слышь, ты?

— Понимаю, Иван Владимирович, стараюсь понять! — кричу я в мичуринское ухо.

Но Мичурин не слышит. Он уходит в старый сад, к кривым стволам старых деревьев. Нет, он не садовод, он определенно часовщик. Посадить бы его за окно, дать бы ему темные, как стеклышки для наблюдения затмений солнца, очки, пинцеты, колесики и винты. Пусть сидит и копается! Хозяйки принесут ему чистить горелки, и он протянет зажигалку к паяльнику.

Как будто из листьев и побегов Мичурин хочет сделать тончайший часовой механизм. Вместо зубчатых колесиков будут зазубренные края листьев, вместо стрелок — выступающий главный нерв на середину листа.

Мичурин отбирает молодые сеянцы. Он исследует толщину побегов и их окраску. Следит за разветвлением сетки жилок на листе, радуется войлочной пушистости, тупой зазубренности и матовому налету листьев.

Все эти признаки доступны невооруженному глазу. Но есть и такие, как ска-

зочные шапки-невидимки, их не передать речью, чертежом, рисунком. Их не поймает самый усовершенствованный микроскоп. Есть только один, один аппарат, старый, как Мичурин, потому что это сам Мичурин.

Он обладает обонянием насекомого, у него «абсолютный нюх». Трудно сконструировать еще один такой аппарат. Каким чертежом передать чувство инстинкта, сосредоточенную волю и опыт одной человеческой жизни, ибо, как говорит Мичурин, «природа, как видно, в своем творчестве новых форм живых организмов дает бесконечное разнообразие и никогда не допускает повторения».

Он молчит, старичок. Его продолговатое лицо выдвинулось вперед, глаза закрыты. Он выпустил лист из рук. Медленно, как распускающиеся бутоны, раскрывает он веки, и его рука сразу же находит лист. Он разложил его на ладони, как на операционном столе.

Качаются ветви. С реки доносятся голоса купальщиц. Сад живет шорохами.

Откровенничают между собой мичуринские плоды.

Он все еще смотрит на лист, должно быть, у него затекли колени.

— Иван Владими-иры-ы-ч! — кричит кто-то.

Мичурин не слышит. Он становится скульптурным, как будто гипнотизирует лист. Сейчас же он начнет исполнять его приказания...

ПАШИНА ТЕПЛИЦА

...В ветвистой изгороди много дыр. Главный подавал знак, и все кралось на корточках. Живот холодило от страха. А вдруг сзади подберется собака и укусит? Мичуринские собаки умели красться не хуже мальчишек с окраины. Они в своей желтой шерсти казались укутанными осенними листьями.

Условенные пощелкивания трещали как ореховая скорлупа. Каждый боялся, чтоб от старика не досталось на орехи. Надо было уметь обвести его: вовремя найти лазейку и, злорадствуя, кусать спелое, только что сорванное с дерева яблоко.

Смельчаки таскали с дороги смирных собачонок и приносили их с собой. Во время набегов на мичуринский сад. Когда же показывались, рыча, желтые сторожевые мичуринские собаки, мальчишки отпускали дворняжек на растерзание. Садовые собаки бросались на них. Мальчишки радовались, пользовались собачьей суматохой, на бегу обрывали яблоки, ломая ветви, все топча нагло мелькающими пятками.

На лай прибегал хозяин сада. Он бежал, спотыкаясь об лейку, расплескивая воду. Он бросал лейку, искал и не находил палку, подымал сломанную ветку и начинал махать ею, как будто отгонял муху с кончика носа.

Он бросался разнимать собак. Дворняжки, поджимая хвосты, убегали из сада под сдерживаемое рычанье победителей и зализывали раны.

Тогда мальчишки с разных сторон начинали визжать и мяукать. Они обстреливали сад обкусанными яблоками.

Старик багровел. В его руках появлялась настоящая палка, и он уже махал ею, как мельница крыльями.

Маленькие первобытные люди терзали сад и его владельца. Воровать яблоки у чудного старика считалось на окраине привычным и даже необходимым делом.

Пашка никогда не отставал от своих товарищей. Он убегал быстрее всех, и его пускали вперед пробираться сквозь узкие подкопы под колючую изгородь, после того как старик заделывал прутьями более удобные лазейки.

Однажды Пашка бежал из сада, спасаясь от Мичурина и его собак. Вдруг заметил, что другие беглецы неожиданно остановились. Он обернулся. Собаки не лаяли.

Старик держал ветку в руках, боясь ее выронить. Только что он резал ею воздух. Мальчишки слышали, как что-то булькало в его горле. Старик забыл про

пропажу яблок. Он нагнулся, положил ветку на землю, как раненного на носилки, и, ползая на коленях, начал собирать, точно разорванное письмо, оборванные листья.

Яковлев вернулся в Козлов после демобилизации, когда город уже, как о прошлом, вспоминал набег генерала Мамонтова. Он поступил в земельный отдел. Там через Горшкова узнал, что старик, образ которого сохранился где-то в его детских воспоминаниях, жив до сих пор, что у него удивительные яблоки и что его называют далее великим, садоводом.

В первый раз Яковлев вошел в мичуринский сад через калитку, а не пролез под изгородь. Он обозревал садовую окрестность прошлых сражений.

Раньше забор казался высоким, как крепостная стена.

Сад похудел и осунулся. Время уплотнило его.

Так, через какое-то количество вечеров, после того как было сыграно несколько партий в поддавки и Яковлев несколько раз оказался в «дураках», после того как он с почтением, сначала из вежливости, а потом уж с интересом справлялся о здоровье каких-нибудь каштанов и кустов, молодой агроном остался навсегда в саду, окруженный рекой и уединением.

У Яковлева был небольшой ящик с вещами. И бывали минуты, когда он хотел обхватить ящик, как в детстве картуз с яблоками, и бежать из сада.

Яковлев видел Мичурину молчаливым и угрюмым. Особенно в сырые дни, когда он глох, точно объедался хиной.

Яковлев узнал старика с его привычками и капризами.

Дни тянулись как чаепитие. Агроном привыкал к климату (взгляды, паузы, тишина, сухость и влажность размеренных часов) как гибрид, не переносивший еще холодных и белоснежных зим.

Он акклиматизировался, он не привыкал, а скрещивался с этим неповторимым бытом, начинал понимать изгибы морщин старика и его молчание.

Он заразился Мичуриным. Эта зараза благоухала вместе с цветами, ее переносили вместе с пылью насекомые.

Сейсмографы подступали со всех сторон к Яковлеву. Он видел не только портрет Мичурина на глянцевой бумаге, он увидал лицо человека, пронизанное горечью и догадкой. Видел не «покорителя природы», не «великого», «мудрого» (с такими заголовками «Бюро вырезок» присылает статьи о Мичурине), — он видел самого обыкновенного старика, которого раздражали почки, распутившиеся раньше времени, убитые заморозками, неверным расчетом.

Мичурин не учил Яковлева. Но он посвящал молодого агронома в свои заговоры, и тогда вечера молчания проходили незаметно для обоих.

Было так тихо, что становилось слышно, как трещат угли в самоварной трубе. Лампа зеленым, как прозрачный лист, колпаком окутывала обоих спокойным эпическим светом.

Мичурин копался в бумагах. Потом доставал банку с вареньем и долго на свет рассматривал капельку сока.

Яковлев отвечал на десятки писем, вырабатывая почерк строгий и аккуратный, как в библиотеке.

В саду они радовали и огорчали друг друга своими приметами и наблюдениями. Завтра надо пригнуть к земле заболевшую ветку; пыльца в банках залежалась; что-то с почты не приносят посылку с семенами.

Так вошел Яковлев в жизнь мичуринского сада.

У Мичурина было несколько так называемых учеников. Они приезжали в командировку из Москвы и Ленинграда. Старик относился к ним с нескрываемой усмешкой, — они хотят с ним беседовать, как с профессором на зачете, как с знаменитостью, — он же, как проказник, начинал говорить, картавя, прикидываясь

ничего не понимающим придурковатым чудаком, уверяя, что слаб на ухо, что памяти нет, годов много. Молодые люди начинали с ним разговор о последних заграничных новинках, о трактовке теории витаминов таким-то профессором. Они увлекались, пораженные внимательностью старика.

Мичурин же обрывал их на самом возвышенном месте речи примерно таким замечанием:

— Ну, а ты, слышь, что, на базар пойдешь витаминами-то своими торговать? Свесь тогда мне фунтик, сделай одолжение.

Мичурин отлично знает все о витаминах. У него много продуманных, вылежавшихся и спелых мыслей, но сейчас он их не выдает.

Он лукавит, — о витаминах, ты там, брат, вызубрил, а вот как у тебя глаз на природу востер, — ведь этого-то у вас там не зубрили; профессоров ты знаешь, а проса от овса не отличишь!

Может быть, в этом профессиональная гордость самоучки, не видавшего в жизни университетских стен, ненависть к цитатам, к академичности лабораторий, а иногда и к рассуждающим профессорам, против которых всю жизнь шел, копаясь на грядах, профессор города Козлова.

Не так давно к Мичурину явилась делегация.

— Просим вас, Иван Владимирович, читать нам лекции.

Мичурин ходил после этого так, как будто у него на всех пальцах были нарывы. Он махал палкой и возмущался:

— Ишь, чего выдумали, — лекции! У меня на сад времени нет, а они мне — лекции; еще попугаев обучать наймут — лекции...

Кажется, дошло до того, что Мичурин выгнал делегацию. Аркашка перевез ее в полном составе на тот берег.

Студенты возмущались. Мичурин же ворчал громогласно:

— Хоть в ЦИК жалуйтесь, самому Михаилу Иванову, а лекций ваших, дурачья штука, читать не заставите! Подумаешь, делегация!

Во всем этом какое-то органическое недоверие Мичурина к людям одной только книги, а не повседневной практической жизни.

Яковлеву в зимние бесшумные ночи казалось, что его большая комната в деревянной пристройке находится не в Козлове, в нескольких десятках минут ходьбы от железнодорожных рельс, а где-то далеко, на неведомом маяке или за полярным кругом. Особенно когда в половодье разливался Лесной Воронеж, верхушки деревьев кустами торчали из воды и Аркашка на лодке носился по саду...

...Яковлев просыпался, как будто падал с небоскреба.

Был какой-то час, когда Яковлев сел за стол и начал высчитывать, сколько понадобится для будущих опытов средств и разных там пинцетов, этикеток, шпагата и пергамента. План работ П.Н. Яковлева, научного сотрудника питомника, рассматривал расширенный научный совет во главе с профессором Воронежского сельскохозяйственного института.

Яковлев писал:

«Факты работы И. В. Мичурина — приспособление гибридных семян к окружающей среде, их жизненная пластичность — укрепили мою мысль — укрепить между собой самые далекие растения, как, например, грушу и лимон».

Профессорская же рука зачеркнула это место карандашом и написала фиолетовыми чернилами: опыты аннулированы из программ работ Научным Советом.

— Ведь это у вас химера, зачем же на нее тратить силы, — «ободряли» Яковлева профессора.

— Да это чорт знает чего выдумали — химера! — пробурчал человек, не особенно уважающий авторитеты.

Мы вылезаем из теплицы.

Комната. Этажерка с книгами. На полочке бархатные кролики и открытка с почтальоном. На стене крупное лицо женщины среди цветов.

Эта женщина двигается на нас с подносом и приветливой улыбкой. Она только искусная садовница, ей достаточно мичуринских гибридов, в которых часами и днями пропадает ее агроном.

— Да, а все-таки это здорово, — говорю я, почти как Галилей, и мечтательно ворожаю ложечкой.

Яковлев пьет чай. Потом он садится за стол и пишет:

«По поручению Ивана Владимировича сообщаю, что для ваших климатических условий... Не нужно огорчаться, если первый год какой-нибудь сеянец... И только после этого времени превзошел по вкусу даже крымский «Кандиль-Синап»... Какие вопросы по садоводству в вашем суровом климате еще вас интересуют?... С уважением...»

Жена заводит граммофон. Медленно шипя, как карусель, разворачивает свою силу черный круг, спотыкается о царапины, ломая звуки разливающегося баритона: «Мой Альфред... трс... сын родной», тупая уставшая от круговращения иголка.

Яковлев подписался на бумаге своим круглым размашистым почерком.

Остыл самовар.

Мы выходим на крыльцо.

Сад пахнет жимолостью и акацией. Яковлев подходит к акациям и окунает меня в их запахи. Он знает, как раздвигаются их пестики и из пор выступают едва уловимые простым человеческим глазом капельки сладкого нектара.

Может быть, к ночи соберутся после жаркого дня тучи. Яковлев, Паша, Павел Никанорович, откроет окно. Наполнятся кадки. Женщины будут мыть волосы в дождевой воде.

Так дождевыми струями падают, в воображения от усталости и запахов сопоставления и мысли.

Обо всем этом надо будет написать... Я расскажу о том, как протекают уплотненные событиями и фактами козловские мичуринские сутки.

СУТКИ

Гудок врывается в сонные окраины и торжественно замолкает.

Гудок гудит по-разному. Он то хрипит от недостатка пара, то повизгивает, как будто кто ходит по кошачьим хвостам.

После гудка город снимается с ночного причала и отправляется в дневное плавание.

Гудок раздается затем через каждые полчаса, но его больше не замечают.

Жители города научились слушать и понимать эти гудки, они узнают их среди частых и протяжных паровозных криков.

Козлов перепутал время, когда люди сэкономили белесые утра, и полночь наступала преждевременно. Часовая стрелка гонялась за даровым светом. Козловцы снялись за часовой стрелкой. Они привыкли к прочному и выверенному времени. Не поспевали за вращением легкомысленной стрелки.

Но вот стрелку не передвигали около года.

Козлов успокоился и знал, что если уж гудит пятый гудок, то наступает десятый час.

Тогда кто-то снова подшутил над городом. Стрелка, послушная декретам и постановлениям, снова потеряла равновесие, подчиненное привычке и рассудку. Козлов сопротивлялся, — это слишком много — снова переставлять все будильники и кукушки. Завтра стрелка может опять повернуть назад, зачем же сегодня подчи-

няться ее капризам, когда так ровно и благонамеренно гудит гудок железнодорожных мастерских, — «если уж гудит пятый гудок, то наступает десятый час».

Козлов раз навсегда ухватился за гудки. Гудок — пульс города. Люди встают и ложатся по гудку.

Там, на вокзальном матовом циферблате — московское время, но разве обязаны считаться с ним жители города Козлова, когда так ровно и по-козловски гудит гудок.

Гудок узаконен. Он въелся в сознание каждого местного ответственного работника, часовщика и бывшего члена «козловской лиги времени», безвременно погибшей после двух заседаний в каком-то позабытом году.

На афишах пишут:

**ГАСТРОЛИ ГРУППЫ МОРСКИХ СВИНОК И МОСКОВСКИХ КАРЛИКОВ.
НАЧАЛО В 7 — ПО ГУДКУ.**

Это единственный город, где два времени: поясное и консервативно-козловское.

Из пожарного сарая, без звуков тревожного рожка выезжает, поскрипывая, единственная оросительная бочка Козловского коммунального хозяйства. Она выезжает на поля орошений — на пыльные мостовые — и плачет редкими мутными струями.

Бочкой заведует отставной пожарник. Он привык к блеску и шуму пожарных машин, до сих пор не растает со своей каской, натертой до иступления мелом.

Бочка сеет из своего металлического шлейфа капли, поглощаемые и закручиваемые в шарики всепобеждающей пылью. Завбочкой доливает бочку водой у базарного крана и выезжает на базар.

Это очень торжественная минута. Базар раскалывается освобождаемой для бочки дорогой, на две равные части, он начинает двигаться, как плот, отталкиваемый шестом. «Город полит», и бочка скрывается за воротами пожарного сарая.

По всем углам, как тумбы, выстраиваются тележки мороженщиков. Они стерегут часами прохожих с гривенниками и пяточками.

По улицам прохаживаются люди, о которых сразу скажешь, что им очень скучно, что им нечего делать и они стараются выдумать что-либо пооригинальнее. У многих небритые и помятые бессонницей лица. Люди дремлют на ходу.

Почтовые поезда по шести часов стоят у козловского дебаркадера. Они вытряхивают на козловские мостовые скучающих и неустроенных людей, поглощенных пересадками, стоянием в очередях за билетами, кипятком и вещами. Но шести часов для всего этого слишком много, и в остальное время пассажиры прогуливаются по городу, мечтательно читают вывески, ищут собеседников, спрашивают у широких, как корзины, торговков тыквенными семечками, сколько тысяч жителей в городе.

На скамейках дремлют очень усталые люди, не доставшие билетов и запутавшиеся в козловском времени, прибывшие на вокзал ровно за пятнадцать минут до отхода поезда... но «по гудку».

Наиболее догадливые идут катать шары в кегельбане в городском саду или уходят к реке.

Дорога идет к Лесному Воронежу, к Донской слободе. С Набережной улицы спускаются вниз ступеньки дощатой лестницы без перил. Открывается вид, точно с Поклонной горы на Москву или с Владимирский горки на мост и Днепр.

В лугах не видно реки. На много километров тянется ровное однообразие; если прищурить глаза, то кажется, что внизу разостлан не «ковер», а только зеленая тая в крапинках клеенка. Крапинки — это люди,двигающиеся по клеенке. Они двигаются непрерывно, как толпа в дверях столичного универсама.

Они не ищут тени. В городе нет тени.

Весь млекопитающий мир стремится к реке и песку. Берега Лесного Воронежа

голосисты, всплески и визги стоят над рекой, и изредка перебрасывается, как лесное «ау», голос на ту сторону, где много тени за решетчатым забором:

— Аркашка, лодку!..

Плотники строят новый дом. Доски потеют смолой. Летят стружки. Плотники плюются гвоздями, закуривая махорку. В хозяйственном беспорядке раскинуты у сараев грабли и лопаты.

Мичурин выходит из сада. Смотрит на работу плотников. Они несут на плечах балку, он подходит ближе и щупает доски.

— Ты бы не так нагибался, пальцы-то шире расставь, а то смажет, занозу тащить будешь.

— Ничего, Иван Владимирович, наше дело не цветочное, смажет — жаловаться не пойдем.

— Вот чертовщину какую строят, чорт-те што будет, а только фундаменты невысокие. Весною бревнам мокро будет, кирпичом скупитесь, да и новоселье, говорю, не скоро, справлять будем — к зиме, может, поспеете, а?

— До зимы недалеко, Иван Владимирович.

— Все близко, а говорили, весною готово будет, врать-то — оно легко. Вот ходит со мной человек, все слушает, а потом обязательно наврет, когда напишет, уж такая его доля.

Достается всем: и плотникам, и очеркистам.

— Ну, идем, идем! Да смотри, если говорить что буду, ты пиши, американцы — они все записывают. Пишут себе и молчат. Это только наши — шалдай-валдай, ушами хлопают.

Мы идем на веранду мичуринского дома. На веранде достается и воробьям. Они клюют перила, не пугаются нас, улетают и снова возвращаются.

— Бездельники, бездельники, скоро от жира летать перестанут! Да, для того, чтобы одно царство знать, надо и другое понять. Вот воробьи, что они за тварь, как они питаются, какой у них устав? Да ты этих-то пустяков не пиши, баловство одно получится.

Мичурин вынимает кисет, и тогда действительно достается воробьям. Они привыкли к Мичурину. Воробьи с ним в дружбе.

Садовод всюду, где только можно — на сараях, на веранде — устроил воробьиные гнезда, — подвешенные продолговатые ящики с дырками. Даже в скворечнике, качающемся над персиками, вместо скворцов живут воробьи.

Несколько раз в день Мичурин выходит на веранду.

Достаёт из кисета зерна и кормит с рук воробьев. Они как бы выстраиваются в очередь.

— Ну, на, на, да убирайся поскорей, тебя народ ждет, ну, пошел!

Воробьи терпеливы. Они получают должное и улетают. Но через несколько минут вновь возвращаются и точно в благодарность, как вещественное доказательство, приносят в клювах помет птенцов.

Мичурин дробно смеется и стряхивает палочкой воробьиные дары.

В пасмурные же дни, когда старик не появляется на веранде, воробьи кружатся, подлетают к окну, клюют подоконник, бьются крыльями о стекло.

Раньше у Мичурина жила ручная галка. Она всюду следовала за садоводом, как попугай за шарманщиком. Она ревновала Мичурину к жабе. У Мичурина была и жаба. Он кормил жабу. Но это было очень давно, когда он с удочками выходил к Лесному Воронежу и часами сидел на его безлесых берегах.

Жаба чувствовала Мичурину, как Мичурин растения.

Она различала его запах среди запахов воды и тины. Выползала из реки и прыгала прямо на руки рыболова. Она знала, что он не смахнет ее с ладони. Рыболов доставал кисет и кормил жабу. Рыбы же спокойно глотали червяков.

Галка была недовольна. Она с удовольствием выколола бы жабе большой расплзшийся овалом глаз.

— Да, тварь меня любит — это потому, что я за природу иду, изучаю законы природы. Вот это ты можешь записать. Я животными интересуюсь, да нет только времени и знаний с ними штуку выкрутить, все так, слышь, вроде как для забавы с ними вожусь... уж больно она, жаба, смешная была: только выдумать — из реки да на руки.

— Иван Владимирович, мы вас ждем, — раздается ослабленный расстоянием голос.

— Это еще что такое, «ждем», чего тебе? — кричит Мичурин. Он всех одинаково называет на ты, будь это Аркашка или академик Вавилов.

— Иван Владимирович, снимать вас будем, уж больно хорошо светит.

— Светит, говоришь, — печет, а не светит. Это мыслимо, что ль, на такую жару итти!

— Иван Владимирович, у нас съемочные дни.

— Ну, снимай, снимай, раз у тебя дни съемочные, а у меня они обыкновенные дни.

— Иван Владимирович, вы должны быть в кадре.

— А ты Пашу позови и Веру Николаевну, они в твоём кадре и поместятся.

— Нет, Иван Владимирович, картину-то о вас ставим.

— А что, подумаешь, не видали меня, что ли? Вы Веру Николаевну снимите у лилий, у ней волосики да косыночки, а на меня, на старика, нагляделись, слышь, да гибридов сними побольше, их никто не видал, все мадоннами любят.

— Иван Владимирович!..

— А ничего, что пиджак у меня не для парада, аппарат такой снимает, аль ему франтов подавай?

Мичурин сходит с веранды. Кричит вдруг срывающимся, вначале резким, потом протяжным, голосом:

— Ну, давай культ-шельму свою скорей, а то лопну — вот надоели, чорт-те што!

Оператор гудит, как взбунтовавшийся улей, аппаратом, движениями, громким голосом. Он не может скрыть своего нетерпения и прыти. Мичурин же не обращает внимания на всю эту кинематографическую деловую суетню.

Он идет медленно, убирает на ходу своей палочкой сучья на дорожке. Достает ножницы.

Режиссер и оператор, как бегуны на старте, хотят сорваться до свистка, но свисток не свистит, и Мичурин срезает с дерева засохшую ветку. Он встречается с человеком и останавливается. Человек служит в горисполкоме и внушительно жмет мичуринскую руку.

— Ты чего за своими делами не смотришь, а еще заведующий? Дорогу починить не можете! Тебя бы носом по этой дороге, чтоб пыли наглотался; вот разматает ее дождями, тогда ты в калошах в питомник не пройдешь, в телеге — и то утонешь в грязи. Слышь, говорю, ты этот вопрос на повестку нацепи, обязательно, говорю.

— Да я, Иван Владимирович...

— Ну, иди, иди, вишь, вон ждуть, в иллюзионе глядеть меня будешь.

Мичурин у аппарата.

— Ну, становь меня куда-нибудь в кадр-то твой.

Оператор и режиссер сорвались со старта.

— Вот так, только в аппарат не смотрите, ножницы вот так держите.

Наконец все установлено. Оператор берет ручку. Мичурин больше не шутит. Его лицо становится острее, морщины натянуты, потом он как будто спрашивает позволенья улыбнуться. Его губы нарушают мимический натюрморт, они съезжают с установленного выражения, и Мичурин как будто собирается сказать что-то короткое и смешное.

— Срезайте ветку, — громким шепотом кричит режиссер.

В паузу врывается легкий проверенный треск, как будто заводят гигантские часы. Через минуту Мичурин достает платок:

— Ну и замучили, ну и артисты, в жисть больше не буду, как будто пятки кто чешет!

— Иван Владимирович, еще один маленький кадр, две секундочки, — и режиссер снова становится дипломатом, ему помогают плотники, оставившие работу для того, чтобы видеть кино «в натуре».

Наконец Мичурин свободен. Аппарат уносят в сад, и садовницы спешно поправляют платочки и снимают листья с носов.

Город отплыл еще дальше в своем дневном плаванье. Жар становится невыносимым. На улицах города, проросших травой, как на проселочных дорогах свирепствует пыль.

Как нарочно, в жаре разыгрываются суховеи, они захватывают собой навоз, песок, золу.

Асфальт становится мягким, как войлок.

Жара гонит людей к реке. Они млеют в дремоте, как полусонные налимы.

Суховой шумит и пропадает в верхушках деревьев мичуринского сада.

У Мичурина в комнатах прохладней, чем на реке.

Вымытый дощатый пол устлан дорожками. Домовитые запахи обжились в доме. Так пахнут сундуки и чуланы. Во всех углах, должно быть, много вещей, которые в другом доме, пошли бы в мешок старьевщику и в печку. Но здесь на них незаметная проба времени. Вот этой деревяшкой очень удобно вбивать костыли и крючки. На стенах множество крючков, на них висят на шнурах холщевые мешки и полочки.

Мы поднимаемся вверх, где кабинет, рабочая комната, склады, спальня помещаются у Мичурина в одной комнате.

Мичурин с облегчением садится в большее деревянное кресло, изрезанное ножом, как школьная парта.

Он снимает свой чесучовый пиджак и разворачивает газету.

Я оглядываю комнату.

Как будто только что ее оставили мальчишки, клеившие бумажные змеи. Разбросаны банки и жестянки. На столах много шпагата. Повсюду бумага, исписанная мелким почерком, рисунки и диаграммы. На подоконнике сохнут фотопластинки.

Потолок и стены обвешаны щедро, как урожайная яблоня плодами. Здесь и сухая трава, и высушенная рожь, и мешки с семенами, и банки с косточками. Все это может достать Мичурин, протянув руку со своей кровати, которая скрывается под баррикадой свисающих отовсюду сухих растений и плодов.

Стена увешана часами, как витрина магазина. Все они показывают разное время, остановились еще в девятнадцатом веке. Исправленные же часы бьют одновременно, но по-разному. Висят тут и часы без циферблатов, циферблатов без стрелок, — словно паровозные кладбище около депо.

Из письменного стола выглядывает незадвинутый ящик, он наполнен стрелками, колесиками и пружинами.

Мичурин скупает у козловских часовщиков весь хлам. Его пальцы требуют возни.

Я поворачиваю голову, и на меня со всех сторон смотрят колпаки, провода и проволоки, как будто это не комната, а карман электромонтера.

В углу я замечаю индукторы и небольшую динамо-машину. Тут же токарные и сверлильные станки; а сколько тисков, щипцов и ножниц. Потом становится ясным, что это не беспорядок, что все это расставлено по особой системе, а ножницы и рубанки висят на специально для них вбитых гвоздях.

Мичурин переворачивает газетный лист, а я все размышляю. Поражает сосед-

ство инструментов с висящими в стеклянных ящиках бабочками, пахнущими сухостью трав, с наждачной пылью на подносе.

Но я еще не все осмотрел. Вижу коробки с запонками, накрахмаленные манжеты, мундштуки самодельные и с инкрустациями; вижу целую коллекцию папок с перламутровыми набалдашниками и конверты с разноцветными подкладками. На полках кипами лежат книги. Журналы разложены как на щитах букиниста. Свежие номера «Вестника знания», «Хочу все знать», «За рулем», «Огонька» и «Крокодила».

— Ну, что, разглядел мое бытие? — Мичурин кладет газету. — Я с этим инструментом всю жизнь иду, он у меня инструмент послушный. Вот, гляди, какие я машины смастерил. Это у меня аппарат для выжимки розового масла, а вот машина, чтобы табак резать. А этот аппарат я сам сделал, плоды им снимать для иллюстрации, а вот линзу в «кодак» я тоже собственного производства вставил. Ну, еще что там? В нашем деле погода — самая важная материя. Градусники всех тонкостей не показывают, так вот я барометр смастерил, отослал на Сельскохозяйственную выставку в павильон повесить, да жулики стащили. Пришлось снова его сколотить. Однажды меня самого за жулика из-за техники-то приняли. Смастерил я для сада ножницы своей конструкции, чтобы не хуже бритвы резали, зря бы не раздвигались, — вот, видишь, все дело тут в этой задвижке. Послал я Брабцу ножницы в Москву. Прошу по образцам мне дюжину сработать. А он, Брабец, догадлив был, говорит, значит, зачем вам ножницы такие, мы, говорит, воров инструментом не снабжаем. Ну, пойдешь, втолкуй ему, когда он, Брабец говорит: «А ножницы свои назад в полицейском управлении получить можете, только там их вам для баловства не дадут обратно».

Больше всего ценит Мичурин свой барометр.

— Вот ты думаешь, что фабричные барометры не врут, — все вы врете одинаково! А должен тебе сказать, что фабричные анероиды с большим недостатком на стенах висят. Как только температура повышается, — стрелка, указывающая давление, вниз падает, на грозу показывает, а все оттого, что нет в них части, которая вычисляла бы расширение металла. Она ведь, стрелка, от жары расширяется. А в моем барометре есть особый механизм, он математически вычисляет расширение металла, потому что я нашел особый сплав из двух металлов. При повышении температуры один расширяется, а другой задерживает это расширение. Вот тебе и фабричные барометры. Понял?

— Понял, Иван Владимирович, а вот только...

— Ну, довольно, довольно, надоел ты мне больно сегодня! Мне вздремнуть пора, а ты ступай, — что у тебя, делов, что ль, нет... Вот возьми на полке журналы, я ведь тоже в журналах писал, тебе почитать полезно будет; а после обеда приходи опять, я тебе анекдоты расскажу. А еще попрошу: потяни-ка шторы.

Я закрываю целое окно солнца и выхожу, нагруженный толстыми книгами, из полумрака.

Мичурин спит среди семян и инструментов.

МУЗЕЙ ДОСТИЖЕНИЙ И.В. МИЧУРИНА

Ключик ворочается в замочной скважине. Музей открыт.

Как будто здесь, как вино, выдерживается прохлада.

Мичурин, словно учитель географии, водит бамбуковой палкой по стенам. Со всех сторон на него смотрят сфотографированные и нарисованные мичуринские глаза. Как будто он преломляется в невидимых зеркалах, не может справиться со всем тем, что растянулось в витринах и прикреплено кнопками.

И тогда слово «музей» становится смешным.

— Вот чего нагородили!

Что было бы с «мировым профессором» садоводства, если бы его переселили из деревянного дома у Лесного Воронежа в эту огромную, как театральный партер, залу? Если бы беспорядок его комнаты: все часовые стрелки и трости с набалдашниками вдруг оказались бы под стеклом, и на самом видном месте лежала бы маска, которую ухитрился бы снять с его лица Иван Пищалкин! А над мичуринской кроватью художник бы написал: «Здесь спит оригинатор И.В. Мичурин. Трогать руками строго воспрещается».

Мичурин тормозит свой музей, но скоро ему надоедает это занятие, он опускается на табуретку и о чем-то говорит своим спутникам.

А может быть, это только фонограф, точно записавший звуки его голоса?

Я же перелистываю толстую переплетенную тетрадь:

Иван Владимирович гордость СССР. — Бухгалтер.

От лица всего крестьянства нашего Союза низкий поклон тебе, старик-творец, издатель. — Крестьянин поселка «Красная горка». Член ЦИКа СССР.

Питомник и музей И.В. Мичурина тот не должен посетить, кто ничего не хочет видеть и ничего не хочет слушать. — Группа мичуринцев при Биостанции юннатов имени К.А. Тимирязева.

Мое время еще придет — слова химика Менделеева.

Фрукты — что-нибудь особенное.

Все виденное и слышанное я понесу далекому учительству Невельского района. — Преподаватель педтехникума.

Долгие годы ему! — Командир РККА.

Но, видно, еще долго не только на почтах будут храниться под замком жалобные книги.

Это я понял после того, как переписал содержание весьма незаметных музейных экспонатов. Я держал в руках не мои обыкновенные записки, а самую настоящую и даже не юмористическую жалобную книгу. Перелистаем ее, читатель.

ТЕЛЕГРАММА:

ТАМБОВСКИЙ ГУБИСПОЛКОМ. КОПИЯ МИЧУРИНУ.

КОЗЛОВСКИЙ УЕЗД. МОСКВА. КРЕМЛЬ.

ОПЫТЫ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ КУЛЬТУР РАСТЕНИЙ ИМЕЮТ ГРОМАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СРОЧНО ПРИШЛИТЕ ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА Т. ЛЕНИНУ. ИСПОЛНЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ ПОДТВЕРДИТЕ. 18/1-22.

УПРАВДЕЛАМИ СОВНАРКОМА ГОРБУНОВ. 170

Резолюция:

— Тов. Яковенко (нарком земледелия). Я думаю, это дело надо провести в самом срочном порядке. Мичурин долго не проживет, надо торопиться. Я не сомневаюсь, президиум ВЦИКа пойдет навстречу.

М.И. Калинин. 26 января 1923 г.

Фельетоны.

Гибнет вишневый сад, но не вишневый сад русского дворянства, а единственный вишневый сад в Республике. Это недопустимое недоразумение. Приказ Владимира Ильича, резолюции Председателя ВЦИКа требуют внимания к каждому часу работы Мичурина. К каждому часу.

Известия, 1923г.

В. Брагин.

В Совнарком РСФСР.

Придавая огромное практическое значение работам И.В. Мичурина в области плодородства, садоводства и огородничества и считая необходимым практическое использование достигнутых им результатов, Совнарком РСФСР постановил признать его опытный питомник учреждением, имеющим государственное значение, и присвоить ему название «Опытный питомник имени И. В. Мичурина».

...Кроме того, Наркомзему поручается организовать при питомнике лабораторию и обставить ее приборами, необходимыми для работ И.В. Мичурина и научного обслуживания питомника, а также срочно издать важнейшие его труды. 1923 г.

К русским садоводам.

Со стороны некоторых учреждений и организаций заметна неверная оценка начатого мною дела. Мое дело приравнивают к простому садоводству и только с этой точки зрения относятся к нему. Недооценка самого важного в моем деле именно — метода начатого мною дела — ведет иногда к тому, что самому важному в моем деле наносится непоправимый ущерб. Например, урезаются наполовину ежегодно сметы для развития дела, отнимаются только что приученные к делу люди.

1925г.

И.В. Мичурин.

Товарищ Брагин, в 1923 году вы писали в «Известиях»: «Внимание каждому часу работы Мичурина. К каждому часу». И вот прошло очень много часов.

Июль-август 1929 года, свежий номер «Нашей правды».

Статья А. Бахарева.

Александр Серафимович был глубоко возмущен, когда узнал, что издательство в течение трех лет тянуло с изданием, раздробило на десять частей присылку корректур, чем парализовало желание И.В. Мичурина продолжать подготовку к печати последующих томов.

Мичурин стар. Задержка издания его трудов равносильна грабежу его драгоценного для всей страны времени. Назвать это безумием — мало, это вопиющее преступление. («Автор Железного потока у Мичурина», 11 июля 1929 г.).

Да теперь мы знаем о том, как внимательно относились к «каждому часу работы Мичурина» — «как торопились».

Не ему надо торопиться. Он сидит на табуретке, как на грядке, и его слушают люди, встретившиеся в музее на несколько часов, чтобы потом снова не встречаться всю жизнь.

Мичурин устал, он говорит медленно.

И мне хочется подойти, к нему и задать, как самому здесь старенькому и опытному, несколько вопросов.

Так спрашивают дети отца или деда: «А почему, а почему?»

— «Единственный вишневый сад в республике» — спасен. Но много ли это? А почему, Иван Владимирович, в нашей стране еще так долго текут часы, а почему, Иван Владимирович, с таким трудом прорастают плоды трудов?

Товарищ! А почему так серьезно требовательны ко мне — и, уверен, ко всем эти цитаты в этом музее?

Время течет быстро. Жизнь вырывается наружу в Пашиной теплице, укоренные листья пускают почки и цветут первым цветением. Они находят силу обрывать почки.

«Нужно забыть прежнее и перестать каждому жить только для себя, что, к сожалению, глубоко вкоренилось в нас. Мы все должны работать для всех, и при улучшении жизни всех каждому из нас будут доступны лучшие условия.

В течение своей жизни я твердо держался такого взгляда и, по возможности, боролся с препятствиями. Все, с чем сталкивался, я старался улучшить: работал по разным отраслям механики, электричества, улучшая инструменты, изучая пчеловодство... Но самой любимой моей работой была работа по улучшению культурных сортов плодовых растений. Пройдя через ряд ошибок и различных неудач в течение 56 лет моего личного практического труда, и, наконец, добился при посредстве гибридизации нежных иностранных лучших сортов плодовых растений с нашими выносливыми местными старыми сортами выращивания целого ряда более продуктивных новых сортов, плодовых растений.

По почину В.И. Ленина правительство дало мне возможность значительно расширить дело. Но одно козловское учреждение безусловно не может удовлетворить спроса со стороны всех обширных республик Союза.

Кроме того, в виду разнообразия климатических условий в различных местностях СССР наша станция естественно не может выработать сорта, которые удовлетворяли бы каждую из отдельных областей.

Дело сортового пловодства имеет в нашей стране огромное будущее: во-первых, плоды будут составлять необходимую часть питания всех трудящихся, а не только служить лакомством, во-вторых, для борьбы с засухой предполагалось создавать лесные полосы в степях, а теперь возникла мысль заменить эти лесные полосы полосами фруктовых деревьев.

В ближайшем будущем поля черноземной области должны принять совсем другой вид: вместо пестрых, мелких крестьянских полосок будут в колхозах сплошные богатые нивы, окаймленные полосами садов. Так создадутся поля-сады.

Нужна только самая срочная и энергичная работа по размножению хороших сортов плодовых деревьев, приспособленных к местным условиям. И я нахожу заявить о необходимости нужным учредить в каждой области станции, аналогичные по своей деятельности с козловской опытно-помологической станцией.

Что же касается опытных заведующих такими станциями, то кадры таких лиц, несомненно, появятся.

Прошу XVI съезд партии уделить внимание излагаемому мною делу».

С этим призывом-просьбой обратился Мичурин к съезду партии.

Меня пропускают ворота в года. Вижу, как глазенки одного человека стали упрямыми глазами в лохматых бровях. Вижу, как из пыльного быта ушедшей эпохи растет человек, достойный будущих эпох. Он — козловский старожил, старожил города Бородатого Козла, тянется в будущее, видит «безмерный горизонт» сквозь все донские и другие слободы, застилающие горизонт.

Грустно ли?

Надо сдунуть пыль. О пыли забудут. Нет пыли. Нет этой прохладцы и дел на авось. Провинция должна и будет жить не провинциально.

Они протягивают друг другу руки — единственный бульвар из нескольких деревьев города Козлова и единственный в мире сад мичуринских гибридов. За ними тянутся и другие руки. Нет, это не отвлеченно. Вот рука молодого садовода, пришедшего в Козлов пешком из Шацка, вот делегат горного дагестанского аула, вот...

Сотни, тысячи рук берут яблоки, плоды, — сажают, пересаживают, скрещивают. Тысячи настоящих и будущих тимирязевцев, малыши, колхозники крестьяне, селяне — все это, и пространства, и грядки, и огороды требуют срочного «примичуриванья». И прежде всего, надо примичурить город Козлов, ближайшие ки-

лометры, надо вытеснить неразбуженность и сонливость — ударами кулака, требованиями, настойчивостью и даже дерзостью. Дерзостью обладания и преобразования природы, земли, плодов. Разве это не дерзость — гнать виноград в тундру? Гнать! Гнать! Гнать! На грядки, в огороды, в питомники, в машины консервных фабрик.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

«Сейчас Иван Владимирович в часы досуга работает над усовершенствованием хронометра, который будет играть огромную роль в вычислениях точного времени в работах астрономов в обсерваториях.

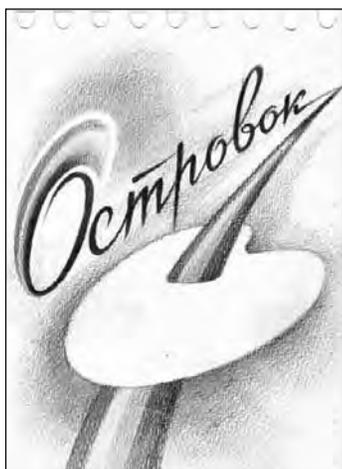
С весны у нас организуется мощный овощной и животноводческий комбинат. В пятилетку нужно затратить на него десять миллионов рублей. Сегодня прочитал в “Воронежской Коммуне”, что в счет этой суммы уже отпустили два с половиной миллиона рублей. Агрокомбинат будет называться именем И.В. Мичурина.

С осени при нашей станции Техникум (открыт после нашего отъезда) реорганизуется в ВУЗ имени И.В. Мичурина.

Вот и все наши козловские новости. Теперь-то вам надо обязательно приехать, чтоб поглядеть, как это все будет».

(Из Козловского письма.)

Стихи участников
литературно-
музыкального клуба
«Островок»

СТАРЫЕ КОРАБЛИ

Людмила Дементьева

МИЧУРИНСКУ

Тот город, с которым я вместе
уж скоро лет тридцать, —
Не местная я, перелетная с севера птица.
Тот город, в котором своих я корней
не пустила,
Приветливо встретив, быть может,
проводит в могилу.

Тот климат, ласкающий летом
раздетую кожу,
Зимою сугробы до окон набрасывать может —
То мягкий, то скользкий,
морозы сменяет капелью.
И пахнет в нем густо,
и птицы поют громкой трелью.

Там улица в центре — «бродвей»,
что пешком исходили,
И рынок горластый, как улей,
гудит в выходные.
Актеры театра —
театр тут как прежде, отличный —
Играют на сцене,
а в жизни живут как обычно.

Тот город, в котором цирюлен,
как лавочек, много.
Вас в них подстригут
и заботой окружают недорого.

На лесь парикмахеров нет нам нужды обольщаться —
Мы стричься приходим, а может, приходим общаться?

Простой и ученый, тот город живет своей жизнью.
И я в нем живу — и довольна вполне, что я вижу
Изо дня в день красоту его сдержанных скверов —
В нем много лекарств для распатанных севером нервов...

Александр Виноградов

ГОРОД-САД

Есть на нашей голубой планете
Маленький зеленый город-сад...
Ничего дороже нет на свете,
Чем Мичуринск — повторим сто крат.

Здесь в цвету и яблони, и груши.
И весной сажают деревца.
А от этого светлеют наши души,
Расцветают юные сердца.

Ну, а ночью слушай до рассвета,
Как поют в садах и рощах соловьи...
Пусть красоты дивные есть где-то,
Но родимей нет нигде земли.

Геннадий Былкин

КОЧЕТОВКА

Кочетовка, Кочетовка,
Перекресток трасс стальных.
Днем и ночью сортировка
Поездов со всей страны.
Мегаполис для вагонов:
Парки, улицы, мосты...
Здесь особый свод законов
Без вокзальной суеты.

Управлять всем этим сложно:
Тонкий, чуткий организм;
Четко, грамотно, надежно
Коллектив, как механизм,
Принимает, отправляет,
Сортирует поезда,
Здесь простое не бывает,
Здесь движение — всегда.

Кочетовка — мир особый,
Мир крутящихся колес.
Светофор мигает, чтобы
Машинист состав привез,
Чтобы мчались пассажиры
Днем и ночью кто куда.
Кочетовцы-командиры
Отправляют поезда.

Эдуард Кушелевский

МОЙ ГОРОД

Есть на земле немало мест хороших,
Что повидать хотел бы, но не смог.
И видел много, но всего дороже
Мне мой родной «уездный городок».

Тут не бегут шоссе широкой лентой,
И лайнеры здесь не режут в полете,
Но редко где вы столько же студентов
На душу населения найдете.

Нет моря здесь, а холм, увы — не горы...
Но никогда нигде я не забуду
Величье Боголюбского собора
И шпиль Ильинки, видный отовсюду.

Хоть раз в году мне непременно надо,
Взгрустнув о прошлом, тихо прогуляться
В тени прохладной городского сада,
На колесе над городом подняться...

Изгиб реки, и лес, и мост, и пашни,
И голубые водные просторы
Увидеть, как когда-то с башни —
Стрелец козловский восхищенным взором.

И побродить по Монастырской роще,
К коре дубов столетних прикасаясь,
Вбирая дух их первозданной мощи,
Душой легко и сладко распрямляясь.

Да постоять на улочке промоклой,
Дивясь разнообразию домов,
Узорочью наличников на окнах,
Изящной кладке старых мастеров.

Еще люблю прийти я лунной ночью
На площадь, где великий садовод

Стоит один на постаменте прочном,
А вокруг него — гуляющий народ...

Весной хожу, пусть даже день и хмурый,
К садам его, что пышно зацвели,
И вижу: звучным именем Мичуринск
Не зря свой город люди нарекли!

Александр Рожков

БОГОЛЮБСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Я у церкви стою с покаянием
И молюсь за чужие грехи,
Хоть по времени и расстоянию
Те грехи от меня далеки.

Купола, возрожденные верою,
Свои маковки бросили ввысь.
И слова мои: «Господи, верую!»,
И душа к небесам вознеслись.

Я не знаю, когда и кто именно
Разбивал и сносил купола,
Но, сраженный впервые увиденным,
Жил вопросом: «Какой ты была?»

Память детства, одна из картинок:
Только стены, толпа людей...
Я с отцом — мы на птичий рынок
С ним пришли продавать голубей.

На вопрос мой: «А что за здание?» —
Бросив взгляд из-под хмурых бровей,
Мне отец объяснил со знанием:
«Боголюбка — одна из церквей».

И от взгляда до боли синего
Вдруг в душе поднялось волной
Чувство тяжкое, необъяснимое —
И навеки осталось со мной.

Чей-то грех, видно, лег мне на плечи.
И у Бога прощенье прося,
В детском сердце зажег свои свечи,
Тяжкий крест от греха не снеся.

Я огонь тех свечей повинных
В своем сердце по жизни нес —
Обезглавленных храмов старинных
Насмотрелся до боли и слез.

Чей же крест был на мне эти годы?
Чьи же слезы катились из глаз?
Их несу под церковные своды
И молюсь с покаяньем сейчас...

И в прощение твердо я верю,
Зная милость высоких небес.
Мой народ возвратился в веру,
Раз на церкви сияет крест...

Евгений Ишутин

РОДНОЙ ГОРОД

Снова пахнет сиренью.
Тишина и покой.
Город маленький, древний
Весь пропитан весной.
И цветущие вишни
Светятся по ночам.
Три столетия с лишним
Улицам и домам.

Вниз сбегают ручьями
Улицы с площадей,
И плывут облаками
Купола трех церквей.
Всех четырнадцать было
Православных церквей.
Благовестно звонила
Каждая для людей...

Затонул город в сини,
Как корабль на мели.
Украшают Россию
Старые корабли.

ГЕРОИ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

(За Великую Победу они отдали свои жизни,
и люди помнят об этом)

Время неумолимо уносит нас всё дальше и дальше от событий времен Великой Отечественной войны. Но годы не властны над памятью о людях, 80 лет назад принесших миру Великую Победу над фашизмом. О них написаны книги, стихи, песни, сняты фильмы, их имена носят улицы, школы, площади...

Память о героях этих очерков увековечена и на нашей земле. Леонид Иванович Рытиков погиб в феврале 1945 года, повторив подвиг Александра Матросова. Николай Антонович Филиппов пал смертью храбрых при взятии Берлина.

ВОЕВАЛ НА ПЯТИ ФРОНТАХ

Время неумолимо уносит нас все дальше и дальше от событий времен Великой Отечественной войны. Но годы не властны над памятью о людях, 80 лет назад принесших миру Великую Победу над фашизмом. О них написаны книги, стихи, песни, сняты фильмы, их имена носят улицы, школы, площади...

Память об одном из них увековечена и на нашей земле. Леонид Иванович Рытиков погиб в феврале 1945 года, повторив подвиг Александра Матросова.

Детские и юношеские годы

В народе говорят, что героями не рождаются, ими становятся. Справедливость слов доказали время, жизнь, происходящие события. Безусловно, многое зависит от того, как человек жил, в какой среде воспитывался, как относился к окружающим его людям, какие книги в детстве читал... Все это формирует нравственный стержень в каждом из нас.

Леонид Иванович Рытиков родился 24 марта 1915 года в рязанской деревне Хамбушево. Его отец погиб в Первую мировую войну. Воспитывался одной матерью Елизаветой Павловной Лаврехиной. Она была учительницей, и ее многолетняя педагогическая деятельность отмечена орденом Ленина. Начальную школу Леонид закончил в родном селе, а семилетку — в Рязани, в школе №1. Затем он учился в Рязанском железнодорожном ремесленном училище, после окончания которого был направлен на работу в вагонное депо Кочетовка.

Становление

С 1934 года Рытиков проживал и работал в Мичуринске. 18-летний вагонный мастер был удивительным жизнелюбом, человеком с активной жизненной позицией. Одни называли его руки золотыми, другие — волшебными, третьи — добрыми. За что ни возьмется, сделает так, что залюбуешься. Он вообще не любил сидеть без дела. А еще на больших и малых станциях побывал Леонид Рытиков вместе с участниками агитбригады «Синие блузы». Читал стихи, сам сочинял сатирические куплеты, выпускал газету «Колючка», что колола и в бровь, и в глаз. А о нем самом кто-то из острословов сочинил: «Презирает нытиков комсомолец Рытиков». В начале 1935 года Леонид познакомился с симпатичной девушкой Маргаритой, будущей женой, весной того же года они сыграли свадьбу. Веселые парни из депо громко кричали «горько», сердечно, от души поздравляя молодоженов. В ноябре 1936 года у них родилась дочь Римма, которую молодой отец очень любил. Жили втроем дружно и счастливо.

Служба в армии

В октябре 1937 года родные и друзья провожали Леонида служить на Балтику, пели «Катюшу». Разлука предстояла долгая, но никто не роптал, более того — тогда не служившего в армии и за настоящего мужика не считали. Время шло своим чередом, верилось в лучшее, тем более что в январе 1938 года Маргарита сообщила мужу о рождении сына. Радость была большая, тем острее — трагедия. В мае 1941-го мальчик заболел и умер от воспаления легких. Но жизнь продолжалась. Служил Леонид Рытиков достойно. До окончания службы оставалось совсем немного. Маргарита с дочкой ждали его возвращения с нетерпением, но...

На фронте

Июнь 1941 года застал Рытикова на действительной военной службе, откуда он и был призван в действующую армию. Воевал на пяти фронтах — Ленинградском, Центральном, Калининском, Первом и Четвертом Украинских. Трижды был ранен (в октябре 1941 г., в июне 1942 г., в декабре 1943 г.), контужен в сентябре 1943 года. Немного подлечившись, вновь возвращался в строй. Домой писал письма, полные любви, нежности, заботы о близких и дорогих ему людях: *«Мама, Рита и дочка! У меня все в порядке. Не волнуйтесь. Ваш сын, муж и отец воюет, как подобает. Берегите себя»*.

Последнее письмо было датировано 2 февраля 1945 года. 5 февраля Леонид Рытиков был награжден медалью «За отвагу».

Подвиг сержанта

И вот тот роковой день... 15 февраля 1945 года. Идут бои за освобождение маленького польского села Хибе, которое располагалось в юго-западной части Польши. Бойцы 1150-го стрелкового полка 351-ой стрелковой дивизии упорно сражались на этом огневом рубеже, имевшем большое стратегическое значение для дальнейшего наступления наших войск. У развилки дорог находился большой каменный дом. Немцы превратили его в укрепленный опорный пункт. Пулеметные трассы хлещут так, что голову не поднять. Подойдя к дому, Леонид подполз к окну и бросил несколько гранат подряд. Немцы стали выскакивать из дома. Рытиков открыл огонь из автомата и уничтожил 12 вражеских солдат.

Леонид Рытиков.
Фото военных лет

В тот же день, действуя в составе роты, Леонид Рытиков принял участие в наступлении и на другой опорный пункт. Когда рота поднялась в атаку, застрочил немецкий пулемет. Бойцы залегли. Было необходимо уничтожить огневую точку противника. Но это никак не удавалось сделать ни стрельбой, ни гранатами. Всякий раз атаки наших бойцов захлебывались, натываясь на кинжальный пулеметный огонь, и потери росли. Создалась критическая ситуация. И тогда Рытиков пополз к доту. Бросил одну связку гранат, другую... Пулеметные очереди сначала затихли, но через некоторое время возобновились, опять остановив атаку красноармейцев. Леонид рванулся к доту. Пара стремительных перебежек — и боец своим телом закрыл амбразуру. Пулемет заглох. Рота пошла в атаку. Многоголосое «Ура!» слилось с автоматными очередями. Но этого Леонид Рытиков, повторивший подвиг легендарного Матросова, уже не услышал.

Прав тот, кого толкает горе в бой.
Нет в мире выше доблестного долга —
Стать самому горячей головней,
Заткнувшей пасть хоть одного, но волка.

Родина высоко оценила бесстрашие, мужество и подвиг верного сына Отечества. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года сержанту Леониду Ивановичу Рытикову была присвоена посмертно высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Память

Леонид Иванович чуть больше месяца не дожил до своего 30-летия. Его смерть стала невосполнимой утратой для близких, друзей, матери, жены и дочери. Командир части Кирилл Ефимович Лапо писал в Мичуринск жене Героя письмо:

«Уважаемая Маргарита, здравствуйте! Уважаемая Маргарита Михайловна, разрешите передать Вам свой боевой привет и пожелать наилучшего в вашей повседневной жизни и работе. Одновременно сообщаю Вам, я, как командир, что Ваш муж был в моем подразделении и честно служил, храбро дрался, как воин Красной Армии. В одном из наступательных боев 15-2-45 г. Ваш муж Рытиков Леонид Иванович был убит вражеской пулей.

Ваш муж погиб как Герой. Ценой своей жизни он обеспечил успех боя своему подразделению, уничтожив врага. Бессмертный подвиг Вашего мужа переживет века, будет для нас примером мужества, бесстрашия, готовности идти на смерть во имя победы над врагом.

И придет время, враг будет уничтожен. Вот и все, что я Вам хотел сказать, сообщить о Вашем муже. Вы им можете гордиться. Прошу не печальтесь, Вас страна не забудет. Если хотите, напишите, я сообщу подробнее, по адресу — 48501-К Лапо Кирилл Ефимович».

Римма Леонидовна не помнит отца, его рук, его улыбку. Ее память сохранила только несколько эпизодов... Человек в военной форме держит ее на руках и говорит матери: «Римму берегите...» И еще одно воспоминание. Заболел тифом, она мечется в бреду. Неожиданно на некоторое время приходит в себя и видит в открытую на кухню дверь солдата, сидящего за столом. И вновь бред... Позже мама расскажет ей, что отцу, проезжавшему вместе со своей частью через Кочетовку, удалось уговорить командира отпустить его на несколько часов домой, чтобы повидаться с женой и дочкой.

Сейчас память о Герое живет в сердце его внука, в газетных материалах и фотографиях, с любовью и бережно собранных когда-то бабушкой и мамой. Сохранилась и копия Указа Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении наград генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной Армии», опубликованного в газете «Красная звезда» 1 июля 1945 года. Фамилия сержанта Леонида Ивановича Рытикова значится там под цифрой 38. В семейном архиве хранится и открытка, присланная с фронта Героем своей дочери Римме.

Помнят о нем близкие, чтут память о Леониде Рытикове и там, где он оставил след в своей жизни: одна из улиц г. Рязани носит его имя, вагонному депо Кочетовка, где он трудился до начала Великой Отечественной войны, тоже присвоено его имя. 11 мая 1965 года на территории депо состоялось торжественное открытие обелиска Герою. Он этой памяти достоин.

ГЕРОЙ НЕ УМИРАЕТ, ПОГИБАЯ...

«Мой сын, — вспоминала Надежда Семеновна Филиппова, — родился 20 февраля 1923 года в Мичуринске. Коля у меня был третьим ребенком. Хотя отец Коли и работал машинистом паровоза, все же наша большая семья материально нуждалась. Рос он серьезным, вдумчивым. Если кому-либо обещал что-то сделать, то в обещанном сомневаться не приходилось.

Учился Коля в 47-й Кочетовской железнодорожной школе. Там он стал пионером, а затем и комсомольцем. Учился хорошо. Однако среднюю школу ему окончить не удалось: умер отец, и Николай по окончании восьми классов пошел работать на завод слесарем. Одновременно учился на курсах шоферов: машины были его страстью. Потом стал шофером на плодоовощном комбинате.

Жил Николай как и многие его сверстники: гонял мяч, мастерил автомодели, рыбачил, любил свой город, был фантазером и романтиком. И не было чего-то героического в его характеристике. Напротив, известный художник-педагог А.В. Платицин, хорошо знавший Николая Филиппова, сказал: «Был он необыкновенно скромным, застенчивым — скорее даже стеснительным юношей. Чуть что — зардеется весь румянцем, словно красна девица».

Юноша, выросший вдаль от моря и океана, выбрал для себя морскую стезю — в июне 1941 года он поступил в Ленинградское военно-морское училище. Его радости не было конца. Но именно там застало Николая страшное известие о начавшейся войне. Его жизненным принципом были родительские слова: «Сынок, никогда не бросайся очертя голову, но и за спины товарищей не прячься». Поэтому, взвесив все, Николай в числе первых подал рапорт о желании уйти добровольцем на фронт.

Вместе со своими боевыми товарищами он воевал на плаву. Большие и малые реки стали их полем боя. Первое боевое крещение у краснофлотца было под Смоленском. В ноябре 1941 года он получил тяжелое ранение и приехал в отпуск для поправки здоровья в родной Мичуринск...

Подлечился, хотел вернуться на фронт, но в марте 1942 года Николая направи-

ли в военно-морское училище. Правда, пробыл там недолго. Во время ожесточенных боев под Сталинградом курсантов училища послали на фронт.

Недолгая учеба в объединенной школе Волжской военной флотилии — и командир полуглиссера Николай Филиппов на Волге, у Сталинграда. Он перевозил бойцов, боеприпасы, оружие защитникам города, совершал дерзкие налеты на позиции гитлеровцев на берегу реки. В этих боях Николай снова был ранен.

Затем он служил на Днепре, Припяти, Березине, Буге. Участвовал в боях за города Жлобин, Бобруйск, Пинск. Был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

В 1944 году Николай Филиппов служил в Бобруйско-Берлинской бригаде речных кораблей Краснознаменной Днепровской флотилии. Советская Армия громила врага, изгоняя его со своей территории. А потом были бои за освобождение Польши. Сохранилось письмо Николая, присланное из этой страны:

«Надеюсь, что в грядущих боях, — пишет он, — мы оправдаем доверие Родины и будем наносить еще более мощные удары по зверю, который, заметая следы, удирает в свою берлогу. Кровавых следов никогда не заметишь, догоним и в берлоге».

Несмотря на все трудности, он всегда находил время для того, чтобы писать письма родным и близким.

4 января 1944 года Николай пишет в Мичуринск своему брату Михаилу, получившему тяжелое ранение и отправленному и тыл: «Я понимаю, что тебе очень трудно. Нужно бороться за жизнь и терпеть. Я много думал и думаю о тебе, надеюсь что-нибудь смастерить, лишь бы приехала мать, она обещала. Но где она? Уже жду целый месяц... Мы должны с тобой встретиться! Я обещал тебе фото парочку. Я выполняю обещание пока что этой плохонькой. Как будет хорошая, то пришлю. Напиши о жинке. Как она, представительна? Передай ей привет, в будущем познакомимся. Больше заходи к маме, ведь она теперь одна. Навещай ее больше. Сейчас стали отпускать по случаю в отпуск.

До скорого письма, мой дорогой брат Михаил. Остаюсь твой верный брат — матрос Н. Филиппов».

Чутким и заботливым братом предстает он в этом коротеньком письме. Страстного патриота, беззаветно любящего свою Родину и город Мичуринск, видим мы перед собою, когда мы читаем еще одно письмо, написанное Николаем брату 29 сентября 1944 года:

«Добрый день родной брат Миша! Пришел с задания и мне торжественно вручили твое письмо. И стало так радостно, празднично: далеко, под Варшавой я, а строчки — на дорогом, чисто русском, родном языке. Осыпь золотом меня — никогда не согласился бы жить здесь, променять свою чудесную страну. Что может быть роднее наших краев, милей нашего Мичуринска?! Живут у нас куда лучше, веселее и богаче духовно во всех отношениях. Передай маме, чтобы она обо мне не беспокоилась. Подробнее напиши о ее здоровье. Опиши жизнь в городе, в театре. Передай привет жинке своей и крестнику. Жив буду, увижу, что за крестник. Дяде Шуре скажи, что у Николая удачная охота была под Пинском и Бобруйском. Теперь пороха и дрови хватает... Жду писем, ведь письма для меня — единственная радость. Краснознаменная Днепровская флотилия, 1-я Бобруйская бригада. Твой родной брат Н. Филиппов».

Волнуют и потрясают строки еще из одного письма. Перед нами — скромный человек, честно выполняющий свой долг, горячо любящий Родину, родных, близких, ненавидящий фашизм. «...Служу на маленькой коробочке, должность командира. На ней исколесил воды Березины, Припяти, Пины, Буга и скоро походим по Висле. За Бобруйск и Пинск получил орден Красной Звезды и медаль “За отвагу”. Зверь удирает в свою берлогу. Но нет, кровавых следов никогда не заметет. Догоним и в берлоге.

Миша, пришлось посмотреть остатки Треблинского лагеря... Жутко, на что способна гитлеровская банда. Описать трудно...

Навещай маму. Помогай, чем можешь. Мы в вечном долгу перед ней, труженицей, матерью, воспитательницей...»

Каждая строка наполнена искренностью, человечностью, чувством патриотизма. Читая весточки Н. Филиппова с фронта, хорошо понимаешь и осознаешь, каким цельным человеком, какой яркой личностью он был.

В апреле 1945 года вместе с частями Красной Армии приняли участие в наступлении советских войск на Берлин и моряки Днепровской Краснознаменной военной флотилии. Командование 1-го Белорусского фронта решило использовать речные корабли для форсирования рек Одер и Шпрее. На рассвете 16 апреля корабли Днепровской военной флотилии огнем своей артиллерии помогли сломить оборону гитлеровцев на левом берегу Одера, форсировать реку, высадить десанты и захватить плацдармы в районах Хохензватен, Шведт и в других населенных пунктах.

Во время подготовки к штурму Берлина командование фронта передало в распоряжение 5-й ударной армии 1-й отдельный отряд полуглиссеров из 1-й Бобруйской Краснознаменной бригады речных кораблей. Отрядом командовал лейтенант М.М. Калинин. Морякам вместе с воинами 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса предстояло первыми форсировать водную преграду — реку Шпрее.

В районе города Кюстрин одиннадцать полуглиссеров были погружены на автомашины и вместе со своими экипажами двинулись вперед. К концу дня 22 апреля части корпуса вышли к берегам Шпрее на юго-восточной окраине Берлина в районе электростанций Руммельсбург, Клинтенберг и к югу от них.

Ширина реки здесь доходила до 300-350 метров, мостов не было, поэтому предполагалось, что форсирование реки в этом месте окажется неожиданным для противника. Главное теперь заключалось в том, чтобы удар был стремительным, смелым и неожиданным.

Командованию отряда полуглиссеров предстояло организовать три пункта переправ и перебросить через реку передовые группы из 230-й и 301-й стрелковых дивизий.

Автомашины с катерами на борту в полночь скрытно выдвинулись из Карлсхорта к пунктам переправ в районах верфи, ресторана и купальни Вильгельмстранд. Здесь катера спустили на воду, на них погрузились бойцы передовых отрядов.

Первым повел к западному берегу свой катер под № 111 старшина 2-й статьи Михаил Сотников. На борту полуглиссера плечом к плечу плотно сидели 15 храбрцев с пулеметами, автоматами, гранатами. В составе экипажа катера был и старший краснофлотец Николай Филиппов. Немцы осветили ракетами и прожекторами плес реки и открыли сильный огонь. Маневрируя между вздыбившимися водяными столбами, катер мчался к вражескому берегу. В 1 час 45 минут первая группа десантников высадилась на берлинских набережных. И хотя на преодоление реки требовалось всего несколько минут, участники десанта говорили впоследствии, что эти минуты под огнем врага, когда никак нельзя было найти како-

Памятник Николаю Филиппову

го-либо укрытия, им показались вечностью. Через несколько минут Сотников принял на борт новую группу десантников. Начали переброску групп и другие катера.

Стремясь всеми силами сорвать переправу, противник усилил огонь по судам и пунктам посадки. Командир отряда принял смелое решение: на одном из катеров он вышел на середину реки и под огнем врага стал руководить переправой. По его команде полуглиссеры вылетали из укрытий и устремлялись к вражескому берегу. Ловко маневрируя, они пересекали вспенившуюся от разрывов снарядов и мин, простреливаемую насквозь кинжальным огнем реку. Во время второго рейса катер получил несколько пробоин, перебило штурвальный трос. Неуправляемая машина застопорилась на середине реки. Гитлеровцы спешили добить полуглиссер, но моторист Баранов сумел под огнем устранить повреждение, и моряки продолжили свою боевую вахту. Во время третьего рейса был смертельно ранен командир Михаил Сотников. Его заменил моторист — старший краснофлотец Михаил Баранов. Прорвавшись сквозь разрывы снарядов, он высадил очередную группу десантников, но при возвращении у самого берега и его тоже ранило осколком мины. Командиром полуглиссера был назначен старший краснофлотец Николай Филиппов.

Всю ночь до рассвета Николай крепко держал в руках штурвал маленького корабля, переправляя десантников через Шпрее. Утром, когда катер в который уже раз подходил к вражескому берегу, вновь попали под прямой прицельный огонь. Немцы били из минометов, пулеметов, автоматов и фаустпатронами. Несколько десантников были тяжело ранены. В этой сложной обстановке Николай не растерялся. Он приказал пулеметчику подавить огневые точки противника, а сам с возгласом «За Родину!» бросился на гранитную набережную и увлек за собой десантников. Приказ был выполнен.

Следующий рейс стал последним для отважного моряка. Николай Филиппов погиб на боевом посту, у штурвала своего маленького, но грозного боевого судна.

Важную боевую задачу выполнили полуглиссеры в штурме Берлина. За трое суток на своих небольших суденышках, на буксируемых плотках моряки перебросили через Шпрее более 16 тысяч человек, около 100 орудий и минометов, 27 танков, большое количество автомашин и повозок с боеприпасами и другими грузами.

Героические действия экипажей отряда полуглиссеров были высоко оценены командованием. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года Николай Антонович Филиппов был посмертно удостоен высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза.

Краснофлотец похоронен в городе Кюстрине (ныне польский город Кюстшин). В 1950 году приказом командующего Военно-Морскими Силами СССР он навечно зачислен в списки своей части.

В Большом зале Центрального музея Вооруженных Сил на стенах прикреплены мраморные плиты с фамилиями тех, кто навечно остался в строю. На одной из них золотом высечены слова: «Герой Советского Союза старший краснофлотец Филиппов Николай Антонович».

Люди чтят память Героя. В дни празднования 20-летия Великой Победы над фашистской Германией память о Николае Филиппове и его боевых товарищах, моряках бывшей Днепровской флотилии, в составе которой он воевал с врагом, увековечена гранитным монументом, установленным в Матросском саду г. Пинска. На открытии памятника присутствовала мать Николая Антоновича — Надежда Семеновна Филиппова, выступившая с речью. Авторами проекта монумента стали моряк Владимир Устименко и художник И.М. Лапето.

6 мая 1965 года в сквере в нашем городе на улице Советской была открыта мемориальная доска в память о нашем прославленном земляке. На этом торжествен-

ном мероприятии присутствовали брат Героя — М.А. Филиппов, другие его родственники, общественность. Многие мичуринцы, сейчас, наверное, и не помнят, как выглядел этот памятник.

Шло время. В 1987 году на месте мемориальной доски был установлен бюст Н.А. Филиппова. Его автором стал московский скульптор Виктор Белоусов.

Именем Героя названы улицы в Мичуринске и Кочетовке. Это и есть память о нем.

Не могу не вспомнить еще об одном из писем Н.А. Филиппова, в котором он писал: «Где-то в стороне “Катюша” с улыбкой напевала свою любимую песенку, ей в такт басом поговаривает большая артиллерия. Настоящий концерт. Бедная земля, что она терпит, дрожит, стонет... Наша ненависть нарастает, и недалек тот день, когда выйдем врага с треском, чтобы все народы веселились и свободно проводили свою жизнь...»

Люди помнят, что за это Николай отдал свою жизнь. Выходит, прав поэт, сказав, что «герой не умирает, погибая...»

*Надежда РАЛДУГИНА,
педагог-организатор, руководитель поискового
отряда «Надежда» и музея воинской памяти
МБОУ СОШ № 7, заслуженный учитель РФ*

«НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ РАДИ ДРУГИХ...»

(Отец Дмитрий (Быков) служит
в зоне специальной военной операции)

Настоятель Гавриловской церкви Покрова Пресвятой Богородицы иерей Дмитрий Быков отметил в 2022 году свой юбилей — 55 лет. А в 2023 году исполнилось 30 лет священнической хиротонии с того момента, когда он впервые заступил на службу в храм Божий, ставший для него делом всей жизни. Простой и открытый в общении, с неизменным чувством юмора, критической самооценкой сельский священник и одновременно военный батюшка-доброволец, он пользуется огромным уважением и любовью своих прихожан и всех тех, кому бескорыстно дарит отеческую любовь и заботу. Его знают и ценят далеко за пределами Мичуринского округа простые люди и руководители высоких рангов в церковных и светских кругах, представители разных национальностей и вероисповеданий за мужество, доброту и милосердие.

Отец Дмитрий — кавалер ордена Мужества, обладатель Патриаршей военной награды Русской Православной Церкви — ордена Благоверного князя Дмитрия Донского второй степени, имеет также награды других государств и непризнанных республик.

В конце прошлого года батюшка оставил свой приход и отправился в зону СВО, служит там помощником командира 7-й Георгиевской бригады Союза добровольцев Донбасса по работе с верующими. Его миссия — духовно поддерживать наших военнослужащих, помогать им в нелегком ратном деле. Батюшка совершает молебны, исповедует, причащает, крестит бойцов (недаром его позывной — Крестный), поднимает их боевой дух, благословляет, разъясняет основы православной веры.

ПУТЬ К БОГУ — ЧЕРЕЗ ПОКАЯНИЕ

Дмитрий Быков родился в Харькове, где прошли его детские и юношеские годы и где он делал робкие и не совсем еще осознанные шаги к жизни духовной, к познанию основ православной веры. В школьные годы был он, на первый взгляд, обычным мальчишкой — веселым, озорным, любознательным. Увлекался спортом, активно занимался футболом. Сверстники к нему тянулись, потому что с ним было интересно. А еще потому, что они знали: в трудный момент Митя придет на помощь, защитит, даст дельный совет, как поступить в той или иной непростой ситуации.

В скором времени команда крепких, спортивных ребят, которые не пили, не курили, никому не давали себя в обиду, приобрела авторитет не только в своем районе, но и в городе. А лидером в ней был Дмитрий. Даже родители его друзей относились к парню с уважением и отпускали погулять своих дочек только в том случае, если знали, что он будет рядом с ними. За девчонок ребята не раз выходили на кулачные «бои» с их обидчиками.

Мальчишки частенько водили своих подружек в кино, в парк культуры, покупали им мороженое. Естественно, что на это нужны были деньги. А их-то как раз и не хватало подросткам-школьникам, у которых папы и мамы были в основном простыми работягами, жившими от зарплаты до зарплаты. Вот тут-то, как говорится, и бес попутал... Прознали шустрые подростки, что люди жертвуют в храм деньги и опускают их в специальные кружки, откуда их легко было достать. Почти полгода успешно и ловко они извлекали из ящиков небольшую часть пожертвованных, пока не случилась эта история.

— Было мне тогда тринадцать лет, — рассказывает отец Дмитрий. — Приметили, наверное, нас, что мы у кружек крутимся. И однажды, как только я вытащил деньги, чувствую, что меня за шкирку кто-то взял и сильной рукой поднял вверх. Получил я подзатыльник и обещание, что сейчас милицию вызовут. Закрыли меня в просфорне. Сажу и думаю: все, пропала моя жизнь. Через 20 минут пришел ко мне священник (это был настоятель кафедрального собора отец Андрей), посмотрел внимательно и спрашивает:

— Ну что, попался?

— Попался, — сокрушенно кивая головой, соглашаюсь я.

— С кем разговаривать будешь — с милицией или с Богом?

В тот момент мне показалось, что с Господом, которого никто не видел, проще будет пообщаться.

Подвел меня батюшка к Распятию и говорит: «Ну давай, разговаривай». А сам ушел. Смотрю, в храме никого нет, вечерняя служба закончилась, дверь на улицу открыта. Не веря своим глазам, рванул к выходу, еще шаг — и вот она, свобода... Но тут вдруг в душе моей что-то словно перевернулось: мне стало невыразимо стыдно за себя. Я понял, что совершил ужасный поступок — взял чужое. В голове пронеслось: «Как же так, мне поверили, не стали за мной следить, а просто открыли дверь и ушли заниматься своими делами». И я вернулся, подошел к Кресту и говорю: «Господи, если Ты есть, покажись мне...» Именно с этого момента моя жизнь изменилась. Господь дал возможность покаяться в грехе, подобных поступков я никогда больше не совершал. И далее на моем пути стали встречаться люди, которые помогали мне найти путь к Богу.

ФЛОТСКАЯ ЗАКАЛКА

После школы Дмитрий окончил Харьковское строительное училище, затем служил на флоте. Три года, с 1985-го по 1988-й, провел он вдали от родных мест, на Кольском полуострове. Служил на атомной подводной лодке в шестом отсеке турбинистом-маневристом. В суровых условиях Крайнего Севера, в преодолении многих экстремальных ситуаций, закалился его характер. И хотя, как признается батюшка, в тот период он еще не осознавал себя верующим человеком, но чувствовал, что выжить не раз ему помогало чудо, сотворенное чьей-то искренней молитвой за него...

За время службы был в отпуске дома три раза. К положенным десяти суткам ему полагались еще 25 суток ОУС (особые условия службы). Первый отпуск получил за то, что во время учений устранил вручную заклинку маневрового устрой-

ства на субмарине. Второй отпуск — за первое место в чемпионате дивизий по футболу между экипажами, в ходе которых кандидат в мастера спорта Дмитрий Быков проявил лучшие свои лучшие спортивные качества. Третьим отпуском он был премирован за участие в новогоднем юмористическом спектакле, где покориł зрителей артистическими способностями. Домой Дмитрий возвратился в звании старшины второй статьи.

НА ПУТИ К СВЯЩЕНСТВУ

Первое время он занимался сопровождением грузов на железнодорожном и автомобильном транспорте. Но мама, которая хотела, чтобы сын стал ближе к Церкви, уговорила его сходить в храм и встретиться там со священниками, которые молились за него, пока он был на флоте. После этих встреч и бесед как-то так само собой получилось, что стал он чаще бывать на службе, вникать во все, что там происходило. Потом ему предложили поработать при соборе сторожем, а после покушения на Владыку — в его охране.

— Однажды, — вспоминает батюшка, — владыка Никодим подошел ко мне и говорит: «Хочу, Митя, тебя благословить на поступление в духовную семинарию. Знаю, что для тебя это неожиданно, но подумай хорошенько. Иди, помолись, а я за тебя помолюсь, чтобы ты правильный выбор сделал». На тот момент я не видел себя в будущем священником и даже не предполагал, что в моей жизни произойдет такой крутой поворот.

— Моя жизнь изменилась. Господь дал возможность покаяться в грехе. И далее на моем пути стали встречаться люди, которые помогли мне найти путь к Богу, — рассказывает иерей Дмитрий Быков.

Сделать выбор ему помог настоятель Харьковского кафедрального собора отец Андрей, продолживший разговор на тему священства: «Владыка просто так никого не благословляет, он очень прозорливый человек. Знаешь, сколько власть имущих просили его направить их детей в семинарию, но он этого не сделал?! Так что подумай еще раз...»

Однажды мама Дмитрияпустила в дом странника. Он был голодный, оборванный, немый. Привела его в порядок, дала чистую одежду и оставила на ночлег. Всю ночь он простоял у икон с молитвой. А утром, прощаясь с ней, неожиданно сказал: «Никогда не ругай сына, в нем столько благодати, у него особое будущее. Молись за него, чтобы стал он священником».

Вот так и сдался Дмитрий на милость Божию и через некоторое время поступил в Московскую духовную семинарию.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В Мичуринск отца Дмитрия привел, на первый взгляд, случай. Но, как известно, все случайности закономерны, ничто просто так не происходит. Во время учебы приехал сюда со своим однокурсником, который пригласил его на свадьбу к другу. Здесь и познакомился с отцом Виктором Медведевым, который был ранее настоятелем Гавриловского храма Покрова Пресвятой Богородицы, и своей будущей матушкой Софьей.

Перед отъездом в семинарию по этикету встретился с тамбовским архиепископом Евгением, который предложил ему после окончания духовного заведения службу священником в Тамбовской области. Митрополит Харьковский Никодим благословил своего воспитанника на служение, и вопрос был решен.

После семинарии отец Дмитрий приехал в Мичуринск, женился, был рукоположен в сан дьякона, после чего принял сан священства и с 1993 года служит на-

стоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Гавриловка Мичуринского района.

— Думаю, что Гавриловка была послана мне для вразумления и смирения, — говорит отец Дмитрий. — Проблем здесь накопилось немало, пока не было постоянного священника. Важнейшим моим делом стала забота о пастве.

ДЛЯ ВРАЗУМЛЕНИЯ И СМИРЕНИЯ

Выбрал он этот приход по совету отца Виктора Медведева, который коротко сказал ему тогда: «Люди там золотые. Убедишься скоро сам». Конечно, начинать было непросто. Надо было думать и о благополучии прихода, и о своих жизненных потребностях, ведь в семье один за другим стали рождаться дети. Пришлось купить домик в Мичуринске, привезти из Харькова маму, она стала петь на клиросе, помогать на службе.

— Всякий приходящий в храм — это посланник Божий, — говорит батюшка. — А значит, нужно понять, что у него на душе, какая помощь ему нужна, как его утешить. Отношение к нему должно быть таким, чтобы человек после общения захотел вновь прийти на службу. Своих прихожан никому не позволю обидеть. У нас дружный коллектив, мы все друг за друга горой. Есть, конечно, и свои минусы, грехи, но мы стараемся работать над собой.

Приходилось настоятелю решать такую проблему, как отсутствие у некоторых прихожан необходимых знаний и навыков церковной жизни. Отец Дмитрий терпеливо и доброжелательно объяснял людям, что в храме есть определенные правила поведения, их нужно соблюдать.

— Мой приход — это большая семья, — рассказывает священник. — Мы прожили вместе 29 лет. У нас общие интересы, общие дела и планы. Есть и свои особенности. Например, когда еще повсеместно не было воскресных школ, у нас из алтаря уже вышли четверо действующих ныне священнослужителей, из них трое — благочинные. Еще два воспитанника учатся в Тамбовской духовной семинарии.

Сегодня в нашей воскресной школе 46 ребятшек — она самая многочисленная в Тамбовской области. Школа нужна для того, чтобы молодежь познавала духовную жизнь, историю православия и наполняла саму церковь. С этими задачами мы справляемся.

Благодаря тому, что приход многодетный, нет проблем с помощниками в алтаре, в организации досуга. У нас действует очень работоспособная инициативная группа из прихожан, которая помогает решать все текущие вопросы.

Кроме того, в Гавриловском храме есть и другие многолетние традиции, сформировавшиеся под началом отца Дмитрия. Здесь первыми в Тамбовской епархии стали проводить автопробеги, приуроченные к большим светским и церковным праздникам, пасхальные салюты.

— Надо отдать должное духовному руководству епархии, епископу Мичуринскому и Моршанскому Гермогену, — отмечает священник, — что отнеслись к нашим инициативам с терпением и пониманием, видя, что народ их поддерживает и еще больше объединяется вокруг храма.

С 2014 года отец Дмитрий принял под свое «крыло» 13 семей беженцев из Украины. Прописал их у себя дома в городе. Все они благополучно устроились, нашли работу, жилье.

Не оставлял без духовного окормления священник и заключенных, находившихся в местах лишения свободы. Активно занимался миссионерской деятельностью, когда в области еще не было военных капелланов. Принимал также участие в культурных мероприятиях. Обладая красивым голосом, пел на сцене, при

Иерей Дмитрий Быков

этом тщательно выбирая репертуар, чтобы песни будили в душах добрые и светлые чувства. Зрители встречали каждое его выступление бурными аплодисментами и старались увидеться с ним еще раз, побывать у него в храме, послушать его проповеди.

Сам Господь, как считает отец Дмитрий, посылал в помощь ему добровольных жертвователей на нужды церкви, благодаря которым были приобретены колокола, необходимые для проведения богослужений церковные атрибуты, построена воскресная школа.

Администрация Мичуринского округа решила вопрос со строительством асфальтовой дороги протяженностью 16 километров, что дало возможность наладить автобусное сообщение с селом Гавриловка. А хлопотал о выделении на эти цели необходимых финансовых средств сам отец Дмитрий на уровне Министерства дорожного строительства Российской Федерации.

В ТАМБОВСКОЙ ВОЕННОЙ БРИГАДЕ

Казалось бы, жизнь прихода наладилась, вошла в свое русло, но пути Господни неисповедимы. Свыше настоятелю посылались новые испытания, и опять появлялись люди, обстоятельства, когда надо было делать непростой выбор, выходить за рамки привычного для всех образа священнослужителя. А началось все в далеком 2007 году. К батюшке тогда приехали офицеры из тамбовской воинской части. Прослышав о необычном священнике, который был ранее подводником, хорошо знал военную службу, активно занимался патриотическим воспитанием молодежи и к тому времени был хорошо известен в области, они обратились к нему с предложением окормлять военнослужащих по призыву. Отец Дмитрий согласился, видя в этом промысл Божий, и уже в 2010 году бригада, благодаря его умелому духовному наставничеству, стала образцово-показательной. Недаром на видном месте в ее расположении находится баннер с фотографией отца Дмитрия и рядом с ним девушки-военнослужащей. Священник, имевший за плечами 19 прыжков с парашютом, помог ей преодолеть страх перед этим ответственным испытанием.

В бригаде у батюшки немало крестников, его подопечные — частые гости в Гавриловском храме, приезжают сюда вместе со своими семьями.

«НОСИТЕ ТЯГОТЫ ДРУГ ДРУГА»

С 2014 года священник возит на Донбасс гуманитарную помощь.

— Так Господь нам заповедовал: «Носите тяготы друг друга», — говорит отец Дмитрий. — Не один это делаю, а собираю коллектив. Прихожане Гавриловской церкви, жители наукограда и Мичуринского района, администрация Мичуринского района, местные предприниматели, Усманское казачество и другие неравнодушные люди передают продукты питания, вещи, медикаменты, денежные средства и многое другое, что необходимо нашим бойцам и мирным жителям Донбасса.

Греет воинов не только теплая одежда, но и детские письма с рисунками. Мне довелось видеть удивительные моменты, когда усталые лица наших ребят, вернувшихся с передовой, читающих эти детские признания в любви, вдруг расцветали от улыбок. Не успеваешь раздеться, бойцы так и засыпали с конвертами в руках...

Последний раз, в декабре прошлого года, батюшка побывал с гуманитаркой в Луганске. А еще во время этой поездки встретился со своим сыном Никитой, самым младшим из четырех детей. Самостоятельно приняв решение, парень ушел на СВО добровольцем. Безусловно, пример отца сыграл в этом главную роль. Сержант Быков воюет в составе своей бригады специального назначения. Командиры, сослуживцы отзываются о Никите только с хорошей стороны: не трус, может повести за собой других. Был эпизод, когда под пулями вытаскивал с поля боя раненых бойцов, получил контузию. Представлен к государственной награде.

Отец Дмитрий гордится сыном в душе и, конечно, очень переживает за него. Во время короткой встречи исповедовал его, причастил вместе с другими бойцами и благословил на правое дело. А под светлый праздник Рождества Христова сын приехал в отпуск. Это ли не самый ценный подарок для родителей...

КАК ОРУЖИЕ ГОСПОДА

У батюшки нет никакого сомнения в том, что СВО — единственно правильное решение. Еще когда Дмитрий вернулся домой после службы на флоте, ему пришлось столкнуться с бандеровцами, приехавшими в Харьков, чтобы отобрать православные храмы. На митрополита Никодима этими молодчиками было совершено покушение: он отказался отдавать им епархию на разорение. Когда ворвавшиеся в кафедральный собор униаты стали избивать и выгонять из храма находившихся там прихожан, отец Дмитрий вместе со своим напарником по охране вступил с ними в поединок.

— Милиция на все это смотрела сквозь пальцы, — вспоминает священник. — За восемь лет после майдана на Украине вырезали, расстреляли, посадили в тюрьмы всех инакомыслящих, практически весь пророссийский электорат, сформировали нацию, которая ненавидит нас. С чьей помощью это было сделано, сейчас нам понятно. Я видел и слышал пленных из нацбатов, которые маниакально угрожали: «Ничего, времечко покажет. Будем вашей кровью красить крыши ваших домов». И они это сделают, если у них появится такая возможность. Наша задача — остановить этих бесноватых. Россия на сегодня, пожалуй, единственная страна, которая еще последовательно удерживает в себе заповеди Христовы. Поэтому бесы и ополчились. Мы выступаем в роли оружия самого Бога. То есть Господь через нас защищает все это беснование. К сожалению, далеко не все еще наши соотечественники понимают, что в действительности происходит.

Мои сверстники из Харькова, с которыми я вырос, предупреждают меня: «Не приезжай сюда, тебя здесь повесят». А я им отвечаю: «Буду молить Господа, чтобы вы остались живы. Придет время — обязательно приеду, купим цветы и пойдем к Вечному огню просить прощения у наших предков за то, что допустили в русский город всю эту нечисть».

ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ

— **Батюшка, в чем секрет Вашей популярности?**

— Мои отношения с людьми строятся на любви и осознании своей ответственности за каждого, кого я встречаю на пути. А еще на простоте, ведь перед Богом мы все равны. Для меня любой человек в приходе — это хороший знакомый. Потом такое отношение может перейти в дружбу. Но самое главное, что нужно вымолить у Господа состояние, чтобы перестать жить ради себя. Вот в этом тайна популярности, когда ты начинаешь жить ради других...

— **Что главное в служении священника?**

— Любовь.

— **Ваши пожелания читателям.**

— Терпения. Собственного исправления, чтобы научиться жить не только для себя, но и для других. Соблюдения заповедей Божьих, веры, надежды и любви.

*Галина СВИРИДОВА,
член Союза журналистов России,
заместитель главного редактора
газеты «Наше слово».*
Фото: архив отца Дмитрия Быкова

«ЖИЗНЬ КАК РЯД ПРЕКРАСНЫХ МГНОВЕНИЙ...»

*Живопись А.М. ГЕРАСИМОВА,
народного художника СССР,
первого президента
Академии художеств СССР.*

*Из фондов музея-усадьбы
А.М. Герасимова в г. Мичуринске
и открытых источников*

Портрет дочери Галины. 1951

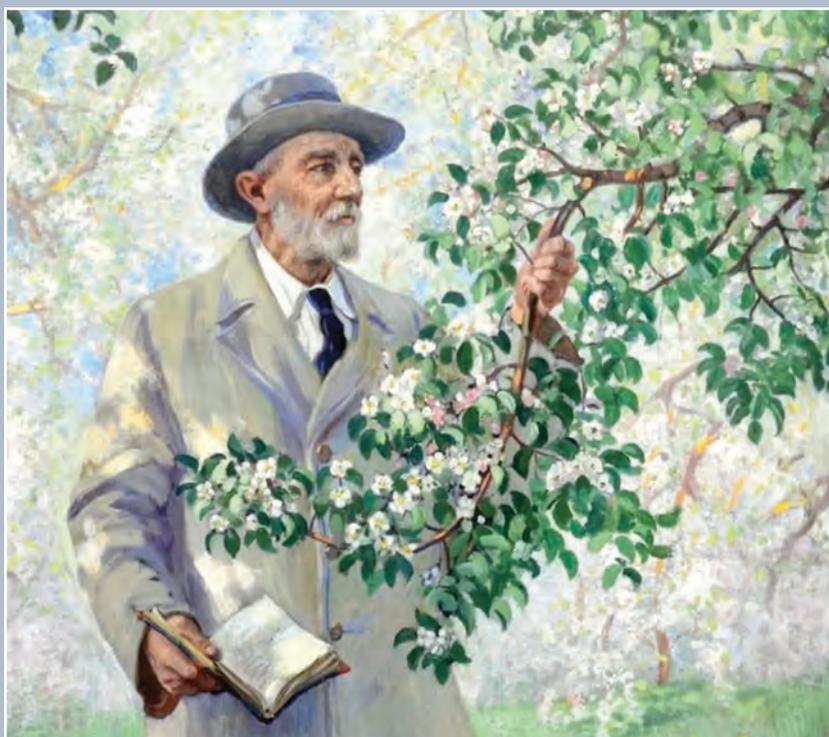
После дождя. (Мокрая терраса). 1935

Автопортрет. 1931

Женский портрет. 1927

И.В. Мичурин в цветущем саду. 1948

Натюрморт. Полевой букет. 1952

Март. 1913

Полдень. Теплый дождь. 1939

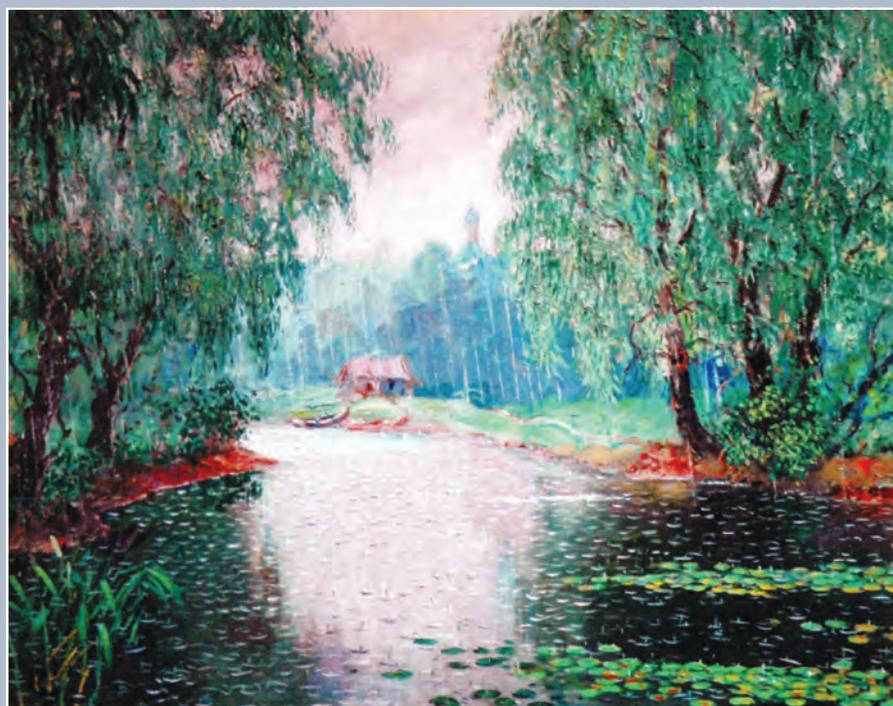
Женский портрет. 1927

Семейный портрет. 1934

В саду. Портрет Нины Гиляровской. 1912

Тихий дождь. 1937

«Стойте! Выпала люлька с табаком...» 1952

Розы. 1948

Дворик в Козлове. 1910

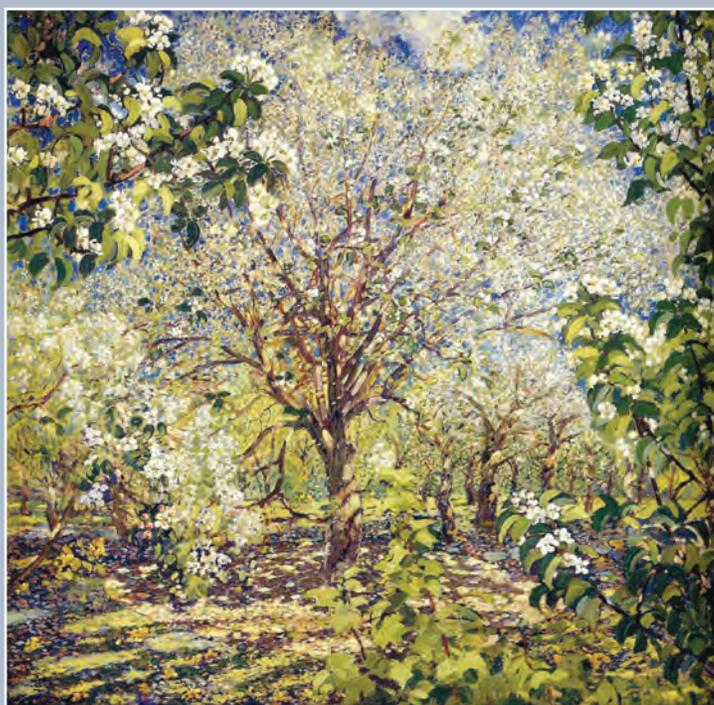
В бане. 1938

Портрет балерины О.В. Лепешинской.
1939

Лес. 1956

Сад в цвету. 1935

ТАМ, НА «ЛЕНТОЧКЕ», И ЗДЕСЬ

(Этот подвиг творится всем миром)

Военнослужащий-контрактник Николай Медведев участвует в СВО с самого ее начала, неоднократно приезжал в родное Новоникольское село, встречался с жителями наукограда и Мичуринского округа, общался со старшеклассниками на открытых уроках.

Для Николая Медведева все коридоры, каждый кабинет Новоникольской средней школы — родные с детства. Здесь он постигал науки, сдавал экзамены, учился дружить и защищать Родину. Учителя хорошо помнят своего ученика еще мальчишкой с внимательными добрыми глазами, живым характером. Годы прошли, а Николай, по их словам, совсем не изменился, хотя за его плечами уже 13 лет военной службы.

Окончив Новоникольскую школу, Николай Медведев поступил в Мичуринский политехнический техникум. После получения диплома о среднем профессиональном образовании в 2009 году отслужил срочную службу в армии, вернулся в звании сержанта. Поработав некоторое время на гражданке, всерьез задумался о своем будущем и сделал выбор в пользу военной службы.

В марте 2013 года Николай заключил контракт и отправился в 18-й отдельный самоходно-минометный дивизион на должность разведчика. А спустя год стал командиром подразделения. В 2017 году окончил курсы младших офицеров и получил первое офицерское звание лейтенанта.

— Этот шаг стал для меня одним из самых важных и вместе с тем сложным, — рассказывает Николай Медведев. — За каждой офицерской должностью стоят люди и их жизни. Тогда мне очень помог командир батареи, который сказал, что все получится, главное — оставаться собой.

По распределению Николай оказался в городе Коломне уже в качестве командира взвода разведки. Три года на этой должности очень знаменательно показали, как разительно отличаются полевые условия от боевых.

В спецоперации выпускник Новоникольской школы принимает участие с первых дней. Сейчас в подразделении Николая — гвардейском гаубично-самоходном дивизионе — 147 человек. О своей работе он рассказывает по-военному кратко: выполняем поставленные задачи, защищаем мирных жителей, продвигаемся вперед, есть цели и задачи — обезопасить приграничные территории страны.

Отвечая на вопросы школьников, Николай рассказал о солдатской дружбе, патриотизме, добровольчестве. По его словам, на гражданке можно многое скрывать, не показывая свои слабые стороны, в боевых условиях сразу становится понятно кто есть кто. И конечно же, появляется надежная армейская дружба, когда на человека полагаешься как на самого себя.

Николай Медведев на встрече со школьниками

В начале спецоперации в подразделении Николая чувствовалась нехватка людей. Пополнять кадры помогали военнослужащие срочной службы, которые подписывали контракт, а затем и мобилизованные.

— Их, конечно, многому пришлось обучать, но главное, к нам пришли люди сильные духом, готовые работать на результат, — рассказывает Николай Медведев. — Они сами старались максимально быстро освоить воинскую специальность. Сейчас ряды участников СВО активно пополняют контрактники-добровольцы, принявшие такое решение по велению патриотических чувств.

Говоря о любви к Родине, Николай подчеркнул, что патриотизм сложно описать, его надо испытать. Это необъятное ощущение, переживание и чувство гордости за страну, за своих близких, за малую родину. И готовность их защищать.

Детские письма и рисунки — для бойцов отдельная, очень важная тема. Бойцы читают каждое письмо, а некоторые прячут в нагрудной карман и перечитывают вновь-вновь, вглядываясь в аккуратно выведенные строки. Особенно волнуют те, что подписаны именем дочери или сына. И даже осознавая, что это лишь совпадение, что письмо написано незнакомым мальчиком или девочкой с таким же именем, боец хранит его как молитву, как напоминание, как высшую цель.

Есть такой заветный листочек и у нашего героя. Его отправила девочка, живущая в Коломне. Дочери Николая — Софии — четыре с половиной года, она пока не сможет сама написать папе письмо, но за нее это сделала незнакомая школьница с таким же именем.

По словам педагогов, организаторов встречи, такие разговоры о важном способствуют воспитанию у ребят чувства гордости за свою страну и земляков, осознанию того, что настоящие герои живут рядом, что мужество, храбрость и любовь к Родине — это качества настоящего человека.

Ребята Новоникольской школы подготовили для бойцов СВО очередную партию писем, рисунков, совместно с родителями, педагогами и жителями села собрали гуманитарный груз. Было закуплено необходимое оборудование, которое передали Николаю вместе с самыми искренними словами благодарности и добрыми пожеланиями нашим солдатам, выполняющим боевые задачи. Армейцам, которые сегодня пишут новую важную, славную страницу истории нашей страны.

* * *

В Новоникольском многие люди стараются помочь участникам СВО. К примеру, вместе с друзьями-единомышленниками Алексей Подстрахов плетет маскировочные сети, собирает разный гуманитарный груз. В этой кропотливой работе также участвуют ученики и учителя Новоникольской школы, представители сельской администрации, неравнодушные жители окрестных сел и деревень.

Для Алексея Подстрахова работа с сетями — дело привычное. Еще подростком, увлекшись рыбалкой, он научился плести снасти. Время прошло, и умение пригодилось, равно как и удача рыбакова. Только сейчас маскировочные сети Алексей вяжет для своих сослуживцев по армии, военнослужащих, участвующих в СВО. Им же он вместе с друзьями не раз отправлял и солидный улов, приготовленный по-домашнему и с любовью.

Материалы для сетей закупают на крутильно-сетевязальном производстве в Рязанской области. Это сетевое полотно с ячейкой 5 на 5 сантиметров. Его необходимо разделить на куски нужной площади (парни с СВО передали оптимальные размеры — 4 на 6 метров), закрепив на прочных шнурах каждую нить. Работа трудоемкая, требующая терпения и внимания. В готовую сеть затем необходимо вплести маскировочные ленты нужного цвета. Летом в сети вплетают ленты, окрашенные в буро-зеленые оттенки. Зимой использовали белую ткань, лучше всего для этих целей, по мнению Алексея, подходит укрывной материал, который используют дачники, разрезанный на полосы, он с высоты птичьего полета выглядит как снег. Для большей маскировки наш эксперт рекомендовал вплести в сеть отдельные волокна, имитирующие тонкие ветки или сухие листья. Не остается в стороне и глава Новоникольского сельсовета Вера Логунова (ныне начальник Новоникольского территориального подразделения), она помогла подобрать просторное помещение для вязки сетей и хранения материалов.

Готовые средства маскировки, гуманитарную помощь волонтеры передают бойцам через Дмитрия Хромова, руководителя Центра патриотического воспитания имени генерала армии Николая Рогожкина, а также с помощью активистов груп-

Благодарственное письмо Алексею Подстрахову

пы «Поможем нашим героям». Дмитрий Хромов для Алексея — еще и боевой товарищ, с которым они служили во внутренних войсках, в отдельной дивизии оперативного назначения имени Дзержинского (Дмитрий — старшиной в 4-й штурмовой группе, Алексей — в комендантском батальоне). Сейчас они вместе решают другие задачи — собирают груз для участников СВО. Медикаменты, продукты, в последнее время — строительный материал и инструменты — все это закупают на собственные средства и денежные переводы от других неравнодушных жителей города Мичуринска и Мичуринского округа.

Еще один ценный для наших бойцов груз — письма, написанные учениками Новоникольской школы. Их помогает собирать дочь Алексея, девятиклассница Ульяна. Бумажные треугольники доставляют и солдатам, находящимся на лечении в госпиталях.

Лето приносит ему новые заботы — он переезжает в деревню Сестренка, где, по его словам, у него летняя резиденция с беседкой и прудом неподалеку. Кстати, водоем расчищал сам, ранее он больше походил на большую поросшую тинной и камышами вязкую лужу. Теперь же живописный пруд радует глаз и обещает неплохой улов рыбакам. Думает Алексей заняться и благоустройством родной Сестренки. Труд колоссальный, не каждому по плечу. Но Алексей принимается за разные дела решительно, несмотря на то что произошедшая почти 15 лет назад автомобильная авария лишила его возможности передвигаться самостоятельно, без инвалидного кресла.

Но чем бы ни был занят Алексей, мысли волей-неволей уносят его за линию фронта, к боевым товарищам. Если б не жесткий поворот судьбы, случившийся в 2010 году и повлекший кому, долгое лечение, последующую реабилитацию, вряд ли он усидел дома, зная, что его товарищи защищают Отечество.

Алексей — частый гость на встречах, которые организуют для приехавших в отпуск участников СВО. Труд, который он предпочитает излишне не афишировать, не остался незамеченным — активного волонтера наградили благодарственным письмом от администрации Мичуринского округа.

— Еще с армии хорошо знаю, что это такое, когда что-то край нужно, а взять негде. Там, на ленточке, ребята из нашего батальона сейчас защищают интересы страны в СВО, есть среди них раненые, в основном — осколками. Как же нам здесь оставаться в стороне, не помогать своим, — не спрашивает, а утверждает Алексей.

*Елена ПОТАПОВА,
член Союза журналистов России,
главный редактор газеты «Мичуринская правда»,
многократный финалист Всероссийского конкурса
«Семья и будущее России».
Фото автора*

Владимир Гундаров, капитан 1 ранга в отставке. Служил на Северном флоте и в Москве, был начальником отдела Военно-Морского Флота — членом редколлегии «Красной звезды», газеты Минобороны РФ. После увольнения в запас работал начальником отдела печатных СМИ в министерстве печати и информации Московской области, в ряде СМИ, а также в Федеральном космическом агентстве и предприятиях Госкорпорации «Ростех». Автор документальных фильмов. Имеет государственные, ведомственные и общественные награды России и Абхазии. Живет в Москве.

Владимир Гундаров

МОЙ ПЕРВЫЙ КУРС

Из дневника студента

(Необычный путь
из Мичуринского пединститута
в высшее военное училище)

Радости от поступления в Мичуринский пединститут не было. С самого начала знал: это временная остановка моего поезда, который в конце концов должен свернуть на нужную колею. Требовалось переждать время, прийти в себя после пока еще первой в моей жизни неудачи, набраться сил, чтобы вновь ринуться в схватку за место на единственном во всей стране факультете опять же единственного и неповторимого военного училища. Его давно нет, поэтому эпитет «неповторимый» — это не фигура речи, а правда жизни.

ФИЛОЛОГИЯ НАЧИНАЕТСЯ С СУББОТНИКА

Учеба в институте еще не началась, а первокурсников, проживающих в городе, уже припахали на уборку аудиторий факультета русского языка и литературы.

— Девочки будут мыть окна, а ты — носить нам воду! — безапелляционным тоном будущего педагога заявила мне красивая высокая девушка в умопомрачительно короткой юбке-клетш. Интересно будет на нее посмотреть, когда она полезет на подоконник, подумал я.

— Наташа, пусть он еще старые газеты прихватит, я видела стопку при входе, где дежурная сидит, — позвал кто-то из дальнего конца аудитории.

Ага, значит, эту красавицу звать Наташа. Стать педагогом-«русистом», то есть учителем русского языка и литературы, наверное, было самой большой мечтой ее детства.

Другие пришли в институт, потому что их отцы или матери тоже были учителями. Родительский пример — лучший метод профориентации. У Петра, с которым я теперь буду учиться в одной группе, отец — педагог. Это во многом объясняет выбор профессии сына.

Многие девчата приехали из сельской местности. Учитель, по меркам местных жителей, интеллигент, просвещенный человек, он на особом положении в колхозе или совхозе, его уважает местное начальство. Иначе и быть не могло, ведь дети начальников и рядовых колхозников ходят в одну школу, сидят за одной партой. И один учитель их обучает и просвещает. Отсюда особое отношение к нему. Поступить в Мичуринский пединститут — один из реальных способов «выбиться в люди» в своей деревне.

А что я забыл в пединституте? Вот вопрос! Школой я сыт по горло.

Размышляя об этом, не торопясь, спускаюсь на первый этаж. Выхожу на крыльцо, чтобы на свежем воздухе остыть от обуревающих меня чувств. Рассматриваю спешащих мимо прохожих. В отличие от них мне спешить некуда. Место мое в жизни на ближайший год определено — студент! С этой мыслью я иду в сторону еще неработающего буфета. Перед ним помещение, стены и пол которого выложены белой кафельной плиткой, как в больнице. Подставляют под торчащий из стены кран ведро, чтобы набрать воды. С полным ведром и пачкой газет плетусь обратно на второй этаж.

— Ты где ходишь?

Наташка стоит на лестнице несколькими ступенями выше. Ее грудь, туго обтянутая белой водолазкой, нависает надо мной, как гроздь спелого винограда.

— Отнеси ведро в аудиторию и на сегодня свободен.

Я чуть не брякнул, что хотел бы получше ее рассмотреть, когда она полезет на подоконник.

Ну ладно, свободен так свободен. Первый субботник в институте окончился, не успев начаться.

Первого сентября наш курс собирается в полном составе. Из 50 человек — семь ребят и сорок три девчонки. Из семи парней я единственный городской. Профессия учителя явно не привлекает городских ребят, да и сельских тоже. В 1974 году учительство в рейтинге материального обеспечения явно проигрывает другим профессиям. За прошедшие полвека в гендерной профориентации, а также в условиях труда и оплате учителей в российской глубинке, по-моему, мало что изменилось.

Чтобы материально поддержать институт за счет увеличения учебных мест Министерство образования СССР направляет в Мичуринск студентов из Средней Азии. Кажется, это происходит впервые. Тихие группки ребят и девчат появляются на улицах нашего города перед самым началом учебного года и сразу привлекают к себе внимание горожан национальной одеждой. Все довольно бойко говорят на русском, но «нацменов» все-таки отделяют от общего потока. И хотя учиться им предстоит по той же специальности, что и нам — «учитель русского языка и литературы», их факультет называют почему-то спецфаком.

С первого дня в институте меня затягивает водоворот студенческой жизни, меняет представления о порядках и правилах и помогает быстрее взрослеть.

Мы сидим в аудитории, где ряды столов со скамейками амфитеатром спускаются к сцене и стоящей перед ней кафедре. Звонок прозвенел, ждем преподавателя. И вдруг за спинами раздаётся громкий женский голос: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, / Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал...»

Все с удивлением поворачивают головы в сторону уже немолодой, но еще стройной женщины в черной гипюровой блузке, черной атласной юбке и в туфлях на высокой «шпильке». Легкой походкой она спускается вниз, к первому ряду столов, деловито достает из сумочки пачку сигарет и зажигалку, кладет их на пустующий в первом ряду стол и сама усаживается на него, закинув ногу на ногу. Без паузы она продолжает свою лекцию по античной литературе, начатую на пороге аудитории. Никаких конспектов, ничего академического. Только — она и мы, глаза в глаза.

Так мы знакомимся с Мариной Федоровной Кардо-Сысоевой. Она кажется мне живым воплощением героинь мифов и легенд Древней Греции. Экстравагантная женщина с необычной двойной фамилией, которую для простоты мои однокурсники сократили до Кардо, быстро покоряет малочисленную мужскую часть аудитории. Меня увлекает ее предмет и она сама как интересный человек с необычными взглядами на жизнь. К ребятам у Кардо на коллоквиумах, зачетах и экзаменах всегда будет благосклонное отношение. А вот девчонкам, похоже, не особо нравятся ни она сама, ни ее древние героини. Что поделать, срабатывает банальная женская ревность.

Ее, гордо вышагивающую по улице, все еще можно издали принять за молодую женщину, хотя нам она кажется уже старухой. Ее жизненный принцип, который она стремится привить своим студентам: через тернии — к звездам! Он помог и нам идти, не сбиваясь, по своей жизненной стезе. Но это — потом, а пока мы не пропускаем ни одной ее лекции и добросовестно их конспектируем.

Марина Федоровна — коренная москвичка. Во время наездов в Мичуринск останавливается в общежитии, где ютятся бездомные преподаватели. В ее маленькой комнатке стоит всегда привлекающий внимание гостей винтажный телевизор. Вместо экрана у него особая сплюснутая колба, заполненная обыкновенной водой из-под крана. Колба служит увеличительной линзой, за ней — черно-белый экранчик размером с половину тетрадного листа. По вечерам у Кардо можно застать чаевничающих с ней студентов.

Бывшие студенты, молодые артисты столичных театров приезжали в гости к Марине Федоровне и в ее московскую квартиру недалеко от станции метро «Речной вокзал». Квартира напоминала музей с развешанными по стенам старыми фотографиями в деревянных рамочках, с заголовками советских газет, вырезанными и наклеенными на предметы кухонного интерьера. Например, на дверке холодильника красовалась вырезка со словами «Вечная мерзлота», на абажуре настольной лампы — «Лампочка Ильича». Впервые от нее я услышал, что приходить в гости с тортом — это хороший московский тон.

Марина Федоровна прожила долгую и интересную жизнь. Она была награждена медалью «За освоение целинных земель». Перед поездкой на целину сдала свою квартиру Моссовету, а когда вернулась — Моссовет предоставил ей новую.

С годами ее стали подводить ноги. Она купила «Запорожец» с ручным управлением, сдала на права и ездила на нем на дачу. До последних дней она держала себя в форме, ходила исключительно на каблукках, никогда ни на что не жаловалась, не раскисала.

В этом году холодные осенние дожди зарядили необычно рано, в конце сентября. Второй и третий курсы отправляют в колхозы на спасение урожая. Последний, четвертый, оставляют в институте ради сохранения графика подготовки к госэкзаменам. Нас, первокурсников, тоже пока жалеют. Реакция вчерашних колхоз-

ников, а ныне студентов: «Поля засадили, а убирать некому! Чем колхозники занимаются?!» А дожди все льют и льют, особенно по ночам. Меня не покидает тревожное чувство: не миновать и первому курсу отправки «на картошку».

В пятницу перед последней парой в аудиторию заходит куратор нашего курса Вера Константиновна Орлова.

— Товарищи, с понедельника занятий не будет. Все едем в колхоз на уборку урожая, — объявляет она тихим голосом. А глаза тревожно смотрят на нас — как мы воспримем эту новость. Ребята, приехавшие из сел, спокойны, а у городских — легкая паника. Все молчат.

Вера Константина объявляет место и время сбора в понедельник.

— Питание для вас будет организовано.

После этих слов у некоторых девчонок повеселели глаза: можно сэкономить стипендию.

Вера Ивановна советует, во что лучше одеться, что с собой взять из одежды. Она наш солнечный лучик — каждого готова согреть и осветить светом доброты и заботы. Во время школьной практики нередко будут случаи, когда студент заваливает внеклассное мероприятие. Вера Ивановна дает ему второй шанс и, если все у получается, ставит отличную оценку.

Маленькая, хрупкая женщина с настежь распахнутой большой душой — такой она запомнилась нам и сотням учителям-словесникам в России, Киргизии и Таджикистане. Ее труд был оценен орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», знаками отличия и грамотами Министерства просвещения РСФСР и Таджикской ССР. Но все это — в будущем.

Мои мысли крутятся в другую сторону: ну вот, дождался, черт побери, в поле под дождем мокнуть. А в аудитории чисто, светло, тепло — и не хочется уезжать из города.

Утром в понедельник собираемся у здания драмтеатра. Нас ждет выстроившаяся вдоль тротуара вереница грузовиков с крытыми брезентом кузовами. Дождь прекратился, из-за облаков выглядывает солнце, и на душе сразу облегчение. Вот если бы такое ведро простояло все десять наших трудовней на полях Родины.

Как-то само собой получается, что я оказываюсь в машине вместе с теми однокурсниками, с которыми успел уже немного познакомиться. В одном кузове с нами студенты из Киргизии. Едем, молчим, погруженные в свои мысли, некоторые начинают дремать.

Через несколько часов машина останавливается у двухэтажного здания в центре села Красивое совхоза «Дружба». Приехали! Кто-то из местного начальства зовет нас в здание, или, как он его называет, в общежитие.

— Девушки, поднимайтесь на второй этаж, ваши комнаты — там, ребята заселяются на первом! — объявляет наш гид.

Из общежития толпой идем в совхозную столовую. Над тарелками поднимается ароматный пар, от которого вмиг разыгрывается аппетит. Наш добрейший преподаватель Юрий Серафимович Долгов показывает за столом пример работы ложкой — уплетает за обе щеки. В институте он читает курс введения в языкознание, а в селе поставлен над нами одновременно воспитателем и бригадиром.

Советский Союз — не только самая читающая страна в мире, но и самая образованная. Только сдавшему вступительные экзамены в вуз на «хорошо» и «отлично» доверяют доочистку сахарной свеклы в буртах. Руководить такой ответственной работой абы кого нельзя поставить. Тут нужен человек с ученой степенью не ниже кандидата наук и ученым званием доцента. Мы радуемся, что с нами такой замечательный человек как Юрий Серафимович, и стараемся в столовой не отставать от него в работе ложками.

А вот ребята из Киргизии какие-то вялые. Ложками о тарелки не стучат, вкусные щи едва зачерпнули, к мясу вообще не притронулись и только налегают на макароны, хлеб и компот.

На следующий день ситуация за столами повторяется. Между нами мечется уже немолодая грузная повариха. В ее добрых глазах выражение паники. В зал заходит кто-то из местного начальства, может, председатель сельсовета, а может — бери выше — сам директор совхоза. Он и повариха что-то обсуждают с Долговым. Сквозь шум и гам прорывается фраза директора: «Придется зарезать корову».

Большинство будущих учителей киргизских школ оказались мусульманами-суннитами ханафитского мазхаба. Они прошли все этапы превращения в советских людей — октябрятские звездочки, пионерские отряды, комсомольские организации, но есть свинину отказываются по религиозным соображениям.

Скандал призвать не стали. Он не нужен ни совхозу, ни институту, ни Министерству высшего образования СССР. На следующий день все мясные блюда в столовой — исключительно из говядины.

Каждый день после завтрака нас ждет у столовой совхозный грузовик. Он отвозит в поле к солидной свекольной куче, которую знающие люди называют профессиональным термином «бурт». Наша работа заключается в том, чтобы взять из первой кучи свеклу, отрезать у нее хвостик и переложить во вторую кучу. Операция необременительная, но монотонная. Время тянется миллисекундами и падает в прошлое, как капля густого меда с ложки. Хочется ее слизнуть, и боишься, вдруг она упадет раньше, чем поднесешь ложку ко рту.

Солнце пригревает, но прохладный ветерок, весело играющий тонкой веткой осинки, случайно проросшей у поля, напоминает о наступлении осени. Когда сидишь на земле, кажется, что пашня тянется до самого горизонта без конца и края. Когда встаешь — далеко на горизонте видна лесополоса. Умные люди говорят: чтобы видеть дальше, нужно подняться выше.

Юрий Серафимович пытается развлекать нас интеллектуальными беседами. Но мы еще не доросли до них, не поднялись выше школьного уровня. Поэтому работаем преимущественно молча. Парни отсекают хвостики у свеклы, словно шашкой рубят головы врагов — наотмашь, сельские девчонки — уверенным, плавным движением, как заведенные, городские — с непривычки крутят корнеплод в руках, примеряясь то с одного бока, то с другого, успевая перебраться между собой ничего не значащими фразами, киргизки работают молча, сосредоточенно.

В полдень за нами приезжает грузовик, чтобы отвезти в столовую. После часового перерыва вновь возвращаемся к своей кучке. Теперь состояние у всех сонливое, работа идет через пень колоду.

ФАКУЛЬТАТИВНАЯ ЛЮБОВЬ

Все хвосты у свеклы обрезаны, и нас везут к другому бурту. Я думаю, начальство допустило промашку. Рядом с новой свекольной кучей возвышается огромная скирда соломы. Растет соблазн после обеда залезть на самую вершину и провалиться в мягкую, пахнущую хлебом перину. В конце концов, я так и делаю. Ко мне присоединяется мой одногруппник и тезка. У него сердечный кризис и творческий подъем. Он прощается с какой-то А.Т., посвящая ей свои вирши, но на горизонте уже маячит некая И.И., и уже ей Володька посвящает свои новые стихи.

Они мне нравятся. Пытаюсь сочинять сам, но получается ерунда: о грачах, о жирном черноземе, о стоге сена и утренних заморозках, одним словом, прогноз погоды, а не стихи. Видимо, не хватает объекта для лирики.

С высоты скирды наблюдаю за теми, кто внизу. Долгов с насмешкой смотрит на отлынивающих от работы студентов и продолжает молча кромсать ножом хвосты у свеклы. Рядом с ним девчонки в неотличимых друга от друга старых куртках, старушечьих платках, в шерстяных то ли «трениках», то ли рейтузах. Глаз положить не на кого. Разве что вон на ту, с блестящими глазами на правильном овале типично городского лица.

После ужина подхожу к ней:

— Света, пойдем погуляем.

— Куда?

— А вот хотя бы вдоль проселочной дороги до пересечения с трассой и обратно.

Наши прогулки становятся регулярными и затягиваются до поздней ночи. Когда мы вернулись из совхоза в город и вновь приступили к учебе, на курсе уже почти никто не сомневается, что между нами вспыхнула любовь. Почему «почти»? Потому что ее подруги знают, что у Светки есть парень, ее одноклассник, без пяти минут жених, который в этом году поступил в военное летное училище. И очень удивляются, что она закрутила любовь со студентом.

Трудно сказать, какие планы в голове у Светы, но строятся они на чисто житейской основе.

— На что мы будем жить? — спрашивает она.

— Перейду на заочное отделение, а сам буду работать на заводе. Проживем! — самоуверенно отвечаю ей.

Наша Кардо-Сысоева на примере Одиссея и Пенелопы учит нас: цель античной женщины — заманить мужчину в свои сети, цель мужчины — вырваться из них. Со своей Пенелопой я охотно фантазирую на тему нашей будущей семейной жизни. При этом мы не раскрываем друг другу все свои карты, не делаем решительного шага в сторону ЗАГСа. Светка на протяжении всего года выбирает варианты: летчик или учитель. Если прилетит летчик и сделает ей предложение, то, конечно, она выберет его. У меня вариант пока только один — сделать вторую попытку поступить в училище, а там — как получится.

Однокурсникам жутко интересно узнать, как Светка относится к своим конкурентам с химбиофака и спецфака, с которыми меня несколько раз видели вместе довольно поздно в студенческом общежитии.

— Они тебе не конкурентки, — успокаиваю я Свету.

Хотя, надо честно признать, у каждой из трех моих подружек есть свои достоинства. С таджичкой Айной даже завел разговор о свадьбе. В ответ она рассмеялась:

— Ты должен заплатить за меня стадо баранов!

— Только баранов, а финский холодильник не нужен? — вспоминаю сюжет комедии Леонида Гайдая.

Но Айна повторяет уже серьезно:

— Без калыма меня не отдадут тебе в жены!

И это говорит мне «комсомолка, спортсменка и просто красавица»!

Разговор происходит в комнате общежития, в которой живут еще три студентки из Таджикской ССР. А я словно бежал, бежал и вдруг налетел на стену. И эта стена отделяет меня от Айны — уже переодетшуюся в советскую, почти европейскую одежду, тем не менее, внутри оставшуюся правоверной мусульманкой. В растерянности шарю взглядом по комнате, тускло освещенной единственной лампочкой, словно ищу стадо баранов для калыма, но не нахожу его, и только один отражается в стекле незавешенного вылинявшими шторами окна.

Все-таки я не соврал Светке, когда сказал, что у нее нет конкуренток на спецфаке.

Наши замечательные преподаватели открывают нам новый мир культуры и литературы, и сами они — яркие акторы этого мира. Вот мелькает в конце коридора седая шевелюра над высоким ясным лбом и тонкий профиль интеллигента. Узнаю издали в толпе студентов завкафедрой литературы Анатолия Рафаиловича Монастырского. Он читает нам лекции по введению в литературоведение. В преподавательской, в деканате, в коридоре он с неизменной сигаретой в янтарном мундштуке, который держит особым образом в раненой на фронте руке. На лацкане его засыпанного перхотью и пеплом пиджака благородно поблескивает темно-красной эмалью орден Красной Звезды.

На войне Анатолий Рафаилович был от звонка до звонка. Демобилизовался 5 апреля 1946 года в звании капитана. В 1949 году приехал в Мичуринск и до самой смерти в 1978 году работал в Мичуринском пединституте. Под его руководством выросла плеяда поэтов, журналистов, педагогов, ученых. Он обладал способностью разглядеть в первокурснике будущего аспиранта, четыре года вел его за собой в мир науки и потом не оставлял молодого ученого без своей поддержки. Анатолий Рафаилович создал в Мичуринском пединституте свою научную школу.

История сама выбирает людей в герои. Им остается лишь совершить предназначенный для них подвиг. Иногда он длится всю жизнь и остается незамеченным вопреки логике событий. Так случилось с ученым Монастырским. Над кандидатской диссертацией о проблемах изучения поэзии Демьяна Бедного Анатолий Рафаилович работал 15 лет. За это время в Тамбовском областном институте усовершенствования учителей он опубликовал книгу «Поэт революции: о революционном пафосе и значении поэзии Демьяна Бедного». Она хранится в Российской государственной библиотеке, Национальной библиотеке Беларуси, репринтные издания — в библиотеках Гарвардского, Калифорнийского университетов и, вероятно, во многих других библиотеках мира.

А вот фундаментальный научный труд Анатолия Рафаиловича, трехтомник объемом 1245 страниц «Проблемы изучения Демьяна Бедного: идейность и пафос, ленинское влияние, традиции и новаторство, писатель и критика», остался неизданным. Рукопись находится в отделе диссертаций Отделения Российской государственной библиотеки в подмосковных Химках. Ее содержание гораздо интереснее академичного названия, потому что повествует о жизни и творчестве единственного поэта, жившего в Кремле бок о бок с руководителями партии и правительства. Возможно, еще найдутся последователи Монастырского, которые возьмут на себя труд издать единственное в своем роде произведение к 110-й годовщине со дня рождения Учителя — 14 декабря 2028 года.

Другой участник Великой Отечественной войны, 54-летний Георгий Иванович Латышев, возглавляет кафедру иностранных языков. Он преподает в нашей подгруппе немецкий язык. Латышев очень мягкий и одновременно строгий к своим студентам человек: «Ordnung muss sein!» («Порядок должен быть!»). Он любит повторять студентам: «Я вижу вас насквозь и глубже!» Эта фраза порождает легенду, что он воевал в разведке. На самом деле это не совсем так. С февраля 1941 года он служил диктором-переводчиком в штабе 26-й армии. В 1945 году его перевели переводчиком в штаб 69-й гвардейской стрелковой дивизии. У него медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». Наша подгруппа оказалась последней, кому посчастливилось учиться немецкому языку у Георгия Ивановича.

Незримой глыбой нависает над нами грозное имя ректора института — Николая Карловича Миттова. Он тоже фронтовик, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией». В армии — с 25 ноября 1941 года. Войну закончил старшим сержантом, заместителем командира отделения пулеметного взвода 144-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 110-го укрепрайона 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта.

Участников войны в институте, конечно, больше. Само их присутствие должно играть воспитательную роль. Но по молодости лет я легкомысленно думаю, что война никогда не повторится, не должна повториться. Хотя, начиная с лекций по древнерусской литературе и заканчивая сдачей норм ГТО и занятиями по медико-санитарной подготовке, — все свидетельствует об обратном.

Всего и не сосчитать, сколько было тех войн в русской истории! «На Дунаи Ярославнынъ гласъ сяслышитъ, зегзицею незнаема рано кычеть...» Задание было: «Плач Ярославны» к следующему практическому занятию знать наизусть. Я не поленился выучить отрывок из «Слова о полку Игореве» в подлиннике, на древнерусском языке. Читаю не особо выразительно, но «пятерка» все равно обеспечена.

Преподаватель древнерусской литературы Василий Иванович Попков обожает свой предмет. Он открывает нам в древних текстах вечные идеи, которые во все времена не теряют своей актуальности. От него мы впервые слышим о Боге как о действующем лице православной литературы, а не объекте атеистической пропаганды. «Не в силе Бог, а в правде», — звучит в аудитории негромкий, хорошо поставленный голос опытного оратора. На примере «Жития протопопа Аввакума» Попков призывает нас не менять своих убеждений. Учит защищать свою страну, как это делал святой Дмитрий Солунский. В «Молении» Даниила Заточника педагог выделяет идею сильной власти князя, противопоставляя ее боярской власти.

Вчерашние школьники, мы чаще всего не понимаем глубинного смысла лекции, но испытываем безграничное доверие к искренности чувств, которые Василий Иванович Попков вкладывал в свои лекции, и, следуя сердцем за его мыслью, стараемся разобраться в содержании и символах древнерусской литературы.

От преподавателей московских вузов часто слышишь, что студент приходит из школы совершенно неподготовленным к овладению знаниями. Полвека назад это касалось только знания иностранных языков. За шесть лет в школе — срок вроде бы немалый — нас, как попугаев, научили трем-четырем простейшим текстам, среди которых главными были «The Great October Socialist Revolution...» и «London is the capital of Great Britain...» Создается впечатление, что все шесть лет нас учили в школе английскому, французскому или немецкому с единственной целью — чтобы мы никогда не говорили и не читали ни на одном из них. Талантливым преподавателям в институте пришлось немало потрудиться, чтобы открыть нам с неожиданной стороны знакомый со школьной скамьи предмет.

Виктор Иванович Козырев за год до нашего поступления в институт вернулся в Мичуринск после командировки в Египет, где работал переводчиком в диппредставительстве СССР. Среди коллег-преподавателей он выделяется особой деликатностью, русской интеллигентностью. Откуда она взялась у паренька из села Сестренка Мичуринского района Тамбовской области — одному Богу известно.

На первом же занятии Козырев понимает, как далеки его студенты от знания живого языка Шекспира, Байрона, Моэма, Киплинга. Молодой преподаватель не заставляет нас повторять скучные тексты о революции и о Лондоне. Вместо них он выводит мелом на доске в лингафонном кабинете слова популярной песни «История любви» из одноименного кинофильма Артура Хиллера: «Where do I begin to tell the story...» По этой песне мы учим грамматику английского языка, которая уже не кажется скучной.

А вечером со Светой у нее дома крутим любимую пластинку. Вновь и вновь в полумраке льется музыка и звучат волшебные слова о любви. Она наполняет мое сердце чем-то совершенно особенным: ангельскими песнями, дикими образами. Она наполняет мою душу таким количеством любви, что куда бы я ни пошел, я

совсем не одинок. С ней вместе кто мог бы быть одинок? Я протягиваю к ней руку, и она всегда рядом...

Впрочем, это всего лишь перевод одного из куплетов. Но как прекрасны эти слова любви в зимние вечера, когда за окном беснуется и завывает метель, а в жарко натопленной комнате — робкий свет торшера создает нам уютный полумрак.

Наутро вновь спешим по скрипучему от мороза снежку в институт на лекционные пары, коллоквиумы, зачеты, экзамены.

Декан факультета русского языка и литературы Иван Васильевич Чекунов преподает нам педагогику. Он поручает мне сделать доклад на семинаре, который состоится на следующей неделе, и рекомендует для подготовки одну единственную книгу. Она есть в кабинете педагогики. Прошу лаборантку выдать эту книгу и начинаю штудировать от сих до сих, как научил Иван Васильевич. Про себя не перестаю удивляться: все вроде бы по теме будущего доклада, а зацепиться мыслью не за что. Два дня безрезультатно бьюсь над докладом и в отчаянии прихожу к выводу, что педагогика — мертворожденное дитя, а самый хороший инструмент воспитания — кулак.

«...Я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз». Вот и весь метод воспитания у товарища Макаренко. Но Ивану Васильевичу Чекунову об эффективных методах Макаренко лучше не рассказывать...

И вот наступает день семинара. Выхожу к кафедре и начинаю что-то бубнить о выдающихся достижениях Макаренко в области воспитания и перевоспитания молодежи.

Чекунов внимательно слушает, слушает и вдруг спрашивает:

— Вы по какой книге готовились к докладу?

Называю книгу.

— А вы брали для подготовки книгу пятого издания?

Вот же черт! Издание-то я и не посмотрел. Оказывается, их пять, и в каждом — свой текст.

— Садитесь, я сейчас кратко расскажу, о чем должен быть доклад, и мы его обсудим.

Этот неловкий момент: я, почти отличник, — и так опростоволосился. Чекунов пересказывает содержание моего несостоявшегося доклада. Получается живой пример педагогического мастерства. И от этого мне становится еще неудобнее в аудитории. Я уже успел заметить, что под внешней строгостью и педантичностью декана скрывается прекрасный, отзывчивый и очень добрый человек, по уши влюбленный в свою педагогику. Но я, не ставший педагогом, до сих пор не понимаю: педагогика — это учебный предмет или призвание?

ПРОЩАЙ, ИНСТИТУТ!

Вот и заканчивается первый курс. Экзамены остались позади. Впереди у одних студентов — практика вожатыми в пионерских лагерях, у других — фольклорная экспедиция. Это когда берешь бутылку водки и едешь в деревню записывать на магнитофон местные частушки и народные сказки. Бутылка нужна для настроения, чтобы старикам лучше пелось и плясалось.

Не люблю врать, но иногда, как сейчас, приходится. Всем говорю, что еду в фольклорную экспедицию, а сам отправляюсь в канцелярию за своим школьным аттестатом.

— Зачем тебе аттестат? — строго спрашивает барышня.

— Поступаю на заочные курсы иняза в областном институте, требуют предъявить копию и подлинник аттестата.

— А, понятно, — со знанием дела произносит барышня и выдает мне аттестат.

Через несколько дней поезд увозит меня в Москву и дальше — во Львов. Колесные пары тревожно отстукивают на стыках рельс междометное нечленимое предложение: «да-нет, да-нет». Невольно ловлю себя на мысли, что год в институте дал мне новые знания. Но для поступления на факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища одних знаний недостаточно. Абитуриент просеивается через мелкие ячейки конкурса документов, творческого конкурса, экзаменационных баллов, проверки здоровья и физической подготовки. И когда кажется, что все круги ада уже пройдены, мандатная комиссия подсчитывает «родительские» баллы. А они у меня нулевые по сравнению с сыновьями военачальников, дипломатов, писателей. На мандатной комиссии вновь пролетаю мимо своей мечты. Терять мне уже нечего. В третий раз никто из учебного отдела не пришлет вызов на экзамены, а разрядку на городской военкомат можно ждать годами.

Мне вручают мой аттестат и желают попутного ветра до самого дома. Ну, «мандатка», не на того напала. Вместо того чтобы покорно шагать на выход, врываюсь в приемную начальника училища. Молодой прапорщик в роли адъютанта грудью, как на амбразуру, бросается на меня, защищая дверь с табличкой «Генерал-майор Зиновьев В.К.». Он широко растопыривает руки и кричит:

— Нельзя, стой!

Но я уже распахиваю дверь в кабинет начальника училища. На что я рассчитываю? Нет, не на уговоры и причитания. У меня есть два аргумента. Во-первых, «тройка» за сочинение поставлена несправедливо. Я растягиваю перед обалдевшим генералом длинную «гармошку» шпаргалки.

— Я списал сочинение с этой шпаргалки, которую проверил преподаватель русского языка в моем институте. В тексте нет ни одной ошибки, можете сами убедиться.

Конечно, аргумент сомнительного свойства и не в мою пользу, но что делать, как говорила моя бабушка Лида, когда нет гербовой, пишут на простой.

Генерал с удивлением смотрит на вульгарно растянущуюся у него на столе «шпорку», исписанную бисерным почерком. Никакой преподаватель ни в каком институте ее не проверял, но главное сейчас — решительным приступом сломить волю противника к сопротивлению.

Пока генерал не успел прийти в себя от моей наглости, выкладываю свой второй аргумент, доказывающий мое право на высокое звание курсанта. Железобетонный аргумент! Зачетная книжка студента литфака пединститута, в которой только «четверки» и «пятерки», причем последние — в подавляющем большинстве.

Генерал внимательно читает названия предметов: русский язык, старославянский язык, античная литература, литература Возрождения, древнерусская литература, литературоведение, диалектология...

Василий Константинович Зиновьев поднимает на меня глаза:

— Вам не надо было сдавать вступительные экзамены.

— Мне сказали сдавать... — напускаю на себя смиренный вид. Кто не умеет подчиняться, тот не умеет командовать.

Генерал нажимает кнопку на селекторном телефонном аппарате и кого-то приглашает к себе. Через минуту в кабинет заходит заместитель начальника училища по учебной части.

— Зачислите его, — Зиновьев кивает на меня.

Исполнилась моя мечта! Для этого потребовался один взмах зачетной книжкой, которая в этот раз заменила мне волшебную палочку. Спасибо Мичуринскому пединституту! Спасибо его преподавателям!

Институт вошел в жизнь моих однокурсников и стал, как говорят моряки, ее генеральным курсом. Мои однокурсники помнят своих преподавателей: Екатерину Петровну Дубровину, Таисию Григорьевну Печенкину, Елену Леонидовну Пилишок, Юрия Дмитриевича Щекотова и многих, многих других, ставших сначала для студентов — наставниками, а для выпускников — коллегами.

Думаю, что и наши преподаватели никогда не забывают своих студентов. Через полвека после первой нашей встречи приглашенный профессор Мичуринского университета, профессор и экс-первый проректор Мичуринского пединститута Виктор Иванович Козырев написал участникам встречи выпускников:

«Большое спасибо за приглашение, за желание увидеться. Желание невероятное, а поэтому очень дорогое. Накрыло такой ностальгией! Как молоды мы были... Надеюсь и сейчас, если повзрослели, то совсем чуть-чуть. Ведь возраст определяется состоянием души. Мне тогда было за 25, а вам и того меньше! Почти ровесники. А потому и близки были, почти как друзья. Вспоминаю, как вы большой толпой провожали меня на вокзале, когда я уезжал в Ирак. Кондуктор не спешит, кондуктор понимает... Долго еще стоял я в тамбуре, курил. Преподавал я тогда больше сердцем, чем умом, поэтому и начинал занятие с Love Story. С чего начать рассказ о большой любви? Боже мой, эта мелодия до сих пор терзает меня. Спасибо вам за счастливые мгновения в моей жизни!»

А мы благодарим своих преподавателей, которые вывели нас на широкую и длинную дорогу в профессии и в жизни. Душевные силы и время, смею думать, были потрачены ими на многих из нас не напрасно. Мои однокурсники и однокурсницы выросли в крупных ученых. Стали докторами филологических наук, профессорами Наталья Муравьева (Комбарова) и Петр Гончаров. Петр Андреевич прошел путь от аспиранта до завкафедрой литературы, декана филфака, проректора по науке и в итоге занял кабинет Николая Карловича Миттова. Отдел качества Мичуринского пединститута возглавляла кандидат филологических наук, доцент Надежда Пачина (Зудина). Валентина Седельникова (Говорова), многие годы трудилась редактором в Управлении делами Минсвязи РСФСР. Заместителем директора мичуринской школы №7 стала Наталья Верховцева (Каргальцева). Непростой путь до директора школы, кандидата педагогических наук, доцента, декана факультета дополнительных профессий Мичуринского пединститута прошел выпускник сельской школы Николай Зверев. Другой мой однокурсник, Владимир Чистяков, возглавлял областную газету «Тамбовская жизнь»...

Жизнь разбросала выпускников по российским городам и весям от Калининграда до Сахалина. Но главной задачей института всегда оставалась подготовка учительских кадров для Тамбовской области. В одном из интервью городской газете «Мичуринская правда» в 2012 году Петр Гончаров, в то время — директор педагогического института Мичуринского государственного агроуниверситета, сказал: «Сорок процентов учителей, завучей, директоров школ Тамбовской области — наши выпускники».

Кто-то разочарованно заметит: всего лишь 40, а кто-то воскликнет: аж целых 40! Все познается в сравнении. 60 процентов учителей, завучей, директоров школ Тамбовщины имеют дипломы трех тамбовских вузов, а 40 процентов — дипломы одного Мичуринского. Не будем мериться количеством, просто отметим: Мичуринск — важный образовательный центр для региона. И не только для него.

Киргизы и таджики приезжали в Мичуринск не для того, чтобы подметать улицы, развозить еду, строить мечети и навязывать горожанам традиции ислама. Они приезжали за знаниями, получили их и вернулись в свои республики, увозя вместе со знаниями и русский культурный код. Это лучший опыт миграционной политики, увы, зарастающий бурьяном.

Марина Шеремета

ДОРОГИЕ МОИ, ХОРОШИЕ...

Очерки о красоте человеческой

У Марины Александровны Шереметы удивительная творческая судьба. Трудовая жизнь ее начиналась вроде бы в стороне от журналистики, но совсем рядом с романтикой, которая вовсе не чужда странствиям газетчиков. Родилась Марина в селе Заворонежское Мичуринского района. После школы поступила в Одесский гидрометеорологический институт и по его окончании немало лет работала инженером-гидрологом в Камчатском тресте инженерно-строительных изысканий города Петропавловск-Камчатский. Но жизнь так сложилась, что вернулась она все-таки в родные края, и тут приманила ее журналистика. Пережитое и испытанное, увиденное и выстраданное, жизненный опыт и отзывчивая душа, и, конечно же, талант – все это наполнило ее материалы удивительным чувством журналистской сопричастности ко всему, о чем пишет Марина. Потому так понятны и близки читателю, так по-человечески красивы ее герои.

В нынешних изданиях пишут по-другому, уповая на сногсшибательные факты, заливхватские сюжеты. А читатели ищут в газетах Марины строки, которые и растрогают, и утешат, и обнадежат. Публиковалась Марина Шеремета в литературно-художественном журнале «Александръ», газетах «Наше слово», «Сельская жизнь», в своей родной «Мичуринской правде», где трудится специалистом по электронной верстке. А журналистика в основном отнимает досуг и приносит редкие, но выразительные победы: Марина награждена дипломом за 3-е место в XI Всероссийском конкурсе региональных СМИ «Панацея», является лауреатом I степени журналистской премии имени Василия Кубанева.

ПАМЯТИ НАШЕЙ ВАЛЬСОК...

Есть на огромной нашей земле небольшое пространство с зеленым садом и родительским домом, где тебе всегда рады, любят и всегда ждут. Где по-особому отсчитывают время стрелки часов, а с родного крылечка распахивает свои объятия небосвод, кружит голову запах свежескошенной травы и вызывает добрую улыбку удалая лягушачья рапсодия. Там сладко спится, и все надоедливые проблемы кажутся ничтожно мелкими...

И раз-два-три...

«Каждая взрослая девушка обязательно должна уметь танцевать быстрый вальс. Рука в руке, другая слегка касается плеча партнера, и на раз-два-три начинаем легкое кружение», — объясняет отец незамысловатую технику исполнения танца. «Кружится-кружится пестрый листок. Кружится-кружится старый вальсок. Старый забытый, старый забытый вальсок...» — крутится виниловая пластинка на 78 оборотов. И мы плавно кружимся в вальсе...

А потом кипит самовар, и губы обжигает ароматный чай с душистой мятой вприкуску с натертыми пышками, которыми так любил всех угощать отец. Рецепт их был очень прост — «немного муки, немного воды и очень много души», даже самые изощренные пирожные не могут сравниться с ними по вкусу.

Лугови

Это было очень давно, с момента заселения необъятных лугов и плодородных пастбищ по левую пойму реки Лесной Воронеж вольными донскими казаками. На этом месте (сейчас улица Красноармейская) жил мой дед Кострикин Яков Иванович и дед моего деда, с этого поместья начинался наш род. Берега реки были густо поросшими лесом, в котором, по воспоминаниям старожилов, водились волки. За маленьким добротным каменным домиком с соломенной крышей на краю Заворонежской слободы простирался обширнейший луг, отсюда и прилепилось прозвище к моим предкам «Лугови». Сейчас на родовом поместье располагаются семь домов с приусадебными участками вместе с нашим.

Монеты из земли

При обработке земли до сих пор всплывают на поверхность страницы истории — монеты, датированные XVIII–XIX веками. Когда-то, как и во многих поместьях, здесь располагался постоялый двор — останавливались на ночь крестьяне, приехавшие с сельхозпродуктами из окрестных сел, чтобы рано утром попасть на козловский рынок. В небольшой комнатке на полу им стелилась солома, где они и спали. На костре во дворе готовили пищу. Время было голодное. «Дайте маленькому Ванечке кашки», — иногда просила у постояльцев пятилетняя хозяйская дочь Маша, нянчившая годовалого братика.

Дед Яков да баба Таня

Рано женился Яков, привел в свой дом красавицу-жену — сироту из ближайшего села Панское — Татьяну, а когда ему было 20 лет, родился первенец — дочь Мария. Потом один за другим появились на свет четыре брата и три сестры. Седьмым ребенком в семье был мой отец — Александр. Дед мой — косая сажень в плечах, под два метра ростом и недюжинной силы — работал на железной дороге. Учил детей своих жить честно — «стараться не врать да чужого не брать». Так и переходит это скромное правило жизни из поколения в поколение. Бабушка вела хозяйство и воспитывала лихую «гвардию». Самой ей не удалось испытать ласки и материнского тепла, только родившись, Татьяна уже потеряла свою мать Марену. А через несколько лет, когда предавали земле очередного родственника в ту же могилу, поняли, что похоронили ее в летаргическом сне. Что-то показалось подозрительным, а когда вскрыли гроб, то увидели следы борьбы за жизнь — длинные растрепанные волосы, отросшие ногти и покусанные в кровь губы.

Плакала Богородица

До революции 1917 года в каждом селе обязательным считалось наличие церкви. А она была здесь — красавица Ильинская в честь пророка Илии — духовным сердцем в центре села. Здесь крестили младенцев, венчали и наставляли на счастливую семейную жизнь, отпевали, отправляя в последний путь. Здесь находили утешение заблудшие души. Сложно было, проходя мимо, не зайти в храм, чтобы зажечь свечечку и тихо помолиться. Но однажды превратили богоборцы святыню в груду кирпичей с разбитой колокольней и обвисшим крестом. Вспоминали потом старожилы, что как-то возвращались они со второй рабочей смены поздно ночью и услышали на месте разрушенной церкви душераздирающий жалобный женский плач. Пересилив страх, все же осмотрели местность, но так никого и не нашли. «Не иначе, как Богородица плачет», — решили они для себя.

Воины-победители

Предки мои были храбрыми донскими казаками. Яков — участник Первой мировой войны. Три его сына и дочь по призыву Родины сражались на фронтах Великой Отечественной. А вот самому не довелось, сильно подорвал он здоровье в сырых окопах 1914 года. С тех пор мучил Якова душливый кашель. Верил он в непобедимость своей страны, все ждал, когда погонят ненавистного врага, да не дождался немного. Не стало Якова 3 декабря 1941 года, а 5 декабря наши войска под Москвой перешли в контрнаступление — в этот день его и предали земле... Старший — Иван — летчик-истребитель, Анна — моторист-заправщик боевых самолетов, Михаил — разведчик на финской границе. Сколько раз просила Анна брата Ивана: «Возьми меня к себе, на передовую». На что он — участник самого пекла — Сталинградской битвы — ей неизменно отвечал: «Служи там, куда призвали. Здесь у тебя сердце не выдержит». Брат Дмитрий погиб под Кенигсбергом совсем мальчишкой. В семнадцать лет пришла повестка и моему отцу, да, к счастью, закончилась война.

Куст ракиты над рекой...

Вольный воздух моей малой Родины. Здесь кипела своя жизнь. И, несмотря на неустроенный быт и минимум удобств, люди умели радоваться малому. На каждой улице было всего-то по одному-два колодца, а выстиранное белье в любое время года полоскали в реке,

Кострикин Александр Яковлевич, отец

пользовался популярностью гужевой транспорт, но в основном приходилось преодолевать большие расстояния пешком... Была развита вне зависимости от города социальная инфраструктура. Дети обучались грамоте в школе, молодежь зачитывала до дыр классиков и романы из библиотеки, в фельдшерском пункте опытный врач помогал избавиться от надоедливой хворобы.

Была в селе и керосиновая лавка. Каждый день дядя

Миша разливал мерной литровой кружкой из емкости, вкопанной в землю, керосин. Повезет тому, кто, отстояв длинную очередь, уйдет с драгоценным горючим. Для растопки печи из соседних сел привозили на продажу головешки — обугленные куски дерева. Печь топили мусором с полей и высушенным навозом.

За продуктами местные жители заходили в магазин под народным названием «Потребилловка» (сейчас там «Магнит»). Рядом находился ресторан, где особо торжественно отмечались красные даты календаря. Через дорогу располагалась «Пивная», в которой предлагала отпробовать бодрого напитка семья Козычевых. Имелась даже своя пожарка (это недалеко от современного здания сельского совета). Частенько можно было наблюдать ехавшего в телеге, груженной большой бочкой воды, пожарного в медной каске с красным хохолком. При этом громко звенел колокольчик. На колхозных полях выращивались капуста, помидоры, горох и даже арбузы. Воду для полива привозили в бочках из реки. Вдоль крутых берегов склоняли до воды свои пушистые ветви ракитовые кусты.

Кострикина (Желтотрубова)
Зинаида Ивановна, мама

Косой пекарь

За углом на улице Поповке (Ленина) располагалась пекарня. Добрый пекарь Сима, страдающий косоглазием, частенько угощал маленьких ребятшек свежеспеченной краюхой хлеба. А они иногда отбегут подальше и давай его дразнить «Косой-косой подавился колбасой». Как-то позвал мальцов Сима — вроде угостить хлебом, а сам в спрятанной за спиной руке держал тесто — и вымазал им лица обидчиков, чем навсегда отбил желание дразниться.

Потехе час

Умели и веселиться заворонежцы после трудового дня. При свете луны устраивали они посиделки. Собирались обычно под столбом от радио. Улицы в то время не освещались, как, впрочем, и сейчас. Всегда находился виртуозный гармонист и звонкоголосые певуны. Такой дружной компанией прогуливались они по улицам села, нарушая тишину ночного царства. Слова у песен были просты, но цепляли за душу. Услышав радостные или печальные нотки, полусонные жители выходили на крыльцо и становились благодарными слушателями удаляющейся компании.

Самодельные таланты

По праздникам и воскресным дням жители села любили собираться в клубе, где проходили концерты самодеятельных артистов и танцы. Особой популярностью пользовалось русское народное творчество в частушках.

Я купил себе ботинки —
Не ботинки, а картинки.
Только прыгнул через лужу —
Пальцы вылезли наружу...

Старательно выводил эти слова Сашка — местная знаменитость по прозвищу «Тоненький голосок». Голосок он менял в зависимости от текста. Публика ликovala. А Сашка под бурные овации переходил к более изысканной частушке:

Пошла в магазин мадам,
Чтобы купить мадаполам.
Пока материю резали,
У ней подол отрезали...

Особенно делал он ударение на экзотическом слове «мадаполам», которое всего-то означало легкую хлопчатобумажную ткань из небольшого индийского городка Мадаполам. А потом местный артист лирического жанра Борис легким тенором исполнял песню «В жизни так случается», в которой в конце концов встречается с человеком человек. А они и встречались, влюблялись, создавали семьи, все больше заполняя пространство за Лесным Воронежем.

Было время...

А ранее было время, когда из-за дамского пола устраивались разборки, и, вооружившись оторванным штакетником, шла «улица на улицу» выяснять отношения. Но бывало и так, что засидится чья-то дочь в девках. Тогда усаживал ее отец в телегу и, громко крича «Кому надолбу?», возил по улицам. Авось кому-то и приглянется девица.

Яблони в цвету

«Пойдем, дочка, сажать яблони. И где бы ты ни была, цветущие по весне сады будут напоминать тебе об отчем доме», — наставлял меня отец... А вот и старый вяз. Кажалось, что если вскарабкаешься на него, можно дотронуться до неба. В висевший на нем скворечник каждую весну прилетали скворцы, а под козырьком крыльца сооружали себе гнездо ласточки.

Сорвав мясистый ярко-красный помидор с грядки и развалившись на сеновале на чердаке, сквозь открытую болтающуюся дверь можно было сколь угодно долго любоваться полетом птиц и игрой облаков. А потом мечтать о возможности с зонтиком спрыгнуть с крыши дома... Я вспомнила эту историю, когда отец стал слаб и еле передвигался с палочкой, и купила саженцы черешни. «Пойдем, отец, сажать черешню. Каждую весну ты будешь ждать, когда она зацветет, и это будет придавать тебе силы». И он терпеливо ждал — выходил на крыльцо и сквозь «окошко», проделанное в обвившем его винограде, наблюдал за нашим деревом. Он успел увидеть цветущей черешню и даже попробовать несколько ягодок.

...Снегом слегка обжигает висок,
Кружится в сердце тот старый вальсок.
Старый забытый,
В сердце тот самый вальсок...

СЫНЫ ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ

Рождаются в семье мальчишки. Это родительская радость и гордость, потому как они и продолжатели рода, и будущие защитники Родины. У каждой семьи есть свой родник, из которого черпаются сведения, начиная с истоков. У жителя села Заворонежского Вячеслава Александровича Трофимова — богатая история. Она и сложная, и интересная, и трагическая. А начиналась она с деда Филиппа.

Под свинцовым дождем

Святитель Феофан Затворник еще в XIX веке изрек мудрую мысль: «Деревенская жизнь имеет истину, а в городах все комедии играют».

В бесконечном потоке повседневных забот до седьмого пота трудился Филипп на своей земле в селе Лаврово Мордовского района Тамбовской области. Хоть родители и противились его выбору спутницы жизни, потому как была она дворянского происхождения, но все же не обидели молодых: сыграли свадьбу и выделили им надел земли. Земля оставляла отпечаток на обветренном лице и мозолистых натруженных руках, но и щедро одаривала — хозяйство Филиппа крепло и ширилось. Уже и двумя дочерьми порадовала его любимая супруга, как неожиданно нагрянула коллективизация и единоличные крестьянские хозяйства объединили в коллективные. Не хотел по собственной воле расставаться со своим добром Филипп. А с ним церемониться не стали — раскулачили и сослали в Сибирь, на границу с Китаем. Весь обоз с жертвами коллективизации выгрузили в глухой тайге, но лошадей оставили. А в одну из ночей ссыльные обнаружили, что охранники исчезли. Надо было начинать обустривать жизнь. Разбирая бесхитростный скарб, кто-то неожиданно обнаружил топор. «Что это такое?!» — удивился и одновременно обрадовался нашедший, ведь ничего подобного брать с собой не разрешалось. А на нем инициалы: ФМ. «Это мой топор, ФМ — Филипп Матвеевич», — торжественно закричал владелец рубящего орудия труда. Жена Филиппа как-то незаметно спрятала в телегу этот незамысловатый инструмент, которым он пытался ранее защитить свои пожитки. А теперь он и нашелся. И этот топор фактически спас всем жизнь. Труженики земли — люди деятельные, относительно быстро обустроили быт, наладили отношения и торговлю с китайцами, обзавелись скотиной. Хозяин на земле — он везде хозяин. И Филипп чувствовал свою землю. В заботах и тоске по родине пролетали годы.

Но тут новая беда. Началась Великая Отечественная война. Филипп записался добровольцем на фронт. Ему, как полагалось, дали десять суток отпуска, и он спустя долгие годы наконец-то смог приехать в родное село. К тому времени его жена и одна из дочерей умерли. За столь короткий отпуск Филипп снова нашел себе невесту — скромную девушку Анну, — женился на ней и отправился на передовую. В штрафном батальоне под свинцовым дождем неистово сражался солдат с фашистами. Однажды полуживого вынесли отчаянного бойца с поля боя, выходит, кровью смыл он свое прошлое. А через шесть месяцев перевели его в обычную часть и, защищая просторы Родины, гнал Филипп врага со своей земли и вернулся домой с Победой.

Рота почетного караула

Первый внук деда Филиппа — Слава — родился в 1955 году в Кемеровской области в деревне с громким названием Боевая. В поисках лучшей доли завербовалась туда Славкина мама, но когда сыну исполнилось девять месяцев, вернулась в родные края. А потом перебралась в соседнее село Покрово-Марфино, потому как только там нашла работу и смогла устроиться рабочей на хлебопекарню. Трудолюбивую, ответственную женщину заметило руководство, и через какое-то время ее назначили заведующей. Ей надо было составлять отчеты, а образование — три класса, даже писать толком не умела. Вот она и муштровала сына, чтобы он по учебнику научился рассчитывать процент от числа.

Вячеслав Александрович и сейчас помнит названия сортов муки в отчетной таблице: обдирная, пшеничная обойная...

Мать каким-то шестым чувством улавливала, когда Славка делал что-то не так, и тогда приходилось рассчитывать заново. Но когда сдавала отчеты в райцентр в Знаменку, их принимали с первого раза. За что сын-шестиклассник получал от

матери свой процент в размере одного рубля. Он никогда не списывал на уроках, неудобно было заглядывать в чужую тетрадь, до всего доходил своим умом, и оказалось, что с процентами разобрался раньше всех в классе.

После окончания десятилетки в 1973 году Вячеслав был призван в армию. Думал, что попадет в морфлот, а оказался в роте почетного караула в Москве! Об этом тогда мечтал каждый мальчишка. Отбор был строгим. Главными критериями являлись славянская внешность, рост не ниже 1,80 метра и отменное здоровье. А уж последнего новобранцу было не занимать: в селе не побалуешь, и основными тренажерами парнишки служили садово-огородный инвентарь и ведра. Бицепсы оказались хорошо развиты — по 150 ведер с водой приходилось носить из реки для полива огорода. На призывном участке он оказался вечером 8 мая, а уже 9-го остриженный и выкупанный, в полной солдатской экипировке любовался салютом Победы из окна казармы с пятого этажа...

Вячеслав Александрович достает замбельский альбом и осторожно перелистывает страницы, на которых запечатлена часть истории страны.

«Фотографии выделяло телеагентство Советского Союза. За ними ездил в Кремлевский дворец съездов Мишка Севков из первого взвода, а потом распределял по солдатам», — вспоминает Вячеслав Трофимов.

Встречала их рота визиты президентов, королей, премьер-министров, принцев на правительственном аэродроме во Внуково-2. На неформальном языке солдаты делились на «слонов», «плафонов» и «окурки», третьих на фото сложно разглядеть, они заключали строй.

Внимательно рассматриваем снимки: визит начальника штаба Финляндии, встреча премьера-министра Афганистана Мухаммеда Дауда, премьер-министра Индии Индиры Ганди, проводы президента США Ричарда Никсона, прощание с президентом Нигерии Якубу Говона, прибытие федерального канцлера ФРГ Гельмута Шмидта... Здесь же относительно молодой Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, выдающийся советский военный и государственный деятель маршал Георгий Константинович Жуков...

Вызывает неподдельный интерес фото с похорон великого маршала. «Гроб с Георгием Жуковым находился в Доме Советской Армии. Весь день лил дождь, а всю ночь в мокрых насквозь шинелях мы по очереди стояли в карауле, — рассказывает Вячеслав Трофимов. — Через два часа сменялись. В комнате было очень душно. Нас предупредили, чтобы мы бдительно следили за наградами, так как только один Орден Победы стоит очень дорого. Стою по струнке и не свожу глаз с усопшего. Вдруг откуда-то подул ветерок, и сзади раздался хлопок — аж сердце оборвалось и охватил ужас. От неожиданности я заорал. Окошко в сад нельзя было открывать, но кто-то до меня открыл, подышал свежим воздухом, а закрыть забыл. Все подумали, будто что-то случилось. Но все обошлось. Вот такой произошел курьез».

Еще одним любопытным случаем из солдатской жизни охотно делится Вячеслав Александрович. Как-то киностудия «Мосфильм» отмечала 50-летие. А так как мужчин у них было мало, чтобы создать баланс, пригласили на праздник храбрых красавцев в парадной форме из почетного караула. И Вячеслав оказался за одним столиком с кинозвездами — Анастасией Вертинской и Натальей Варлей. И, как было приказано, танцевал с ними весь вечер.

Вячеслав Александрович, улыбаясь, показывает автографы Натальи Варлей и народного артиста СССР Николая Крюčkова...

Вячеслав после армии хотел служить в территориальной разведке, уже и собеседование прошел, и отбор. Но потом решил вернуться к матери, очень за нее переживал. В 1975 году поступил в аграрный техникум. На экзамены специально пришел в военной форме, чтобы сразить комиссию. Отслужившим в армии предоставлял-

лись привилегии — количество баллов требовалось меньше. Сдавать нужно было три предмета, среди которых химия. «Мимо нашего дома каждый день ходила в школу “химичка” Тамара Владимировна, — смеется Вячеслав Александрович. — Серьезный человек, ужас, если пожалуется, то мама меня мокрой тряпкой хлестала. Приходилось учить, порой после уроков по часу оставаться. Ребята мяч гоняют, а ты сидишь за учебником. А химичка только глянет — и сразу страшно. Зато на экзамене с химией проблем не было — с лету сдал на четверку!»

Вернулся Вячеслав Трофимов в Покрово-Марфинский совхоз дипломованным агрономом. На полях выращивали ячмень, пшеницу, подсолнечник. Гербициды не применялись. Молодой агроном следил за соблюдением технологий, чтобы вовремя земля обрабатывалась, снегозадержание было установлено. Ранней весной за один день с квадратного метра испаряется ведро воды — так учили в техникуме. Если поле стало сереть, значит, пора бороновать. И тогда испарение прекратилось. Знал Вячеслав Александрович: если получит повышение в должности — затянется сельская жизнь, а его манили огни большого города. И он переехал в Мичуринск, устроился шлифовщиком на автоагрегатный завод. Зашел как-то по старой памяти в спортзал техникума, где занимался боксом у тренера Эдуарда Александровича Иванько, и ему предложили на полставки тренировать ребят. А потом он устроился мастером производственного обучения в среднее профессионально-техническое училище № 19, одним словом — давал детям путевку в жизнь. Ученики попадались разные, особенно сложные — детдомовские. Ходил к Вячеславу Александровичу на тренировки по боксу старательный мальчишка, а сил хватало ему минут на пять. Чтобы понять причину происходящего, отправился тренер к нему домой. А там — кругом грязь, холодильника нет, есть нечего. Отец пьяный в одном углу, пьяная мать — в другом. Попросил заботливый наставник руководство училища выписать пацану мешок пшена и мешок сахара. Мешки домой взять он не мог — пропьют сразу родители, разрешили брать порциями. Мальчишка сготовит да накормит всю семью...

В 1985 году решил Вячеслав получить высшее образование и поступил в педагогический институт на литературный факультет, но после его окончания работал физруком сначала в 16-й школе, а потом в гимназии — так вот распорядилась жизнь...

Всегда старался честно трудиться и помогать людям. У Вячеслава Трофимова — трое сыновей и семь внуков.

Быть воином — жить вечно!

Вячеслав Александрович Трофимов, перелистывая семейный альбом, низко склонил голову над фотографиями сыновей, погибших в горячих точках при исполнении интернационального долга. Время давно уже выбелило ему виски, но воспоминания о невосполнимой потере нет-нет да дают о себе знать ноющей болью в груди. Ах, если бы...

С одного из снимков в форме десантника из-под прищура уставших глаз смотрит на него старшенький...

Вячеслав Трофимов (отец)
в годы армейской службы

Дмитрий Трофимов

Первенец Димка родился в январе 1977 года, когда Вячеслав еще учился в техникуме. Отец, начитавшись литературы по воспитанию детей, считал, что характер ребенка формируется в первые три года, а оставшиеся десять процентов он должен дополучить в процессе воспитания. Поэтому с ранних лет Вячеслав старался уделить малышу как можно больше внимания.

Отец не терял связи с сыном, когда семейная лодка дала трещину, и жизнь разделила их километрами чужих населенных пунктов. Он всегда хотел, чтобы ребенок развивал в себе волевые качества и умел защитить не только себя, но и близких. Да и чтобы свободное от учебы время проводил с пользой. Сначала Дима занимался борьбой, потом увлекся боксом. На третий год упорных занятий показал отличные результаты, стал чемпионом по боксу в Тамбовской области. После школы поступил в профессионально-техническое училище Тамбова, а потом был призван в армию. Служил в воздушно-десантных войсках. Совершил большое количество прыжков с парашютом, отрабатывая различные способы десантирования, научился хорошо владеть оружием. Он не искал в жизни легких путей. Мечтал побывать в горячих точках. «Если не я, то кто же?» — считал он. У парня было твердое желание посвятить свою жизнь служению Родине. Не принято в их роду было отсиживаться за чужими спинами. После армии Дмитрий хотел попасть в ОМОН (отряд мобильный особого назначения), но судьба распорядилась иначе. В военкомате ему предложили службу по контракту. Он окончил школу прапорщиков и был направлен в Таманскую дивизию в Подмоскowie, где служил старшиной разведроты. Познакомился с молодой медсестрой Галиной, с которой хотел связать свою жизнь и мечтал о продолжении рода.

«В конце августа Дима приезжал со своей девушкой в Мичуринск на день рождения к сводному брату, — грустно повествует Вячеслав Александрович. — Сообщил о своем намерении 1 января сыграть свадьбу. И никто не знал, что 1 сентября он уже окажется в горячей точке на Кавказе»...

Рассказывали потом отцу сослуживцы Дмитрия Трофимова о подвиге сына: «В том бою погибли многие. Получилось, что Дима на одном из участков взял командование на себя, потому что погиб офицер. Этому их учили еще в школе сержантов — в особых случаях принимать огонь на себя. А он, порядочный и ответственный, всегда был в первых рядах. Дмитрий правильно оценил силы противника и организовал сопротивление так, что смог нанести сильный удар, и нападавшим пришлось ретироваться. Благодаря его четким и уверенным действиям были спасены жизни взводу молодых ребят. После завершения операции вечером 1 декабря все сидели в расположении части в походном строю на чемоданах. Бойцы с нетерпением ожидали возвращения на Родину. И Дима всей душой уже рвался к своей любимой девушке. Вдруг откуда-то появился подросток (как позже выяснилось, обученный убивать), из-под халата выхватил автомат и выпустил очередь по конкретной цели. Дмитрий с бронежилетом никогда не расставался, 5-6 пуль застыли в металле, а одна пуля попала между стыков в вырез под рукой и оказалась смертельной. Из роты численностью более ста человек погиб один, этот несчастливый жебрий выпал именно на него...»

А Галина с нетерпением считала часы и минуты до встречи с любимым, но так и не дождалась. Еще не жена, но уже вдова. 13 апреля у нее родился сын, которого она в память об отце назвала Димкой. Он вырос и служил в армии в той же части, что и отец, — в Таманской дивизии поселка Калининца. В музейном уголке стоит кровать Дмитрия Трофимова, около которой по праздникам в карауле несут дежурство солдаты. Рядом информация о его подвиге и боевых наградах. Он честно выполнил свой долг.

Дмитрий Вячеславович Трофимов посмертно награжден медалью «За отвагу», медалью Суворова, орденом Мужества. Ему не было и 23 лет...

Весной 2020 года прошла торжественная линейка, посвященная открытию парты Героя в школе деревни Красненькой под Тамбовом, в которой учился участник второй Чеченской войны Дмитрий Трофимов. На ученическом столе размещена фотография Героя и информация о биографии, подвиге и боевых наградах.

Всеволод Трофимов

«А это — Сева, младшенький», — опускает глаза Вячеслав Александрович. На фотографии — мужественное лицо сына с устремленным куда-то вдаль пронзительным взглядом.

Всеволод родился в мае 1987 года. Рос очень обязательным, непоседливым и любознательным ребенком, с детства привыкшим добиваться поставленной цели. Вячеслав Александрович вспоминает, как однажды он прибавил ковер, а молоток оставил на шкафу. Трехлетнему Севке захотелось изучить увиденное им орудие труда. И как только отец вышел из комнаты, он соорудил конструкцию из подушек для достижения цели. Когда родитель вернулся, хмурый малыш сидел в углу, молотка на шкафу не было, а на лбу у сына красовалась огромная шишка. Сразу стало все понятно.

Учился мальчик в 4-й школе, занимался дзюдо у тренера Сергея Викторовича Рязанова. В 18 лет выполнил норматив мастера спорта России по дзюдо. Стал призером Тамбовской области по рукопашному бою. После окончания Державинского университета работал бухгалтером в Промышленно-технологическом колледже, а по вечерам учил мальчишек приемам дзюдо в детско-юношеской спортивной школе. Его воспитанники занимали призовые места. Но Всеволода больше привлекала оперативная работа, и он подал заявление в ФСБ. Собеседование и физподготовку прошел сразу. Доктор — полковник медицинской службы — напрямую спросил: «Сева, скажи честно, ты зачисляешься прапорщиком, а тебе не обидно? Чтобы получить офицерское звание, нужно иметь или военное образование, или специальное». — «Нет. Почему? Я надеюсь стать офицером», — утвердительно ответил юноша. Сначала он устроился помощником дежурного коменданта в ФСБ, а потом, выиграв конкурс на замещение вакантной долж-

Дмитрий Трофимов

Всеволод Трофимов

ности среди сотрудников, проходил службу в Тамбовском спецназе в группе сопровождения оперативных мероприятий. Не раз он участвовал в операциях на Кавказе, где складывалась напряженная обстановка, из которых всегда возвращался живым. Через три года в Тамбове Всеволоду стало тесно, он чувствовал в себе колоссальный потенциал. И поехал в Москву. «Я в какой-то момент почувствовал, что нужен стране, нужен своей Родине, во мне заинтересованы», — откровенно говорил он отцу. В 2015 году был переведен на службу в Центр специального назначения (ЦСН) ФСБ России.

Вячеслав Александрович бережно достает из шкафа несколько не выцветшую от времени майку черного цвета с эмблемой Центра, подаренную сыном.

«Давно это было, — вздыхает отец. — Сева три года подряд выигрывал нормативы, включающие в себя прыжки с парашютом с вышки, с вертолета, с самолета. В воздухе засекают время. Приземлился, бежит, берет оружие, должен поразить одну цель, затем другую. Достиг уровня мастера спорта по практической стрельбе» ...

И все-таки Всеволод получил звание лейтенанта. «Папа, я стал офицером и не опозорю это звание. Я — офицер Трофимов и не допущу, чтобы кто-то сомневался во мне. Может, я чего-то и боюсь, но этого никто не увидит, это глубоко внутри», — делился переживаниями сын. Он прослужил на защите Родины более десяти лет. Неоднократно командировался в регионы со сложной оперативной обстановкой, но куда именно не говорил. Не имел права. Лишь при встрече иногда просил отца разрешить выпить лишнего.

Как-то, вернувшись из очередной командировки и вспоминая прадеда Филиппа, Всеволод заявил: «Нас выбрала земля, и я понял, что пока мы не изменим отношение к нашей земле, она нас не бросит, потому что любовь взаимная. Мы свою землю никому не отдадим!» Несмотря на всю сложность выполняемых операций, Всеволод всегда был жизнерадостным и удивительно жизнелюбивым человеком.

12 января 2020 года он уехал на очередное задание. Вернуться должен был 12 апреля и перейти на новую службу. Но в начале февраля произошло непоправимое — в далекой горячей точке погибли четыре офицера, в их числе — Всеволод. Они могли бы спасти свои жизни, но не покинули боевых позиций до конца.

Всеволод Трофимов за проявленный героизм был награжден орденом Святого Георгия IV-й степени (посмертно) и ведомственной медалью ФСБ России.

На скорбной стеле в нашем городе, возведенной на улице Гоголевской, в честь погибших в локальных войнах памяти Всеволода посвящена мемориальная доска. В Тамбове в память о нашем земляке-герое прошел турнир по дзюдо прошлой осенью, а в родном Мичуринске — 20 мая этого года. Подрастают двое сыновей Всеволода — Филипп и Лева, — и ориентиром в жизни для них всегда будет мужественный отец и его героические поступки. Спустя год на телефон Насти, жены погибшего, пришли деньги: их перевел его друг, с которым вместе тренировались и ездили по соревнованиям, Пашка Свешников. И одноклассники Севы до сих пор вспоминают, каким он был необыкновенным парнем — скромным, ответственным, очень добрым, всегда готовым прийти на помощь, и им не верится, что его больше нет...

* * *

Средний сын — Александр Трофимов (1980 г.р.) — окончил Волгоградскую следственную академию. Он мечтал наводить порядок в своей стране. Во время учебы проходил практику в Мичуринске и зарекомендовал себя грамотным специалистом, обладающим аналитическим умом и быстрой реакцией. Из девяти

претендентов на должность следователя выбрали Александра, и он вернулся на родину. Работал следователем, потом перевелся в линейный отдел. Участвовал в военных всероссийских соревнованиях и впервые в истории отдела занял столь высокое призовое второе место. В день рождения 28 августа 2008 года в 28 лет Александру присвоили досрочно звание майора. Вскоре он перебрался в Калининград. Жена Галина с тремя дочерьми и сыном — его неизменные спутники в жизни.

* * *

Конечно, великое дело — растить сыновей, радоваться их успехам, уверенно смотреть в будущее, вместе собираться за одним столом. Но жизнь вносит свои коррективы. Двое сыновей Вячеслава Александровича Трофимова сложили головы на полях войны. А у него осталась память и гордость за детей, значит, и жизнь прожита не зря. «Когда дети способны выбирать, трудно изменить их решение, но они выбрали достойный путь служения Родине и выполнили свой патриотический долг до конца», — считает отец. Имена его героически погибших детей увековечены в людской памяти, а значит, они будут жить вечно.

Не так давно ушел из жизни и Вячеслав Трофимов. Мы будем помнить его.

ФОРТЕ И ПИАНО В ЖИЗНИ ХАЙКИНОЙ ТАТЬЯНЫ

Татьяна Хайкина — разносторонняя личность и удивительный человек, который оставляет добрый след в душе многих встречающихся на ее жизненном пути людей.

Букетик цветов

Татьяна Хайкина воспитывалась в атмосфере большой любви, уважения и взаимопонимания.

— Мама — Глафира Павловна — домохозяйка, но необыкновенно творческая личность, играла на гитаре. Она была тонкой натурой и коммуникабельным человеком, ей не составляло труда разговаривать с собеседником на разные темы, она с легкостью понимала и разделяла его чувства. Папа — Яков Иосифович — занимал руководящие должности; порядочный, честнейший и принципиальный человек. Он прошел трудными дорогами Великой Отечественной в войсках правительственной связи, награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями. Уже будучи на пенсии по выходным дням он ходил за продуктами на рынок и всегда возвращался с букетиком цветов для мамы, это было очень трогательно, — с большим теплом вспоминает о родителях Татьяна Яковлевна.

В доме Хайкиных по тем временам была неплохая библиотека классической литературы. И неудивительно, что маленькая Таня с трех лет могла уже самостоятельно читать. А в шесть лет осилила роман Льва Толстого «Анна Каренина» (16+), но детским умом тогда ничего не поняла.

Глафира Павловна учила детей выразительному чтению. И Татьяна с удовольствием декламировала в лицах отрывки из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (12+) Александра Пушкина, из «Василия Теркина» (12+) Александра Твардовского, из стихотворений Агнии Барто (6+) и других поэтов. В школьные годы, проявляя артистичность, выступала со сцены, занимала призовые места. Это заложило основу ее дальнейшей творческой деятельности.

Музыка — основа жизни

В середине прошлого века многие начинали испытывать потребность в развитии творческих задатков личности, тянулись к художественному образованию и музыке. Татьяне было около шести лет, когда впервые открылась подготовительная группа в мичуринской музыкальной школе, куда ее и записали родители. Ее мама мечтала, чтобы дети научились игре на фортепиано. Вела занятия, как сейчас помнит Татьяна Яковлевна, Юлия Дмитриевна Дунаева. Первые годы инструмента не было, девочка ходила заниматься к крестной. На фортепиано копили долго, в чем-то ущемляя себя.

— И с того времени музыка стала основой моей жизни. Любимый композитор? Скорее всего, Петр Чайковский. Он всеобъемлющий. И Бах, и Вивальди, и Щедрин. В разные моменты жизни требуется разная музыка, — рассуждает Татьяна Хайкина.

Она поступила в Тамбовское музыкальное училище имени Рахманинова. Юную девятнадцатилетнюю студентку Татьяну на последнем курсе пригласили преподавать в музыкальной школе, что доставило ей большую радость. Она хорошо помнит одну из своих первых учениц (в настоящее время это известный в городе хормейстер Наталья Зверева, руководитель образцового коллектива хора «Соловушка» имени Виктора Суханина).

— Открывается дверь — и всплывает улыбка, а потом появляется маленькая сияющая пятилетняя девочка, — так повествует о первом знакомстве с Натальей Татьяна Яковлевна.

55 лет по выбранному пути

Все начинается с мечты. Лариса Павловна Гончарова, возглавлявшая в то время городской отдел культуры, была приверженцем хореографии и балета. 60-е годы прошлого века были сложные, и об этом виде сценического искусства можно было только мечтать.

— Весной 1968 года она пригласила Любовь Бендерскую, выпускницу Воронежского хореографического училища и Санкт-Петербургской академии, для создания народного коллектива ансамбля классического танца «Росинка». А первого сентября открылась хореографическая школа, одна из первых в России. Моя трудовая деятельность началась с 16 сентября. Это было очень интересно, начало становления школы, разработка программ, концепций. К этому времени я уже преподавала в музыкальной школе. Пригласила меня первый директор хореографической школы Маргарита Константиновна Ростова, — вспоминает Татьяна Яковлевна.

Чуть позже на посту директора ее сменила Евгения Самусенко, а потом — Лидия Яценко. А школа реализовывалась довольно сложно. Процесс этот требовал много сил, энергии и полной отдачи.

— Приходилось самим развешивать первые самодельные афиши, продавать билеты на концерты. В первые годы существования школы многие в городе даже не знали слова «хореография». Нужно было разрабатывать программы по хореографии, общему фортепиано, истории балета, вырабатывать специфику аккомпанемента классического и народного танца. В школе сложилась своя система в подготовке концертмейстеров балета, — возвращается к истокам становления хореографической школы Татьяна Хайкина.

В ее трудовой книжке всего две записи. Первая — работа в музыкальной школе. А второе и главное место работы по сей день — хореографическая школа. На протяжении более 55 лет она остается верной выбранному пути.

«Улыбка» Татьяны

Талантливый концертмейстер, прекрасный преподаватель по классу фортепиано и истории балета, мудрый наставник — такой видят Татьяну Яковлевну воспитанники. Нравственность, ответственность и любовь к ученикам — основные критерии ее педагогической деятельности. Неоднократно она становилась победителем общероссийских и областных конкурсов «Лучший работник культуры Тамбовской области», была награждена знаком Министерства культуры РФ «За отличную работу».

Татьяна Хайкина

— Мои ученики — все талантливые, не может быть иначе. В каждом человеке есть талант, и многие этот талант реализовывают до сих пор.

Я надеюсь, во всех моих учениках есть кусочек моего труда, моей души. Хореографы высшего класса — Нина Хатунцева, Анастасия и Екатерина Бендерские, Ольга Саяпина, заместитель директора хореографической школы Анна Лигаева и многие другие, — рассказывает Татьяна Хайкина.

Любимому делу Татьяна Хайкина отдает себя всю без остатка, и в душе каждого ученика находит отклик. Некоторые до сих пор шлют слова благодарности.

Анастасия БЕНДЕРСКАЯ: *«Вечер добрый, Татьяна Яковлевна! Спасибо Вам огромное! Я купила фортепиано! Вспоминаю! Бетховена наизусть уже, а Шопена по нотам. Радуюсь, что умею играть, и руки помнят! Спасибо Вам!»*

Инна УЛАСЕВИЧ: *«Радостных дней, счастливых минут, прекрасных мгновений, любимых и дорогих людей рядом, здоровья и всего, чего хотите сами! Будьте счастливы. Я Вас люблю».*

Ирина БОРЗУНОВА: *«Дорогая Татьяна Яковлевна! Поздравляю Вас с днем рождения! Всегда вспоминаю о Вас с любовью и теплотой. Вы — замечательная! Мой младший сын Саша, 11 лет, кстати, учится в музыкальной гимназии Ахматовой в Пушкине, и Вы точно причастны к этому. Хочу поделиться приятным — отправляю удачное выступление сына на концерте, посвященном 150-летию Рахманинова».*

Ольга САЯПИНА: *«Татьяна Яковлевна, еще раз хочу поздравить Вас с юбилеем школы, в становление и развитие которой Вы внесли огромный вклад. От всей души говорю огромное спасибо за Ваш не только творческий труд, но и духовный!»*

Но кроме основной работы, свой энтузиазм она воплощала и во внеклассной деятельности. В хореографической школе более 20 лет существовал организованный Татьяной Хайкиной театр «Улыбка». Таким образом реализовалась ее детская мечта. Вместе с учениками ставили разные сценки, даже мини-балеты, рождественские и пасхальные постановки. С ними несколько раз ездили в Стаевский детский дом, занимаясь миссионерской деятельностью. Виктор Местюков закупал подарки, протоиерей Павел Медведев и отец Димитрий Быковнесли детям слово Божие.

Жажда духовных знаний

В 35 лет она осознала, что одного музыкального образования мало, поэтому поступила на филологический факультет Мичуринского педагогического института и успешно его окончила.

Творческий человек не может жить без мечты. И очередной мечтой Татьяны Хайкиной стало желание духовного наполнения.

Еще с детства привлекали внимание девочки иконы в доме очень верующей крестной. В семье Хайкиных отмечались главные христианские праздники. Но уже во взрослой жизни, когда она стала понимать и осознавать Бога, появилась жажда духовных знаний.

С момента открытия Ильинского храма (1993 год), освящать который приезжал уроженец нашего города митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев), стала его прихожанкой. Позже начала преподавать в воскресной школе церковно-славянский язык, а затем вероучительные дисциплины.

— С жадностью впитывала в себя всю возможную духовную литературу. И мечтала получить как можно больше знаний, мечтала учиться по этому направлению. Знала, что этого не будет никогда, потому что женщин в семинарию не принимают. Но Господь исполняет все наши желания, которые идут во спасение. Даже когда ты об этом уже не думаешь, и пройдет много времени, вдруг понимаешь, что желание исполнено, — делится сокровенным Татьяна Яковлевна.

Настоятель Ильинского храма протоиерей Павел Медведев однажды сообщил, что в Московской духовной православной академии набираются краткосрочные курсы для мирян, а позже они стали основой для полноценного высшего духовного образования.

— Восторг был необыкновенный. Я с радостью продолжила это обучение и окончила Высшие Богословские курсы в 2008 году в составе первого выпуска. Лекции читали светочи богословия: архимандрит Платон (Игумнов), профессор Московской духовной академии Алексей Осипов, профессор Константин Скурат, профессор Михаил Дунаев, священник Валерий Духанин, игумен Киприан (Яценко). Была пора становления Православия, пора большого энтузиазма и огромное желание. До этого ездила с отцом Павлом на молодежные православные форумы в Москву в храм Христа Спасителя. Было очень много интересных встреч. Когда душа просит, совмещать с основной работой было несложно. А душа просила и просила духовного наполнения и никак не могла насытиться, — воодушевленно повествует Татьяна Хайкина.

Ее пригласили преподавать в пединституте «Введение в православное вероучение», а позже — «Основы христианского искусства». Интересно, что некоторые студенты после обучения воцерковились, а теперь приводят в храм и своих детей.

Как катехизатор Татьяна Яковлевна проводит в Ильинском храме огласительные беседы, то есть устно объясняет православную веру тем, кто приходит креститься сам или крестить ребенка.

— Свыше трех тысяч человек я огласила за это время, из них было только человек 7-8, которые знали основную молитву «Верую». Очень важно, на какую почву попадет слово. После огласительных бесед и крещения ребенка один папа уже два года по воскресеньям приводит причащать свою дочь, — констатирует катехизатор.

**«Не нам, не нам, Господи,
а имени Твоему даждь славу...»**

Все вехи жизненного пути для нее одинаково важные. «Когда стала разбираться в богословии и догматике, очень хотелось с кем-то поделиться своими знаниями», — рассказывает Татьяна Яковлевна.

Через некоторое время после таких мыслей отец Павел, в то время руководитель молодежной политики Тамбовской епархии, неожиданно благословил ее выпускать свою духовно-просветительскую газету. Газете придумали название «Преображение», Виктор Лисонин, ныне протоиерей Тамбовской епархии, нарисовал

логотип. С этой идеей отец Павел и Татьяна Хайкина направились к Валерию Аршанскому, который был тогда главным редактором газеты «Мичуринская правда». Первоначально было задумано как автономное издание (сейчас это неотъемлемая часть газеты). Валерий Аршанский одобрил проект, и первый номер «Преображения» в газете «Мичуринская правда» 4 мая 2002 года вышел в свет. И с тех пор каждый выпуск «Преображения» проходит сквозь сердце и душу бескорыстного автора-составителя — Татьяны Хайкиной.

— Первый номер скомпоновали, а дальше все по воле Божией. Все номера — это не моя заслуга. «Не нам, не нам, Господи, а имени Твоему даждь славу» — негласный эпиграф выпусков «Преображения», — считает автор-составитель.

В копилке ее заслуг — архиерейские грамоты за православные выпуски «Преображения», благодарственное письмо от председателя Молодежного отдела РПЦ архиепископа Александра (Могилева), епархиальная медаль священномученика митрополита Киевского Владимира третьей степени, юбилейная медаль «В память 100-летия восстановления Патриаршества в РПЦ» и памятный знак к 10-летию епархии. Татьяна Хайкина является лауреатом премии имени Василия Кубанева, награждена именной муниципальной премией имени митрополита Питирима за духовную деятельность и образование.

— Как-то в Боголюбском соборе ко мне подошла незнакомая женщина с палочкой, представившаяся прихожанкой храма Валентиной. Спрашивает: «Вы Татьяна Хайкина?». Откуда узнала, неизвестно. Я ее впервые вижу. «Ой, какое же вам спасибо за “Преображение”. Как это важно для души». Тронуло до слез, — поделилась Татьяна Яковлевна.

Мелодия души

Она открыта миру, и это помогает увидеть новые грани ее личности. Эрудиция, высокий интеллект и тонкое чувство прекрасного подчеркивают индивидуальность этого необычного человека. Однажды переполнявшие юное создание эмоции выплеснулись поэтическими строками на бумаге. А свое первое стихотворение Татьяна написала будучи ученицей второго класса. Ее стихи воздушны, невесомы и очень проникновенны. Они и хрупкие — хрустальные и «набатом звучащие».

— Из поэтов, конечно, мне нравится Пушкин — наше все. В молодости была поклонницей творчества Андрея Вознесенского, а дипломную работу в педагогическом институте писала по творчеству Афанасия Фета. Сейчас ближе философские и богословские размышления о происходящем в мире и в каждой человеческой душе — стихотворения иеромонаха Романа Матюшина, — делится мыслями о поэзии Татьяна Хайкина.

...Господь для чего-то сводит людей не просто так. И надо найти какую-то зацепочку, чтобы понять для чего этот человек встретился на твоём пути.

Перелистаны страницы жизни, диалог заканчивается, но создается ощущение, что осталось еще много непрочитанных листов...

РАЗВЕРНИСЬ, ДУША, С БАЯНОМ

За стеной послышалось легкое пошаркивание, осторожно скрипнула дверь больничной палаты, и из-за нее показалась голова санитарочки: «А я думала, что у вас телевизор. Слышу, Зыкина поет». Да, это наша местная Зыкина — Валентина Фролова, полная жизнелюбия и оптимизма, которая исполняла народные песни и романсы временным друзьям по палате и диете номер пять. Бывает, что даже в узких больничных рамках происходят знакомства с интересными людьми.

Только раз судьбою рвется нить

Ее детство прошло в небольшом селе с очень интересным и необычным названием Глазок. На долю родителей выпало грозное время Великой Отечественной войны. Мужчины ушли на фронт, и вся тяжелая работа легла на женские плечи. Маме молоденькой девчонкой пришлось сесть за руль трактора. В победном мае, пройдя сквозь все ужасы опаленных войной дорог, вернулся будущий отец. Он слыл первым парнем на селе — баянист-виртуоз Василий. Судьба подарила им встречу и связала, казалось бы, счастливой жизнью — детский смех и гомон заполняли все большее пространство...

Кнопочки баянные

Маленькая Валя просила маму купить баян. Да какой тут баян, денег едва хватало сводить концы с концами, да и то помогали бабушка с дедушкой. От отца помощи никакой не было. Тут бы прокормить пятерых детей...

Отец... Где-то был ее отец, которого очень любила, вместе с которым влюбилась в баян и задушевные слова песен. Она внимательно наблюдала, как умело бегали по кнопочкам его пальцы. Ах, если бы... Мечта — так же прижать к груди баян и развернуть меха — родилась еще в далеком детстве.

С трех лет Валюшка была главным его компаньоном на всех праздничных мероприятиях в селе. Однако веселая жизнь продолжалась недолго. В послевоенные годы мужчин на селе — по пальцам пересчитать, многие не вернулись с поля боя. Развеселый, удалой баянист был душой любой компании и любимцем женщин. И когда его благоверная носила под сердцем пятого ребенка, вдруг неожиданно принял решение уйти из семьи.

Сердце матери разрывалось от боли — такого предательства от любимого, от славного защитника Родины, воина-победителя она никак не ожидала. В отчаянии, захлебываясь в рыданиях, побежала со своим горем к свекрови, которую шокировало поведение сына.

— Уходишь, Васятко? — с укором вопрошала его родительница.

— Ухожу.

— От малолетних детей уходишь?

— Ухожу, мама...

— Не свить тебе тепла гнезда.

Как приговор прозвучали прощальные слова матери.

Почти в одно время родились дети у его бывшей и новой супруг, и получилось так, что учились они когда-то в одном классе. Это доставляло немало страданий. А потом отец уехал с новой семьей в Алтайский край, вычеркнув из жизни бывшую жену и пятерых своих малолетних детей, не обременяя себя ни добрым словом, ни материальной помощью.

Нежной мелодии звуки

Валентина не хотела отступать от своей мечты — упорно и целеустремленно торила себе дорогу. И после окончания школы дитя ромашковых полей поехала поступать в культпросветучилище Тамбова на хоровое отделение. Отправилась покорять областной город, как когда-то Фрося Бурлакова покоряла Москву. Страшно боялась экзаменов. На вокале запела. Пронзительно звенел голос молодой девушки. А в нем — та самая Россия с шелестом берез и пшеничных колосьев на необъятных полях, шумом полноводной реки, нежным пением птиц в небесной сини.

Комиссия попросила ее выйти за дверь. Мысли в голове путались и неслись одна быстрее другой. Минуты ожидания тянулись до бесконечности долго. Но вот ей объявили, что принята в училище без сдачи остальных экзаменов. И отправили домой, чтобы забрала лучшие свои наряды и вернулась на учебу.

Валя приехала в родное село раньше времени, дед ухмылялся: «Наша-то вернулась, видать, провалилась с треском». А здесь — такая радость. Только нарядов никаких у нее не было. Благо концертные костюмы выдавались напрокат.

И закрутилась вихрем жизнь. Талантливая студентка была востребована в культурной жизни областного центра, ее без конца приглашали на концерты и за пределы области.

Говорят, что романсы исполняются сердцем, а она и пела сердцем. Ее нежный голос раздавался над бескрайними просторами России.

Но мысль обучиться игре на баяне не покидала ее. Инструмент она брала напрокат, а вот репетировать негде было — все аудитории заняты, и приходилось юной студентке изучать азы музыкальной грамоты рядом с местом общего пользования. А позже играть на баяне разрешила ей хозяйка квартиры, комнату в которой она снимала. И не расставалась Валентина со своим любимым инструментом. Заслышав нежной мелодии звуки, подтягивались соседи и с удовольствием слушали русские напевы.

Валентина Фролова в центре

Я встретил вас...

В один из приездов на каникулы мать предупредила Валу, что приехал отец и желательно поменять на это время свои маршруты, чтобы избежать неловкого столкновения. Но судьба распорядилась иначе. Как-то она прогуливалась со своей самой младшей сестрой Женечкой, окольными путями шли к портнихе — надо было пошить студентке новый костюм. И спустя долгие годы разлуки они все же встретились с человеком, давшим им жизнь, совсем неожиданно. Задрожало все внутри — учащенно забилося сердце, опалило багрянцем щеки, вот он перед ними — такой до боли родной и до отчаянья чужой. Она очень ждала этого момента, но и ужасно боялась. Женьке — тому самому пятому ребенку — было очень интересно взглянуть на отца, к тому же он дал ей денег, от которых отказалась старшая сестра, и теперь она могла тоже заказать себе новый костюм. Отец предложил зайти в клуб и пообщаться. Директор досугового центра, зная способности Валентины, попросил ее что-нибудь сыграть.

Собрав все свои душевные силы, она заиграла, да так, что зазвенела тишина. «Я встретил вас, и все былое...» — в такт баянным кнопочкам взывала душа. Она играла, как на самом ответственном экзамене, мастерски растягивала меха гармошки, и на глаза присутствовавших накатывались слезы. А потом ее попросили исполнить «Матаню». И тут отец был сражен наповал. У него перехватило дыха-

ние. Никто не мог сыграть в селе лучше его, а тут... Защемило сердце, его словно наизнанку вывернуло. Василий захотел вернуться в семью. Мать была как бы и не против, но вынесла все на суд детей. Сыновья же были непреклонны, они не смогли простить отцу предательства. Так и не свил он себе «тепла гнезда», трагически на чужбине оборвалась его жизнь.

Где родился, там и сгодился

Воронежский народный хор, филармония Тамбова, куда ее неоднократно приглашали, — все это казалось далеким и чужим, и после окончания культпросветучилища, а затем и института культуры Валентина вернулась в свой родной Глазок, в котором с четвертого класса участвовала в художественной самодеятельности. Ее трудовые будни начались в должности заведующей Глазковской библиотекой. А потом на протяжении почти двадцати лет возглавляла отдел культуры Мичуринской районной администрации.

Талантливо руководила вокальным ансамблем «Яблонька», который в 2001 году стал лауреатом Всесоюзного конкурса «Эх, Семеновна!». Валентина Фролова могла бы выйти на большую сцену и сделать карьеру. Но она решила остаться на малой родине и прославлять родной Тамбовский край, за что отмечена медалью «За заслуги перед Отечеством» второй степени. Ее имя — в энциклопедии заслуженных людей родного города.

Несмотря на многочисленные звания и регалии, заслуженный работник культуры России Валентина Фролова была человеком довольно простым, добродушным и очень легким в общении.

«Корифеем никто не родится. Учиться никогда не поздно. В любой ситуации надо быть, прежде всего, человеком и помогать людям» — таким был девиз всей ее жизни, земной путь которой закончился в прошлом году...

А я вспоминаю: за окном больничной палаты давно зажглись звезды, и мы просим Валентину исполнить что-нибудь еще. И звучит ее чудный голос:

Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напечалит
Эта темно-вишневая шаль...

Фото автора и из архивов ее героев

Наталья Шашкова,

директор музея-усадьбы А.М. Герасимова

ЖИЗНЬ КАК РЯД ПРЕКРАСНЫХ МГНОВЕНИЙ

(Первый президент Академии художеств СССР
в своем родном доме)

В городе Мичуринске есть уникальный музей — музей-усадьба Александра Михайловича Герасимова. 9 сентября 1975 года вышло постановление Тамбовского областного Совета депутатов о решении открыть в Мичуринске, на родине художника, его дом-музей. В этом году исполняется 50 лет со дня его основания.

Выдающийся советский живописец, первый народный художник СССР, лауреат четырех Государственных премий СССР, первый президент Академии художеств СССР А.М. Герасимов родился 12 августа 1881 года в Козлове (ныне Мичуринск). В этот дом, построенный отцом художника, семья переехала, когда мальчику было пять лет в 1886 году. Здесь прошли детские, юношеские годы до поступления в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, жил он со своей женой и дочерью до 1925 года, сюда приезжал в гости до последних лет жизни. В доме сохранились подлинные вещи семьи Герасимова — мебель, документы и фотографии, отражающие весь жизненный путь художника. По аутентичному восприятию оригинальной обстановки музей занимает одно из первых мест в числе российских мемориальных музеев. На территории усадьбы разместились постройки 1880-х годов: каретный сарай, погреб, творческая мастерская, в которой художник активно работал в 20-40 годы, мемориальная терраса, где летом 1935 года художник создал знаменитую «Мокрую террасу. После дождя» (находится в ГТГ). А в день столетия художника был открыт прекрасный выставочный зал с самым большим в России музейным собранием произведений мастера.

Имя Александра Герасимова часто ассоциируется с его культовыми произведениями — «Ленин на трибуне» и «На страже родины. Сталин и Ворошилов в Кремле». Чтобы понять, каким удивительным живописцем, тонким пейзажным лириком, прекрасным портретистом был Александр Михайлович, нужно увидеть коллекцию нашего музея. В собрании музея — 141 произведение художника: от самых ранних до картин, написанных в 50–60-е годы. У истоков создания музея стояли ученые, краеведы, журналисты, работники культуры и искусства. Первым директором стала заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии имени А.М. Герасимова Тамара Ильинична Воронова. Она посвятила почти пятьдесят лет музею, лишь два года не дожив до этого юбилея.

Александр Герасимов с Любовью Орловой

Основу нашей коллекции составили 54 произведения из фондов Мичуринского краеведческого музея. Неоценимую помощь оказали друзья и сослуживцы А.М. Герасимова по Академии художеств: М.М. Захваткин и А.Н. Шабельников. Некоторые работы были приобретены из мастерской художника у его наследников. Мы гордимся ранними работами Александра Михайловича, созданными им в период учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Как известно, в русскую живопись Герасимов вошел именно как пейзажист, «певец большаков». «Тройка», уносящая зрителя в заснеженную даль зимней дороги, «Март», «Крайняя изба», «Дворик в Козлове», «Домик на Питейной улице» — все это трогательные зарисовки маленького купеческого городка, с его неспешностью и простотой.

На одной из ученических выставок на молодого художника обратил внимание известный писатель, журналист Владимир Алексеевич Гиляровский. Они подружались. Так, летом 1912 года Александр был приглашен к Гиляровскому на подмосковную дачу, которую в шутку называли «Гиляевкой», где в течение двух месяцев написал портреты Владимира Алексеевича и его дочери Надежды, а спустя год — портрет мужа Надежды искусствоведа Виктора Лобанова.

20-е годы XX века у нас представлены женскими портретами: его любимой модели, жены и неизвестной актрисы, где мы видим в отражении зеркала и самого художника. Рядом с прекрасными женщинами — цветы. Как любил говорить Герасимов: «Цветы — это сок земли, бьющий через край. Я так люблю родную землю, что мне дорого все, что с ней связано, что на ней живет и растет...» Так писать «мир вещей» мог лишь художник, восторженно влюбленный в жизнь. Сильные, яркие, царственные розы и пионы — частые герои его натюрмортов. Сколько любви и нежности в его полевых цветах, которые для Александра Михайловича всегда были напоминанием о родной Тамбовщине.

Впечатляет масштабная «Бойня», созданная по воспоминаниям юности: отец художника занимался торговлей скотом, был прасолом.

Есть в нашей коллекции и графические произведения художника из тематической серии, посвященной юбилею Москвы (1947 г.), из серии «По Индии» (1954

г.). В Индию Александр Михайлович был приглашен для написания портрета премьер-министра Индии — Д. Неру. А также работы из Египта и Китая.

Особая страница творчества Герасимова — его работа над книжной иллюстрацией. К юбилею А.С. Пушкина художник создает шесть иллюстраций к роману «Евгений Онегин», две из которых — у нас в экспозиции. К несомненным удачам художника относится его работа над иллюстрированием и оформлением книги Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», вышедшей в свет в издательстве «Academia».

Герасимов посвятил почти двадцать лет созданию нескольких вариаций картины «Деревенская баня», где мастерство и живописная одаренность художника проявились с особой силой. Это произведение художника при жизни Александра Михайловича выставляли лишь в Праге и Вене, где о Герасимове отзывались как о «советском Рубенсе». Советский зритель познакомился с «Баней» лишь в нашем музее. Игра света и цвета на влажном полу, женских фигурах придает зрелищу удивительную весомость: зритель, словно присутствует на празднике жизни. Лишь к этой картине художник написал огромное количество этюдов — при том, что этюды писать страшно не любил.

Даже к «Первой конной», где художник изобразил 45 командиров Первой конной армии, он написал лишь пятьдесят этюдов. Один из них — у нас в экспозиции: портрет комдива Зотова. А.М. Герасимова можно считать одним из самых известных кремлевских портретистов. Художник имел возможность близко наблюдать И.В. Сталина, его портреты вождя признаны каноническими. Большим другом Александра Михайловича был К.Е. Ворошилов, художником написано много его портретов. В 1942 году Ворошилов был в Мичуринске у Герасимова. За годы Великой Отечественной войны художником была создана серия портретов героев, среди которых нельзя не отметить портрет маршала Ф.И. Толбухина — выдающегося военачальника, освободившего пять европейских столиц. Герасимов специально летал в Румынию, где в тот момент находился Федор Иванович. Как и у всех военных портретов кисти Герасимова, здесь мы не видим атрибутов героизации.

В 1926 году, написав многих своих современников, Герасимов стал первым, кто обратился к образу И.В. Мичурина. В конце 30-40 художника часто приглашают для оформления павильонов ВДНХ, так в 1941 году павильон, посвященный мичуринской науке, украшал портрет «Мичурин в цветущем саду». Это, пожалуй, один из самых известных портретов ученого. Именно этот портрет предлагает обычно поисковик в ответ на запрос о портретах Мичурина. В нашу коллекцию он попал из Челябинска, куда был эвакуирован во время войны. Иван Владимирович изображен в цветущем яблоневом саду с веточкой яблони в руках, хотя традиционно его изображают с плодами. Позади ученого — цветущее буйство мичуринских садов, то, о чем так мечтал Иван Владимирович. Александр Михайлович очень любил писать цветущие сады, бескрайние поля и живописные дороги Тамбовщины. Это был художник, безгранично влюбленный в свою родину.

За полувековую историю своего существования музей-усадьба А.М. Герасимова стал известен не только в Мичуринске-наукограде, но и по всей России благодаря своей просветительской работе и, в том числе, выставочной деятельности. Первой выставкой-событием стала юбилейная выставка произведений А.М. Герасимова, посвященная 100-летию со дня рождения художника, представившая коллекцию картин мастера, собранных из лучших музеев страны — таких как Государственная Третьяковская галерея, Государственный русский музей и других. Гостями праздника были выдающиеся советские художники: народные художники СССР Д.А. Налбандян, Б.Е. Ефимов, народный художник РСФСР А.Н. Яр-Кравченко и другие члены Академии художеств СССР. Следуя этой традиции, каждый юбилей художника музей старался отметить подобными выстав-

ками в рамках сотрудничества с Третьяковкой, Русским музеем, Волгоградской картинной галереей, Рязанским художественным музеем и другими. За 50-летнюю историю в музее были организованы выставки народных художников СССР Д.А. Налбандяна и Н.Н. Жукова, народного художник РСФСР А.Н. Яр-Кравченко, русских художников Н.К. Рериха и Д.А. Щербиновского, народных художников России Э.К. Церетели, А. Папикяна, С.М. Никиреева, В.Б. Попова, заслуженных художников М. Абакумова, В. Миронова, ученика А.М. Герасимова Э. Хачатряна, В. Сизова и других. Музей активно сотрудничает с художниками Липецкого, Воронежского, Московского, Тамбовского отделений СХР, что позволяет знакомить зрителей с разными школами и традициями в искусстве. Каждый год у нас проводится большая знаковая выставка. И нынешний год — не исключение. В конце 2025-го мы планируем показать работы известной армянской художницы Гаянэ Хачатурян, творчеством которой восхищались А. Тарковский и С. Параджанов: они считали Гаянэ Хачатурян самой значимой художницей второй половины XX века.

Фонды музея насчитывают более трех с половиной тысяч произведений выдающихся русских, советских и российских художников, что позволяет музею участвовать в разнообразных выставочных проектах. Например, в 2023–2024 годах мы участвовали в проекте Музея русского импрессионизма «"Отличники". Пенсионерские поездки русских художников 1870–1910 годов» и выставке «Без полутонов» к 100-летию Зиновия Попова Воронежского художественного музея им. И.Н. Крамского. В этом году мы получили предложения от двух столичных музеев, Музея русского импрессионизма и Музейного объединения «Музей Москвы», к участию в выставочном проекте, посвященном 150-летию Владимира Гиляровского. Картины А.М. Герасимова до этого года лишь однажды покидали наш музей — на выставку в Германии.

Творчество Александра Михайловича Герасимова привлекает истинных ценителей искусства с каждым годом все больше, а то, что можно еще и познакомиться с историей семьи художника, увидеть оригинальные вещи и документы Герасимовых, окунуться в атмосферу старого купеческого города, придает особое очарование нашему музею. А.М. Герасимов получил поистине всенародное признание за свой яркий, жизнеутверждающий талант. «Я любил жизнь, казавшуюся мне рядом прекрасных мгновений, любил солнечную яркость и реалистическое искусство», — так сам художник охарактеризовал свою жизнь и творчество.

Екатерина Куликова,
научный сотрудник
Литературно-музыкального музея

УНИКАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(Музей как хранилище
духовно-нравственных ценностей)

Судьба Литературно-музыкального музея в Мичуринске удивительна и интересна! Бывший жилой дом, построенный в первой трети XIX века в изящной стилистике русского классицизма, — один из узнаваемых архитектурных образов города.

История дома, ныне являющегося объектом культурного наследия регионального значения, связана с биографиями князей Николая Борисовича и Юрия Николаевича Голицыных — музыкантов, общественных деятелей, проживавших в Козлове в середине XIX века. В советские годы здание было отдано для нужд государственных учреждений, а к концу 1980-х находилось в аварийном состоянии.

Восстановленный в начале 1990-х годов особняк получил вторую жизнь как Литературно-музыкальный музей, торжественное открытие которого состоялось в Мичуринске 25 июня 1995 года. В этом году учреждению исполняется 30 лет. Сейчас фонды музея насчитывают более 10 тысяч экспонатов, привлекающих внимание посетителей из разных уголков страны и зарубежья. Богатую коллекцию музея собирала первый его директор Наталья Георгиевна Мулярова, стоявшая у истоков учреждения. С 2013 года ее дело продолжено нынешним директором Еленой Владимировной Поляковой.

С чего же начиналась история музея? Изучив музейные фонды, можно наглядно увидеть, какая колоссальная работа была проделана. Об этом кропотливом труде свидетельствует переписка с писателями и поэтами Тамбовщины, деятелями культуры и искусства, краеведами и историками: В.Г. Шмерлингом, А.В. Стрыгиным, Б.И. Илешиним, И.С. Никулиным... Впоследствии переданные ими материалы, информация, экспонаты стали основой музейной коллекции, ее фундаментом. Музей строился подобно тому особняку, в котором и расположилось учреждение, — слаженно, надежно, на века. Шаг за шагом выстраивались необходимые элементы музея — концепция, тематико-экспозиционный план, экспозиция... В результате сформировался особый, узнаваемый облик и характер Литературно-музыкального музея. Антураж гармонично дополнили раритетные предметы мебели, музыкальные инструменты, среди которых такие редкие экземпляры, как

фисгармония «Yamaha» и банджолеле, а также внушительная коллекция мандолин и фортепиано рубежа XIX–XX веков. Нужно отметить, что это и единственный музей литературной направленности в Тамбовской области, хранящий в своих фондах богатое собрание печатных изданий, рукописей, биографических материалов. Но обо всем по порядку.

Музей стал уникальным пространством, позволяющим в полной мере познакомиться с культурными традициями Козлова-Мичуринска и проникнуться колоритом ушедшей эпохи. Концепция выстроена так, что, переходя из зала в зал, гости последовательно перемещаются от эпохи XIX века к современности. «Род князей Голицыных», «Музыкальная гостиная», «Музыкальные традиции Тамбовщины», «Литературные традиции Тамбовщины» — яркая панорама культурной жизни Тамбовского края открывается перед гостями музея, для которых обилие информационных и эмоциональных впечатлений от посещения такого камерного пространства, как правило, становится приятной неожиданностью. Музей завораживает детальностью подхода и вниманием к мельчайшим крупичкам прошлого, а атмосфера уютно-светлой ностальгии оставляет особое эстетическое «последкусие». Неудивительно, что знакомство с музеем вызывает стойкое желание стать причастным к его жизни, оставить свой след в его истории.

Здесь отдельно стоит сказать о музейной коллекции живописи и графики. Многие экспонаты были переданы в дар музею в результате сотрудничества с местными художниками. В конце 1990-х — начале 2000-х годов в штате учреждения трудились мичуринские художники Александр Иванович Михайлов и Виктор Владимирович Курьянов. Сейчас их работы украшают экспозицию. В знак своей преданности музею уроженец Мичуринска В.В. Курьянов, ныне проживающий в Москве и Тарусе, спустя много лет продолжает пополнять фонды музея своими произведениями, число которых достигло более 300. Это поистине беспрецедентный дар музею! Что же касается цикла рисунков А.И. Михайлова начала 2000-х годов, посвященного родному Мичуринску, это по сей день одна из привлекательных для посетителей частей экспозиции.

Визитной карточкой музея являются и репродукции портретов князей и княгинь Голицыных, созданных в 1990-х годах мичуринскими художниками Эдуардом Кушелевским и Алексеем Вострокнутовым. Знакомство с музеем гости начинают с галереи выдающихся личностей, оставивших свой яркий след в истории России. Но эта история не застыла на живописных полотнах — она продолжается, как продолжается род Голицыных. В Литературно-музыкальном музее не раз бывали современные представители княжеской династии: геолог, доктор минералогических наук Михаил Владимирович Голицын, Владимир Александрович и Александр Владимирович Голицыны.

Культурное наследие уютного городского особняка в наше время обретает новые воплощения в ярких музейных событиях. Как и прежде, гостей музея встречает парадная комната — музыкальная гостиная конца XIX века. Обставленный в духе той поры просторный зал с выходом на балкон является не только экспозиционным пространством, но и местом проведения многочисленных мероприятий музея, среди которых масштабный «Купеческий вечер» — культурно-просветительский проект, реализуемый на протяжении 10 лет. Этим собирательным названием, отсылающим к прошлому купеческого города Козлова, именуется театрализованный званый вечер с балльными танцами, поэзией, инсценировками, играми и развлечениями. Символично, что, согласно легенде, когда-то на балконе дома давал виолончельные концерты сам князь Николай Голицын — выдающийся музыкант своего времени. Сейчас эта традиция продолжается, и в стенах особняка вновь звучит живая музыка в исполнении артистов Тамбовской области и других регионов России. В их числе — заслуженный артист РФ М.Ю. Кустов

(г. Тамбов), заслуженный артист РФ В. Лензон (г. Москва), лауреат международных конкурсов, преподаватель Московской консерватории А. Малкус (г. Москва), артисты Тамбовского симфонического оркестра имени С.В. Рахманинова.

Важная часть экспозиции музея посвящена музыкальным традициям Тамбовщины. В экспозиционном зале, связанном с этой тематикой, представлены музыкальные инструменты, нотные издания, фотографии, документы, рукописи. Посетители знакомятся с информацией о композиторах, музыкальных деятелях, оставивших свой след в истории Тамбовского края: А.Н. Верстовский, А.Д. Кастальский, С.В. Рахманинов... Большинство экспонатов было передано в фонды музея из архивов одного из старейших образовательных учреждений города Мичуринска — детской музыкальной школы, ныне носящей имя С.В. Рахманинова. Знаменательно, что экспозиция повествует об этапах развития музыкального образования в Козлове-Мичуринске, ведущего свою историю от Народной консерватории, основанной в городе в 1918 году. Первым руководителем учреждения был Михаил Евгеньевич Зельдин — отец народного артиста СССР Владимира Зельдина. В фондах музея раритетные звуковоспроизводящие устройства: патефоны, выпущенные в послевоенное время, радиолы, проигрыватели. Большую ценность представляет внушительная коллекция грампластинок, многие из которых были выпущены в начале XX века.

Впечатляют литературные музейные фонды. Статус Мичуринска — Литературного города России обязывает! Городу с богатыми литературными традициями почетное звание было присвоено решением секретариата Союза писателей России в 2020 году, но еще задолго до этого та самая идея сохранения и популяризации наследия литераторов Тамбовщины лежала в основе создания Литературно-музыкального музея. Сейчас в экспозиции представлены имена более 40 поэтов и писателей, чьи биографии были прямо или косвенно связаны с Козловом-Мичуринском и Тамбовским краем. В фондах музея — антикварные издания конца XIX — начала XX века, книги советского периода, произведения современных авторов. В центре экспозиции находятся инсталляции рабочих столов писателей — К.А. Федина, обучавшегося в козловском Коммерческом училище в 1908–1911 гг., и В.Г. Шмерлинга, родившегося в Козлове. Взорам посетителей предстают раритетные столы-бюро, покрытые сукном, письменные принадлежности, среди которых можно найти и такие редкие предметы, как перочистка или пресс-папье.

Отдельное место занимают и пишущие машинки — незаменимые «орудия труда» советских писателей и журналистов. Многие факты, открывающиеся на экскурсии по музею, вызывают неподдельный интерес, например, трогательная история о том, при каких обстоятельствах оказался в Козлове юный С.Я. Маршак, или о том, каким образом с тамбовскими реалиями связана чеховская «Каштанка»... Никого не оставляет равнодушным рассказ о «козловских адресах» К.А. Федина — в то время студента, а в будущем — выдающегося писателя, с особой теплотой вспоминая время проживания в этом уютном городке как о лучших годах своей юности.

На протяжении многих лет Литературно-музыкальный музей выступает площадкой для проведения творческих встреч, презентаций книжных изданий, поэтических вечеров, литературных конкурсов. Учреждение не только хранит память о литературных традициях Тамбовщины, но и активно поддерживает начинающих авторов, в том числе является одним из организаторов Регионального литературного фестиваля «Вдохновение».

Музею удается не только поддерживать свой аутентичный облик, но и стремительно развиваться в ногу со временем. В 2022 году в рамках нацпроекта «Культура» музейное пространство было модернизировано и оснащено новым экспозиционным оборудованием и цифровыми мультимедийными устройствами. При этом важно отметить, что технические инновации не диссонируют с музейной концепцией, а служат ее логическим продолжением: интерактивное родословное древо князей Голицыных, стилизованное TV-зеркало, информационная карта с QR-кодами «Тамбовский край в жизни и творчестве композиторов», интерактивный киоск в виде раскрытой книги. Радостно, что музей интересен и доступен для взрослых и детей. Посетителям Литературно-музыкального музея представляется счастливая возможность совершить настоящее путешествие в прошлое, ощутив себя, например, жителем купеческого города Козлова времен XIX века или членом светского общества Пушкинской поры. Насыщенная культурно-просветительская программа музея, включающая, помимо экскурсий, квесты, квизы, мастер-классы, интерактивы с погружением в эпоху, позволяет в полной мере проникнуться духом старины, прикоснуться к культурным традициям, узнать о быте и нравах наших предков. Гости музея с увлечением играют в шарады и буриме, фанты и бирюльки, а с помощью колоритного реквизита примеряют на себя яркие образы из прошлого. Удивительные перевоплощения и необычные роли вызывают незабываемые эмоции, пробуждая живой интерес к истории, литературе и искусству.

Музей живет своими экспонатами, и благо, что экспозиция не только расширяется, но и приобретает новые тематические векторы. В 2021 году на базе Литературно-музыкального музея был открыт Музей народного артиста СССР Владимира Михайловича Зельдина — знаменитого уроженца Козлова, которому в детстве пришлось вместе с семьей покинуть город, а снова посетить малую родину ему удалось уже в преклонном возрасте. Мичуринцы всегда относились к своему земляку с трепетом, теплотой и даже по-родственному. Идея увековечить имя великого актера на родной мичуринской земле возникла в 2020 году, а богатая мемориальная коллекция была собрана благодаря инициативе друга Владимира Зельдина, автора биографических книг о нем — Сергея Леонидовича Шебеко. Экспозиция посвящена биографии и творчеству удивительного человека и талантливого артиста, продолжавшего играть на сцене в возрасте 100 лет! В отдельном стоящем, обустроенном со вкусом и любовью помещении музея царит гостеприимная и творческая атмосфера. Незабываемые впечатления дарит знакомство с инсталляциями интерьера загородного дома В.М. Зельдина и его примерной комнаты, располагавшейся в Центральном академическом театре Российской армии, которому он посвятил более 70 лет своей жизни. Жемчужиной коллекции явля-

ются подлинные костюмы 1950-х — 2000-х годов, в которых В.М. Зельдин блистал на сцене театра. Среди них видное место занимает образ Альдемаро из легендарного спектакля «Учитель танцев», завоевавшего в свое время беспрецедентную любовь театрального зрителя. Данью кинематографическому творческому пути В.М. Зельдина стали такие раритетные экспонаты, как кавказская бурка из знаменитого фильма режиссера И.А. Пырьева «Свинарка и пастух» и ковер ручной работы с изображением знакового персонажа этой музыкальной комедии — пастуха Мусаиба. За каждым из множества экспонатов скрывается своя история, свой жизненный эпизод, вовлекающие в яркую и фееричную, но непростую судьбу В.М. Зельдина. Музейная экспозиция, посвященная Владимиру Зельдину, является местом притяжения гостей со всей России, ведь жизненный пример актера и его безграничная преданность искусству вдохновляют, заряжают и наполняют светлыми стремлениями и идеалами.

В завершение хочется обратиться к словам академика Д.С. Лихачева: «Музей — это не только хранитель, это и воспитатель». В наше время эта функция учреждения культуры особенно важна. Отраднo, что на протяжении многих лет Литературно-музыкальный музей не только знакомит с культурным наследием Мичуринска и Тамбовщины, но и развивает познавательный интерес и эстетическое восприятие, формирует верные жизненные ориентиры и патриотическое сознание молодежи, способствует сохранению непреходящих духовно-нравственных ценностей. Пусть эта ответственная и исправно выполняемая миссия музея станет залогом светлого будущего нашей культуры!

ЧИТАЯ СТРОКИ ДНЕЙ МИНУВШИХ

(Мичуринск — литературный город России)

ГОРОД КОЗЛОВ ГЛАЗАМИ СЕРГЕЯ ТЕРПИГОРЕВА

Мичуринск носит почетное звание литературного города России. С ним связаны биографии многих выдающихся писателей и публицистов. Творчество одного из них было известно читателям XIX века под именем Сергей Атава.

Это псевдоним выдающегося писателя Сергея Николаевича Терпигорева (1841–1895), происходившего из обедневшего дворянского рода. Свой творческий путь он начал в достаточно зрелом возрасте. Этим объясняется и выбор псевдонима, который родился в одной из бесед с Некрасовым: атава или отава — название травы, выросшей на месте скошенной.

Некоторые судьбоносные страницы биографии писателя, талант которого не затерялся даже в эпоху Золотого века, связаны с городом Козловом. Свой короткий век, а точнее говоря, полвека (Терпигорева не стало в возрасте 53 лет) уроженец Тамбовской губернии прожил достойно, оставив после себя немеркнущий свет таланта, отраженного в его произведениях.

В них журналист описывал, в частности, быт и нравы жителей Козлова второй половины XIX века.

ВОКЗАЛ

В очерке «Первые впечатления» публицист оставил потомкам воспоминания о Козлове и его жителях в самых мельчайших подробностях, отчего для исследователей эпохи они становятся просто бесценными. Знакомство заезжего журналиста с уездным городом Тамбовской губернии началось, как водится, с вокзала, которому он дал вполне положительную характеристику. Обратимся к страницам произведения, чтобы почувствовать себя пассажирами железнодорожного экспресса второй половины XIX века, сошедшими на станции Козлов. Вот какие первые впечатления произвел город на гостя, следовавшего в Тамбов и сделавшего здесь остановку: «Вокзал, очень хороший и хорошо отделанный, был ярко освещен газом. В зале второго и первого класса был накрыт прекрасно сервированный стол. Несколько человек, мужчин и дам, приехавших встречать поезд, пили чай, ужинали».

Но то ли это здание посетил Терпигорев, которое ныне встречает останавливающиеся поезда на узловой станции Мичуринск-Уральский? Этот вокзал открыли лишь в 1872 году. Очерк же Терпигорева впервые опубликовали в журнале «Отечественные записки» в 1869-1970-х годах, поэтому писатель мог посетить только небольшое деревянное здание при станции, которое возвели в 1866-м.

Сергей Николаевич пишет, что в Козлове, «кроме вокзала, негде порядочно пообедать или поужинать». Терпигорев привык к уровню жизни в больших городах, и его представления о комфорте и обслуживании вряд ли соразмерялись с условиями, которые ему мог предложить уездный город. При этом вокзальное меню, представленное вниманию читателя, рисуется в воображении вполне аппетитным и внушительным. В нем есть и ростбиф, и портер, и лафит, и холодная пулярка, и шампанское, и мороженое, и даже персики. Слова красивые, но некоторые из блюд и напитков нуждаются для современного читателя в пояснении.

Например, портер. Это темное пиво, появившееся в Лондоне на базе охмеленного эля из коричневого солода. Варили его тогда многие заводы по всей Российской империи, а некоторые полностью на нем специализировались. Для примера, портер купца Ивана Дурдина имел плотность 18,6 %, а крепость 5,5 % (весовых).

А что это за лафит такой и с чем его едят? Как выяснилось, его тоже вовсе не едят, а пьют. Это французское красное вино бордоского типа из округа Медок, в качестве основного импортного вида получившее распространение в России в последней трети XIX века. Лафит подавался подогретым к мясным блюдам.

Вот их очередь как раз сейчас и подошла. Инженер из очерка Терпигорева отобедал ростбифом и пуляркой. Первое из блюд принадлежит к достоянию английской национальной кухни. Ростбиф представляет собой большой запеченный кусок говяжьего мяса.

А вот пулярка — это курица, выращенная в специальных условиях, позволяющих ей быстро набирать вес, чтобы мясо при этом было нежным и сочным.

В ТРАКТИРЕ РОГОВА

Излюбленным местом встречи козловских купцов был трактир Рогова. Располагался он на улице Московской. Современный адрес — Советская, 327.

А еще в XIX веке здесь бурлила жизнь козловского купечества. Свидетельства о том, что в заведении проводил время и сам Терпигорев, прежде всего, можно найти в его произведении. Ну, а какое еще место столичный гость предпочел бы ему, чтобы можно было и чаю попить, и за местными жителями понаблюдать?!

Вот что сообщает текст очерка: «Я знал, что центр козловской жизни — козловская биржа — гостиница купца Рогова, и направился туда. Я нашел биржу в полном разгаре. Все столы заняты чайными приборами, идет самый оживленный разговор, и публика все прибывает». И вот еще одно описание: «Народ в зале нисколько не убавлялся: одни уходили, на их место сейчас же приходили другие. Несколько человек, я заметил, приходили и уходили раза по два, по три и все пили чай, и все с новыми лицами». Этот неоднократно упоминаемый напиток здесь правил бал. Терпигорев отмечает, что «ни одна самая ничтожная коммерческая сделка, хотя бы на какую-нибудь сотню рублей, не обходится без пары чаю в роговском трактире».

Еще наблюдения публициста: «Бдят мало, пьяных я тоже никого не заметил — все чай, чай и чай; в год, мне сказали, выходит его до трех тысяч фунтов». Вопреки распространенному мнению о пристрастиях русских, излюбленным напитком в нашей стране была не столько водка, сколько напиток, который, согласно исследованиям специалиста по истории кулинарии Вильяма Похлебкина, еще в XVI веке из Китая в Россию привезли казаки.

Торговый дом Веллера

О том, что козловские купцы предпочитали другим напиткам чай, находим свидетельства не только у Терпигорева. Согласно воспоминаниям сына мелкого промышленника Павла Григорьевича Трунова (1862 — 1942), утро его родителя начиналось так: «Поговорив с приказчиком, сидевшим в лавке, отец отправлялся в трактир Курочкина, что находился недалеко от базара на углу Мясницкой (ныне Интернациональная — *здесь и далее примечания автора*) и Монастырской (ныне Филиппова) улиц... Отец обычно заказывал “пару чая”, половой (официант) в белой рубашке и белых штанах с полотенцем на левой согнутой руке приносил большой белый чайник с кипятком, маленький чайник с порцией чая, залитой кипятком, две чашки с блюдцами и блюдце с колотым сахаром. Заварной чай порой был невысокого качества, но настой давал темного, почти черного, цвета. Отец наливал себе и мне горячего чая, и мы начинали неторопливое чаепитие. Пить горячий чай вприкуску после домашнего сладкого чая со сливками и свежей булкой не хотелось, но ритуал надо было соблюдать. Зал наполнялся народом. Столы почти все были заняты. Половые носились по залу с подносами, мгновенно откликались на призыв: “Человек, пару чая”. В зале стоял приглушенный гул от разговоров, шарканья ног и стука посуды». Как видим, купцы чай пили и в других заведениях.

Однако справедливости ради стоит отметить, что в трактире Рогова спиртное тоже подавали. Но, по свидетельству того же Терпигорева, днем им не злоупотребляли. Рюмочкой-другой символически отметив успешную сделку, посетители снова отправлялись по своим делам. Подтверждение в тексте публициста: «Иван Максимыч (купец) потребовал графинчик водки и селянку. Выпили по рюмке...»

Блюдо, которым закусил посетитель трактира, — это суп, известный нам под названием солянка. Однако в XIX веке селянка могла быть и горячей закуской на основе кислой или свежей тушеной капусты. Единодушного мнения у исследователей нет. Некоторые из них считают, что селянка — это все же неправильное, искаженное наименование солянок.

А вот и описание интерьера заведения Рогова, которое содержит очерк Терпигорева: «Говоря относительно, трактир чист, мебель мягкая, на окнах кисейные занавески (из чрезвычайно легкой, прозрачной хлопчатобумажной ткани полот-

няного переплетения), стены оклеены яркими обоями, висят картины обыкновенного трактирного содержания — разные лежащие женщины с голубями, цветами, генералы и прочее».

Декор предстает перед читателем вычурным. Конечно, это взгляд со стороны, видение приезжего аристократа, избалованного столичным комфортом и имеющего представление о стиле. Между тем, литератор передает хоть и мещанскую, но уютную, располагающую к отдыху и непринужденному общению атмосферу заведения.

КАК ОДЕВАЛИСЬ МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ

Немалое внимание в своем очерке публицист уделяет тому, как одеты козловцы. Уже первое его знакомство с городом, начавшееся еще на железнодорожной станции, не обходится без описания внешнего вида горожан. Читаем: «Два местных денди в палевых и розовых галстучках». Тон писателя здесь явно ироничный. «Местные денди» — это своего рода оксюморон. Сравните с пушкинским Онегиным, который «как денди лондонский одет» и представляет собой эталон стиля, элегантности. А на шеях терпигоревских щеголей повязаны «галстучки» (обратите внимание на уменьшительную форму слова, к которой обычно прибегают для передачи саркастического оттенка). А что это за экстравагантные оттенки, скажет читатель? Между тем розовый до середины XX века считался преимущественно мужским цветом. Так что не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

В трактуре Рогова публицист встречает «барина в сюртуке, сильно накрахмаленной манишке, широчайшем галстучке, подпиравшем шею». В его образе все избыточно: манишка — сильно накрахмалена, галстук — широчайший. Ношение слишком крупных аксессуаров считалось признаком дурного вкуса. К гипертрофированности деталей в наряде персонажа Терпигорев прибегает, чтобы подчеркнуть невзыскательность образа провинциального помещика, желающего таким образом выделиться и подчеркнуть свою значимость. Ирония публициста неувидительна. Ведь внешний облик самого автора-повествователя, прибывшего из Санкт-Петербурга, разительно отличается от окружающих его местных жителей. Один козловский чиновник говорит Терпигореву: «И шляпа на вас такая, тут таких нет». Понятно, что, при всем желании провинциалов следовать столичной моде, приезжего от местного жителя почти всегда можно было отличить по тому, как он одет.

Автор очерка дает также портрет козловских женщин: «Купчихи и мещанки — все в ярких платочках на головах и каких-то тюлевых мантильях (длинных шарфах-вуалях) — я видел такие только в Козлове — шли к поздней обедне, высоко поднимая платья и выставляя грязные юбки и ноги, обутые в суконные чулки». Находим также описание и представителя белого духовенства: «Спешно прошел, шагая через грязь, дьякон в зеленой рясе, с сильно напوماженными волосами». Московская улица (ныне Советская), как указывает Терпигорев, — «единственная на которой есть признаки мостовой», вот потому-то и не запачкать одежду и обувь, особенно в дождливую погоду, было невозможно.

Встречается в очерке Терпигорева и описание представителей непривилегированных сословий. В поле зрения журналиста попал половой. Так до революции называли работника, обслуживавшего трактиры. Помимо обязанностей официанта, на него были возложены функции помощника постояльцев — он подносил вещи, встречал гостей, показывал им номер, сопровождал проживающих, освещая лестницу в темное время. Ранним утром в коридоре гостиницы Северова половой предстает перед публицистом в неопрятном виде, так как только что пробудился ото сна:

«В одной рубашке, с заспанной рожей, босой». Подытоживая рассказ о портретных характеристиках козловцев, которые дает в очерке Терпигорев, стоит напомнить, что это все же взгляд аристократа, проживающего в столице. Потому многие детали видятся ему более выпуклыми, но при этом восприятие петербуржцем провинциальных жителей не лишено некоторой степени снобизма.

ЧТО ЧИТАЛИ

Описание облика — это внешняя характеристика козловцев, а чем же с точки зрения Терпигорева была наполнена их интеллектуальная, духовная жизнь? Ответ на этот вопрос можно найти в эпизоде, в котором автор рассказывает о посещении им книжного магазина. Этот объект торговли богатством ассортимента не блистал — на полках было расставлено всего около двух-трех сотен томов. Выписывали здесь и периодические издания. «Но дело с ними идет плохо, охотников до газет мало, а газеты до того треплют и рвут, что, побывавши в двух-трех руках, они почти уже не годятся в дело», — сообщает Терпигорев. Здесь же стояли «коробки с конфетами, бочонки с селедками, виноградом, два-три арбуза, спаржа». Хозяин магазина — местный дворянин, представленный Терпигоревым в ироническом свете. Персонаж очерка испытывает двойственные чувства: он одновременно стесняется своего занятия, которое при этом считает просветительской миссией, и вместе с тем гордится своей культурностью.

Из его диалога с Терпигоревым: «ведь ничего дурного я не делаю, что книгами торгую?»; «ведь было бы гораздо хуже, если бы я стал, положим, пить или воровать?»; «я, благодарю Бога, получил образование. Вот видите эти книги? Я их все прочитал». А книг в магазине, как мы помним, не более трехсот — по современным меркам весьма скромный культурный багаж для интеллигента. Однако для провинциала того времени такой показатель достоин уважения. Для сравнения: в личной библиотеке Пушкина насчитывалось более трех с половиной тысяч книг. Причем, судя по воспоминаниям его друзей, поэт прочитал большую часть своей коллекции. Так что более 8 процентов от бэкграунда Александра Сергеевича — весьма значительное достижение. Другое дело, что чтение хозяина магазина было беспорядочным и не все издания годились для этого в силу низкого качества содержания и изложения материала.

Согласно очерку Сергея Терпигорева, козловские дети тоже тянулись к знаниям. Однако беда заключалась в дефиците мудрых наставников, способных посоветовать полезную литературу. Так, юный посетитель магазина, говоря о новой книге, которую он хотел бы взять, вместо «обменяйте» произносит просторечное слово «обмените». Да, деталь, не характеризующая мальчика как образованного. Но его личной вины в этом нет. Ведь даже сам продавец не знает, что можно предложить для чтения ребенку: «Как затруднительно! Ну, что я дам читать этому мальчику? Дать ему вот этих книг — оно, конечно, займет его (он указал на записки Ригольбош, наставление в браке и прочее), но полезно ли?.. Я больше им все исторических даю». Наставление в браке — явно не подходящее чтение для юношей. Однако и «Записки Ригольбош» (16+) еще меньше для этого годятся. Ригольбош — это прозвище, под которым выступала танцовщица парижских публичных балов Маргарита Бадель. В 1860 году издали ее мемуары. В них танцовщица, чье прозвище стало нарицательным для определенного типа исполнителей, рассказывала о кокетках, их образе жизни, канкане, кавалерах «аристократического оазиса» и прочих малопрстойных вещах. Так, в конце ее записок помещено «Руководство для влюбленных». В них автор рассказывает, как ухаживать за блондинками, брюнетками, рыжими, седыми и плешивыми...

Терпигорев сообщает, что, как это ни парадоксально, но больше всего у козлов-

цев пользовалась спросом литература фривольная и дидактической направленности. «Книги раскупают охотнее всего двух родов — духовного и скромного (непристойного) содержания: различные исследования о брачной жизни и прочее, хорошо идут также фотографические карточки, тоже преимущественно веселого характера».

Конечно же, это не означает, что город Тамбовской губернии состоял сплошь из благочестивых, ханжей и откровенных развратников. Страницы истории Козлова содержат много выдающихся имен, и у города, безусловно, была своя неповторимая культурная атмосфера, которая благотворно, например, повлияла на становление как писателя Константина Федина.

Позднее три года (1908–1911), проведенных здесь, прозаик называл лучшими в своей юности. Благодарен он был и наставникам в Козловском коммерческом училище: «Я многим обязан... словесникам, — писал Федин, — как тогда называли преподавателей русской литературы. Классные занятия выходили за рамки программ, — мы читали сборники “Знания” (12+), издававшиеся по инициативе и при участии Максима Горького, писали сочинения о русских “модернистах”, об Ибсене, и это открывало нам взгляд на литературу как на цепь меняющихся в борьбе живых явлений, а не схоластический школьный “предмет”».

Однако люди склонны балансировать между возвышенным и низким во все времена. Найти же равновесие бывает ой как нелегко! И жители Козлова во второй половине XIX века в этом случае тоже не выглядят исключением.

О ПАМЯТНИКЕ ПУШКИНУ В МИЧУРИНСКЕ И ЕГО БЛИЗНЕЦАХ

Когда мы говорим об Александре Сергеевиче Пушкине, избежать избитой фразы «великий русский поэт» вряд ли удастся. Да и не нужно. В самой очевидности и бесспорности этого постулата есть что-то незыблемое для всей нашей культуры. Столь же монументальное, как и памятник работы Опекушина в Москве.

Но и в Мичуринске, сравнительно небольшом провинциальном городе, расположенном в Тамбовской области, память великого поэта тоже увековечена в скульптуре. Здесь с конца прошлого года можно увидеть уже не один, а целых два пушкинских монумента. Недавно созданный сквер литераторов в ландшафтном парке-набережной «Мичуринское подгорье» теперь украшает новый памятник поэту в полный рост, в цилиндре, с пером в руке и с котом ученым у ног. Новый арт-объект уже успел полюбовиться мичуринцам.

Есть в литературном городе России и памятник Александра Сергеевича с уже сложившейся историей — гипсовый, но зато тоже «живой» и романтический. Это парковая скульптура «Пушкин-лицеист. Фигура сидя». Известно и имя его автора — заслуженный художник РСФСР, народный художник РСФСР Альдона Михайловна Ненашева, которая родилась в 1929 году на станции Арчеда Волгоградской области.

По скульптурной модели в конце 1950-х годов изготовили всего несколько гипсовых памятников. Помимо Мичуринска, среди городов, где установили «Пушкина-лицеиста», — Черняховск Калининградской области. Здесь скульптура появилась в середине XX века на территории, прилегающей к автовокзалу. К сожалению, памятник к настоящему времени утрачен.

А вот в Волчанске Свердловской области его гипсового близнеца можно увидеть на улице с родным жителям наукограда названием — Мичурина.

В городе Чусовом Пермского края тоже есть такой памятник, обнаруженный не так давно местными краеведами на территории бывшего пионерского лагеря.

Памятник А.С. Пушкину

Мичуринцы, безусловно, могут гордиться, что их стараниями удалось сохранить подлинное произведение искусства советской эпохи.

В начале июня по заведенной с 1979 года традиции возле памятника русскому гению в Парке культуры и отдыха проходят творческие встречи. Гости праздника рассказывают о том, чем им дорог Александр Сергеевич, а также читают любимые стихотворения. По окончании встречи к подножию монумента возлагают цветы.

Был в литературном городе России еще один памятник автору бессмертного творения — романа в стихах «Евгений Онегин». В номере «Мичуринской правды» от 12 августа 1959 года читаем: «Недавно в сквере на перекрестке улиц Украинской и Марата установлен бюст великого русского поэта А.С. Пушкина». Взор Александра Сергеевича в этом его скульптурном изображении был устремлен куда-то вдаль, словно вот-вот его посетит вдохновение. Поэтому в поднесенной к лицу руке он уже держал перо, готовое за-

писывать новые строки. Со временем гипсовый бюст стал разрушаться и был в итоге демонтирован.

Стоит отметить, что для Мичуринска Александр Сергеевич не чужой, здесь жили его предки и продолжают жить потомки.

*Денис ЕРЕМИН,
член Союза журналистов России*

Михаил Белых

БАНАНЫ ДЛЯ ЧЕРНОЗЕМЬЯ

(Научный прорыв ученых-аграриев)

В научно-производственном центре «Агропищепром», входящем в структуру Мичуринска-наукограда, получена первая в России безвирусная рассада бананов. Как сообщили в организации, выведенная культура бананов предназначена для круглогодичного промышленного выращивания в теплицах.

— Научно-производственный центр «Агропищепром» в рамках сотрудничества с агробиотехнопарком «Субтропики России» ведет несколько научно-исследовательских и селекционно-генетических программ по субтропическим культурам: чай, лимон, лавр благородный, мандарины, хурма, гранат, фейхоа, инжир и многие другие тропические культуры, из которых особенный интерес представляют для нас бананы, — отметил исполнительный директор научно-производственного центра Сергей Колесников.

Интерес к промышленному производству бананов в России проявляет министр сельского хозяйства России Оксана Лут, которая побывала в Республике Казахстан и посетила промышленные теплицы, где выращиваются бананы. В настоящее время Россия ежегодно импортирует полтора миллиона тонн бананов.

И, как ни странно, этот тропический фрукт уже борется по объемам потребления с традиционными яблоками. Согласно опубликованным данным среднестатистический россиянин съедает около 10 кг бананов в год.

Промышленные теплицы по круглогодичному выращиванию этого субтропического фрукта есть в Исландии, Дании, Голландии, Испании, Турции, Греции, Туркмени и Казахстане.

Сдерживающим фактором развития банановодства в мире стала нехватка безвирусного посадочного материала. Культура бананов сильно подвержена влиянию фитопатогенов и, как следствие, различным грибковым заболеваниям.

Поэтому без современной биотехнологии, без безвирусного посадочного материала развитие современного банановодства фактически невозможно. И производить безвирусный посадочный материал культуры бананов мичуринские ученые научились!

Для получения отечественного посадочного материала ученым из НПЦ «Агропищепром» потребовалось создать научно-производственную биотехнологическую лабораторию по изучению тропических и субтропических культур.

В рамках научно-технологической деятельности разработать новые питательные среды для быстрого размножения безвирусного посадочного материала бананов и отработать технологию выращивания их в закрытом грунте применительно к климатическим условиям средней полосы России.

— Ученые НППЦ «Агропищепрома» — первые в России, кому удалось получить безвирусный посадочный материал культуры бананов и отработать новые питательные среды. Прделанная работа в перспективе позволит экспортировать наш посадочный материал в другие страны, — отметил ученый.

В ближайшее время ученые НППЦ «Агропищепром» получат 12 новых сортов бананов из Индии. Их ученые будут использовать в своих селекционных программах для получения новых мичуринских сортов культуры банана.

— В естественных условиях урожайность этой субтропической культуры составляет 30-50 килограммов с одного куста, а в теплицах можно увеличить урожайность более чем вдвое. Поэтому выращивать бананы в теплицах очень рентабельно. Кроме того, выращенный продукт будет испытывать меньшую пестицидную нагрузку, они станут более экологически чистыми, — резюмирует Сергей Колесников. — Надеемся представить первые кусты и плоды выведенных и выращенных в Мичуринске бананов на Всероссийской выставке «День садовода-2025» в сентябре этого года.

МИЧУРИНСКИЕ ЯБЛОНИ БУДУТ ЦВЕСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Мичуринские ученые откроют в Казахстане современный агропромышленный центр

В бывшем Советском Союзе научные школы союзных республик объединяла Академия наук СССР, в структуре которой действовали научные центры передовых технологий. Однако с распадом Советского Союза развитие научных школ пошло в республиках своим путем. И зачастую — в русле западных научных традиций.

Ярким примером таких процессов стал Казахстан, где в настоящее время присутствуют представители научных центров из Китая, Великобритании, США, Голландии, Японии и других стран.

К сожалению, Российская Федерация в бывшей союзной республике до последнего времени представлена не была.

НАУКА — ЗА МИР И ДРУЖБУ

Восполнить этот пробел и призван проект Российской академии наук, который в настоящее время реализуется под патронажем заместителя президента РАН, академика Российской академии наук Петра Чекмарева. Цель проекта — открытие в бывшей союзной республике Казахстанско-Российского научно-практического центра развития агропромышленного комплекса.

Первоначальным этапом долгосрочного сотрудничества стало создание рабочей группы, куда вошли представители РАН и Национальной академии наук Республики Казахстан. Мичуринск-наукоград представил исполнительный директор НППЦ «Агропищепром» Сергей Колесников.

— Цель нового международного проекта — создание двух селекционных генетических биотехнологических центров: Северного в городе Астане и Южного — в Шымкенте, — сказал Сергей Колесников.

При этом Северный научный центр сформирует северное садоводство из мичуринских и лучших российских сортов на территории Костанайской, Северо-Казахстанской, Акмолинской и Павлодарской областей, а Южный — в Туркестанской, Жамбылской, Алматинской и Жетысуской областях Республики Казахстан.

Как отметил ученый, в рамках реализации совместного международного проекта НПЦ «Агропищепром» создаст для казахстанских коллег генетическую коллекцию из трех тысяч растений плодово-ягодных и декоративных культур, генетический банк садовых культур по технологии in-vitro, а также безвирусный посадочный материал садовых культур. В результате проделанной работы валовый объем производства посадочного материала на территориях Северного и Южного селекционных генетических биотехнологических центров составит 14 млн растений в год.

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Еще одним крупным событием в развитии научно-практических связей между Россией и Казахстаном стало создание Казахстанской академии развития агропромышленного комплекса. Предполагается, что новая некоммерческая организация объединит все структуры АПК Казахстана. Сделано это для более тесного взаимодействия с родственными структурами российского агропромышленного комплекса.

Для Республики Казахстан мичуринские ученые уже разработали 11 селекционных программ. Среди них — программы по жимолости, яблоне, груше, абрикосу, персику, киви и другим культурам.

СИМВОЛ РАДУШИЯ И ГОСТЕПРИИМСТВА

Очередным проектом мичуринских ученых, которым заинтересовались в Казахстане, стала селекционная программа чая.

— Казахстан хочет иметь свои зимостойкие сорта чая, которые могли бы расти на юге Туркестанской области, — отметил Сергей Колесников.

Как стало известно, сотрудники мичуринского НПЦ «Агропищепром» уже отобрали 25 гибридных форм зимостойкого чая. Конструктивное взаимодействие ученых наукограда налажено с крупнейшим производителем отечественного тонизирующего напитка «Мацеста чай» из Краснодарского края.

Кстати, в этом году вместе с Сергеем Колесниковым премии имени Петра Столыпина был удостоен председатель совета директоров сочинской чайной компании Константин Туршу.

— На сочинских чайных плантациях за последние 30 лет сформирован уникальный гибридный фонд площадью в 200 гектаров. Для меня, как селекционера, это очень ценно. Кстати, заслуга Константина Туршу заключается в том, что он сохранил российское чаеводство, — отметил Сергей Колесников.

ЧАЙ — ВСЕМУ ГОЛОВА

Благодаря сложной генетической работе в скором времени в стране появятся чайные сорта мичуринской селекции, которые смогут произрастать не только в южно-казахстанской области, но и на более обширной территории республики Адыгея и Краснодарского края. Тем самым благодаря мичуринской селекции чай выйдет из субтропической зоны.

Однако зимостойкие сорта чая уже существуют. Как рассказал Сергей Колесников, наиболее приспособленные к суровым условиям климата чайные сорта

произрастают в настоящее время в Республике Адыгея. Там отдельные разновидности этих растений выдерживают заморозки до минус 15-17 градусов. Это самый северный в мире чай — продукт народной селекции, исходные формы которого были завезены в Российскую империю несколько веков назад из Китая. Такие чайные сорта также будут использоваться в селекционной работе для Республики Казахстан.

Задача мичуринских ученых — довести показатель зимостойкости культуры чая до минус 22 градусов. Таким образом, примерно через три-четыре года можно будет сказать, что в мире появились новые интересные гибриды чая мичуринской селекции.

Валерий Семенов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ УЧЕБНИКАМ ГОДА

(Академик, главный научный сотрудник
Мичуринского государственного аграрного университета
Анатолий Завражнов создал уникальные учебные пособия)

В принципе, можно было бы ограничиться короткой заметкой, сообщив о том, что действующий в Москве Научный профессорский форум России, рассмотрев итоги конкурса в номинации «Сельскохозяйственные науки», присудил общенациональную премию «Учебник года» учебнику «Тенденции развития инженерного обеспечения в сельском хозяйстве», выполненному под руководством нашего земляка, главного научного сотрудника Мичуринского государственного аграрного университета, заслуженного деятеля науки и техники РФ, академика Анатолия Завражнова. Хочется поздравить с большой победой Анатолия Ивановича, а вместе с ним еще девять сотрудников вуза, чей совместный труд стал теперь достоянием сотен и сотен студентов, ученых, преподавателей вузов, а также инженеров-практиков из самых разных уголков страны.

Но как не расширить рамки события, приведа и другие существенные подробности. В частности, то, что спрос на учебную книгу превзошел все ожидания, и это подтверждает официальная статистика. Учебник (книжное издательство «Лань»), отпечатанный в типографиях Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, запросили, помимо столичных вузов, университеты аграрного профиля Алтая, Белгорода, Волгограда, Воронежа, Костромы, Кубани, Перми, Рязани... Этот список можно продолжать и продолжать. Следом за первым пришел и второй успех: такой же премии «Учебник года» удостоен еще один научный сборник — «Техническое обеспечение животноводства» под общей редакцией академика РАН Анатолия Завражнова, написанный в содружестве с мичуринскими учеными и коллегами из Беларуси, Казахстана, Тамбова и Воронежа.

Предоставим слово главному автору учебника года академику А.И. Завражнову:

— Конечно, признание и оценка нашей работы профессурой высочайшего уровня, отметившей соблюдение самых строгих требований общенационального конкурса, а также полученные четыре тысячи запросов на учебники говорят сами за себя. Единственное, что снижает радость, это факт представления на большой,

авторитетный Конкурс учебника «Тенденции развития инженерного обеспечения в сельском хозяйстве» под эгидой не нашего университета, а иного вуза, хотя автором большинства глав являются именно научные сотрудники Мичуринского ГАУ.

Лауреатов конкурса тепло поздравили академики Российской академии образования — председатель Российского профессорского собрания (РФС), заместитель секретаря Общественной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук Владислав Гриб, руководитель аппарата РФС, доктор экономических наук Андрей Панарин, руководители ведущих вузов страны.

Гордимся и мы успехами наших земляков-ученых! Но не только за весомые победы в большом научном конкурсе. Свой 86-й (!) день рождения отметил сын фронтовика, советского офицера, погибшего в первые дни Великой Отечественной войны, ученый с мировым именем Анатолий Иванович Завражнов. В течение очень сложных и трудных двадцати пяти лет он возглавлял наш вуз, начав с поста ректора Плодоовощного института, подняв его до уровня академии, а затем и университета, построив пять жилых домов для сотрудников (а это 360 квартир!), укрепив кадровый состав университета.

Ведущий ученый в области разработки теоретических проблем проектирования и эксплуатации машин для механизации процессов в садах, хранения и переработки продукции садоводства, полеводства, животноводства, проще говоря, создатель многих машин и механизмов, значительно облегчающих тяжелый ручной труд сельчан, Анатолий Иванович Завражнов с 2007 года является академиком РАСХН, а с 2013 года — общенациональной Российской академии наук. Стоит, наверное, заметить, что в отделении «Сельскохозяйственные науки» РАН насчитывается лишь 12 академиков-аграриев. Десять из них представляют Москву и Санкт — Петербург и только двое — провинцию: Сибирь и наш наукоград Мичуринск. Но, как мы видим, нет провинции географической, есть провинция духовная. Для истинного таланта место прописки значения не имеет.

И несмотря на почтенный возраст, когда многие его ровесники отошли от всяких дел, академик РАН Анатолий Иванович Завражнов, Почетный гражданин города Мичуринска, Почетный работник высшего образования РФ, Герой Труда Тамбовской области, кавалер четырех высоких орденов страны, продолжает активно работать на избранном с юных лет поприще, оставаясь верным родному Отечеству и являя собой пример истинного российского ученого, для которого наука превыше всего.

Валерий Аршанский

ДОРОГА К «ДОМУ У ДОРОГИ»

(А.Т. Твардовский на сцене Мичуринского драматического театра)

Для постановки спектакля-концерта по лирической хронике Александра Твардовского «Дом у дороги» режиссеру Николаю Елесину не потребовались ни пышные декорации, ни специальные световые и звуковые эффекты, ни экзотическая сценография. Все решено, как и в самом тексте, скупое, точно, впечатляюще, без митингового начала, страстных монологов, искусственных рыданий и задыхающихся от судорожных исповедей героев. У рамп только Автор в исполнении признанного мастера сцены Сергея Дубровского, размышляющего над поэмой. А при «смене кадра» — семья застигнутого войной простого сельского пахаря Андрея Сивцова, в роли которого всегда органичный актер Павел Шуть достоверен вплоть до владения косой-литовкой.

На долгие и беспощадные годы Великой Отечественной будет оторван от родного дома солдат Сивцов, как и миллионы его соотечественников, вставших на защиту Родины. Муж на войне, а на долю его жены — солдатки Анны, Ани, Анюты, беззаветной труженицы, матери троих детей (а в страшных условиях неволи у нее появится и четвертый малыш) — выпадет столько бед, несчастий и горя, сколько сможет вынести, пережить и выстоять только воспитанная еще Некрасовым русская женщина! Насколько правдиво, уверенно и искренне передает широкую гамму чувств, любви, эмоций главной героини молодая актриса Анна Ширшова, недавно — и сразу с успехом! — влившаяся в состав труппы МДТ, трудно пересказать. Ее абсолютное перевоплощение в образ хозяйки неказистого, но такого родного для семьи Сивцовых дома у дороги нужно видеть. Удачно сложились воедино красота, обаяние актрисы и ее профессионализм. Но и выбор режиссера безупречен!

Всего лишь сорок книжных страниц занимает поэма «Дом у дороги» Александра Твардовского, военного корреспондента фронтовых газет. А работал он над ней четыре года — и каких: пороховых-огневых, с 1942-го по 1946-й... Об этом он в самом начале признается, обращаясь к Читателю:

Где пел по веснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата — дети.
Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.
И порознь мужа и жену
Из дома проводила...

«Дом у дороги».
Сцена из спектакля

Четко, взволнованно, не декламируя, а по-человечески делясь своими переживаниями со зрителями, исполняют чеканные стихи Твардовского заслуженные артистки РФ Татьяна Николаева и Ирина Дубровская и их младший коллега по сцене артист Илья Сири́н. И весь спектакль сопровождает безукоризненно подобранная кинохроника фронтовой поры с ее трагическими исповедями о первых неудачах в 41-м, горечи плена, отступлениях. Но и с рассказом о накоплении Красной армией боевого опыта, вооружения ратных сил для того, чтобы пядь за пядью освободить от оккупантов родную землю, а затем и гнать их через всю Европу, вбивая осиновый кол в фашистское логово в поверженном Берлине.

Творческий проект театра, посвященный 80-летию Великой Победы и славным сынам России, принимающим в эти дни участие в Специальной военной операции на Украине, получил мощную поддержку от камерного оркестра областного колледжа имени В.К. Мерджанова и Тамбовского государственного музыкально-педагогического института имени С.В. Рахманинова. Дирижировал прекрасным ансамблем заслуженный деятель искусств РФ, ректор этого вуза, композитор и давний друг нашего театра, широко известный на Тамбовщине и за ее пределами талантливый музыкант Роман Бажилин. Исполнители вокальных номеров — хорошо известные театральной публике актеры Андрей Широкий, Ксения Воеводина, Елена Обедина, Яна Попова. Они не только душу и мастерство — казалось, сердце свое вложили в каждую песню. И стоит ли удивляться, что многие зрители, не таясь, вытирали слезы под ставшую гимном Тамбовской области песню — походный марш «Прощание славянки», а также и другие лирические песни, рожденные в годы Великой Отечественной войны. А разве можно по-иному воспринимать великую нравственную заповедь поэта-фронтовика:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

Эти строки остались, как завещание потомкам на все времена от А.Т. Твардовского — создателя бессмертного образа настоящего русского солдата Василия Теркина, непревзойденного главного редактора журнала «Новый мир», известного в планетарном масштабе государственного и общественного деятеля. Человека потрясающей интеллигентности, высочайшей культуры и образцовой скромности.

Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы,
И счастлив тем, что я не чудо,
Особой избранной судьбы...

О том, чтобы вечно помнили пережитое отцами, дедами и прадедами, говорит в спектакле залу безмолвный, но такой пронзительный взгляд старейшей актрисы театра Татьяны Николаевой, не понаслышке знающей ужасы войны, заставшей блокаду родного для нее славного города на Неве — Ленинграда. О том, чтобы все мы вечно помнили цену завоеванной народом Победы, говорила после спектакля, представляя зрителям замечательную труппу театра, заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих творческих премий, неутомимый труженик на благородной и благодарной ниве искусства директор театра Галина Попова.

Браво, господа актеры, bravo таланту режиссера, bravo театру!

Министерство культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При оформлении номера используются авторские работы, фотографии из архива редакции журнала «Подъём» и открытых источников.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е.С.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 8-903-858-64-13, производственный отдел — 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 8 (731). Подписано в печать 01.08.2025.

Дата выхода в свет: 22.08.2025.

Индекс 73312.

Тираж 998 экз.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,5 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

БУК ВО «Журнал «Подъём». Заказ № 1003. Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии: АО «Воронежская областная типография»: 394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а

Журнал «Подъём» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Воронежской области

Регистрационный номер ПИ № ТУ36-00661 от 29 июля 2024 г.

Учредитель: Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области «Журнал «Подъём»

Выходит при содействии Союза писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в АО «Воронежская областная типография».

А. Герасимов. Полевые цветы. 1956

Ближайшие публикации журнала «Подъём»

- **Страницы прозы:**
повесть Василия Килякова «Светлые дали Евсеича»,
рассказы Сергея Пылева, Александра Евсюкова,
Александра Мальцева
- **Новые стихотворения Виктора Брюховецкого,
Валентина Нервина, Сергея Луценко**
- **«Писатель и время»:** исследование литературоведа
Людмилы Воробьевой (Беларусь) «Последний
этого века...» – о жизни и творчестве поэта
Владимира Кострова
- **Очерк Надежды Роговской «Все началось
с Петрушки» – к 100-летию Воронежского
государственного театра кукол «Шут» имени
Валерия Вольховского**
- **Статьи, очерки, рецензии Галины Якуниной,
Владимира Спектора, Нины Тонких**